В. Г. Трухановский Бенджамин ДИЗРАЭЛИ

В. Г. Трухановский

Бенджамин Дизраэли или История одной невероятной карьеры

«НАУКА»

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Каким образом в столь фанатично приверженной консервативным традициям стране, как Англия, смог достичь высшей власти безвестный выскочка, инородец, не имевший ни денег, ни связей, ни университетского образования, не окончивший даже средней школы? Он потерпел крушение как бизнесмен, у него была сложная личная жизнь и множество завистников и врагов, однако ему удалось, правда не всегда праведными путями, преодолеть все препятствия и стать самым выдающимся премьер-министром Великобритании XIX века.

Для широкого круга читателей.

- В. Г. Трухановский
  - ○
  - ○ ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
    - ■
    - ■ ПРОИСХОЖДЕНИЕ — ТРУДНЕЙШЕЕ ПРЕПЯТСТВИЕ
    - ■ «ЧАС АВАНТЮР НАСТАЛ»
    - ■ «ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ ДОНЖУАН»
    - ■ БОЛЬШОЙ ВОЯЖ
    - ■ КОНЕЦ МЕТАНИЯМ
    - ■ АРЕНА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДИЗРАЭЛИ — АНГЛИЯ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА
    - ■ НЕПРОСТО БЫЛО СТАТЬ ЧЛЕНОМ ПАРЛАМЕНТА
    - ■ ЛЮБОВЬ И ДЕНЬГИ
    - ■ ВИКТОРИЯ СТАНОВИТСЯ КОРОЛЕВОЙ
    - ■ НАКОНЕЦ ДИЗРАЭЛИ — ЧЛЕН ПАРЛАМЕНТА
  - ○ ЧАСТЬ ВТОРАЯ
    - ■
    - ■ ПАРЛАМЕНТ И СЕМЬЯ
    - ■ «МОЛОДАЯ АНГЛИЯ»
    - ■ ЗИМА 1842/43 ГОДА В ПАРИЖЕ
    - ■ ПОЛИТИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ РОМАНЫ
    - ■ ДИЗРАЭЛИ СВЕРГАЕТ ПИЛЯ
    - ■ РАДОСТЬ ПОБЕДЫ И ГОРЕЧЬ РАЗОЧАРОВАНИЯ
    - ■ «ДУША УБЫВАЕТ»
    - ■ «БАЛАНС СИЛ» И ДИЗРАЭЛИ
    - ■ РУСОФОБИЯ В АНГЛИИ
    - ■ И В ОППОЗИЦИИ, И В ПРАВИТЕЛЬСТВЕ
    - ■ ДИЗРАЭЛИ И ВИКТОРИЯ — СТАНОВЛЕНИЕ

ОТНОШЕНИЙ
- «ЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ» В РОССИЙСКО-АНГЛИЙСКИХ ОТНОШЕНИЯХ
- ЛИЧНАЯ СЕКРЕТНАЯ СЛУЖБА ДИЗРАЭЛИ
- ДЕЛА ЛИЧНЫЕ
- ВТОРОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО ДЕРБИ — ДИЗРАЭЛИ
- ОЧЕРЕДНАЯ ОППОЗИЦИЯ: 1859–1867 ГОДЫ
- РЕФОРМА 1867 ГОДА
- ПРЕМЬЕР НА ЧАС

○ ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
-
- 1868–1874 ГОДЫ:
- ЭТОТ МЕНЯЮЩИЙСЯ МИР
- «ПРОГРЕССИВНЫЙ КОНСЕРВАТИЗМ» В ДЕЙСТВИИ
- ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ ДИЗРАЭЛИ
- СУЭЦКИЙ КАНАЛ — ПЕРВЫЙ ШАГ ДИЗРАЭЛИ В «ВОСТОЧНОМ ВОПРОСЕ»
- ВОССТАНИЕ БАЛКАНСКИХ СЛАВЯН И ПОЗИЦИЯ ЛОНДОНА
- РУССКО-ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА 1877–1878 ГОДОВ
- БЕРЛИНСКИЙ КОНГРЕСС
- ДИЗРАЭЛИ И ВИКТОРИЯ
- ДИЗРАЭЛИ ПЫТАЕТСЯ ЗАВОЕВАТЬ АФГАНИСТАН
- ВОЙНА ПРОТИВ ЗУЛУСОВ
- ВЫБОРЫ 1880 ГОДА. КОНЕЦ ВЛАСТИ
- НЕОТВРАТИМОСТЬ НЕИЗБЕЖНОГО

○ ЛИТЕРАТУРА

• notes
- ○ 1
- ○ 2
- ○ 3
- ○ 4
- ○ 5
- ○ 6
- ○ 7
- ○ 8
- ○ 9

В. Г. Трухановский
Бенджамин Дизраэли
или
История одной невероятной карьеры

Посвящается Наталье Георгиевне Думовой-Трухановской

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ПОИСКИ СЕБЯ

В светской жизни Лондона в летний сезон 1834 г. видную роль играли три внучки известного английского драматурга и политического деятеля Ричарда Шеридана, автора современной и сегодня пьесы «Школа злословия». Миссис Нортон, Элен Блэквуд и леди Сеймур были очаровательны, сочетая красивую внешность с умом и обаянием. Салон Каролины Нортон привлекал не самую высокую аристократию, но все же людей высшего света, включая крупных политиков и государственных деятелей.

У Каролины Нортон частым гостем бывал молодой человек, привлекавший внимание экстравагантной внешностью. Этот денди, вызывающе модный франт, подвизающийся на подступах к большому свету, одевался на грани комического. Современники рассказывали, что он мог появиться в избранном обществе в бархатном, широко распахнутом пиджаке весьма оригинального покроя, с кружевными гофрированными манжетами на рукавах, воротник рубашки раскрыт «а-ля Байрон», жилет отделан замысловатой — вышивкой, с многочисленными пышными складками и оборочками, на туфлях — большие красные розетки. В довершение всего грудь украшали массивные золотые цепи. Оливкового цвета лицо с правильными, чуть удлиненными чертами, несколько выдающийся нос восточного типа совсем не портил его. Напомаженные, тщательно завитые черные волосы ниспадали локонами на плечи.

Поначалу этого экстравагантного денди можно было принять за не знающего чувства меры пустого светского франта. Однако остроумие, эрудиция, оригинальность ума предостерегали от такого суждения. Проницательные наблюдатели быстро приходили к мысли, что у молодого человека костюм и манера держаться — это напускное, это средство привлечь к себе внимание общества, поза, которую он принимает с определенной целью.

Таков был Бенджамин Дизраэли в свои тридцать лет.

В различных домах Дизраэли встречался со знаменитыми людьми тех дней. Он упорно искал таких встреч и преуспел в завязывании важных и нужных знакомств. Среди тех, с кем он беседовал в великосветских салонах, были герцог Веллингтон, победитель Наполеона при Ватерлоо, пользовавшийся не только славой национального героя, но и большим влиянием в политических кругах, лорд Хертфорд и О'Коннел — известные

политические деятели. Часто удавалось ему знакомиться с министрами правительства, действовавшими, бывшими и будущими. В Опере его видели в ложах герцогинь.

Дизраэли производил на своих знакомых из этих кругов сильное впечатление не столько внешностью, сколько необычайностью и оригинальностью суждений о современной политике, истории, литературе, религии. Однажды в доме Каролины Нортон он удивил уже давно ничему не удивлявшегося лорда Мельбурна. Это был влиятельнейший человек. В июле 1834 г., когда произошла встреча, лорд Мельбурн был министром внутренних дел в либеральном правительстве лорда Грея. Вскоре он сам стал премьер-министром, а затем весьма близким доверенным лицом юной королевы Виктории.

Однажды после обеда (в Англии обеды по времени соответствуют нашим поздним ужинам) Каролина Нортон представила молодого человека лорду Мельбурну. Почтенный лорд был многоопытен, прекрасно разбирался в людях, верно оценивал их с первого взгляда. Дизраэли его сразу же заинтересовал ясным, логичным языком, которым он выражал свои мысли. А мысли были неординарны, оригинальны. Мельбурн про себя размышлял: «Вероятно, это перспективный молодой человек, ему следовало бы оказать содействие в политической карьере, из него мог бы получиться неплохой личный секретарь». Неожиданно лорд Мельбурн спросил Дизраэли:

— Ну а теперь скажите мне, кем бы вы хотели стать?

Ответ был быстрым и ошарашил Мельбурна:

— Я хочу быть премьер-министром Англии.

Такое граничащее с дерзостью самонадеянное заявление молодого человека, не являвшегося даже членом парламента, заявление, сделанное вполне серьезно, могло вызвать негативную реакцию маститого политика. Но этого не случилось. То ли лорд Мельбурн был в хорошем расположении духа, то ли Дизраэли ему понравился, но он, вздохнув, стал серьезно объяснять нереальность таких замыслов:

— Нет никаких шансов на это в наше время. Все организовано и решено.

Высказав свои соображения о том, какие лица будут поочередно занимать пост премьер-министра в будущем, лорд Мельбурн посоветовал:

— Вы должны выбросить из головы эту глупую идею.

Дизраэли в молодости

Одновременно он рекомендовал молодому человеку действовать осторожно. Лишь тогда благодаря своим способностям и предприимчивости он сможет чего-либо добиться в политике. Но «что-либо» Дизраэли явно не устраивало. Говоря о намерении стать премьер-министром Англии, он отнюдь не шутил. Ему нужна была власть, и власть самая большая, как бы нереально, несерьезно и, возможно, даже смешно ни выглядела

тогда такая претензия. Мнение лорда Мельбурна не произвело должного впечатления и не поколебало решимости Дизраэли добиваться своей цели.

Он об этом неоднократно заявлял публично. Осталось свидетельство современника, относящееся к тому же, 1834 г. Однажды во время горячего спора по какому-то политическому вопросу Дизраэли в крайнем возбуждении заявил своим собеседникам:

— Когда я буду премьер-министром, я сделаю то-то и то-то.

Эта декларация была встречена дружным смехом. Дизраэли, возбужденно шагавший по комнате, подошел к камину, ударил что было силы по каминной доске и крикнул:

— Смейтесь сколько угодно, но я все равно стану премьер-министром!

Рассказ об этом случае долго переходил из уст в уста.

Шли годы. Дизраэли действовал очень активно на политической арене, и лорд Мельбурн незадолго до своей кончины в 1848 г. сказал:

— Ей-богу, этот парень все-таки добьется своего.

Кто же такой Бенджамин Дизраэли и какова была его поистине фантастическая карьера?

ПРОИСХОЖДЕНИЕ — ТРУДНЕЙШЕЕ ПРЕПЯТСТВИЕ

Бенджамин Дизраэли родился 21 декабря 1804 г. в Лондоне в богатой буржуазной семье довольно известного литератора Д'Израэли, предки и родственники которого на протяжении многих десятилетий занимались финансовыми операциями и обладали крупными состояниями.

Недостатка в материалах о предках Дизраэли нет. Вопрос тщательно исследован рядом историков, и, как это часто бывает, усиленный интерес к проблеме порождает обилие версий. Автор ряда томов официальной биографии Дизраэли, насытивший свое исследование огромной массой документального материала, Уильям Монипенни начинает главу о предках своего героя несколько странным на первый взгляд утверждением: «То, что прославленный человек думает о своих дальних предках и их происхождении, часто более важно, чем сухая, буквальная правда». Далее автор приводит обширный текст, написанный самим Дизраэли, предваряющий вышедший в свет в 1849 г. сборник трудов его отца.

Версия происхождения Дизраэли, изложенная им самим, была принята рядом авторов, в том числе, например, и Дж. Фродом, опубликовавшим в 1890 г. биографию Дизраэли тиражом всего в 250 экземпляров, причем каждый экземпляр имел индивидуальный номер. По мере того как шло время и, по выражению англичан, «оседала пыль», дотошные авторы проверили факты и не согласились с рядом утверждений Дизраэли, касавшихся его предков. Монипенни назвал версию Дизраэли «генеалогической легендой». Это мнение разделяет и автор наиболее фундаментальной из научных биографий нашего героя Роберт Блэйк.

Рассказ Дизраэли преследует цель доказать, что его предки были аристократами высокого ранга. К концу XVII в. в Лондоне образовалась колония евреев — выходцев в основном из Испании и Португалии. Это были не только в значительной части богатые люди, сумевшие вопреки превратностям судьбы сохранить свои деньги, но и знатные вельможи. Многие из них, жившие в Испании и Португалии в период владычества там мавров, породнились с местной знатью, получили дворянские титулы и в Англии держались с соответствующим высокомерием. В их числе историки называют семьи Вилла-Реаль, Медина, Лара и ряд других.

Легенда о принадлежности к подобному семейству нужна была Дизраэли для того, чтобы ощущать себя аристократом с древнейшими корнями, равным по происхождению самым родовитым фамилиям Англии. Здесь и объяснение приведенной выше фразы Монипенни. Дизраэли чувствовал себя таким, хотел быть таким, какими он рисовал своих предков.

Но «сухая правда», какой она предстала перед исследователями, состоит в том, что его предки переселились в Италию не из Испании или Португалии, а из Леванта. И никаких следов аристократизма у этих левантийцев не установлено.

Дизраэли утверждал, что во время изгнания евреев из Испании в 1492 г. его предки направились в Венецию и на протяжении двух столетий процветали как купцы в этой торговой республике «под охраной льва Святого Марка». Лев и до сих пор стоит на краю площади Святого Марка, но тщательные изыскания историков показали, что имя Дизраэли «незнакомо венецианским архивам». Более того, было установлено, что дед Дизраэли прибыл в Англию не из Венеции, а из Ченто, близ Феррары, которая находилась во владениях папы римского. Все это Дизраэли мог бы легко установить из сохранившихся бумаг своей семьи. Венецианская версия, замечает Блэйк, «была порождена воображением Дизраэли». Вероятно, ему импонировала связь с венецианской аристократией, на которую он неоднократно ссылался впоследствии.

Наконец, о фамилии. Дизраэли утверждал, что, добравшись из Испании до Венеции, его предки отказались от своей готской фамилии и в знак благодарности спасшему их Господу взяли имя Израэли, символизировавшее их национальную принадлежность, причем подобной фамилии ни ранее, ни впоследствии не было ни у одного человека. Биографы свидетельствуют, что и «эта версия в значительной степени мифическая». В действительности имя Израэли арабского происхождения, им пользовались мавры в Испании, а также жители Леванта, чтобы отличать тех евреев, которые вступали в контакт с местными жителями.

Такова фантастическая версия Дизраэли о своих предках, записанная им в возрасте 45 лет, и мнение его биографов на этот счет. Присущие Дизраэли бурная фантазия, буйное воображение, неодолимая тяга к высшим аристократическим кругам водили его пером, когда он писал введение к избранным трудам отца.

Достоверность начинается с его деда, тоже Бенджамина, эмигрировавшего в Англию из Италии в 1748 г. Дед нашего героя, Бенджамин Д'Израэли, родился в 1730 г. в Италии и в 18 лет отправился в Англию. Дело не в том, что ему нравился английский климат или образ жизни — Италия в этом отношении

была ему больше по душе. Семья смотрела в будущее, вычисляла возможные перспективы, которые сулила Англия, и молодой Бенджамин прибыл в эту страну, причем явно не с пустыми руками. Об этом говорит как то, что он сразу же смог заняться бизнесом, пусть не очень крупным, так и его женитьба в 1756 г. на девушке из очень богатой семьи. Через восемь лет жена умерла, и вскоре Д'Израэли женился вторично, на этот раз на дочери богатого купца из Сити, уроженца итальянского города Ливорно. Женитьба принесла ему солидные деньги в виде приданого и, что очень важно в деловой деятельности, устойчивый кредит. Он удачно действовал как биржевой маклер и оставил после своей кончины в 1816 г. солидное по тем временам наследство в 35 тыс. фунтов стерлингов.

Уже в семье деда обнаружилась тенденция, которая не могла не повлиять впоследствии на позицию отца и самого Бенджамина-младшего в очень важном вопросе для будущего политического деятеля. Бенджамин-старший был лояльным членом еврейской общины, объединявшей финансовую аристократию, делал регулярные взносы. Однако его жену Сару, женщину жесткого характера и твердой воли, по словам французского писателя-биографа Андре Моруа, «бесила мысль, что она родилась еврейкой и что фамилия ее мужа почти символична. Она была богата, красива и очень честолюбива. Всю жизнь Сару терзала мысль, что, родись она с этими данными христианкой, она занимала бы видное положение среди высшей аристократической прослойки лондонского света». Сара была одержима своеобразным комплексом неполноценности, чувствовала себя несправедливо наказанной судьбой и не скрывала своего презрения ко всему еврейскому.

Муж, старый Бенджамин, остро переживал этот своеобразный разлад в семье и, чтобы задобрить жену, старался не посещать синагогу, делал ей богатые подарки. Но это ее не смягчало. Недоброжелательное отношение Сары распространялось и на ее сына, и на внуков. Бенджамин-младший чувствовал, что бабушка не любит его и других внуков и относится к ним с плохо скрытой ненавистью. Много лет спустя он, вообще очень редко вспоминавший бабушку, как будто ее не существовало, рассказывал, какой тягостной процедурой были еженедельные воскресные походы внуков к бабушке: «она не заботилась о том, чтобы дети могли приехать на общественном транспорте, не обнаруживала никакой доброты, даже не угощала чаем и не давала денежной мелочи на карманные расходы — ничего». Вероятно, в силу характерной для Дизраэли склонности к преувеличениям он в старости называл в разговорах с

доверенными людьми бабушку «демоном». Приверженец эффектных образов, Дизраэли утверждал, что бабушка «может быть сравнена только с Сарой, герцогиней Мальборо, Френсис Анной, маркизой Лондондерри и, возможно, с Екатериной из России». Здесь он явно перехватил, отбирая для сравнения женщин, вошедших в историю благодаря сильной воле и уму. Это сравнение далеко от истины, но оно дает представление о том, как относился к своей бабушке и что думал о ней Бенджамин-младший.

В роду Д'Израэли многие были долгожителями. Как замечает Андре Моруа, «дедушка Д'Израэли умер, сумев, несмотря на отвратительную жену и не оправдавшего его ожиданий сына, сохранить до девяноста лет свою солнечную жизнерадостность». Единственный ребенок Бенджамина и Сары — сын Исаак — родился в 1766 г. Родители считали, что с сыном им очень не повезло. Он приносил им сплошные огорчения. Семья владела значительным состоянием, дела шли успешно, и, естественно, большие надежды возлагались на сына, который со временем возьмет дело в свои руки, увеличит еще больше состояние и прославит фирму. В общем, им требовался умный, смелый, ловкий и энергичный наследник-бизнесмен.

Но уже с колыбели стало ясно, что природа наделила Исаака прямо противоположными качествами. Он рос бледным тихим ребенком, с огромными мечтательными карими глазами, длинными, ниспадающими волосами. Весь его вид и поведение резко контрастировали с полной энергии и удовольствий жизнью, бившей ключом в доме. Было ясно, что он сотворен из другого теста, чем его родители и их друзья, — робкий, чувствительный, постоянно погруженный в какие-то мечты, любящий одиночество. Для него лучшим компаньоном и собеседником являлись книги.

По мере того как эти черты характера ребенка определялись и закреплялись, росли раздражение и неприязнь к нему со стороны родителей. Отец был человеком мягким и старался скрывать свое отношение, хотя в душе нарастала тревога — как же такой сын сможет взять в свои руки семейную фирму?

У матери был другой характер. К долговременному, уже на всю жизнь, недовольству и отчаянию из-за неприемлемой для нее собственной национальности прибавился еще совершенно несуразный сын, явный недотепа. Ей было чуждо проявление хотя бы тени нежности к своему ребенку. Мало того, она изливала на него крайнее раздражение. Это, естественно, имело обратное действие — мальчик все больше и больше уходил в себя. Когда сын подрос, его отдали в школу, чтобы он хотя бы днем не раздражал родителей. Но вечером он возвращался домой. В

довершение всего Исаак однажды написал стихи. И отец серьезно забеспокоился. Для него это было намного большее горе, чем если бы он потерял в море большое торговое судно с товарами.

Нужно было что-то срочно предпринимать. И впечатлительного юношу устроили на службу в торговую контору в Голландии. Там его держали несколько лет, не разрешая появляться дома в Лондоне. Отец навещал его крайне редко. Родители надеялись, что такие условия заставят сына образумиться и взяться за серьезное дело. Возможно, при других обстоятельствах этот метод и дал бы желаемые результаты — если бы семья была небогата и Исаак знал, что ему придется зарабатывать хлеб насущный собственными руками и головой. Но он понимал, что является единственным ребенком и наследником богатых родителей, так что вопрос о хлебе насущном ни сейчас, ни в будущем его не беспокоил. Поэтому вместо изучения коммерческой документации и торгового дела он погрузился в чтение Вольтера, Руссо и других авторов. Причем все, что касалось литературы, он делал углубленно и основательно.

Наконец Исааку было разрешено приехать домой. Он рисовал в мечтах нежную встречу с матерью, сопровождающуюся объятиями, слезами. Однако когда мать увидела человека странной внешности, изможденного, с возбужденными, нервными движениями, длинноволосого, в неуклюжем, далеко не модном костюме, то разразилась громким смехом. Вскоре обстановка в доме стала такой, будто случилось большое несчастье.

Отец старался смягчить ситуацию. Как обычно в таких случаях, он пытался втолковать сыну, что родители желают только одного — сделать его счастливым, и просил попробовать вновь заняться бизнесом, на этот раз во Франции, в Бордо. В ответ сын робко заметил отцу, что он написал поэму, направленную против торговли, «которая представляет собой не что иное, как разложение человека». Это был еще один удар по мечтам и планам родителей. Он сделал их глубоко несчастными.

Нужно было принимать важное решение. Держать Исаака дома с такими настроениями, которые показывали, что он, видимо, окончательно наметил для себя путь в жизни, отрицающий все, что было самым важным и главным для отца и матери, стало не просто бесполезно, но и невозможно. И сына отпустили во Францию, с тем чтобы он там занимался, чем ему угодно. На надеждах сделать из него коммерсанта поставили крест.

Исаак уехал в Париж, работал там в библиотеках, завязал знакомства в литературных кругах. Вскоре его начали тревожить нараставшие революционные события во Франции, и он вернулся

в Англию, подальше от опасности. Теперь он целиком посвятил себя литературным занятиям. Днем работал с завидной регулярностью в библиотеке Британского музея, посещал лавки букинистов и охотился за редкими и интересными книгами, а по вечерам занимался в своей обширной библиотеке, богатой ценными книгами. Иногда в доме собирались литераторы, политики, велись интересные разговоры. В 1791 г. Исаак опубликовал «Курьезы литературы». Книга выдержала несколько изданий. Это привлекло к нему внимание Джорджа Байрона, великого английского поэта. Они встречались и ценили друг друга, каждый по-своему. Байрон говорил, что Исаак Д'Израэли понял его: «Я был молод и дерзок и, вероятно, написал кое-что, совсем не думая, что эти мои замечания сделает известными автор, чьи способности я всегда уважал и чьи труды я читал, вероятно, чаще, чем произведения каких бы то ни было других английских писателей…» Американский автор Б. Жермен, исследовавший ранние годы младшего Бенджамина, замечает: «Если Исаак Д'Израэли сумел проникнуть в сложную сущность натуры Байрона, то, естественно, возникает вопрос, насколько хорошо он понимал сына, бывшего его правой рукой, который так походил на Байрона во многих отношениях». Впоследствии Бенджамин-младший скажет, что его отец «никогда как следует не понимал его». Исаак был умным, проницательным человеком и, безусловно, понимал сына лучше, чем тому казалось, хотя и не представлял, как сложится его жизненный путь. Вероятно, это замечание Бенджамина можно расценить как свидетельство того, что у отца с сыном не было духовной близости.

Литературные занятия Исаака были весьма плодотворны и многообразны. Он писал сатиру и стихи. Есть свидетельства, что его стихи читал и ценил Вальтер Скотт. Пробовал он свое перо и на романах и рассказах. Однако большую популярность и определенное место в истории английской литературы обеспечило Исааку Д'Израэли необычное произведение «Курьезы литературы». Это была увлекательная антология занимательных историй из жизни литераторов — краткие рассказы о них. К этому добавлялись интересные замечания по истории литературы. Все это излагалось в изящном, элегантном стиле. Популярность книги была велика: первый том выдержал 12 изданий, за ним последовало еще пять томов, последний из них увидел свет в 1834 г.

В первой половине XIX в. литературные круги Англии пристально следили за развитием политических событий в стране. Время было бурным. Общество, собиравшееся у Исаака или у друзей, которых он посещал, испытывало крайнюю

озабоченность положением в стране. Кроме литераторов у него бывали крупные политики и государственные деятели, хотя и не самые верхи правительства, не руководители оппозиции, несколько меньшие фигуры, но такие, как заместители министров и известные члены парламента. Политика и слухи вокруг нее являлись главной темой разговоров в гостиной. Исаака эта тема совершенно не интересовала. Его безразличное отношение к политическим делам было настолько очевидным, что это отмечают все мемуаристы и биографы. Некоторые, правда, констатируют, что симпатии его были на стороне тори — консерваторов, хотя он избегал демонстрировать это.

Исаак был женат на Марии из богатой семьи Басеви, имевшей родственные связи с некоторыми аристократическими фамилиями, корни которых прослеживались в средневековой Испании и Португалии. Непонятно, как и почему Бенджамин-младший в поисках своего аристократического происхождения совершенно не уделил внимания этой родственной линии, которая могла бы дать ему кое-какие аргументы в пользу его притязаний. Мария была скромной женщиной, «не поражала мир своим интеллектом», как выразился Жермен, но была самоотверженной, заботливой женой и матерью. Исаак препоручил ее заботам ведение всех дел по дому и семье, посвятив себя исключительно любимым занятиям. И она хорошо вела эти дела. Матерью Бенджамин в конечном итоге был недоволен, полагая, что она оказывала ему недостаточно любви и нежности. Вряд ли это было так. Просто ему всегда хотелось большего, чем могла дать жизнь. Тем более что кроме него были еще дети. Двумя годами старше Бенджамина — дочь Сара, родившаяся 29 декабря 1802 г. Затем родились три сына: в 1807 г. — Нафтали, умерший в младенчестве, в 1809-м — Ральф и в 1813 г. — Джеймс. Младшие братья были заурядными людьми. Сестра отличалась острым умом, о чем свидетельствуют ее многочисленные письма. По существу всю свою жизнь она посвятила заботе об отце и брате Бенджамине. Это была самоотверженная женщина, считавшая своим долгом служить близким. Она находила несправедливым, что Бенджамин был равнодушно-пренебрежителен к матери. Когда она прочла очерк, написанный в 1849 г. Бенджамином об отце, ее поразило полное отсутствие упоминаний о матери. Она посетовала ему, что у него нет «ни одного нежного слова» о матери. Сама Сара очень много сделала в жизни для Бенджамина, но в ответ получила спокойное равнодушие. Это дало основание одному из авторов заметить: «Са (т. е. Сара), как и ее мать, отдала свою жизнь ему и их отцу. Самое лучшее, что он смог сделать для сестры, — это посвятить

ей один из своих худших романов». Все это свидетельствует о том, что Бенджамин никого в своей семье не любил.

1817 год отмечен важными событиями в жизни всей семьи Д'Израэли. В конце предшествующего года скончался дедушка — старший Бенджамин. Его состояние унаследовал Исаак. Семья стала намного богаче. Это проявилось прежде всего в том, что сменили дом. Новый дом был более просторным, престижным, расположен в прекрасном районе города, по существу рядом с Британским музеем, что было очень удобно для литературных занятий Исаака.

Кончина отца открыла для Исаака возможность решить вопрос, долго мучивший его самого, жену и мать. Англия тех дней, хотя уже и тогда претендовавшая на роль лидера среди свободных государств, в действительности придерживалась жесткой дискриминации в области религиозных убеждений. Не только евреи, но и католики и диссиденты подвергались ограничениям в различных сферах жизни. В семье было ясно, что принадлежность к иудейской религии резко ограничивает возможности детям сделать карьеру. Снять это препятствие в значительной мере можно было переводом детей в лоно англиканской церкви.

Уход из жизни правоверного Бенджамина открыл такую возможность. Бабушка всю жизнь тяготилась своей национальностью, жена Исаака и дети были также за переход в христианство. Сам Исаак придерживался весьма свободных взглядов на религию. Он не верил ни в иудейского, ни в христианского, ни в магометанского бога, хотя и вносил определенный взнос в синагогу, не желая создавать конфликтной ситуации. Как раз к этому времени старейшины общины избрали его на один общественный пост. Он категорически отказался. Тогда его оштрафовали на 40 фунтов стерлингов; штраф он не намерен был платить. После кончины отца Исаак официально порвал с иудейской религией и не присоединился ни к какой другой. В таком же положении была и его жена.

Друзья дома убеждали Исаака, что детей нужно крестить и тем самым расчистить для них дорогу в жизни. Ссылались на исторические прецеденты, на пример испанских евреев, которые не останавливались перед тем, чтобы принять веру местного населения и вступать с ним в родственные отношения. Так предки породнились со знатными кастильскими фамилиями. В результате некоторые из них смогли достичь самых высоких постов в государстве и даже в католической церкви. 2 июля 1817 г. историк Шарон Тернер в конце концов убедил Исаака, и они вместе с тринадцатилетним Бенджамином отправились в

церковь Святого Андрея, где Бенджамин и был крещен. Крестным отцом был Тернер. Отныне религиозная принадлежность Бенджамина — англиканская церковь. Этот акт имел очень большое значение для будущей судьбы мальчика.

Существует рассказ самого Бенджамина об этом событии, относящийся к более позднему времени. Он утверждает, что все дети были крещены в один день. В действительности же двое его братьев крестились ранее, а сестра — позже. Эти детали несущественны, однако они красноречиво свидетельствуют, сколь осторожно и критически необходимо относиться исследователю к документам и фактам, исходящим даже из первых рук. Блэйк называет упомянутый рассказ Бенджамина о его крестинах «неправильным», а Монипенни замечает, что, «как многие автобиографические воспоминания, он неточен в деталях».

Второй, и далеко не простой, проблемой, занимавшей родителей, был вопрос о том, какое образование дать Бенджамину. То, что он растет способным и одновременно избалованным, весьма активным ребенком, было ясно.

Родители, естественно, присматривались к ребенку и задавали друг другу обычный для всех семей вопрос: что из него получится, кем он станет, когда вырастет? Думали, конечно, о политической карьере, но черты характера Бенджамина явно не предвещали успеха на этом поприще, ибо, как заявил отец, «он никогда не лжет».

Бенджамина отдали в школу, когда ему было шесть лет. Обстоятельно обсуждался вопрос о выборе школы. Семья имела достаточно денег, чтобы поместить его в одну из самых фешенебельных, но это сделать было нельзя. Как замечает Фрод, «английские ребята были грубые и предубежденные, и у еврейского парня была бы трудная жизнь в их среде. Ни один из друзей Исаака Д'Израэли, кто знал, какими в то время были английские закрытые средние школы для мальчиков, не посоветовал бы ему обречь своего сына на грубое обращение, которому он подвергся бы в Итоне или Винчестере». Поэтому было решено отдать Бенджамина в небольшую частную школу.

Мальчик дома рос среди книг, слышал интересные беседы о литературе, приобрел навыки быстрого чтения и усвоения прочитанного — весьма ценные качества. В школе он был добр к товарищам, особенно к тем, кто был слабее. Любил вдвоем читать книгу и всегда терпеливо ожидал, пока его партнер доберется до конца страницы. Был активен в играх и всегда стремился быть первым. Не чужды ему были и такие веками держащиеся в школах нравы, как стремление обмениваться вещами и перепродавать их товарищам.

После перехода в христианство Бенджамин был помещен в школу некоего д-ра Когана в Уолтэмстоу. 70 учеников настороженно встретили новичка с необычной внешностью. Ожидая подвоха и неприязненных действий, Бенджамин держался в постоянной готовности к отпору. Он уже по собственному опыту и внемля разговорам дома знал о том, с какими школьными нравами он здесь встретится. Современник Дизраэли, выдающийся английский мыслитель Томас Карлейль в философском романе «Сартор Резартус» описывает преследования в гимназии мальчика компанией себялюбивых и жестоких сверстников, которые «повиновались импульсу грубой природы, заставляющей стадо оленей набрасываться на раненого сородича, а стадо уток — убивать своего брата или сестру, сломавших крыло». Карлейль отмечал позднее в воспоминаниях, что в этом романе он не сказал и половины того, что ему самому пришлось перенести от этих «грубых, неуправляемых и жестоких зверенышей». Эти свидетельства честного и реалистически мыслящего автора, между прочим, говорят о том, что жестокие нравы в школах отнюдь не являются исключительным достижением цивилизации XX в.

Будучи сильным, смелым и гордым юношей, Бенджамин отнюдь не намерен был склонять голову перед агрессивными соучениками. Чтобы постоять за себя, он на протяжении трех лет в глубокой тайне тренировал свои мышцы и осваивал приемы бокса.

Человеческой натуре свойственно стремление к превосходству. Особенно оно проявляется в детском и юношеском возрасте, когда сильные подчиняют себе более слабых. Эта тенденция в школе преподобного Когана получала дополнительный стимул. Там почти все внимание уделялось изучению греческого языка и латыни, а это означало освоение текстов, в которых речь шла почти исключительно о героизме, героических делах, героях, великих людях. Дома у Бенджамина также много говорилось на эти темы. Это был период романтизма в литературной, идеологической жизни Англии. Джордж Байрон был еще жив, и его слава гремела в стране и за ее пределами. В глазах английской интеллектуальной молодежи Байрон был велик и вызывал стремление к подражанию. Таков был психологический микроклимат, в котором развивалось стремление Бенджамина во всем быть первым, зарождались мечты о достижении великих целей.

В школе преподобного Когана, нонконформиста, Бенджамин пробыл сравнительно недолго. Сам он впоследствии утверждал, что «оставался там на протяжении четырех лет и был вполне

подготовлен, чтобы пойти в университет». В этой связи Монипенни замечает, что «сведения, которые сообщает Дизраэли о ранних годах своей жизни в отрывках автобиографии, в письмах, заметках, разговорах, дошедших до нас, нелегко согласовать». Действительно, эти сведения (как многие, исходящие от Дизраэли) неточны, противоречивы. Биографы, проводившие соответствующие исследования, приходят к выводу, что Бенджамин пробыл в школе Когана не более двух-трех лет, вероятнее всего с тринадцати до пятнадцати лет.

Подготовка Бенджамина не соответствовала знаниям учеников, в среду которых он вошел. Они сообразно уклону преподавания, принятому в школе, были сильны в знании греческого и латыни. Бенджамин явно отставал от них. Но когда приходилось писать сочинения, здесь его преимущество было бесспорным. Сочинения отражали широту его кругозора, богатство мысли, более совершенную форму изложения, чем у других учеников. Это, конечно, свидетельствовало о природной остроте ума и воздействии психологической обстановки, царившей дома благодаря интеллектуальным занятиям отца. Слабость подготовки в области мертвых языков (в конце концов латынь он освоил лучше, чем греческий) сказывалась на протяжении многих лет.

Высказывания Бенджамина как в сочинениях, так и в разговорах привлекали его товарищей обилием интересных мыслей. К тому же он пробовал писать стихи, что не все умели. И в спорте его успехи были заметны. В результате он приобрел положение лидера среди соучеников. Но всякая медаль имеет и обратную сторону. Как справедливо замечает Фрод, «превосходство порождает зависть». А от себя мы можем добавить, что всякая зависть неотвратимо вызывает ненависть. «Мальчишки, — продолжает Фрод, — никогда не прощают товарищу того, что он не похож на них». К сожалению, приходится констатировать, что формула «зависть — ненависть» продолжает действовать и в зрелом возрасте, принимая иные, весьма разнообразные формы, и отравлять существование многим людям. Особенно действует эта негативная черта человеческой натуры в интеллектуальной сфере.

Энергия Бенджамина искала выхода. Преподавание его не удовлетворяло. Нужно было заучивать слова, выражения. Ему это было неинтересно, ему хотелось мыслей, соображений, идей, рассуждений. Их он находил в книгах.

Всякий большой государственный деятель в той или иной степени актер, ведь ему надо иметь дело с массами и в его интересах представать перед ними в выгодном виде. Актерские

способности Бенджамин обнаружил уже в школьные годы. Он набрал группу товарищей единомышленников и организовал нечто вроде неофициального школьного, как мы сказали бы сегодня, самодеятельного театра. В разучиваемых представлениях он был и режиссером, и актером, причем неизменно на героических ролях.

Растущая популярность Бенджамина умножала число его друзей и одновременно рождала новых врагов. В школе Когана существовал порядок: ученики старших классов были надзирателями в младших и средних классах; их авторитет и власть там были абсолютными. И вот вызов этому порядку был брошен Бенджамином, пользующимся положением неформального лидера среди сверстников. Конфликт не мог не возникнуть и не привести к скандалу. Надзиратели рассказали пребывавшему в неведении Когану о существовании самодеятельного театра и о том, что Бенджамин нарушил традиции школы, организовав ученическую труппу. Владелец школы был возмущен тем, что подобные вещи в его владениях творятся без его ведома и согласия, и заявил, что так нарушать традиции и порядок школы могут только чуждые ей по духу ученики.

Имя Дизраэли Коган не назвал, но все знали, кто имелся в виду, и надзиратели начали преследование виновного, с тем чтобы подчинить его своей воле. Бенджамин понял, что дело идет к решительному столкновению, которое в среде мальчишек-школьников могло быть не чем иным, как большой дракой. Он подтянулся, напрягся и психологически и физически готовился себя защитить. Вскоре случай представился. Когда среди толпы учеников его задели и Бенджамин спросил, кто это сделал, то самый старший и сильный из надзирателей, намного выше и массивнее Бенджамина, заявил, что это он. В ответ Бенджамин в полную силу ударил его прямо в лицо. Началась отчаянная драка, появилась кровь. Казалось, победу одержит более мощный и сильный старший ученик над выглядевшим явно слабее его Бенджамином. Но вскоре пораженные ученики увидели, что надзиратель свалился на пол, окровавленный и теряя сознание. Полная победа была за Дизраэли. Это был убедительный результат трехлетних занятий боксом и свидетельство того, как полезно и важно любому владеть средствами и приемами самообороны. Победа в мальчишеской драке потрясла режим и порядок, существовавший в школе, и преподобный Коган потребовал от отца Бенджамина, чтобы его сын немедленно покинул школу. На том и закончилось школьное образование будущего премьер-министра Англии.

Успехами в постижении наук в школе Когана Бенджамин не мог похвастать. На этот счет есть его собственные, весьма самокритичные высказывания. Он продвинулся в изучении школьных дисциплин меньше, чем другие ученики его возраста, — «никогда не мог добраться до первого (самого старшего. — *В. Т.*) класса». Правда, это сумел осуществить лишь один ученик — Страттон. Далее не без иронии Дизраэли замечает, что этот юноша учился затем в Тринити-колледже в Кембридже, постиг там все, что было нужно, но «впоследствии я ничего о нем не слышал», т. е. он не сделал ничего заметного в жизни. Здесь нам представляется уместным отступление: опыт показывает, что первые, самые лучшие ученики и студенты в дальнейшей жизни нередко добиваются меньшего успеха, чем «середняки», обладающие трудолюбием, волей, настойчивостью в достижении поставленной цели. Почему так происходит в реальной жизни, вероятно, смогут разобраться педагоги и психологи. Во всяком случае, этот парадокс характерен для образования Дизраэли. «Я никогда не добрался до первого класса и не выделялся во втором. Я в те годы изучал или скорее читал очень много». Прочел многих древнегреческих и римских авторов.

Сама по себе мальчишеская драка в школе — событие частое и заурядное. Подобные инциденты происходили всегда, и вряд ли на этом событии следовало останавливаться в жизнеописании Дизраэли, если бы оно не стало важным поворотным моментом в его жизни. Покинув школу Когана, Дизраэли прекратил попытки получить нормальное, систематическое образование. С шестнадцати лет у него начался этап упорного, настойчивого самообразования. Он хотел познать мир, разобраться, как он возник и развился, понять, что такое человек и чем диктуются его поступки. Это не было отвлеченной жаждой знаний. Знания требовались юноше, чтобы решить, какой путь избрать в жизни, что делать и кем стать.

Условия для самообразования были идеальные — библиотека отца насчитывала 25 тыс. томов. Это были лучшие из существовавших книг, причем они тематически отвечали интересам молодого человека, что объяснялось совпадением научных и познавательных интересов отца и сына.

Бенджамин работал со страстью, запоем, не отвлекаясь, по 12 часов в сутки. Так он преодолел недостатки школьного образования и существенно продвинулся вперед в освоении всех основных трудов, находившихся на вооружении наиболее образованных людей того времени. Он изучал древнегреческих и древнеримских авторов, корифеев эпохи Просвещения, мыслителей, идеологически и психологически подготовивших

Великую Французскую революцию. Она произошла совсем недавно, ее дыхание сильно чувствовалось во всем мире, и прежде всего в Англии, а долговременные последствия только-только намечались. Как ранее в школе, так и особенно сейчас, когда Бенджамин, нагрузившись книгами в библиотеке отца, уединялся в своей комнате, он проделывал сложную интеллектуальную работу — узнавал и усваивал фактический материал, рисовал в своем воображении величественную картину развития человечества и самостоятельно анализировал его, оценивал и делал свои выводы, не удовлетворяясь авторскими концепциями и оценками. Такое творческое восприятие лучших и многосторонних результатов выдающихся интеллектов ряда стран и народов заметно обогащало интеллект самого Бенджамина, формировало его идеологию, мировоззрение, вооружало знаниями и идеями, которые сыграли такую важную роль в его последующей деятельности.

Бенджамин говорил, что его чтение распространялось в основном на три области: историю, теологию и творения классиков. Есть основания полагать, что при этом преимущество отдавалось истории. Об этом свидетельствуют как будущие литературные произведения Бенджамина, в которых присутствуют элементы основательных исторических знаний (естественно, на уровне тогдашнего состояния этой науки), так и его политические концепции, сформулированные впоследствии. Сравнивая жизнь Дизраэли с судьбами выдающихся исторических фигур, нельзя не заметить знаменательные совпадения. Как и Бенджамин Дизраэли, Уинстон Черчилль, крупнейший английский деятель, действовавший через сто лет после Дизраэли, не получил даже законченного среднего образования, был далеко не первым учеником и затем чтением — самообразованием — приобрел большие знания в области, пользуясь сегодняшними терминами, общественных наук; он уделял при этом приоритетное внимание истории. Хорошее знание истории в самом широком ее объеме — необходимый и весьма важный элемент формирования личности крупных государственных деятелей.

Дизраэли познавал историю через жизнеописания выдающихся деятелей прошлого, считая такой метод наилучшим для постижения исторической истины. Вероятно, это следствие воздействия древних авторов, например таких, как Плутарх и другие, а также господствовавших в первой половине XIX в. в Англии идей романтизма. Такой подход приводил Дизраэли к некоторому методологическому перекосу: он преувеличивал роль героев в истории и, следовательно, недооценивал значение

народных масс. Производным от этого убеждения была особая любовь Бенджамина к историческим биографиям, жизнеописаниям выдающихся деятелей. В одном из его ранних романов, «Контарини Флеминг», говорится: «Не читайте книг по истории, ничего не читайте, кроме биографий, ибо только в них отражена жизнь без каких-либо теорий». Итак, познание истории прежде всего и исключительно через жизнеописания действовавших в ней выдающихся людей. Конечно, такие взгляды были присущи не одному Дизраэли. Примерно в то же время Томас Карлейль в книге «Сартор Резартус» напишет о значении биографий великих людей: «Биография по природе своей наиболее полезная и приятная из вещей, в особенности биография выдающихся личностей».

Интересно, что при всем этом Дизраэли довольно реалистически оценивал отношения между «великим людьми» и народными массами, что следует занести в его актив. Великие люди, говорил он, — «это люди огромной энергии, неудержимой воли, которые рассматривают подобные себе человеческие создания просто как инструменты, при помощи которых они могут построить пьедестал для своего исключительного памятника».

Изучая историю, становление различных идеологий, схоластику, литературу, Дизраэли все это подчинял изучению политики. Американский автор Хаскет Пирсон замечает, что в эти два года, посвященные Бенджамином упорному самообразованию, «ему большее удовольствие, чем что-либо иное, доставляло изучение политики». За короткий срок Бенджамин не только восполнил крупные пробелы в образовании, но и основательно подготовился к политической деятельности в будущем. Уже здесь проявились его острый ум, целенаправленная работоспособность, сильная воля. Однако в то время еще далеко не ясно было, чему послужат приложенные Бенджамином усилия. Чем он будет заниматься в жизни, не знал ни он сам, ни его родители.

«ЧАС АВАНТЮР НАСТАЛ»

Отец одобрительно смотрел на то, как жадно Бенджамин читает книги одну за другой, как быстро расширяются его знания. Однако вопрос о том, что же будет делать сын дальше, как его устроить в жизни, занимал отца все больше и больше. В конце концов родители после долгих обсуждений с друзьями и знакомыми приняли определенное решение. У отца был друг, некто Мэйплс, стряпчий, совладелец юридической конторы, которой он заправлял вместе с еще четырьмя компаньонами. Вот ему в обучение в качестве клерка и был отдан Бенджамин.

Читатель ошибется, если предположит, что Бенджамин оказался в положении того мальчика при стряпчем, который таскал за хозяином синий мешок с бумагами во время обделывания различных юридических делишек далеко не всегда чистоплотными средствами. Эти ассоциации у читателя может вызвать глава из «Посмертных записок Пиквикского клуба» Чарлза Диккенса. Жалкая судьба помощника стряпчего была далека от положения, в котором оказался Бенджамин, когда в ноябре 1821 г. стал клерком в фирме Мэйплса и его партнеров в Сити. Фирма была солидная, ее годовой доход составлял 15 тыс. фунтов стерлингов, которые владельцы делили между собой неравными долями. Она соперничала с аналогичными ведущими фирмами Сити. Отец Бенджамина внес 400 фунтов стерлингов, весьма солидную по тем временам сумму, за то, что его сына взяли в ученики.

Предполагалось, что Бенджамин впоследствии может стать стряпчим и, возможно, совладельцем фирмы. И Мэйплс, и родители Бенджамина лелеяли еще более далеко идущие планы. У Мэйплса была дочь, и обе семьи имели в виду возможность женитьбы на ней Бенджамина. Это не было секретом от молодых. По признанию Бенджамина, девушка не была лишена обаяния. Особенно нравился весь этот план — и приобретение профессии, и устройство личной жизни сына — отцу Бенджамина.

Работа в юридической конторе была интересна и оказалась полезной для дальнейшей деятельности Бенджамина. Она дала ему основательное знание человеческой натуры, юридической системы Англии, самых различных сфер деятельности бизнесменов.

Бенджамин впоследствии не сожалел о том, что ему пришлось провести три года в юридической конторе.[1] Впоследствии Бенджамин вспоминал, что у него появились сожаления, что он не поступил в университет, хотя нет

свидетельств, что он к этому очень стремился. Бенджамин выполнял обязанности «личного секретаря нашего друга (т. е. Мэйплса. — *В. Т.*)». «Он ежедневно диктовал мне свои письма, которых было так много, как у какого-либо министра. Когда приходил клиент, я не уходил из комнаты и оставался, чтобы не только осваивать свою профессию, но и знакомиться со своими будущими клиентами. Обычно это были очень важные люди — директора банков, директора Ост-Индской компании, купцы, банкиры. Часто происходили удивительные сцены, когда фирмы, пользовавшиеся высочайшей репутацией, готовились объявить о предстоящем прекращении своей деятельности. Возникали ситуации, когда на карту ставились огромные суммы, а также существование компаний и т. д. и т. п. Это очень пригодилось в моей будущей литературной деятельности и снабдило меня основательным знанием человеческой натуры».

Возвращаясь из конторы домой, Бенджамин продолжал настойчиво изучать книги по интересующим его проблемам. Под воздействием литературы и бесед, которые велись в доме отцом и его друзьями (Бенджамин присутствовал, внимательно вслушивался, записывал наиболее интересные мысли), его кругозор расширялся, взгляды определялись более четко. И тут же возникали сомнения, тем ли он занимается, чем следует. Он стал задумчивым, беспокойным, его посещали тревожные мысли.

В юридической конторе заметили эти перемены и усомнились, будет ли толк от такого ученика. В конце концов Мэйплс сообщил отцу Бенджамина, что «таланты его сына слишком велики для того, чтобы трудиться в конторе стряпчих». Тогда же выявилась нереальность расчетов на брак Бенджамина с дочерью Мэйплса. Дизраэли рассказывает, что однажды она ему сказала: «Вы слишком гениальны для конторы стряпчих. Никогда ничего не получится». У отца и дочери одна и та же терминология. Звучит двусмысленно: то ли это была ирония, вызванная необычным поведением Бенджамина, то ли стряпчий действительно пришел к выводу, что для приложения способностей Бенджамина нужна более широкая арена, чем юридическая контора, хотя и весьма солидная.

К 1824 г. многочасовое ежедневное штудирование различных предметов по томам отцовской библиотеки начало сказываться на здоровье Бенджамина. Он чувствовал себя плохо, это замечали и родители, и их друзья. Наиболее распространенными медицинскими средствами в Англии в то время были пускание крови в срочных случаях и поездки за границу, когда обстоятельства позволяли не срочную терапию. Так было и на этот раз. Обычно семейство летом выезжало на морское

побережье, усеянное комфортабельными курортными городками. Теперь же решили из-за Бенджамина отступить от традиции. В конце июля 1824 г. Бенджамин, его отец и близкий им Уильям Мередит, только что закончивший один из колледжей Оксфорда, отправились пароходом из Лондона в Остенде, с тем чтобы провести шесть недель в Бельгии и в долине Рейна. Участие Мередита в поездке объяснялось тем, что его интеллектуальные интересы были близки Бенджамину и его отцу. Мередит занимался историей и впоследствии издал книгу по современной истории Швеции. Однако весьма существенным было другое — сестра Бенджамина Сара обручилась с Уильямом, но свадьбу отложили по соображениям, выдвинутым родственниками жениха.

Путешественники посетили многие города Бельгии, затем направились в Кёльн, а оттуда проследовали по Рейну до Мангейма и Гейдельберга. Знакомились с многочисленными достопримечательностями, произведениями искусства, наслаждались красивыми пейзажами, получали удовольствие (больше всех Бенджамин) от местной кухни.

То было время, когда люди не знали телефона и потому делились своими впечатлениями и мыслями в частых и весьма подробных письмах. Впечатления Бенджамина от первой поездки за границу дошли до его биографов в виде фрагментарного дневника и многочисленных писем к сестре. Письма свидетельствуют, что уже в это время Бенджамин неплохо владел пером, интересно описывал путешествие, остро подмечая все красочное и забавное, что встречалось в пути. Читая эту корреспонденцию, нельзя не обратить внимание на то, как очень молодой человек интересно высказывается о произведениях искусства, с которыми он знакомился в Бельгии и Германии, как основательно он изучил историю искусств. Опять-таки это был результат занятий в домашней библиотеке. Большое место в письмах занимают рассказы о блюдах местной кухни и местных винах. К этим вещам Бенджамин относился весьма серьезно, искал секреты их приготовления и даже обронил замечание, что матери следовало бы усовершенствовать домашний стол. Уже в то время Бенджамин предстает как гурман, им он останется до конца дней своих. Интересуясь отборными винами, он, однако, знал меру и никогда не злоупотреблял ими.

«Мы посетили поле сражения при Ватерлоо, — пишет он сестре, — не столько из-за пейзажа, сколько из-за того, чт***о*** оно знаменует собой». В дневнике говорится: «Невозможно, не посетив Антверпен, составить какое-либо представление о характере и гении Рубенса». И здесь же следует запись о том, что,

судя по тексту, интересует его не меньше, чем картины: «Обед был хорош». Через два дня: «Обед был великолепный: лягушки — пирог с лягушками — прекрасно. Грандиозно!» Вскоре сестра узнает: «Я стал самым искусным игроком на бильярде». И здесь же серьезные замечания: «Бельгийцы кажутся крайне враждебно настроенными против голландцев»; «В случае войны они могут восстать против нынешних властей». Наблюдения широкие, интересы разносторонние.

Первая поездка за пределы Англии сопровождалась большой волной писем. Бенджамин и в дальнейшем любил писать письма. Иногда, по настроению, он писал в день по два-три письма одному и тому же адресату. Это именно письма, а не маленькие записочки. Впоследствии многие из них можно было читать как очерки и эссе. Это обстоятельство весьма ценно для понимания и личности героя, и характера эпохи. Письма вообще ценнейший исторический источник. А. Герцен, который был современником Б. Дизраэли и жил одновременно с ним в Англии, писал: «Письма — больше, чем воспоминания, на них запеклась кровь событий, это — само прошедшее, как оно было, задержанное и нетленное».

Путешествие дало положительные результаты: физическое состояние Бенджамина улучшилось. Ему было уже 20 лет, он очень много познал из книг, значительное знание жизни и людей приобрел в юридической конторе. Что же он сам в это время думал о жизни и своем будущем, какие цели преследовал? Биографы сходятся на том, что ответ на этот вопрос Бенджамин дает в первом своем романе «Вивиан Грей», вышедшем в свет в 1826 г., когда автору было 22 года. Сам автор считал его автобиографическим, поэтому, несомненно, что рассуждения главного героя — это мысли самого Бенджамина в период, когда он только перешагнул грань двадцатилетия, мысли о нем самом. «И теперь, — рассуждает в романе Бенджамин, — этот юноша должен начать свое образование. Он обладает всем опытом зрелого ума, ума опытного человека. Он уже обладает способностью глубоко читать сердца людей. Он из собственного опыта почерпнул уверенность в том, что его дар речи создан для того, чтобы руководить людьми». Эти рассуждения связаны с тем, что отец, после того как стало ясно, что из Бенджамина стряпчий не получится, заговорил о возможности продолжить его образование в Оксфордском университете. Но, как видим, сын считал, что он уже намного превзошел Оксфорд. Бенджамин никогда не отличался скромностью и способностью критически взглянуть на себя как бы со стороны. И теперь его ответ звучал так: «Идея Оксфорда для такой личности, как я, это оскорбление».

Озабоченный отец выдвинул новую мысль: поскольку ни

Оксфорд, ни карьера стряпчего-солиситора сына не устраивает, может быть, он пожелает стать адвокатом, найдет свое место среди барристеров — членов коллегии адвокатов. Их положение и престиж в Англии значительно выше положения стряпчих. Чтобы смягчить впечатление от отказа пойти в Оксфорд, Бенджамин ответил отцу, что подумает, попробует. Но на самом деле это его тоже не интересовало. Он считал, что «адвокатура — это вздор. Она означает занятие судебными процессами и выслушивание дурных шуток, пока тебе не исполнится сорок лет, а затем, если тебе будет сопутствовать величайший успех, у тебя откроется перспектива получить подагру и титул пэра». Что ж, наблюдение верное, как и оценка возможностей карьеры в других сферах.

Бенджамин рассуждает о перспективах карьеры военного: «Вооруженные силы в военное время подходят только для людей отчаянных, и я таковым в действительности и являюсь. Но в мирное время они годятся только для дураков». К церковной карьере у Бенджамина отношение благожелательное: «Церковная деятельность — более разумное занятие. Я, безусловно, хотел бы действовать, подобно Уолси. Но у меня один шанс из тысячи. И, говоря по правде, я чувствую, что моя судьба не должна зависеть от случая». Знаменательно, что Бенджамина устроила бы карьера, подобная той, которую сделал Томас Уолси. Это был священник, действовавший в конце XV — начале XVI в.; начав с капеллана при короле Генрихе VII, он быстро достиг поста архиепископа Йоркского; став кардиналом, он сконцентрировал в своих руках обширную государственную власть, претендовал даже на место папы римского; жил в большой роскоши и пользовался поистине королевскими привилегиями. Он налаживал браки между монархами, руководил военными приготовлениями и военными кампаниями во Франции, держал в своих руках внутренние дела и внешнюю политику страны. Вот стать таким служителем церкви Бенджамин был бы не прочь. Но шел XIX век, и даже его разгоряченный ум подсказывал ему, что подобное недостижимо.

А все-таки какие еще пути к величию, власти и славе открывались в новое время? «Будь я сыном миллионера или аристократа, я мог бы иметь все», — приходит Бенджамин к такому выводу. Подстегивая свои мечты в этом направлении, он делает «великое открытие», состоявшее в том, что мощный интеллект может обеспечить ему то, что другим дают «богатство и власть». Знаменательно, что уже на этом, раннем этапе Бенджамин начинает понимать значение для тех, кто стремится к власти и влиянию, опоры на простых людей, на народные массы. «Почему влияние миллионеров для всех очевидно, а роль „благородного интеллекта“ остается неизвестной и не

удостаивается почета?» — ставит он вопрос. И отвечает на него: «Потому, что интеллект не изучают и не учитывают человеческую натуру простых людей». А делать это нужно следующим образом: «Мы должны смешаться с толпой, мы должны постичь ее чувства, мы должны с юмором относиться к ее слабостям, мы должны сочувствовать ее огорчениям, даже если этого не чувствуем; мы должны участвовать в развлечениях дураков. Да, чтобы управлять людьми, мы должны участвовать в развлечениях дураков. Да, чтобы управлять людьми, мы должны быть с этими людьми… Таким образом, человечество — это арена моей большой игры». Это — весьма важное откровение Бенджамина, которому только-только исполнилось 20 лет. Это — программа жизни. Это — свидетельство развившихся в дальнейшем, присущих молодому честолюбцу цинизма, лицемерия и презрения к людям, над которыми он собирался возвыситься, чтобы управлять ими.

Формированию этой жизненной позиции предшествовало решение Бенджамина покончить с попытками стать юристом. Позднее он рассказывал, что решение было принято им во время плавания по «чарующим водам Рейна». Отцу это явно не нравилось, и он смирился с неизбежным не без сопротивления. Этим объясняется замечание Бенджамина, что «отец, вероятно, меньше всех может судить о возможностях сына. Он, с одной стороны, знает слишком много, а с другой — слишком мало».

Примерно в это время Бенджамин принял окончательный вариант написания своей фамилии. В свое время дед, приехав в Англию, к семейной фамилии добавил начальную букву «Д» с апострофом, и за семьей утвердилась фамилия Д'Израэли. Существуют документы, относящиеся к 1822 г., в которых Бенджамин подписывался, опустив апостроф. С тех пор (биографы на этот счет называют различные годы) Бенджамин всегда пользовался только фамилией Дизраэли, «вероятно, чтобы его не смешивали с отцом». Сестра и братья последовали его примеру, тогда как родители сохранили прежнее написание.

К двадцати годам проявилась еще одна черта характера, которая была присуща Бенджамину на протяжении довольно многих лет. Лет в девятнадцать он начал время от времени прерывать свое затворническое общение с книгами и появляться в обществе. Другом семьи Д'Израэли был известный издатель Дж. Мэррей, кстати занимавшийся литературными делами Дж. Байрона. Он обратил внимание на Бенджамина, проникся к нему симпатией, приглашал его к себе, где молодой человек знакомился с друзьями хозяина. Так Бенджамин начал вхождение в общество, преодолев первую ступеньку на пути в большой, высший свет.

В это время Бенджамин усвоил манеру появляться в обществе одетым экстравагантно, даже вызывающе. Современники отмечают, что в его поведении дендизм был очевиден и сознательно подчеркнут. Это было франтовство, щегольство, но в такой степени, что оно воспринималось окружающими как пижонство. Это началось еще во время его пребывания в юридической конторе. Иногда его приглашали в дом Мэйплса, совладельца конторы, и он приходил в таком виде, что его одежда сразу же привлекала к себе внимание. Хозяйка дома рассказывала, что на обед к ним он обычно являлся облаченным «в черный бархатный костюм с различными кружевами и оборочками, в черных шелковых чулках с красными стрелками; в то время это была крайне вызывающая манера одеваться». Постепенно она становилась еще более вызывающей. Перефразируя Чарлза Диккенса, можно сказать, что Бенджамин «был безукоризненно неприличен». Бенджамин, конечно, понимал, как воспринимается его внешность другими. Ему и нужна была такая реакция. Он хотел таким путем привлечь к себе внимание, выделиться из толпы, показать свою необычность, исключительность. Это было средство к самоутверждению. Оно дополнялось демонстрированием остроумия в беседах. Дизраэли отличался мгновенной реакцией, способностью излагать свои мысли и аргументы оригинально.

Интересно, что Дизраэли производил особенно сильное впечатление на женщин замужних. Девушки и мужчины реагировали на него спокойнее и подтрунивали над его пижонством. Конечно, он не мог не чувствовать это; отсюда и его утверждение, что «нет большего очарования для молодого человека, чем улыбка замужней женщины». Особые симпатии именно к замужним женщинам остались у Бенджамина на всю жизнь.

Дизраэли-младший, как следует из его рассуждений о роли богатства в жизни выдающегося человека, был одержим мыслями о том, как сделать состояние, причем же крупное. Ему претило, что он зависит в материальном отношении от отца, который, как человек осторожный и к тому же обладатель умеренных денежных средств, обеспечивал ему разумное содержание, но не больше. Возможно, в этом истоки оставшегося на всю жизнь сдержанного отношения Бенджамина к отцу, хотя жизнь полностью оправдала эту позицию Исаака. В кругах, где вращался Бенджамин, и прежде всего в семье, много говорили с завистью и тайным желанием подражания о несметных богатствах, нажитых семейством банкиров Ротшильдов. До конца жизни Бенджамин не переставал восхищаться Ротшильдами. К этому следует

прибавить, что в 20-е годы XIX в. Англию охватила спекулятивная лихорадка, создавались многочисленные новые компании, акции которых являлись предметом игры на бирже. Центром притяжения этой активности были испанские колонии в Латинской Америке, развернувшие в то время успешную борьбу за независимость. Английские капиталы устремились в этот регион в расчете на жирные барыши в молодых государствах, только-только становившихся на путь самостоятельного существования. Дж. Каннинг, министр иностранных дел Англии, в 1823 г. признал независимость восставших испанских колоний, что способствовало проникновению туда английского капитала. Все эти факторы сильно повлияли на двадцатилетнего Бенджамина. Сыграла свою роль и работа в юридической конторе. Помощник стряпчего наблюдал, как из ничего возникают большие состояния, как удачливые люди преуспевают. Именно их дела прежде всего и вела контора, в которой служил Бенджамин, следовательно, в его распоряжении была самая обильная и детальная информация. Все это породило непреодолимый соблазн попытать счастья самому.

Молодой Дизраэли глазами художника

Еще до поездки на Рейн Дизраэли решил заняться финансовыми операциями и вместе с коллегой — клерком по фамилии Эванс — начал играть на бирже. Результаты неизвестны, но можно полагать, что играли не по-крупному. По возвращении из-за границы Дизраэли был полон решимости взяться за дело как следует. Он и Эванс договорились о совместных действиях с сыном одного богатого биржевого маклера. Первая сделка

относится к ноябрю 1824 г. Их операции с самого начала были катастрофически неудачными. Вначале «финансисты» играли на понижение, а затем им показалось, что конъюнктура меняется; они стали играть на повышение и крупно проиграли. К концу 1824 г. они залезли в долги на 400 фунтов стерлингов, в следующем году долги выросли почти до 1 000 фунтов, а к концу июня 1825 г. молодые «финансисты» понесли убытки, составившие 7000 фунтов стерлингов — очень большая сумма даже для хорошо обеспеченных людей. Половину этой суммы покрыл наличными Эванс.

К этому времени относится сближение Дизраэли с неким Джоном Паулесом, довольно крупным финансистом. Его фирма хорошо зарабатывала на поднявшемся спекулятивном буме, учреждала ряд компаний по разработке минеральных ресурсов в Латинской Америке, среди которых была Англо-Мексиканская горнодобывающая ассоциация. На этом этапе и произошло сближение Дизраэли с Паулесом. Они были нужны друг другу. Хотя Паулес был старше своего партнера и его деятельность имела солидную финансовую основу, Дизраэли сумел войти к нему в доверие и стать одним из близких лиц. Их союз продолжался ряд лет и оказал влияние на ранний период деятельности Дизраэли. Бенджамин полагал, что связь с Паулесом откроет ему дорогу в большой финансовый мир и даст возможность добыть крупное состояние, к чему он страстно стремился. Опытный финансист, Паулес ценил в своем молодом соратнике остроту ума и силу воображения, явные и сильные литературные способности, а также связи через Джона Мэррея с литературными и журналистскими кругами, которые могли быть эффективно использованы в интересах его, Паулеса, бизнеса.

Вскоре актив Бенджамина был запущен его партнером в дело. Спекулятивная лихорадка в Англии приняла настолько широкий размах (наши герои играют в ней далеко не самую главную роль), что спокойно и здраво судившие люди начали опасаться, как бы все это не кончилось большим финансовым крахом. Такой исход дела чреват был крупными неприятностями для финансов страны. Поэтому канцлер казначейства лорд Элдон выступил с заявлением, которое должно было охладить пыл спекулянтов. Одновременно распространились слухи, что парламент может принять законодательные меры с целью предотвращения финансовой анархии.

Вот здесь и понадобился Паулесу его молодой партнер. Действия правительства влияли на настроение публики и подрывали ее доверие к латиноамериканским спекулянтам. Это означало крупные убытки для Паулеса. Ему крайне важно было

поддержать в общественном мнении уверенность в надежности и устойчивости финансового бума, ориентирующегося на Южную Америку. С этой целью он написал и издал брошюру, но ее никто не стал читать. Хороший финансист далеко не всегда может быть хорошим литератором. Каждому свое.

Финансист поручил Дизраэли написать вначале одну, а затем, когда затея оказалась удачной, еще две брошюры. Первая брошюра увидела свет в начале марта 1825 г., вскоре за ней вышли в свет еще две. Все они содержали подробную аргументацию относительно устойчивости предприятий горнодобывающей промышленности в Центральной и Южной Америке, действующих на базе английских капиталов. Это были первые опубликованные литературные произведения, принадлежавшие перу Дизраэли. Издал их Мэррей, но анонимно, без указания фамилии автора. В целом этот литературный опыт оказался удачным. Он несомненно укрепил уверенность Бенджамина в своих литературных способностях. Оказались верными и расчеты Паулеса: его молодой друг оправдал ожидания как литератор, весьма пригодились и его связи с Мэрреем.

Внимательное чтение трех «специализированных», посвященных бизнесу в заграничной горнодобывающей промышленности брошюр представляет для биографа Дизраэли большой интерес. Эти своеобразные литературные произведения дают ценные сведения об убеждениях автора, в дальнейшем развитых и нашедших воплощение в его как литературной, так и политической деятельности. Там многое важное содержалось в зародыше. Они были выдержаны в строгом духе демонстративной беспристрастности и содержали обращение к благородным принципам свободы и соблюдения национальных интересов. В действительности же это была ловкая маскировка сути дела. Бенджамина совершенно не интересовали чья-то свобода и национальные интересы. Ему нужно было создать благоприятные условия для спекуляций, на которых он рассчитывал основательно подзаработать. И прав Блэйк, утверждающий, что три брошюры Дизраэли «в действительности представляли собой тщательно разработанную дутую рекламу южноамериканских горнодобывающих компаний вообще и тех, в которых участвовали Дж. и А. Паулесы, в особенности».

Заканчивая один из этих памфлетов, Дизраэли анонимно утверждал, что придерживается точки зрения, которая «не испорчена эгоистической заинтересованностью» и не «определяется воздействием каких-либо партийных соображений». Затем следует высокопарное заявление, что, каков

бы ни был результат предпринятой публикации, «автор будет испытывать удовлетворение и, быть может, чувство гордости в связи с тем, что во времена, когда невежество является услужливым рабом эгоистических интересов и когда от правды бегут те, кто должен был бы быть ее самым последовательным поборником, он предпринял хотя бы одну попытку выступить в поддержку благородных принципов и выдвинуть более мудрую политику».

В третьем, последнем памфлете Дизраэли выступил в защиту министра иностранных и внутренних дел Мексики, которому официально было предъявлено обвинение в том, что он находился на содержании горно-рудных компаний и действовал в их интересах. Дизраэли характеризовал этого министра как «чистого и реалистического патриота». Историки признали, что компании, в поддержку которых так рьяно выступал молодой Дизраэли, были «жульническими концернами».

Знал ли Дизраэли, что он делает, известно ли было ему, что он выступает в поддержку спекулянтов-жуликов? Безусловно, да. Но не будем слишком строгими к молодому человеку, неудержимо рвавшемуся к деньгам, к высокому положению. Вся ложь, обман, ханжество, лицемерие, словесная игра высокими, благородными принципами, весь использованный им демагогический арсенал были изобретены не им. Примененные им на заре своей литературной деятельности принципы и методы уже давно находились на вооружении английских буржуазных и многих иных деятелей. Дизраэли лишь быстро понял их, хорошо усвоил и неплохо применил. Впоследствии он будет придерживаться этих правил игры в своей литературной и политической деятельности, что весьма затрудняет и осложняет исследование его личности.

Итак, итоги финансовой авантюры, в которую пустился Бенджамин Дизраэли, когда он только-только достигал юридического совершеннолетия (в Англии это 21 год), были плачевны для дерзкого молодого человека. Он приобрел не желаемое состояние, а огромные долги, достигавшие нескольких тысяч фунтов стерлингов. Биографы гадают, было ли это результатом глупости или невезения? Но одно бесспорно: эти финансовые неприятности оказались очень тяжкими и терзали Дизраэли на протяжении большей части его дальнейшей жизни.

Катастрофический крах его биржевой авантюры не охладил предпринимательского пыла Дизраэли, не научил его осторожности и благоразумию. Вероятно, он подстегнул его стремление к реализации честолюбивых замыслов. И общение в сфере знакомых отца, где видную роль играли издатели, и

собственный небольшой печальный жизненный опыт убедили молодого честолюбца в том, что в Англии, стране бурно развивавшегося капитализма, пресса — это и влияние, т. е. власть, и деньги. Поэтому, еще не оправившись от последствий спекуляций на бирже и не подведя их окончательных итогов, Дизраэли бросается в газетную авантюру. Поистине, как говорил один из его литературных героев автобиографического плана, «час авантюр настал».

Сумма различных факторов и тенденций вызвала к жизни проект издания солидной ежедневной газеты. Джон Мэррей уже ряд лет успешно издавал «Квотерли ревью», и это навело Бенджамина на мысль попробовать издавать вместе с ним ежедневную газету. Газета должна была проводить линию тори и конкурировать с «Таймс», которая главенствовала в газетном мире страны и тоже отражала взгляды тори. Имелось в виду потеснить «Таймс» и занять первое место среди английских газет. Это увеличило бы и доходы, и влияние издателя. К тому же новая газета могла бы на постоянной основе выполнять задачу, которую преследовали три брошюры Дизраэли, т. е. содействовать спекуляциям с южноамериканскими акциями. Мэррей тоже глубоко увяз в этих спекуляциях. Был и серьезный политический мотив, хотя он и не выпячивался. «Таймс» придерживалась консервативных взглядов, но Джордж Каннинг, министр иностранных дел, заправлявший в действительности всеми основными делами кабинета, был не вполне доволен поддержкой «Таймс» и ее недостаточно прочными, как казалось всесильному министру, связями с тори. Его устроило бы создание влиятельной газеты, которая поддерживала бы его безоговорочно даже в самых крайних случаях. Поэтому Мэррей полагал, и не без оснований, что его замысел отвечает желаниям Каннинга, с которым у него были неоднократные встречи.

Организация и ведение большой газеты, оперирующей в общенациональных масштабах, — дело крайне дорогое, сложное и трудное. Сам Мэррей не мог отдаться целиком этому делу; у него было много других сфер деятельности в области бизнеса. Получилось как-то само собой, что эта работа была поручена юному Дизраэли. Опытный 46-летний бизнесмен постепенно проникался симпатией и верой в деловые качества Бенджамина. Публикация его трех брошюр была бесспорной удачей. Затем Мэррей поручил ему отредактировать и подготовить к печати биографию одного деятеля, что было выполнено быстро и вполне удовлетворительно. В общем Мэррей убедился, что его юный соратник обладает большой энергией, сильным воображением, незаурядными литературными и организаторскими

способностями.

3 августа 1825 г. Мэррей, Паулес (линия связи с Сити и южноамериканским бизнесом) и Дизраэли подписали соглашение об издании ежедневной утренней газеты. Мэррей выступал в роли издателя и вносил половину суммы, необходимой для реализации проекта. Паулес вносил четверть. Дизраэли вносил остающуюся четверть и должен был организовать дело. Так и неясно, на что рассчитывали такие опытные люди, как Мэррей и Паулес, получая подпись Дизраэли, гарантирующую его крупный взнос в задуманное предприятие, ведь они прекрасно знали его финансовую несостоятельность, то, что на нем висел крупный долг из-за неудачных биржевых спекуляций.

Мэррей планировал, что первый номер газеты выйдет уже 1 ноября. Требовалось решить массу технических и организационных вопросов: подбор корреспондентского корпуса, штата работников редакции, полиграфическое обеспечение, снабжение бумагой и т. д. и т. п. Всем этим энергично занялся Дизраэли. Очень важным был вопрос, кто возглавит газету в качестве главного редактора. Имя редактора — это знамя издания, от этого имени зависит влияние газеты и в конечном счете успех всего замысла. Мэррей счел, что подходящей фигурой на этот пост является шотландский деятель Дж. Г. Локарт, зять маститого писателя Вальтера Скотта. Есть основания полагать, что идея относительно Локарта исходила от самого Каннинга. Мэррей поддерживал с ним связи и даже будто бы представлял ему Дизраэли.

Вопрос о привлечении Локарта был далеко не простым; для этого приходилось посвящать в суть замысла Вальтера Скотта, и, следовательно, решить его удовлетворительно путем переписки не представлялось возможным. Мэррей поручает это щекотливое дело Бенджамину, рассчитывая на его контактность и дар убеждения.

В те времена еще не было железнодорожного сообщения между Лондоном и Эдинбургом. Дизраэли отправился в путь в почтовой карете и должен был останавливаться на ночь в Стамфорде, Йорке и Ньюкасле. В кармане у него было два рекомендательных письма. В одном Мэррей просил Локарта принять Бенджамина «как моего самого близкого и доверенного молодого друга» и отнестись к тому, что он сообщит, так, как «если бы это сказал я вам лично». Второе письмо было от адвоката Райта, содержавшее официальное предложение Мэррея Локарту «принять пост управляющего новой газетой». Неясно, насколько это было обоснованно, но письмо адвоката создавало впечатление, что Каннинг хотел бы, чтобы Локарт редактировал

новую газету.

Локарт жил не в Эдинбурге, а в загородном доме Чифсвуд, куда Дизраэли и переслал свои рекомендательные письма. Когда же состоялась встреча, то поначалу Локарт не мог скрыть крайнего удивления, увидев молодого человека, и, чтобы снять неловкость, объяснил, что он ожидал встретить отца — Исаака Дизраэли. Недоразумение было быстро ликвидировано, Локарт пригласил Бенджамина погостить у него. В Чифсвуде Дизраэли провел две недели, хозяин познакомил его с Вальтером Скоттом, и они втроем обсуждали предложение, привезенное из Лондона.

Дизраэли был всего лишь представителем Мэррея, и его полномочия были ограничены определенными, хотя и не фиксированными твердо рамками. Однако он истолковал их весьма широко и, не задумываясь, на свой страх и риск делал своим партнерам предложения и строил планы, которые были просто фантастическими. Об этом свидетельствует его переписка с Мэрреем, которого он, естественно, должен был держать в курсе дела. Сегодня интересно читать эти письма — они не только рисуют Бенджамина Дизраэли, каким он был накануне своего совершеннолетия, но и дают представление о том, как полтора века назад делались газеты в Англии.

Дизраэли прибыл в Шотландию во второй половине сентября 1825 г. и отправил своему патрону несколько писем. Поехал он по совершенно конкретному и важному делу, и естественно было бы предположить, что его донесения будут носить сугубо деловой характер, тем более что они адресовались старшему партнеру как по возрасту, так и по роли в затеянном мероприятии. Но поэтическая натура Бенджамина, склонного к созерцательству и фантастическим построениям — биографы довольно единодушно определяют это как очень сильное воображение, — в полной мере проявилась в письмах в Лондон.

Сразу же по приезде в Эдинбург Бенджамин пишет не о деле, по которому прибыл сюда, а о том, что видел в пути. Рассказывается, что эмиссар газетного бизнеса прибыл в Йорк ночью. В городе проходил большой карнавал, улицы были переполнены, и так продолжалось много часов. «Я никогда не видел ни одного города, где царила бы такая неописуемая суматоха и восхитительное веселье. Это был великолепный карнавал. Я отложил свой отъезд…» Сильнейшее впечатление производила служба в Йоркском соборе и сам собор. Церемониям Вестминстерского аббатства далеко до того, что увидел Бенджамин в Йорке. «Вестминстерское аббатство (особая королевская церковь в Лондоне, где происходит коронация английских монархов. — *В. Т.*) — это просто игрушка по

сравнению с собором Йорка». Нельзя понять, что такое готическая архитектура, не увидев Йорка. Это «мощное и аристократическое графство Йорк. Незабываемое впечатление производит, как подъезжает к собору знать Йоркского графства, некоторые в каретах, запряженных четверкой лошадей». Все это вряд ли было интересно Мэррею. Письмо свидетельствовало об остроте наблюдательности и впечатлительности его молодого друга, о его литературном даровании, но какое отношение все это имело к делу, порученному Дизраэли?

В Эдинбурге юношеская восторженность и склонность Дизраэли к необычному проявились в том, что он предложил Мэррею пользоваться в их переписке специальным кодом, чтобы сохранить в секрете переговоры. От кого? Вероятно, от возможных конкурентов; может быть, от «Таймс»? Впредь Каннинг должен был обозначаться Мистер Х, Вальтер Скотт — Шевалье, сам Дизраэли — О и т. д. Детская игра, польза от которой состояла, кажется, только в том, что биографы используют ее для оживления своих повествований. Сам автор кода порой забывал о своем изобретении и переходил на употребление в письмах настоящих имен.

Однако все это были шалости богатого воображения Дизраэли. Вскоре оно завело его в очень опасное положение, о чем он тогда не догадывался. Во-первых, он очень преувеличил в переговорах с Вальтером Скоттом и Локартом финансовые и политические силы, которые якобы поддерживали проект новой газеты. Дизраэли заявлял своим партнерам, что «через Паулеса мощные коммерческие силы стоят за нами… К ним присоединится финансовая мощь Вест-Индских колоний» и т. п. Что касается политических кругов, то кроме Каннинга упоминался заместитель военного министра и министра по делам колоний Уильям Хертон, «кто не просто заместитель министра, а в действительности наш негласный друг». «Такие люди, как Джон Барроу, глава ведомства военно-морского флота и др., определенно в нашей власти». Фантазия Дизраэли завела его так далеко, что, как он пишет Мэррею, опираясь на создаваемую газету, на ее редактора, который будет проведен в парламент, а также на финансовые силы, стоящие за газетой, «я буду в состоянии организовать в интересах тех сил, с которыми я сейчас связан, огромную партию, в высшей степени полезную». Все это было очень далеко от более скромных замыслов Мэррея и Паулеса. Явная нереальность картины, которую создавал Дизраэли, не могла не повредить делу.

Во-вторых, преподнеся в нереальном виде возможности проекта, Дизраэли стимулировал преувеличенные запросы со

стороны Локарта и его тестя. Они поставили условием участия Локарта в проекте проведение его в члены парламента, что должны были организовать Дизраэли и те, кто стоял за ним. Дизраэли тут же согласился с этим условием, кажется не очень задумываясь над тем, как его можно будет выполнить. Он даже обсуждал некоторые конкретные аспекты проблемы. Локарт заявил, что он не желает, чтобы его проводили в парламент от избирательного округа, который контролируется правительством: это подорвало бы его репутацию независимого деятеля. Бенджамин соглашается с ним (как будто он контролировал избирательные махинации правительства) и высказывает Мэррею свои соображения на этот счет: «Не будет никакого вреда, если Локарт будет избран в парламент от округа, которым заправляют тори, ибо он сам тори». К этому он мог бы добавить, что и газета задумана как орган тори.

Следует признать справедливой оценку Блэйком того, что сделал Дизраэли в Эдинбурге в переговорах с Локартом и Вальтером Скоттом: «Трудно избежать впечатления, что, несмотря на его собственные сообщения Мэррею, Дизраэли ухитрился крайне запутать дело».

В октябре Дизраэли и Локарт приехали в Лондон, Локарта весьма заботил вопрос, как бы его пост в газете сделать максимально престижным, чтобы принятие этого назначения не воспринималось как свидетельство того, что он будто бы спустился вниз по общественной лестнице. Случай помог выйти из положения. Открылась вакансия редактора «Квотерли ревью», который издавал Мэррей. Этот пост считался весьма респектабельным. В результате было подписано два соглашения между Мэрреем и Локартом о том, что Локарт становится редактором «Квотерли ревью» с жалованьем в 1000 фунтов стерлингов в год и одновременно будет «в полную меру своего уменья и способностей помогать и содействовать» Мэррею в выпуске его газеты, писать для нее статьи, за что будет получать еще 1500 фунтов стерлингов в год. Тогда это было очень солидное материальное вознаграждение. Локарт сразу же «схватился за эту великолепную для него сделку».

А роль Дизраэли в этой сделке? Биографы — это характерно для описания ими всей жизни Бенджамина — расходятся в деталях. Одни утверждают, что соглашения «были подписаны в присутствии Дизраэли»; другие, писавшие позднее, замечают, что «Мэррей предложил пост редактора „Квотерли“ Локарту, ничего не сказав Дизраэли».

Вернувшись в Лондон, Дизраэли развил бурную деятельность по организации выпуска газеты. Приходилось решать множество

проблем — помещение для редакции, штаты, финансовые вопросы и т. д. Он был неутомим и изобретателен, показал себя хорошим организатором, хотя и допускал некоторую экстравагантность. Дизраэли привлекает своего кузена Басеви в качестве архитектора для постройки здания газеты (участок присмотрен на Грейт-Джордж-стрит), пишет своему знакомому в Кобленц, с которым встречался во время поездки за границу, приглашая его стать корреспондентом новой газеты, которая должна будет стать «средоточием информации со всего мира». Знакомый дает согласие. Подобным образом он вербует региональных корреспондентов в Леванте и Морее; «он обеспечил сеть спецкоров для всей Южной Америки, для Соединенных Штатов и Мексики, для всех стран Леванта, а также для всех важных пунктов в Европе — от Константинополя до Парижа и от Рима до Санкт-Петербурга». Естественно, важнейшие города Англии не были забыты; он завербовал нужных ему людей в Ливерпуле, Глазго, Манчестере, Бирмингеме и в ряде других мест. Наконец, Дизраэли придумал название для газеты — «Репрезентатив», т. е. представитель.

В конце 1825 г. произошло неожиданное — Дизраэли был отстранен от какого-либо участия в создании газеты. Его замыслы рухнули, большие труды пропали даром. Что послужило истинной причиной, неясно. Сам Дизраэли не распространялся на этот счет. Считал, что причин было несколько. Во-первых, ведущие сотрудники «Квотерли», от которых сделка, касающаяся их органа, сохранялась в секрете, объединились и выступили против. Биографы полагают, что этот бунт был вызван тем, что «Локарт был противоречивой фигурой». Как бы там ни было, Мэррей пошел на уступки бунтарям. Во-вторых, Мэррею, да и Локарту, и Вальтеру Скотту не нравились легкомыслие и прожектерство Дизраэли, в чем они убедились в ходе переговоров с ним. В-третьих, разрыв ускорила финансовая катастрофа, постигшая Дизраэли и Паулеса. В октябре рынок акций южноамериканской горнодобывающей промышленности был дезорганизован глубочайшим кризисом. Наступил крах, который многие предвидели. К концу ноября обанкротился крупный банк в Плимуте. В декабре финансовая паника охватила Сити, и Дизраэли и Паулес, спекулировавшие южноамериканскими акциями, оказались разорены. Произошло это как раз в момент, когда они должны были выплатить свою часть финансового обеспечения новой газеты. Теперь они оказались банкротами и выполнить свои обязательства перед Мэрреем были не в состоянии. Значит, Мэррею они больше не были нужны.

Итак, и эта попытка Дизраэли приобрести состояние и

влияние с помощью газеты потерпела крах. Такова судьба многих авантюр. Но она многое и дала молодому честолюбцу (знание людей, в среде которых ему предстояло действовать, опыт в финансовых проблемах), поумерила его азартный авантюризм и склонность к фантастическим прожектам, преподала горький, но весьма полезный урок осмотрительности и осторожности.

А что же детище Дизраэли «Репрезентатив»? Оно оказалось мертворожденным. Газета все-таки вышла в свет 25 января 1826 г. Сегодняшнего читателя не может не поразить быстрота реализации замысла. С момента появления идеи об организации газеты до появления ее первого номера прошло всего несколько месяцев. И было бы неверно полагать, что скоропалительность этого предприятия предопределила его неудачу. Сыграла свою роль жестокая конкуренция в сфере печати («Таймс» так и не удалось потеснить), а также наступившая полоса экономической депрессии. Да и уровень редактирования газеты не был достаточно высок. 29 июля 1826 г. газета прекратила свое существование; ее владелец Мэррей потерял на этом 26 тыс. фунтов стерлингов.

Ущерб Дизраэли также был значителен. Это, прежде всего, финансовые потери от игры на бирже, означавшие огромный долг, перспектив разделаться с которым не было видно. Из-за биржевых спекуляций и неудачи с изданием газеты Дизраэли приобрел сомнительную репутацию. Оба этих фактора на протяжении многих лет негативно сказывались на его карьере.

«ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ ДОНЖУАН»

К достижению Бенджамином совершеннолетия и случившемуся к тому времени краху его биржевой и газетной авантюр честолюбивая идея стать великим человеком уже прочно утвердилась в нем. Две неудачные попытки на этом пути не ослабили веру Дизраэли в себя; наоборот, они закалили его волю и решимость, которые теперь уже подкреплялись существенным жизненным опытом, знанием мира, в котором ему предстояло действовать, и основательным постижением человеческой натуры.

Но путей могло быть много, какой из них избрать? Реальная жизнь предложила выбор. Дом и среда, в которой вращался Бенджамин, подсказали два варианта: карьера литератора или карьера политического деятеля. Занятия и образ жизни отца привили интерес к литературе. Собиравшиеся в доме люди были в основном литераторами; так же было и во время обедов и вечеров у Мэррея. Бесконечные разговоры на литературные темы, суждения о том, кто чего достиг в этой области, а также все еще гремевшая слава великого Байрона, помноженные на основательное знание литературы — от сочинений древнего мира до современных авторов, склоняли Бенджамина к тому, чтобы попробовать свои силы на литературном поприще. Байрон здесь упомянут не случайно: в доме он был кумиром, а весьма уверенный в своих силах Дизраэли не мог не задавать себе вопрос: а почему я не смогу достичь того же, чего достиг Байрон?

«Среда обитания» юного Дизраэли дышала не только литературой, но и политикой. За столом или у камина рядом с литераторами сидели профессиональные политические деятели, пока еще не самые крупные, но уже почти пробившиеся на самый верх. Не только бесконечные беседы на политические темы, сводившиеся обычно к тому, как кто делает карьеру в этой области, но и развившийся у Бенджамина повышенный интерес к политике во время его упорных усилий по самообразованию подсказывали второй путь — карьеру политика. Характер Дизраэли, как и характер любого человека, был сложным и противоречивым. У него были данные и для занятий литературой, и бесспорные способности к политической деятельности в существовавших в Англии условиях.

Тогда Дизраэли сделал выбор в пользу литературы. Хотя к этому времени он едва достиг 21 года, но он уже был изрядно побит жизнью. Два его начинания закончились катастрофой. В погоне за мечтой стать богатым и приобрести влияние и власть — все это в больших размерах, которые только и могли его

устроить, — Бенджамин действовал вместе с финансовыми воротилами, считал, что его поддерживают министры (Каннинг), планировал проведение в парламент своих людей и даже создание влиятельной политической партии, и вдруг все это развеялось как дым. Он неожиданно обнаружил, что судьба его не только не продвинула вперед, но и сильно отбросила назад. Теперь он был просто молодым человеком с подпорченной репутацией и большим долгом, возможности выплаты которого представлялись весьма проблематичными. Несмотря на это, Дизраэли не впал в пессимизм, не поддался отчаянию, но принял решение обратиться к литературной деятельности и этим путем добиться славы и добыть так необходимые ему деньги.

Первый его роман — «Вивиан Грей» — был выпущен в свет в двух томах 22 апреля 1826 г. Случилось так, что одновременно были опубликованы и такие вещи, как романы «Вудсток» Вальтера Скотта и «Последний из могикан» Фенимора Купера. Это свидетельствовало, что путь в литературу для Бенджамина будет нелегким.

В те времена литераторы работали напряженно и быстро, примером чего может служить продуктивность Чарлза Диккенса. Сам Дизраэли вспоминал, что он написал свое первое произведение за четыре месяца. Темпы немыслимые по современным стандартам. Биографы, как они это делают часто в связи со свидетельствами Дизраэли, оспаривают достоверность этого утверждения, но не в отношении того, сколько месяцев работал автор. Они согласны с тем, что роман был написан за несколько месяцев, но сомневаются, что эти месяцы приходятся на конец 1825 г. — ведь тогда автор был занят реализацией газетного проекта. Воля, трудолюбие, огромная работоспособность приносили свои плоды. Они были характерны для всех лет литературной деятельности Дизраэли, которая прекратилась лишь с его кончиной.

Карьеру Дизраэли-писателя можно разделить в известной степени условно на три этапа. Первый приходится на 20—30-е годы. Это — этап автобиографический в том смысле, что герои произведений в очень большой степени списаны с самого автора. Да иначе и быть не могло: молодой человек имел небольшой жизненный опыт, чтобы писать не о собственной персоне. На этом этапе были созданы романы «Вивиан Грей» (его продолжение издается в 1827 г.), «Молодой герцог» (1831 г.), «Контарини Флеминг» (1832 г.) и «Алрой», увидевший свет в 1833 г. К автобиографическому циклу примыкают и такие произведения, как «Генриетта Темпл» и «Венеция, или Дочь поэта» (1837 г.). В них уже речь идет о любви, и опять-таки читатели находят, что

автор знакомит их прежде всего с собственным опытом.

Всякое литературное произведение в определенном смысле автобиографично. Любой автор пишет только о том, что прошло через его жизнь, что он сам пережил, что увидел, наблюдая происходящее вокруг него, что узнал от людей, с которыми его сводила судьба, что почерпнул из книг, формировавших его представление о мире относительно всех сфер человеческой деятельности, и т. д. Писатель не может повествовать о том, чего он не видел или о чем он не узнал из самых различных источников, с которыми сталкивался в жизни. Не может, ибо обо всем, что находится за этими пределами (а их границы весьма расплывчаты), он просто ничего не знает. Могут сказать: а воображение, творческая фантазия художника? И то и другое основывается на интеллектуальном, психологическом сплаве пережитого и узнанного художником. Но автобиографичность первых романов Дизраэли особая — он не только дает крупные куски из своей жизни, но и сообщает читателю свои самые сокровенные мысли.

Читатели, которые общались с Бенджамином в те немногие годы, легко узнавали очерки его собственной деятельности и формулы его высказываний. Биографы единодушно принимают тезис о явной автобиографичности этих романов Дизраэли и пользуются их текстами, когда живописуют ранние годы своего героя. Здесь они отступают от популяризируемого в наше время принципа, гласящего, что нельзя ставить знака равенства между высказываниями действующих лиц произведения и убеждениями его автора. Автор интересной книги «Молодой Дизраэли» американец Б. Жермен пишет, что «Дизраэли безусловно рисует героев „Контарини Флеминга“ и „Алроя“ до некоторой степени с самого себя». А Р. Блэйк, рассматривая первый роман этого цикла, категорически утверждает, что «Вивиан Грей» — это история создания газеты «Репрезентатив», изложенная не в журналистском, а в политическом ключе. «Сам Вивиан — это молодой Бенджамин; его отец Хорос — это Исаак. И что бы изобретательные защитники Дизраэли ни говорили, не может быть сомнения, что Вивиан с его безрассудством, не знающий угрызений совести, со всепожирающей амбицией и бесстыдной наглостью — это автопортрет».

Спорить против этого пусть весьма сурового для понимания личности Дизраэли мнения невозможно. Особенно после того, как исследователям стал известен его так называемый фрагментарный дневник, который он вел несколько лет. В 1833 г. после выхода в свет последнего автобиографического романа Дизраэли записывает в дневнике, что больше писать о самом себе

он не будет. «Поэзия — это клапан безопасности для моих страстей. И я хочу действовать так, как я описываю. Мои книги — это выражение моих чувств. В „Вивиане Грее“ я нарисовал мои динамичные и истинные честолюбивые цели. „Контарини Флеминг“ показывает развитие моей поэтической натуры. Эта трилогия является секретной историей моих чувств».

Второй этап в литературном творчестве Дизраэли — это политические романы. Первый из них — «Конингсби» — увидел свет в 1844 г. Затем последовал наиболее выдающийся роман из этой серии — «Сибил», вскоре увидел свет «Танкред» и, наконец, в 1851 г. Дизраэли издал политическую биографию «Лорд Джордж Бентинк». Обращение к политической теме было связано прежде всего с тем, что в это время уже четко определился жизненный путь Дизраэли. Он избрал карьеру политического деятеля и добился на этом пути существенного успеха — хотя и с большим трудом, но стал членом парламента. Естественным поэтому было желание глубоко проанализировать политические проблемы, современную ему политическую жизнь Англии. Он сделал эго пером уже зрелого мастера. В этом виде литературного творчества Дизраэли был пионером, и, как замечает один из его биографов, «Дизраэли принадлежит заслуга создателя жанра англоязычного политического романа».

Третий этап в литературном творчестве Дизраэли приходится на последние годы его жизни. Знаменательно, что, будучи обременен большими государственными делами, с ослабленным годами и недугами здоровьем он продолжает литературную работу, ставшую, бесспорно, после политики второй любовью Дизраэли. Этот этап ознаменовался появлением в 1870 г. романа «Лотар» и в 1880 г. — «Эндимиона». Увидели свет книги-размышления, отразившие жизненный опыт и многолетнюю работу мысли автора.

За свою жизнь Дизраэли написал очень много. Произведения, названные выше, это лишь наиболее выдающиеся вещи. Он писал стихи, поэмы, рассказы, очерки, политические памфлеты, брошюры и многое другое. Однако наибольшую сенсацию вызвало его самое первое произведение — «Вивиан Грей». И в конце XX в. биографы уделяют этому роману больше внимания, чем какому-либо другому произведению Дизраэли. Объясняется это двумя причинами. Ни одна книга Дизраэли не вызвала в обществе такого шума, как эта. Успех был очень велик, это был скандальный успех. Ни в одном другом произведении автор не показал себя более откровенно, цинично и даже бесстыдно, просто вывернув душу наизнанку, как в «Вивиане Грее», и тем самым обеспечил самому себе на многие годы скандальную

репутацию. Его литературные и политические противники десятилетиями извлекали из «Вивиана Грея» откровения Бенджамина и использовали их в своих усилиях дискредитировать автора. Многие знакомые и друзья Дизраэли узнавали себя в действующих лицах романа, где они изображались зачастую в весьма неприглядном свете. Это породило неприязнь к автору, который, как утверждали, нарушил нормы приличий — недопустимо злоупотребил доверием друзей. Недовольные и обиженные усиливали отрицательную критику романа. Вероятно, для их недовольства были основания; скорее не юношеской неосмотрительностью, а желанием отомстить тем, кого Бенджамин считал повинным в его катастрофической неудаче с игрой на бирже и с участием в создании газеты, объясняется то, что ряд важных лиц, участвовавших в обеих авантюрах, были выведены в романе с весьма негативными чертами. Имена, разумеется, были иными, но по описанию многие узнали себя, а тем, кто не смог этого сделать сам, подсказала критика. Это нетрудно было заметить, так как автор точно описывал дома, действующих лиц, их одежду, обстановку в домах, обеды, на которых он присутствовал, и даже разговоры за столом.

В те годы, когда Дизраэли выступил со своим первым литературным произведением, фешенебельные кварталы Лондона отличались тем, что появившийся после наполеоновских войн мощный слой новых богачей стремился проникнуть в сферу аристократии, срастись с ней, породниться, с тем чтобы разделить власть в стране, бурно богатевшей и обладавшей большим влиянием в международных делах. Р. Блэйк замечает о том времени: «Годы после Ватерлоо были периодом аморальности, хвастовства, демонстративной роскоши, экстравагантности и снобизма». Развитие этих нравов породило спрос на определенную литературу, рисующую жизнь в высшем свете. «Новые богачи» стремились узнать в деталях, каков же в действительности этот высший свет, в который они страстно жаждут внедриться. Ответа они искали в романах, живописующих высший свет. Аристократам также было приятно прочесть, что о них пишут, так ли каждый из них живет, как равные ему по рангу и титулу. Отсюда и повышенный спрос на подобную литературу. «Вивиан Грей» был далеко не первым в ряду этих произведений.

Роман увидел свет довольно необычным путем. На осень 1825 г. отец Бенджамина снял загородный дом для семьи, который назывался Хайд-хауз, вблизи Амершема. Владелец дома Р. Уорд, средней руки политик и литератор, только что анонимно опубликовал роман из жизни высшего света «Тримейн».

Напечатал роман издатель Г. Колборн. Секрет публикации этого первого в Англии так называемого «романа общества» был известен Б. Остину, поверенному из Сити, и его жене Саре. И произведение Уорда, и Сара Остин воодушевили Дизраэли (а как оказалось вскоре, не его одного) последовать примеру Уорда. Семейство Остин было дружно с семьей Бенджамина и принимало на протяжении многих лет участие в судьбе молодого Дизраэли. Сара помогала Бенджамину в его литературных делах, а ее муж — в финансовых. Сара Остин вызывает симпатию, хотя некоторые биографы и говорят, что «это была женщина честолюбивая, умная, привлекательная и бездетная, в общем синий чулок». Ей было 29 лет, и она весьма сочувствовала 21-летнему Бенджамину, обжегшемуся на двух авантюрах.

Дизраэли был еще очень наивен. Он считал, что его неудачи объясняются тем, что соратники, «люди общества», его просто обыграли, одурачили. Теперь он жаждал мести. Он им покажет! Какую неприятную для них историю он поведает миру! И с каким остроумием и сарказмом! «Это будет, — считал он, — величайшее, самое фантастическое разоблачение после разоблачений, предпринятых Байроном». Общество будет ему признательно, примет в свои объятия и провозгласит его, Бенджамина, новым Байроном. Можно понять, что юный Бенджамин не догадывался, что высший свет ответит враждебностью тому, кто покажет его истинное лицо. Но как этого не предвидели многоопытные Остины и отец Бенджамина, остается загадкой. Ведь они-то хорошо знали, как реагировали верхи общества, когда Джордж Байрон показал, чт***о*** он о них думает.

Можно предположить (сведения, сообщаемые Бенджамином на этот счет, биографы берут под сомнение), что он начал работать над романом в 1825 г., когда почувствовал приближение катастрофы. В самом начале 1826 г. он посвятил в свои намерения Сару Остин, сказав, что втайне пишет роман, остроумное, саркастическое произведение о приключениях умного молодого человека в обществе. Нельзя ли будет напечатать роман анонимно, как вышел «Тримейн»? Сара попросила готовую часть рукописи, прочла ее, пришла в восторг и загорелась желанием провернуть это дело через того же Колборна.

Дальше начинается издательская история, кажущаяся в наши дни невероятной. Бенджамин лихорадочно строчит роман по многу страниц в день, разбрасывая готовые листы веером по полу. Сара его торопит, читает готовые страницы, предлагает изменения. «Она советовала ему убрать или изменить отдельные

куски, которые не отвечали требованиям хорошего вкуса», — пишет Жермен. Таким образом, вопреки бытующему примитивному взгляду и в те времена существовала редактура, даже в Англии. Затем Сара переписывала текст своей рукой начисто. Это делалось для того, чтобы издатель не узнал, чье произведение он печатает. Поначалу Колборн действительно не ведал, кто автор; ему было лишь сказано, что это человек, хорошо знающий жизнь высшего света. И Колборн, не зная, у кого он покупает кота в мешке, выплачивает гонорар в сумме 200 фунтов стерлингов. Правда, прежде он в свою очередь просмотрел кусок рукописи и чутьем бизнесмена уловил, что экономически дело стоящее. Тогда и такое было возможно.

Сара Остин и Бенджамин для обеспечения секретности не встречались, хотя их дома были почти рядом, поддерживали связь при помощи писем и записок. С непонятной наивностью Сара убеждала Бенджамина, что секрет будет сохранен. «Вы находитесь, — писала она, — в полной безопасности и навсегда останетесь в таком положении».

Бизнес и в литературе бизнес. Колборн, естественно, стремился заработать на издании анонимного романа. У него были деловые связи с некоторыми периодическими изданиями, и он использовал их в полную меру для предварительной рекламы. Были задействованы и другие каналы. На рекламу готовящейся к выходу в свет книги издатель израсходовал 100 фунтов стерлингов, сумму, равную половине авторского гонорара. И эти расходы оправдали себя.

Когда «Вивиан Грей» вышел в свет, высшее общество Лондона сочло, что книга написана каким-то видным деятелем, хорошо приняло ее и сразу же начало строить предположения о том, кто ее автор и кто в действительности изображен писателем. В печати появились намеки, с кого списано то или иное действующее лицо. Впоследствии биографы утверждали, что сам Дизраэли инспирировал некоторые такие намеки. В салонах и гостиных строили самые невероятные предположения о том, кто мог в действительности быть этим отступником из мира «высокопоставленных лиц и крупных состояний». Назывались самые невероятные имена, и среди них уже знакомые нам Локарт и Уорд. 16 мая 1826 г. Уорд писал Саре Остин: «Все только и говорят, что о „Вивиане Грее“. Общее мнение исключительно благоприятное, и книга, кажется, нормально распространяется и привлекает к себе внимание». Уорд предупреждал, что книга вызывает как любопытство, так и возмущение: «Она испугала многих людей, которые опасаются, что их вывели на страницах романа. Вам следует быть весьма осторожной и не открывать

фамилии автора. Самого Вивиана Грея поносят за его лицемерие и в то же время с большим чувством воспринимают его обаяние». Позднее Уорд сообщал Саре, что эту книгу мог написать только очень умный человек. Сам Бенджамин и его друзья одновременно упивались успехом романа и с тревогой ожидали последствий.

Первые недели после выхода романа в свет отзывы были положительными. Рецензенты в общем без предвзятости говорили об анонимном авторе и верно подмечали сильные стороны его таланта. В рецензии, появившейся в вечерней газете «Стар» за 11 мая, отмечалось «неожиданное появление в литературе нового типа романа, что вызвало очень большой восторг. Речь идет о романах, описывающих жизнь фешенебельных кругов нашего общества». Публикация ряда из них стала выдающимся событием, например таких, как «Матильда», «Тримейн», «Гранби» и др. Все эти произведения были написаны людьми высоких рангов или большого богатства, которые имели наилучшие возможности для изучения предмета, о котором они писали. «Мы не претендуем на то, что знаем, кто является автором „Вивиана Грея“, но то, что он яркий, состоявшийся писатель, видно сразу же по ознакомлении с его романом. Автор детально прорисовывает приключения честолюбивого молодого человека при различных обстоятельствах и часто в весьма критических ситуациях. Он продемонстрировал большую изобретательность при построении повествования, а также оригинальность в изложении событий. Характеры выписаны очень хорошо, и, несомненно, имеются прототипы в реальной жизни. Манера повествования весьма приятная и разнообразная. В целом произведение вызывает большой интерес, и поэтому „Вивиан Грей“ непременно будет популярен в самых различных кругах читателей».

В целом это и с позиций современности вполне объективная оценка первого романа Бенджамина. Сегодняшний читатель наряду с прочим обязательно отметит четкий, краткий, предельно ясный и простой стиль изложения. Манера письма Дизраэли выигрывает по сравнению с языком, которым сегодня пишутся многие романы и в Англии, и у нас. Когда читателю чуть ли не автоматически с первого взгляда на фразу становится ясен ее смысл, ему не нужно прилагать усилия для понимания того, что может скрываться у автора за претенциозно-вычурными выражениями. Поэтому и сегодня книги Дизраэли многими читаются с удовольствием. Манеру письма, проявившуюся в первом произведении, автор сохранил до конца дней своих. Поистине, если верно утверждение, что простота — сестра таланта, то оно приложимо уже к первому произведению Дизраэли.

Коммерчески роман шел хорошо. «Колборн вполне удовлетворен, как книга расходится. Он ни разу не назвал вашего имени», — пишет в мае Сара Остин Бенджамину. Фраза знаменательная, — следовательно, Колборн уже знает автора книги, приносящей ему неплохой доход. Но тайну, как почти все тайны, удалось сохранить недолго. Уже 15 июня газета «Джон Буль» сообщала, что у нее есть достоверные данные, что «занимательный роман „Вивиан Грей“ является произведением Дизраэли», причем «молодого Дизраэли, а не его отца, как полагали некоторые».

Люди не терпят, если их обманывают. Когда обман обнаруживается, они по возможности бунтуют. А в данном случае обманутой оказалась верхушка английского общества, которой Колборн не без участия Бенджамина в целях коммерческой рекламы внушил, что роман написан человеком «высокого ранга и крупного состояния». Теперь же обнаружилось, что автор — мальчишка из среднего класса, отличившийся пока лишь участием в двух сомнительных предприятиях.

Ветер критики сразу изменился на 180 градусов. У Колборна были враги (у кого их нет!), и они использовали открывшуюся возможность для крайне злобных нападок на издателя, стремясь изничтожить его за введение в заблуждение общественного мнения. В то время в выражениях не стеснялись, и весьма сочные эпитеты сыпались на голову Колборна. О самом романе забыли. Атаки сосредоточились также на персоне автора. Бенджамина били по самому больному месту; ему было бы легче переносить нападки на произведение, чем на себя как личность с безграничным самомнением и самолюбием. В статье (она не была единственной), опубликованной в «Мансли мэгэзин», подчеркивалось, что «автор „Вивиана Грея“ не является сколько-нибудь известным человеком» и, если он хочет избежать «вечных насмешек», ему следует «удовлетвориться погружением в вечное забвение». Больнее всего ударила по Дизраэли рецензия, опубликованная в июле в журнале «Блэквудс», в которой утверждалось, что «Вивиан Грей» был написан «темной личностью, которая никого не интересует». Бенджамин так оценивал ситуацию: «Я стал посмешищем. Пришло время умереть».

Так он говорил, но, конечно, думал иначе. Дизраэли задумал и написал «Вивиана Грея», чтобы показать свет и тех, с кем он сотрудничал в своих предприятиях, с самой неприглядной стороны. Это было не что иное, как нередко встречавшееся в жизни у самолюбивых и энергичных людей желание «хлопнуть дверью», т. е. отомстить тем, кого он считал виноватым в

постигших его неудачах и несчастьях. Как правило, такие эмоциональные акции не имеют успеха и вредят в основном тем, кто их предпринимает. Так получилось и на этот раз. Дизраэли допустил при этом две серьезные ошибки. Он не рассчитал, что его литературный демарш не принесет вреда тем, против кого он был задуман; более того, демарш будет иметь плохие последствия для самого Дизраэли, поскольку поссорит его с теми общественными кругами, проникнуть в которые было его страстным желанием.

Показав высший свет Англии порочным и аморальным, Дизраэли изложил также формулу успеха для тех, кто намерен действовать в этих сферах. Эта формула была в высшей степени аморальна. Поскольку он вложил ее в уста главного героя, а публика без труда вскоре установила, что Вивиан Грей списан с самого автора, то мысли и идеи Грея стали считать мыслями самого Дизраэли. Это было в основном правильно и принесло Бенджамину неисчислимые неприятности в будущем, хотя он и прилагал большие усилия к тому, чтобы публика забыла о «Вивиане Грее». В довершение всего, когда летом 1826 г. пресса ополчилась против Дизраэли, он, вместо того чтобы отмолчаться, что было бы разумным в сложившейся ситуации, начал предпринимать нервные и неубедительные попытки оправдаться. Его никто не хотел слушать, усилия были напрасны, но они подливали масла в огонь критики. В конце концов Дизраэли прекратил попытки как-то обелить себя.

Все это происходило, когда Бенджамину только что исполнилось 20 лет. Примерно в те же годы Чарлз Диккенс приблизительно в том же возрасте написал «Пиквикский клуб». Поэтому неудивительно, что, как замечает Фрод, «Дизраэли, как и Байрон, уснув однажды никому не известным юношей почти 21 года от роду, проснулся и обнаружил, что он прославился».

Каково же было содержание первого романа Дизраэли, принесшего ему скандальную славу?

Прежде всего читатели увидели, какую цель в жизни ставит перед собой Вивиан Грей, и не без основания приписали ее автору. «В ранние годы жизни Дизраэли, — замечает Р. Левин, — в его характере мы видим такие черты, как эгоцентризм, самоуверенность, честолюбие, яркость ума, склонного к романтическому мистицизму. В мыслях молодого Бенджамина не было вопроса о том, каким человеком он хочет быть, — только великим человеком». Хотя поначалу пути к этой цели были не совсем ясны, но сама цель была бесспорна. В «Вивиане Грее» Дизраэли рисует своего героя как «выдающегося, бесстрашного, находчивого молодого человека, рожденного быть лидером и

преобразователем. Он — уникальное существо, появившееся на земном шаре, чтобы руководить и управлять менее счастливыми его жителями». Эта линия превосходства и величия, проходящая через весь характер Вивиана, в мыслях читателя замыкалась на авторе романа.

Автор ярко показывает средства, которыми его герой намерен прокладывать путь в жизни. Орудием должен служить мощный интеллект, им автор наделяет Вивиана, вернее, уверенностью, что он обладает им. «Как много сейчас благородных, весьма влиятельных людей, которым не хватает только ума, чтобы стать министрами, — пишет Дизраэли. — И что требуется Вивиану Грею, чтобы достигнуть этой цели? Использовать в своих интересах влияние этих благородных персон».

Не простое это дело — заставить высокопоставленных, влиятельных людей работать на карьеру молодого честолюбца, ничего не имеющего за душой. Причем сделать таким образом, чтобы эти влиятельные персоны не догадывались о сути дела, чтобы они думали, что работают на собственное возвышение, а молодой человек лишь скромный советник и помощник, у которого одна мечта — содействовать преуспеванию своего патрона.

Но как это сделать в реальной жизни? Вивиан Грей говорит, что у него есть концепция реализации замысла. Она весьма проста: во-первых, использовать свою изобретательность и невероятную способность убеждать людей, чтобы они действовали в нужном ему направлении, и, во-вторых, действовать при этом с не знающим границ мужеством и, мы бы сказали, с величайшей дерзостью. «Требуется, — продолжает Вивиан, — еще только одно — смелость, простая, великолепная отвага», и он, Грей, обладает ею в полной мере, не знает страха.

Придя к такому заключению, Вивиану удается установить контакт с лицом высокого положения, и он тут же пытается реализовать через него свой замысел. (Нашему читателю, возможно, покажется забавным, что это лицо — маркиз — имело фамилию Карабас, популярную в изданиях для детей самого младшего возраста.) Однажды во время обеда у отца Вивиана маркиз в присутствии многочисленных гостей начал высказываться о политике. Карабас нес явную чепуху; один член парламента и профессор, присутствовавшие при этом, стали его зло высмеивать; маркиз начал возражать, приводить аргументы в свою пользу, но у него достало ума понять, что он поставил себя в смешное, глупое положение. Подобное положение всегда травмирует людей, а для высокопоставленных оно просто невыносимо. И вот в этот момент, когда Карабас почувствовал,

что он в отчаянной ситуации, с другого конца стола раздался твердый и уверенный голос доселе хранившего полное молчание молодого человека. Говоривший понимал, что маркиз городит явные глупости, и тем не менее он заявил: «По моему мнению, его лордство был неправильно понят». И Вивиан двинул в защиту маркиза всю силу своего таланта убеждать людей. Он говорил о том, что часто мешает людям правильно понять мысли и идеи собеседника, и в заключение привел высказывание Болингброка, известного английского политика и оратора первой половины XVIII в., чтобы твердо заявить, что «мнение благородного маркиза Карабаса — одно из самых здравых, мудрых и в высшей степени убедительных соображений, когда-либо высказанных простыми смертными». Цитата из Болингброка была придумана самим Греем. У него было твердое правило «никогда не высказывать какое-либо соображение как свое собственное мнение. Его система состояла в том, чтобы выдвигать какую-то мысль как принадлежащую тому или иному выдающемуся, важному деятелю». Поэтому Грей слыл в обществе человеком, обладающим необыкновенной памятью, что обеспечивало ему безусловную победу в любом споре, победу, гарантированную «привлечением авторитета великих имен для подкрепления своих аргументов».

Душа маркиза была покорена. Последовали его регулярные встречи с Вивианом, который мог интересно говорить о любых житейских делах, вроде того, как лучше пить мозельское вино, рассказывал анекдоты и сплетни о жизни известных, но не очень влиятельных людей и т. д. и т. п. Он тонко восхвалял маркиза и льстил ему, приводя выдержки из его заявлений и утверждая, что Карабас превосходно владеет искусством беседы. Тонко играя на тщеславии маркиза, Вивиан добился того, что стал его близким другом, о котором Карабас говорил, что Вивиан «на удивление умный и поразительно совершенный молодой человек».

«Поразительно совершенный» Вивиан распространил свою тактику завоевания сердец и на близких и друзей маркиза. Ему нужна была массированная поддержка для реализации своих замыслов. Его приглашают в загородный дом, точнее, замок маркиза, где собирается большое общество. Грею нужно получить поддержку маркизы, и «он говорит комплименты пуделю маркизы», приводит выдержки из германских авторов в беседах с ее компаньонкой, учит маркиза, с каким соусом есть особый сорт пудинга, и рассказывает бесконечные истории, скандальные и сентиментальные: простые истории — для одной маркизы, скандальные — для другой и сентиментальные — для сестры маркизы.

Когда читаешь в «Вивиане Грее», что главный герой с

коварным умыслом расхваливает пуделя маркизы, на ум приходит известное сочинение А. С. Грибоедова. Молчалин и Грей действуют в одно время — и пьеса и роман написаны в начале XIX в., причем один автор не знал о произведении другого. И тем не менее у Грибоедова Молчалин говорит влиятельной старухе:

> Ваш шпиц — прелестный шпиц, не более наперстка,
> Я гладил все его: как шелковая, шерстка.

А Чацкий комментирует:

> Молчалин! — Кто другой так мирно все уладит!
> Там моську вовремя погладит,
> То впору карточку вотрет!

Оба автора, не зная о сочинениях друг друга, тем не менее одинаково сформулировали тактику деланья карьеры и в Англии, и в России. Конечно, масштабность задуманных карьер была различной — куда уж скромному Молчалину до строящего грандиозные планы Вивиана Грея. Одинаковость тактики, намеченной обоими авторами, объясняется их хорошим знанием человеческой натуры, которая в одинаковых условиях проявляется почти идентично. Оба они также хорошо знали методы и средства, господствовавшие в их странах в то время и применявшиеся для продвижения наверх. Было бы неверным полагать, что все это кануло в вечность вместе с XIX в. И «Горе от ума», и «Вивиан Грей» весьма современны сегодня. Методы Молчалина и Грея можно наблюдать и сейчас у беспринципных карьеристов, стремящихся «вверх». Вероятно, это объясняется тем, что человеческая натура в области, о которой идет речь, увы, не претерпела существенных изменений.

Когда Вивиан решил, что маркиз и его окружение созрели для решительных действий, он выступил с грандиозным планом. Вивиан обещал им высокие посты, власть, возможность назначать на большие должности угодных им людей. Для этого необходимо создать свою партию и действовать в соответствии с принципами, которые он, Грей, выдвигает. Маркиз, торжествуя, заявлял: «Разве я вам не говорил, что Грей необыкновенно умный парень?» Собеседники Вивиана прочили «необыкновенно умного парня» в лидеры палаты общин, после того как планируемая партия добьется победы на парламентских выборах. У Вивиана хватило здравого смысла предложить на этот важный пост вместо себя

некоего Кливленда, человека более зрелого и опытного в политике. Интересна беседа Грея с Кливлендом. Выслушав идеалистические соображения молодого человека, Кливленд заметил: «Нет, Грей. Заставь их бояться тебя, и они будут целовать тебе ноги. Нет такого предательства и низости, на которые не была бы способна политическая партия, ибо в политике нет честности».

В конце концов замысел Грея терпит крах. Его предает женщина, про которую он думал, что использует ее в своих целях. Маркиз Карабас порывает с ним и отказывает от дома; ссора с Кливлендом дополняет картину полного краха. Автор весьма невысокого мнения о том времени в жизни английского общества, когда писался роман. Не случайно Вивиан Грей, пытаясь осмыслить свое поведение, замечает, что ему пришлось действовать в «этот виновный век».

Для Дизраэли этот век далеко не безликий. Читая роман, нельзя не заметить, что у автора неидентичное отношение к различным слоям английского общества. Он критически относится к аристократии крови и денег, иронизирует и высмеивает ее. По молодости, в состоянии аффекта он допускает перехлест в критике высших слоев, и это ему впоследствии никогда не забыли и не простили. Но он не идет на полный разрыв с этими слоями, ибо его мечтой остается желание прорваться в высший свет, слиться с ним, так как иного пути к власти не существует. Отсюда и развиваемый Вивианом план создания именно этими кругами новой политической партии, которая, следуя предначертаниям Грея, изменит положение в стране в лучшую сторону. Жажда власти для Грея — самое главное. Все остальное — второстепенное. Объясняя, почему он добивался сотрудничества с маркизом Карабасом и его покровительства, Грей замечает: «Конечно, я руководствовался при этом собственными интересами».

Совершенно иное отношение у автора к низам общества — рабочим, фермерам, к обездоленным людям. Он их глубоко презирает, оскорбительно именует «стадом», которым призваны управлять люди из высших классов, и прежде всего он, Дизраэли. Разумеется, к «стаду» он принадлежать не хочет. Это совершенно четкая концепция «стада» — толпы — и вождя. Дизраэли будет придерживаться ее всю жизнь. Однако, когда он займется практически политикой, он лучше поймет значение и роль низов и в своих политических романах будет осторожнее в выражениях по их адресу. Он даже начнет заигрывать с ними. Но до этого времени пройдет пара десятилетий.

Человеческая натура сложна, и ее определенные черты могут

одинаково проявляться у различных народов, ведь читаем же мы во второй главе «Евгения Онегина» (роман в стихах А. С. Пушкина вышел в том же, 1826 г.) следующее:

Все предрассудки истребя,
Мы почитаем всех нулями,
А единицами себя,
Мы все глядим в Наполеоны;
Двуногих тварей миллионы
Для нас орудие одно…

Дизраэли в «Вивиане Грее» не всегда последователен и в какой-то мере противоречив. Придерживаясь концепции вождя и толпы, он тем не менее приводит своего героя к полному краху. Правда, крах вызван не напором снизу, а неразумными действиями людей из высших слоев общества. Автор заставляет Вивиана обнажить перед читателем свою душу. Грей говорит, подводя итог своей деятельности: «Не являюсь ли я, таким образом, интеллектуальным донжуаном, обращающимся с душами людей так, как он обращался с их телами? Не являюсь ли я духовным распутником?»

Биограф Дизраэли О'Коннор, заключая анализ романа, писал: «Таков, значит, Вивиан Грей… Мое мнение о характере лорда Биконсфилда[2] состоит в том, что это по существу двойник характера Вивиана Грея. И мое видение политической карьеры лорда Биконсфилда говорит, что он делал ее теми же методами, какие практиковал герой его самого раннего романа». Нет оснований для неприятия этой оценки.

Напряжение, потребовавшееся для быстрого написания романа, а также воздействие злобной критики вызвали у Дизраэли нервный срыв. Он заболел летом 1826 г. Утверждали, что это заболевание вызвано «перенапряжением мозга» при создании романа. Больному было предписано постоянное пребывание в темной комнате; врачи настаивали на полном отдыхе и перемене обстановки.

Сара Остин убедила мужа провести отпуск летом 1826 г. на континенте и взять с собой Дизраэли. Выехали в начале августа во Францию, затем через Швейцарию в Италию. Это традиционный маршрут для состоятельных английских путешественников. Сара Остин часто писала в дороге сестре Бенджамина — Саре. Интересно ее письмо, свидетельствующее о спесивости и высокомерии богатых англичан по отношению к нравам и обычаям тех стран, где они отдыхали и путешествовали. «Я боюсь, — писала Остин, — что привезу домой ужасные

привычки, которые обычаи этих странных государств превращают во вторую натуру».

Сам Бенджамин с гордостью писал отцу, что в Швейцарии — это было на Женевском озере — он совершил «величественную» прогулку в лодке, которой управлял «лодочник Байрона». Образ Байрона гипнотизировал Дизраэли. Он был недоволен, что был в лодке не один, а с Остином. Он хотел от него избавиться, но не мог, ибо они перед поездкой «выпили изрядное количество бургундского».

В путешествии Бенджамин был как бы гостем Остинов, они за все платили. Но в конце октября (путешествие, таким образом, было не столь уж продолжительным), по возвращении в Лондон, Остин вручил Бенджамину подробнейший реестр всех произведенных расходов, включая самые мелкие, до одного пенса. Предлагалось разделить расходы на три равные части, и на долю Дизраэли пришелся 151 фунт стерлингов. Кажется, для Бенджамина такой педантизм юриста-бизнесмена был несколько неожиданным и не совсем приятным. Но что поделаешь? В богатой Англии умеют считать деньги, и это совсем неплохая черта английского характера.

Скандал вокруг первых двух томов «Вивиана Грея» стимулировал спрос на это произведение. Часто бывает так, что отрицательная рецензия резко повышает интерес читателя к книге, т. е. имеет результат, обратный тому, который преследовали рецензент или те, кто за ним стоял. Издатель настойчиво просил Дизраэли написать продолжение романа. Бенджамин написал три завершающих тома, известные под общим названием «Возвращение Вивиана Грея». Критики и биографы сходятся в том, что эта часть романа «поразительно скучна». На этот раз романист пытался оправдать своего героя и снять с него все пороки, с которыми он предстал перед читателем в первых двух томах. Это было самооправдание, ибо критика и читатели прониклись твердым убеждением, что Вивиан — это сам Дизраэли. Потуги самооправдания результатов не дали. Все продолжали считать, что агрессивный, циничный Вивиан — это портрет самого автора. Часто так бывает, что однажды установившееся мнение о человеке остается при нем на всю жизнь. Так было и в данном случае.

Попытки Дизраэли оправдаться и внушить читателю свою концепцию, проводимую во второй части «Вивиана Грея», сопровождались примечательным эпизодом. Он написал статью, в которой подробно раскрывал смысл одной из сцен. Через Сару Остин (она по-прежнему играла активнейшую роль в продвижении в печать творений Бенджамина) и через Колборна

статья была вручена редактору важного издания «Нью-Мансли мэгэзин». Редактор, как водилось и тогда, передал материал своему сотруднику, некоему «поэту-редактору» Тому Кэмпбеллу для редактирования и подготовки его к печати. В результате, как писал Колборн Саре, статья была «искорежена и испорчена». Кэмпбелл счел, что материал слишком велик, и возвратил его автору для сокращения. В общем, окончательное решение оказалось за рабочим редактором.

Следующий роман Дизраэли — «Молодой герцог» — не стал сенсацией. Биографы полагают, что «несомненно побудительным фактором для написания этого романа была нужда в деньгах…» Здесь автор более сдержан и серьезен, он пытается разобраться в самом себе. В «Молодом герцоге» уже пробиваются, пока еще робко, серьезные политические мотивы, которые зазвучат в творчестве Дизраэли через полтора десятка лет.

Дизраэли писал быстро, и через год, в 1832-м, появляется следующий роман — «Контарини Флеминг». А еще через год вышло в свет последнее сочинение из автобиографической серии — роман «Алрой». «Контарини Флеминг» привлек большее внимание. В нем особенно силен автобиографический мотив. Автор излил «всю горечь своего сердца, связанную с несчастным существованием в кругах, проникнутых фальшью». Рисуя жизнь общества, автор, по его собственному признанию, «неожиданно обратился к самой убийственной сатире и превратился даже в злобную личность». Бенджамин полагал, что он скрывает свою духовную связь со своим героем. Он дал ему и другим действующим лицам немецкие имена, действие развертывалось, судя по некоторым описаниям, где-то в одном из немецких княжеств, но его выдавала схожесть приключений главного героя с тем, что произошло с самим Бенджамином в его спекуляциях на бирже и в попытке создать новую газету. Жермен справедливо замечает, что «Дизраэли, безусловно, рисовал героев „Контарини Флеминга“ и „Алроя“ до некоторой степени с самого себя». После написания этих романов Дизраэли решает больше не создавать биографических произведений и уже не отступает от принятого решения.

Советское литературоведение уделило определенное внимание Дизраэли как писателю. В издании, посвященном истории английской литературы, ему отведен специальный раздел, что свидетельствует о признании нашими литературоведами его вклада в английскую литературу. Творчество Дизраэли второй половины 20-х годов XIX в., т. е. его первые шаги как романиста, рассматривается как продолжение романтических традиций в английской литературе. «Атмосфера

ложной необычности, исключительности, псевдоромантической незаурядности окружает безгранично честолюбивого и беззастенчиво эгоистического героя Дизраэли», — отмечается в «Истории английской литературы». Для первых романов Дизраэли характерны апология эгоизма «выдающейся» личности, презрительно отвергающей нормы человеческой морали, воинствующий аристократизм духа, тяготение к фешенебельным сюжетам и персонажам. Литературная позиция Дизраэли тем самым отличается от линии английских писателей-демократов того времени. Герои произведений Дизраэли не имеют высоких гражданских идеалов, для них цель жизни — это личная свобода и счастье себялюбца, карьера, стремление занять в обществе руководящее положение.

Вряд ли, однако, можно согласиться с утверждением, что он «гримировался под революционного поэта». Он много писал о революционных событиях, есть даже его незавершенная поэма, где центральное место должна была занимать Великая Французская революция, но трибуном революции он не был. Он не прикидывался революционным поэтом, а просто говорил о революции так, как она ему представлялась. У него было свое видение революции.

Долгое время воображение Дизраэли занимал Байрон, но его привлекал не революционный романтизм, а судьба великого поэта, то, что Байрон был героем для образованного общества не только Англии, но и других стран. Дизраэли завидовал славе Байрона и мечтал о чем-то подобном для себя. Однако он не занимал идентичной Байрону позиции не только в своих литературных произведениях, но и в политике, например в отношении освободительных движений народов, о чем речь пойдет ниже. И тем не менее Байрон долго оставался его кумиром.

Зарубежная историография знает и другие оценки Дизраэли как литератора. Так, американец Жермен в 1960 г. безапелляционно утверждал, что «не может быть сомнений в том, что Дизраэли по существу английский романтик, фактически Байрон позднего периода». Раннее творчество Дизраэли противоречиво и поэтому порождает различные оценки. На следующем, «политическом» этапе оно станет более определенным.

БОЛЬШОЙ ВОЯЖ

Дизраэли работал мощными рывками, творческими «запоями». Последние три тома «Вивиана Грея» вышли в свет 23 февраля 1827 г., а это означало, что он написал их за три месяца. Подобное перенапряжение не могло не сказываться на здоровье. Хотя Дизраэли прожил довольно долгую жизнь, считается, что здоровье у него было неважным. Он сам часто жаловался на плохое самочувствие и говорил, что «нездоровье — его главный враг». Вероятно, режим работы рывками и перенапряжение были повинны в периодическом выходе Бенджамина из строя.

За вторую часть «Вивиана Грея», несмотря на скандал с первой частью (а может быть, благодаря ему), издатель Колборн уплатил Дизраэли солидный гонорар — 500 фунтов стерлингов. Сумма по тем временам значительная, но долги Бенджамина во много раз превышали ее. Он решил погасить платежи, не терпящие отлагательства по моральным соображениям: уплатил Остину свою часть расходов по поездке в Италию и послал с холодным официальным письмом издателю Мэррею 150 фунтов стерлингов в погашение расходов по публикации злосчастных брошюр о горнодобывающих предприятиях в Южной Америке.

С 1827 до начала 1830 г. в жизни Дизраэли не происходило ничего особенного: он хандрил, был нездоров. Родные и Сара Остин тревожились по этому поводу, заботились о болящем. Есть несколько мнений о том, чт***о*** за недомогание было у Бенджамина. До конца этот вопрос не выяснен, но, вероятно, близок к истине Блэйк, заметивший, что это было «нервное потрясение».

Естественно, возникла идея о путешествии Дизраэли в теплые края, где мягкий климат, солнце и море должны были поправить его здоровье. Но забота о здоровье была не единственной причиной, в силу которой Бенджамин стремился покинуть холодные берега туманной Англии. Долги отравляли его существование. Некоторые кредиторы, не дождавшись уплаты в срок, пошли по пути закона и обратились к шерифу. Агенты шерифа стали донимать несостоятельного должника, а он шел на различные уловки, чтобы ускользать от встреч с ними. Создалась ситуация, многократно описанная Чарлзом Диккенсом в его романах. В этих условиях возник совсем уж фантастический план. Дизраэли обратился к Остину с идеей покупки поместья, которое могло бы обеспечить ему место в парламенте, а члены парламента пользовались «иммунитетом от долгов», т. е. их нельзя было посадить в долговую тюрьму.

Для покупки поместья нужны были деньги. Где их взять?

Естественно, возникает мысль об отце, но, как замечает Жермен, «даже в нормальных условиях Исаак Д'Израэли не мог ссудить ему достаточно денег для покупки такой собственности. Он не был богатым человеком». Вернее, Исаак не был очень богатым человеком, но он не был и бедным. Именно в это время он приобрел для себя загородный дом Брэденхэм. Ни на этот раз, ни в дальнейшем он не пытался радикально помочь сыну выпутаться из долгов. Поездка за границу была значительно более простым средством стать недосягаемым для кредиторов и стоящего на страже их интересов шерифа. Бенджамину нужно было выиграть время, а там как-то все уладится. Он писал Остину: «Как говорил великий Фридрих, время — это все».

Поездка за границу, да еще на длительный срок, тоже ведь требовала немалых денег. Интересно, что и эти деньги не поступили от отца. Сара Остин и ее муж приходили на помощь Бенджамину в его бесконечных финансовых затруднениях чаще, чем его семья. Остины, особенно Сара, питали к Бенджамину большую слабость: сами они были бездетны. Вот и теперь, в марте 1830 г., когда «взгляд Дизраэли был обращен в сторону Ближнего Востока, а кредиторы нажимали, требуя уплаты долгов», его выручил Остин. Поверенный был состоятельным человеком, дела его шли хорошо, и он согласился одолжить Бенджамину 50 фунтов. Этого хватило, чтобы удовлетворить самых настырных кредиторов, и Дизраэли наконец мог открыто появиться в Лондоне.

В конце концов Остин обеспечил финансовую сторону поездки Дизраэли в район Средиземного моря и Ближнего Востока. Он не практиковал широко финансовые операции, но все же получил под свою гарантию от одного из лондонских банков письмо, предоставлявшее возможность Бенджамину получить от различных банкиров на Мальте, в Измире и Константинополе деньги на путевые расходы на общую сумму в 500 фунтов стерлингов.

Дизраэли отправился в путешествие 28 мая 1830 г. Поездка продолжалась 16 месяцев и имела важное значение для Бенджамина. Путешествие благотворно сказалось на его здоровье, хотя следует иметь в виду, что и в момент отъезда путешественника самочувствие его уже было таково, что позволяло предпринять длительную и довольно трудную поездку. Он пристально изучал страны Средиземноморья, их обычаи, культуру, историю. Без этого Дизраэли не смог бы написать некоторые из последующих романов. Близкое знакомство с этим регионом формировало не только Дизраэли-писателя, но и Дизраэли-политика. Впечатления, приобретенные в поездке,

сказывались впоследствии на взглядах Дизраэли на внешнюю и имперскую политику Англии.

Одному путешествовать скучно, неудобно и небезопасно. Поэтому Дизраэли отправился в путь вместе с Джорджем Мередитом. Они были друзьями с детских лет, их семьи поддерживали тесные отношения, и юноши за шесть лет до этого вместе путешествовали по Бельгии и по Рейну. Сестра Бенджамина Сара и Джордж Мередит много лет любили друг друга, но возражения родственников с его стороны мешали им пожениться. Теперь, накануне отъезда, все препятствия были преодолены, и обе семьи условились, что молодые люди вступят в брак сразу же по возвращении Джорджа из путешествия.

Друзья прибыли в Гибралтар в конце июня. Бенджамин ехал под воздействием психологической травмы, возникшей в связи с тем, что критика разнесла в пух и прах его роман. Поэтому он поумерил свой апломб и в первые дни по приезде в Гибралтар вел себя сдержанно. Но вдруг все изменилось. Английская колония здесь была немногочисленной и состояла из административных чиновников и военных местного гарнизона. Совершенно неожиданно для себя Дизраэли обнаружил, что местное общество вопреки негативному мнению метрополии высоко оценивает «Вивиана Грея» и считает его «одним из шедевров девятнадцатого столетия». Бенджамин, вначале самокритично говоривший в местном обществе о своем произведении, вскоре заметил, что его слушатели действительно высоко оценивают роман. Это было естественно, ибо колониальные чиновники и армейские офицеры имели свое мнение о забавной книге и в тонкости ее оценки критиками-литераторами не вникали, да, вероятно, и не знали о ней. В письме к отцу Бенджамин рассказывает, что «вначале я извинялся, говорил о глупостях юности и что мне стыдно и т. п. Но, убедившись, к своему удивлению, что они говорят вполне искренне, и опасаясь, что они по глупости примут мою последнюю оценку романа, я радикально изменил свою позицию, сделал это как раз вовремя и стал держаться весьма важно». И тут же он убедился, как существенно необходимо вести себя уверенно, ибо люди часто оценивают человека именно по этому признаку.

Пока же Дизраэли стремился всеми средствами поддерживать своим важным поведением мнение, что он большой писатель. Этой линии он придерживался и в дальнейшем, на протяжении всего путешествия. «Чрезмерной скромности не было суждено явиться одной из помех для Дизраэли на оставшемся отрезке его путешествия или на протяжении всей его жизни. Его поведение в Гибралтаре свидетельствует об этом достаточно хорошо», —

замечает Блэйк.

Приободрившись, Дизраэли принялся играть роль кумира местного общества. Он поучал генерал-губернатора по проблемам морали и политики. Принялся ухаживать за генерал-губернаторшей — он умел это делать — и вскоре покорил ее сердце. Сказалась «необычайная способность покорять пожилых женщин», в дальнейшем хорошо служившая ему на протяжении многих лет. Экстравагантная манера вести себя и одеваться создавала ему ореол сенсационности. Отмечалось, что он демонстративно пользовался двумя тростями — одной утренней, другой вечерней — и менял их строго в полдень по выстрелу сигнальной пушки. Подобным образом Дизраэли вел себя на протяжении всего путешествия.

Из Гибралтара Бенджамин и Джордж совершали поездки верхом по Испании. Они побывали в Андалусии, Севилье, Кордове, Гранаде, Малаге, посетили Альгамбру. Испанцы из-за одежды и цвета лица принимали Дизраэли иногда за мавра, что ему весьма импонировало. Эти поездки были достаточно опасны из-за того, что на дорогах действовали многочисленные бандитские шайки. Испанские гранды и знатные англичане ездили под защитой сильной военной охраны. Но Бенджамина опасности не останавливали.

В конце августа друзья прибыли на Мальту, тоже английскую колонию. Бенджамин путешествовал благодаря финансовой поддержке Остина, но он не испытывал должной признательности верному другу и его семье. Он соизволил написать Остину лишь через три с половиной месяца после отбытия из Лондона. Дизраэли очень многим был обязан Остинам, но уже в это время начал отдаляться от них. Чувство признательности у Бенджамина не было сильно развито.

Благодаря рекомендательным письмам, которыми он запасся в Лондоне, Бенджамин сразу же был принят влиятельными местными англичанами. Здесь он нашел много старых знакомых по Лондону, служивших в местной администрации, в гарнизоне и на военных кораблях, базировавшихся на Мальте. Его стремление возбудить сенсационность вокруг собственной персоны было еще большим. Усилилась экстравагантность в одежде. Он наносил многочисленные визиты в жакете невероятной расцветки, в белых панталонах, перетянутый широким поясом всех цветов радуги. Когда он проходил по улице, то, по словам Мередита, за ним следовала половина жителей города. Быстро были установлены контакты с губернатором и его супругой, их он поразил своим остроумием и талантом рассказчика. На обед, который давали офицеры расквартированного на Мальте пехотного полка, он

явился в живописном наряде, и обед благодаря присутствию Дизраэли превратился в своеобразное представление.

На Мальте Дизраэли начал осваивать восточные обычаи. Турецкие мотивы появились в одежде. Ему нравилось валяться на мягких широких диванах и курить трубку, мундштук которой был длиннее двух метров. «Я стал заядлым курильщиком», — писал он Остину. Пижонство Дизраэли на Мальте нравилось далеко не всем. Многие рассматривали его как вызов, как оскорбление общественных нравов. Некоторые дома для него закрывались, офицеры отпускали злые замечания в его адрес и иногда так, что Дизраэли их слышал. Отрицательная реакция на поведение Дизраэли была бы еще сильнее, если бы они знали, какую философию он подводит под свои действия. Он писал домой: «Чтобы управлять людьми, вы должны или превосходить их интеллектуально, или презирать их». Здесь мы видим все те же мотивы, знакомые нам по первой части «Вивиана Грея», — высокомерное превосходство лидера над толпой.

Мередит был человеком иного склада. Он путешествовал как ученый, стремился познавать мир и держался спокойно, учтиво, не привлекая к себе всеобщего внимания, и к манере поведения своего друга относился неодобрительно, не скрывая этого. Результатом стало начавшееся отчуждение между Дизраэли и Мередитом. Оно усилилось после того, как друзья встретились на Мальте с неким бойким Джемсом Клеем, знакомым еще по Лондону. Клей, по свидетельству Бенджамина, вел жизнь «блестящего авантюриста», весьма привлекательную для Дизраэли. Неудивительно, что Бенджамин быстро сблизился с новым товарищем. К тому же этот прожигатель жизни тверже стоял на ногах, чем Бенджамин. Он зафрахтовал яхту, на которой друзья и продолжили путешествие.

И Клей, и Дизраэли были горячими поклонниками Байрона. У Клея был лакей Тита Фалчиери — бывший приближенный слуга Байрона. Тита понравился Бенджамину как своеобразная историческая достопримечательность. Его взяли с собой в путешествие, а затем Дизраэли вывез его в Англию, где он навсегда прижился в доме в качестве слуги, но на несколько особом положении. Тита был романтической, живописной, привлекательной фигурой. Дизраэли писал домой, что «он ко всему прочему мягок, как ягненок, хотя и держит всегда два кинжала за поясом… Байрон умер у него на руках».

Несмотря на пристальный интерес Дизраэли ко всему, что связано с Байроном, именно здесь, на Мальте, обнаружилось, что считать его последователем Байрона нельзя. Их взгляды на современный мир, на происходящие в нем процессы были далеко

не идентичны. Отсюда и принципиально различное отношение к этим процессам. Первая половина XIX в. ознаменовалась мощным национально-освободительным движением в Италии и Греции. Байрон не просто симпатизировал этим движениям — он поддерживал их морально, материально, практически участвовал в этой справедливой борьбе на стороне восставших. Приняв участие в освободительной войне греков за независимость, Байрон умер весной 1824 г. в осажденном турками городе Миссолонги. Дизраэли об этом прекрасно знал, ибо именно в это время слава Байрона достигла своего апогея.

Тита — слуга Дж. Байрона, затем — Дизраэли

Во время путешествия Дизраэли в Албании шла война между восставшими албанцами и турками. Дизраэли, будучи на Мальте, решил, что эти события касаются его непосредственно. В сентябре 1830 г. он пишет Остину, что не знает, куда отправится дальше, и предупреждает, чтобы его друг-покровитель не удивлялся, если услышит относительно Дизраэли кое-что «очень странное». В письме от 18 ноября объясняется, что имелось в виду: «Когда я

писал Вам последний раз, у меня появилась мысль, вернее, я принял решение вступить добровольцем в турецкую армию, воевавшую в Албании». Вот где принципиальный разрыв Дизраэли с байронизмом. Байрон действовал на стороне угнетенных, против угнетателей, а Дизраэли «принял решение» воевать вместе с турками против освободительного движения албанского народа.

Это не было легкомысленным порывом безрассудного юноши. Бенджамину было уже 26 лет, и он не мог не понимать, с какими опасностями для жизни связано это решение. А опасности его не останавливали. Следовательно, можно говорить о продуманной позиции. В пользу такого вывода говорит и отношение Дизраэли к национально-освободительным движениям на Балканах в дальнейшем. Судя по документам, Дизраэли не вступил в турецкую армию, и одна из крупнейших его авантюр не состоялась только потому, что к концу 1830 г. восстание в Албании было подавлено. Бенджамин писал 18 ноября Остину: «В сложнейших условиях я полон решимости превратить мою предполагавшуюся акцию в визит в турецкий штаб с поздравлениями» по случаю победы турок над повстанцами. И это было осуществлено.

Запасшись рекомендательным письмом от лорда — Высокого комиссара Англии на Ионических островах, трое путешественников со слугами и охраной направились в Янину — столицу Албанской провинции, где и принесли турецким властям свои поздравления. По свидетельству самого Дизраэли, поздравления приносились высшему турецкому администратору, «который ежедневно отрубал головы половине жителей провинции».

Бенджамин наслаждался путешествием, подробно описывал все его перипетии, сравнивая все, что встречалось на пути трех друзей, с фантастическими рассказами из «Тысячи и одной ночи». Он, конечно, был экипирован должным образом. На нем был «костюм греческого пирата, кроваво-красная рубашка с круглыми серебряными украшениями размером каждое в шиллинг, длинный шарф-пояс со многими пистолетами и кинжалами за ним, красная феска, красные туфли, широкий жакет в синюю полосу и такие же панталоны».

Было бы неверно полагать, что в этом позерстве был весь Дизраэли. Демонстрируя внешнюю экстравагантность, Бенджамин размышлял о серьезных вещах: как быть и что делать дальше, после того как путешествие закончится?

Яхта с тремя друзьями на борту неторопливо крейсировала в районе Ионических островов, затем у побережья Греции.

Путешественники посетили Наварин, Коринто, Аргос, Микены и наконец прибыли в Афины. Непонятно, почему у Дизраэли не возникло желания посетить Миссолонги, где оборвалась жизнь Байрона. Письма Бенджамина в это время наряду с непременными и, возможно, уже надоевшими читателю описаниями его костюмов содержат и ценную информацию о том, как формировались его симпатии и антипатии. Ему нравился образ жизни, быт верхушки турецкого общества. О том, чем питался этот быт, кто его обеспечивал, т. е. об угнетенных народах Балкан и о трудовых, обездоленных низах самого турецкого народа, в письмах не упоминалось и, следовательно, в душе автора места этому не находилось.

В ноябре Дизраэли пишет в Лондон: «Я полностью превратился в турка: ношу тюрбан, курю трубку с двухметровым мундштуком и сижу на корточках на диване. Мехмет-паша говорил мне, что он не думает, что я англичанин, потому что я хожу очень медленно. На самом деле я нахожу привычки этого спокойного и любящего роскошь народа целиком отвечающими моему собственному ранее сформировавшемуся мнению о том, что является уместным и доставляющим наслаждение». Весьма знаменательно и многозначительно, что в этом же письме мы читаем: «Я питаю отвращение к грекам больше, чем когда-либо ранее». Впечатления от поездки оказались для Дизраэли весьма устойчивыми и в дальнейшем окрашивали многие его поступки.

Из Афин путешественники отплыли в Константинополь. Город произвел на Бенджамина сильное впечатление. Здесь он и его спутники провели полтора месяца. В Константинополе Дизраэли и Клей расстались с Мередитом. Ему все больше и больше не нравилось поведение Дизраэли и Клея, и он решил дальше ехать один. Уговоры друзей не подействовали, и Мередит покинул их.

После Константинополя Дизраэли отправился в Святую Землю (Палестину). Путь пролегал через остров Кипр, однако там он не задержался, прибыл в Бейрут и оттуда верхом поехал в Иерусалим. Он много знал из литературы об этом городе и провел там неделю. Эта неделя оставила в душе Бенджамина массу впечатлений, следы которых можно найти в его литературных произведениях.

Затем последовал морской переход до Александрии. В Египте Дизраэли по реке Нил совершил поездку на юг, до Нубии. Вскоре путешествие было омрачено большим несчастьем. Клей, приехавший в Египет Мередит и Тита заболели. Получилось так, что самые сильные в группе слегли, а «слабый здоровьем» Дизраэли прочно держался на ногах. Клей и Тита поправились, а

Мередит не перенес оспы и скончался 19 июля 1831 г. Для Бенджамина это был сильный удар. Ушел из жизни близкий человек, почти член семьи, исчезла надежда на счастье для сестры Сары. Дизраэли решил немедленно вернуться в Англию. Но ему не повезло: на Мальте его поместили на месяц в карантин, и он смог ступить на английскую землю только к концу октября 1831 г.

Закончилось большое путешествие. На здоровье Дизраэли оно сказалось благоприятно. Он всегда лучше чувствовал себя под ярким южным солнцем. Но значительно более сильное и долговременное воздействие поездка оказала на будущую литературную и политическую деятельность Дизраэли. Во время посещения районов Средиземноморья и Ближнего Востока Бенджамин не только актерствовал, но и проделал большую внутреннюю работу, обдумал, как жить и что делать дальше, и, вероятно, принял на этот счет определенное решение.

КОНЕЦ МЕТАНИЯМ ОКОНЧАТЕЛЬНЫЙ ВЫБОР В ПОЛЬЗУ ПОЛИТИКИ

Путешествуя по странам Средиземноморья и Ближнего Востока, Дизраэли осмысливал свои жизненные неудачи, оценивал ситуацию в Англии в тех сферах, которые могли иметь отношение к нему, и решал все ту же неизменную проблему: как все же жить дальше, какими средствами добиваться своей цели в жизни? Поездка в места древних цивилизаций, связанные с героическими эпохами в человеческой истории, не породила сомнений в намеченной им цели, скорее наоборот, укрепила его решимость добиваться реализации своих замыслов.

Последовавшие за возвращением домой из большого путешествия два-три года были весьма активными в жизни Дизраэли. Он действовал по двум направлениям: во-первых, штурмовал подступы к вторжению в политическую жизнь, а для этого было необходимо проникнуть в большой свет, где концентрировались люди, направлявшие политику страны, и, во-вторых, убедившись в том, что у него есть литературные способности, он решил сделать мощный рывок, на этот раз в область поэзии, что принесло бы ему славу и деньги, которые были хороши сами по себе и в то же время содействовали бы завоеванию видного положения в сфере политики. Сил у молодого честолюбца было достаточно для деятельности во всех этих областях.

И опять-таки, когда речь идет об опыте Бенджамина в области поэтического творчества, нельзя отрешиться от мысли, что его гипнотизировал пример Байрона, все еще продолжавшего воздействовать на думы и сердца молодых людей в Англии и за ее пределами. В далекой России великий Пушкин изучал английский язык, чтобы читать Байрона и Шекспира в подлиннике, и с восхищением следил за жизнью и творчеством своего английского собрата-поэта. В декабре 1829 г. англичанин Томас Рейкс, посетивший в это время Петербург, писал о «знаменитом поэте» России: «Я встретил прошлым вечером… русского Байрона — Пушкина». Да, влияние Байрона проникло и в Россию, но Пушкин был, конечно, не «русским Байроном», а русским Пушкиным.

В это время Дизраэли жил на два дома. Как уже упоминалось, его отец приобрел летом 1829 г. загородный дом — поместье Брэденхэм, расположенное в нескольких милях от небольшого

городка Хай-Уикомб, что недалеко от Лондона. Семья покинула лондонский дом и перебралась на новое местожительство. Отец объяснял это перемещение «недостаточно хорошим состоянием здоровья ряда членов семьи» и необходимостью поэтому отдалиться от «ежечасных соблазнов Лондона». Конечно, сыграло свою роль и то обстоятельство, что с годами отец старел и все больше и больше ценил покой, особенно необходимый для его литературных занятий. Не следует сбрасывать со счетов и желание, о котором вслух не говорилось: еще больше «англизировать» образ жизни семьи, превратившись в обычного английского сквайра — землевладельца. Здесь отец и прожил все оставшиеся годы. Здесь же Бенджамин временами искал убежище в периоды хандры или неприятностей. В Брэденхэме Бенджамин находил покой и заботу семьи, когда ему нужно было сосредоточиться на литературных делах.

Поместье было типично английское. Дом двухэтажный, возведенный во времена короля Генриха VIII. С ним соседствовали приходская церковь и дом священника, а дальше располагались деревенские коттеджи. Вокруг расстилался живописный пейзаж: холмы, покрытые могучими деревьями, лужайки — в общем, прекрасный уголок старой Англии.

Бенджамину требовался покой лишь иногда, обычно ему нужна была бурная столичная жизнь, поэтому он остался в Лондоне, обосновавшись поначалу в отеле, а затем в холостяцкой квартире. В Брэденхэме он бывал наездами. Бывший слуга Байрона Тита был помещен в Брэденхэм, где находился на положении лакея, обслуживая прежде всего самого Дизраэли.

В 1833–1834 гг. Дизраэли окончательно определяет путь, следуя по которому он намеревался преуспеть в жизни. Примерно в 20 лет, одержимый безграничным честолюбием, он наметил сделать большую карьеру. С годами его решимость крепла. Задача была архитрудной, и, когда Дизраэли заканчивал свои 20-е и начинал 30-е годы, вряд ли кто-либо, кроме него самого, считал эти замыслы реальными. К числу реалистов-скептиков относились и члены его семьи. Для начала ему необходимо было проникнуть в большой свет, т. е. «завоевать враждебный и безразличный мир», как выражался сам Дизраэли. И действительно, хотя Бенджамин и происходил из состоятельной семьи, но ни по богатству, ни по знатности он не принадлежал к миру сильных и власть имущих. Более того, его неанглийское происхождение служило серьезным препятствием на пути к власти. Его противники многие годы не упускали случая использовать это обстоятельство во вред Дизраэли. Первые литературные опыты — «Вивиан Грей» — лишь усилили

враждебность людей того круга, в который он так жаждал внедриться. Блэйк замечает, что «завоевание враждебного и безразличного мира — это тема всей его жизни, и она играла свою роль и в преклонном возрасте Дизраэли, когда он в конце концов достиг триумфа». Отсюда «его невероятная решимость взобраться наверх». Если он не может «принадлежать к этому миру, то по крайней мере он должен управлять им».

Проникновения Дизраэли в высший свет не произошло в то время, когда он привлек к себе внимание этих кругов публикацией романа «Вивиан Грей»; оно началось позже, после его возвращения из большого путешествия. Богатство и власть в стране принадлежали блоку аристократии и крупной буржуазии в результате революционных преобразований, к которым прибавилось и воздействие промышленной революции на английское общество. Это общество быстро трансформировалось, и так же быстро изменялся высший свет. В 30-е годы он не походил на то, чем стал к концу столетия. Узкий, замкнутый круг сильных мира сего состоял прежде всего из аристократии. Аристократы злата присутствовали в нем, всячески стремились слиться с аристократией крови, все более частыми становились родственные связи между ними через смешанные браки. Со временем центр тяжести в свете постепенно перемещался в сторону буржуазного мира, который настойчиво накапливал богатства, тогда как старая аристократия беднела, разорялась, теряла свое влияние.

Пока же, в 30-е годы, тон в свете задавали аристократы. Господствовали их нравы и манеры. Свет представлял собой тонкую, ограниченную социальную прослойку, состоявшую из спесивых, рафинированных людей, тесно связанных различными родственными узами, регулярно общавшихся друг с другом, варившихся в собственном соку. Они обычно мало отличались друг от друга. Наибольшая светская активность приходилась на так называемый лондонский сезон, продолжавшийся три месяца — май, июнь, июль. Знать съезжалась в столицу и предавалась здесь различным развлечениям, активно общаясь друг с другом. В салонах было много пустой светской болтовни, люди знакомились друг с другом, устанавливались связи, часто приводившие к бракам. Наряду с этим солидные, влиятельные люди обсуждали, а порой решали серьезные государственные дела, намечали средства влияния на политику страны, приглядывались к окружающим, выбирая из них энергичных и способных, которые могли быть использованы в определенных политических целях, в большой и сложной политической игре. Здесь начинались карьеры, заканчивавшиеся зачастую

незначительным конечным успехом или средними достижениями. Но возникали перед наиболее удачливыми, способными, энергичными и предприимчивыми людьми и более широкие перспективы, ведущие в парламент, а в исключительных случаях — и в состав руководства одной из двух политических партий, на возможный пост министра в том или ином из сменяющих друг друга правительств.

Развивать свои связи с высшим светом Бенджамин начинал не с нуля. Кое-какой задел у него был. В свое время в доме отца частыми гостями были довольно видные деятели в основном из литературных и отчасти политических кругов. Недолгое сотрудничество с издателем Мэрреем расширило знакомство Бенджамина с людьми этого круга, и, несмотря на наступившее охлаждение в отношениях двух друзей, Бенджамин сохранил некоторые контакты того времени. Наконец, пусть не очень сильные, связи со светом были у Остинов, которые бескорыстно симпатизировали и покровительствовали молодому Дизраэли. В общем, начинать было с чего. И Дизраэли бросился в бурный поток светской жизни, стремясь расширить число знакомств и видных домов, в которые его приглашали, причем его внимание было четко направлено на людей самых влиятельных в обществе и в политике.

У Дизраэли была отработанная манера поведения. Он старался появиться в том или ином салоне, где собиралось значительное число знатных женщин и мужчин, таким образом, чтобы сразу же привлечь к себе всеобщее внимание. В этом ему помогала удачная внешность: довольно высокий рост, стройная фигура, интересное, чуть удлиненное привлекательное лицо, которому хорошо подходил оливковый, напоминающий Восток цвет. Все это подчеркивалось сдержанно-уверенной манерой поведения. При этом Бенджамин все еще прибегал к крайностям. В свои 29–30 лет он появлялся в обществе в вызывающе экстравагантном наряде. Одним из тех, кто вводил Дизраэли в большой свет, был барон Булвер Литтон, романист, драматург, а позднее и министр правительства. Его брат Генри Булвер, видный дипломат, вспоминал так свою первую встречу с Дизраэли на обеде в одном из аристократических домов: Дизраэли был одет в «зеленые бархатные шаровары, канареечного цвета жилет, открытые туфли с серебряными пряжками, рубашку, отделанную кружевами, ниспадавшими на кисти рук, а его волосы ниспадали длинными завитыми локонами». Костюм дополнялся белыми перчатками, поверх которых на пальцы были надеты кольца с бриллиантами. Такой наряд производил впечатление, особенно на женскую половину общества, и достигал преследуемой

Дизраэли цели — выделял его среди присутствующих. Конечно, в наши дни подобная одежда была бы сочтена весьма сомнительной для общества, о котором идет речь, хотя на улицах сегодняшнего Лондона, да и Москвы нередко можно встретить и кое-что поживописнее. Это одно из средств самовыражения человеческой натуры. В свое время А. С. Пушкин говорил: «Без шума никто не выходил из толпы». Дизраэли следовал этому принципу.

Экстравагантность одежды была лишь как бы визитной карточкой Дизраэли. Основное действие развертывалось позднее. Он был человеком бесспорно умным, волевым, хорошо знал человеческую натуру и в высшей степени умело играл на ее положительных и отрицательных струнах, отметая при этом всякие этические и моральные соображения, руководствуясь лишь одним желанием — произвести на собеседников впечатление о собственной интеллектуальной исключительности, о сильном уме. Он умел терпеливо слушать других, вникая в суть того, о чем идет речь, и выжидая психологически благоприятный момент для вторжения в разговор. Делал это он, как правило, только тогда, когда приходил к убеждению, что теперь он скажет что-то особенно яркое и важное, что произведет сильное впечатление на слушателей. Он подхватывал нить суждений, только что высказывавшихся, и эффектно развивал их, причем делал это так, что его предшественник (обычно это было важное и влиятельное лицо) начинал думать, какой он сам умный и как убедительно этот приятный молодой человек показал, насколько разумно было все то, что он весьма путанно излагал. Это и нужно было Дизраэли. Его совершенно не интересовало, говорил ли его собеседник действительно умные вещи или нес несусветную чепуху. Важно было показать себя так, чтобы собеседник стал его ценить и где-то там подсознательно, а может быть, и вполне сознательно пришел к мысли, что этого смышленого парня следует поддерживать и выдвигать. Часто этот результат достигался; в беседах Дизраэли всегда превосходил своих собеседников остротой ума и умением эффектно подать свое интеллектуальное превосходство. Конечно, в этом заслуга Дизраэли, но следует учитывать, что он растил свой престиж на благодатной почве. В салонах, где он разворачивался, конечно, были и умные люди, но они были в явном меньшинстве, и, как это часто случается, их интеллект далеко не всегда находился на одном уровне с их положением в обществе и в правящих кругах.

Помогал Дизраэли устанавливать нужные связи с сильными мира сего и врожденный артистизм — он умело подавал себя обществу. Это тоже не исключительность. Действительно,

крупные государственные деятели обычно в той или иной мере артисты, играющие на публику, на общественное мнение. Они стремятся обращаться не только к рассудку и здравому смыслу людей, но и к их сердцу, к чувствам и эмоциям.

В Англии это было время дендизма. Мода на дендизм распространялась с Британских островов далеко за их пределы. Примерно в те же годы в России поэт писал: «Как денди лондонский, одет». Это говорилось о российских денди, а Дизраэли действовал среди лондонских и превосходил их по манере держаться, умению соответственно одеваться и подавать свою внешность и ум, сверкать алмазами остроумия в светской беседе и т. д. и т. п.

Как это всегда бывает в человеческом обществе, одним выделяющийся человек импонирует, другим, особенно тем, кто не обладает соответствующими достоинствами, равными тем, которые есть у соперника, он активно не нравится, вызывает зависть, а за ней всегда автоматически следуют ненависть и злоба. Так было всегда и везде, во все времена — такова человеческая натура. С Дизраэли не могло быть иного. Он записывал в своем дневнике: «Как я популярен у людей первого класса, так меня ненавидят люди второго класса». К счастью для Дизраэли, эта раскладка была в его пользу — под людьми первого класса подразумевались те, кто обладал наивысшим влиянием в большом свете и в правящих кругах.

Дизраэли встречался со многими знаменитостями тех дней. Их имена гремели полтора столетия назад, но сейчас подавляющее большинство их исчезло в тумане истории. Лишь некоторые фамилии сегодня кое-что говорят современному читателю, да и то лишь тому, кто интересуется английской историей и литературой. Общество, в котором вращался Дизраэли, представляло собой пеструю смесь литераторов, модных франтов, политических деятелей и вообще служителей богемы. Дизраэли был хорошо принят в семье Ричарда Шеридана, известного английского драматурга, пьесы которого до сих пор идут и на нашей сцене. Жена его сына и особенно три ее красавицы дочери занимали видное место в аристократических кругах и благоволили к Дизраэли, активно помогая ему добиваться успеха в свете.

В это время Дизраэли пребывал в состоянии крайнего возбуждения. Нервы были напряжены, мысль работала лихорадочно. Это замечали люди, находившиеся рядом, и прежде всего отец. Однажды отец сказал сыну: «Я хотел бы, чтобы твое состояние позволяло тебе писать более спокойные письма и чтобы ты приводил себя в более трезвое состояние, делая записи в

дневнике, до того как ты ляжешь в постель».

Дневник Бенджамин пытался вести, но это не снимало предельного нервного возбуждения. Дневниковые записи от сентября 1833 г. свидетельствуют, что он одержим политикой. «Свет считает меня самодовольным, тщеславным, — пишет Бенджамин, — но свет ошибается; я кажусь самонадеянным в моменты, когда я очень нервничаю». Продолжение записи несколько противоречит сказанному: «У меня непогрешимый инстинкт. Я могу разгадать характер человека с первого взгляда. Очень немногие могут провести меня… Я обладаю революционным складом ума. Я истинно велик в действии. Если когда-либо я займу действительно выдающееся положение, я докажу это». Общение с большим светом не поколебало уверенности Дизраэли, что он некогда достигнет такого положения, но убедило его в том, что это дело далеко не простое и потребует и времени, и больших усилий. «Недвижимый характер нашего общества, являющийся продуктом наших аристократических институтов, делает достижение карьеры крайне затруднительным», — записано в дневнике. Но энергия требует немедленного выхода и результата. И Дизраэли записывает: «Поэзия — вот что может дать выход моим страстям».

В 30-е годы прошлого века версификация была широко распространена в интеллектуальных кругах. Отец Бенджамина тоже писал стихи, и, по свидетельствам современников, неплохие. Но Дизраэли на этот раз связывал с поэзией грандиозные замыслы. Чувствуя в себе большие силы и способности, Бенджамин, по его собственному выражению, испытывал «непреодолимое желание создать нечто великое и долговечное». Он размечтался и вообразил, что может стать великим поэтом. При этом весьма честолюбивые мечты в области политики сохранились. Поэзия и политика неразрывно существовали в помыслах нашего героя.

Мысль возвеличить себя через поэзию посетила Дизраэли во время его путешествия. Он хорошо знал сочинения древних авторов, начиная с Гомера. И неудивительно, что, путешествуя «по равнинам Трои», он задумался о поэзии. Дизраэли огорчался при этом, что судьба явила его на свет в век, который отмечен «своей антипоэтичностью». Бенджамин думал, что «поэт всегда воплощает дух своего времени». Конечно, многие поэты в разные времена претендовали на это, но только истинные, действительно великие достигали этого.

Дизраэли хотел быть именно таким поэтом. Об этом говорит грандиозность его замысла: «Так, самый героический эпизод героического века породил „Илиаду“ — героическую эпическую

поэму. Затем создание Римской империи вызвало к жизни „Энеиду“ — политическую эпическую поэму. Вслед за этим новая эпоха была отмечена „Божественной комедией“ — национальной эпической поэмой. Реформация и ее последствия привели к тому, что Мильтон создал религиозную эпическую поэму». Размышляя о том, что же судьба оставила на его долю, Дизраэли восклицает: «Разве революция во Франции менее важное событие, чем осада Трои? Разве Наполеон менее интересная личность, чем Ахилл? Мне осталась революционная эпическая поэма». Грандиозность темы — поэтическое воплощение Великой Французской революции и периода наполеоновской империи, за решение которой брался Бенджамин, готовя себя в один ряд с Гомером, Вергилием, Данте и Мильтоном, свидетельствует как о величии замысла, так и о его дерзости. Как видим, вера в собственную гениальность у Дизраэли была немалая.

За мыслью у Бенджамина тут же следовало дело. Он уединился в Брэденхэме, вставал в семь часов утра и работал до позднего вечера, изучая необходимые материалы, а затем за письменным столом ложилась на бумагу строфа за строфой. С членами семьи встречался редко. Но с Сарой Остин активизировал переписку. Этот литературный добрый гений ему был очень нужен в процессе активного творчества. «После революции в Америке, — писал он Саре Остин, — в мире действует новый принцип, с которым, как я проследил, связано все происходящее. Это — принцип революционности, и его-то я намерен воплотить в „Революционной эпической поэме“». Он пишет, что концепция задуманного произведения грандиозна; и добавляет вполне здраво: «Все зависит от исполнения». Вот здесь его и подстерегала неожиданность.

В январе 1834 г. Бенджамин после упорного труда, которого потребовала от него новая сфера литературной деятельности, решил, что он настолько продвинулся в создании «Эпической поэмы», что может вынести сделанное на суд друзей и ценителей поэзии. Остины пригласили Дизраэли на обед, и он использовал этот случай, чтобы прочесть куски из поэмы, что, по его словам, должно было явиться «грандиозной декламацией». Чтение состоялось. Автор предстал в фантастическом, крайне претенциозном одеянии. На эту экстравагантность придется еще не раз ссылаться, ибо он успокоится и будет одеваться, как все люди его круга, лишь став членом парламента и женившись. В данном случае, как утверждал участник этого вечера, Дизраэли явился «в фантастическом костюме… представив себя Гомером или Данте нашего времени». Став спиной к горящему в камине огню, с гордо поднятой головой, автор начал в высокопарной

манере чтение стихов, созданных в героическом ключе. К этому времени Дизраэли уже неплохо знал человеческую натуру и средства воздействия на нее. Но в тот момент чутье изменило, и он, рассчитывая поразить и восхитить своих слушателей, не сомневаясь в грандиозном успехе, вызвал их удивление и некоторую растерянность. Всеобщий хохот разрядил обстановку. «В поведении автора было нечто невероятно комическое», — свидетельствует один из слушателей. Но положение было значительно серьезнее — сама поэма явно была неудачным и малоинтересным творением, а претенциозность стихов и автора лишь усиливала неблагоприятное впечатление.

Явная неудача «грандиозной декламации» не помешала Дизраэли опубликовать «Эпическую поэму» весной 1834 г. Правда, у него для этого был и существенный дополнительный мотив. В письме к Остину, написанном накануне выхода поэмы в свет, Дизраэли как бы вскользь замечал: «Я сделал для своей репутации вполне достаточно, и я чувствую, что наконец могу просто позаботиться о своем финансовом положении». В предисловии к поэме автор писал, что читатели будут решать, следует ли продолжать работу до ее завершения, и, если их вердикт будет отрицательным, он забросит свою лиру подальше. Здесь все еще проглядывает надежда, авось широкая публика оценит поэму так, как ее задумал автор. Надежда не оправдалась — поэтическая лира была выброшена навсегда. И как безжалостно замечает У. Ф. Монипенни, автор документальной биографии Дизраэли, «читающая публика не отнеслась с одобрением к будущему преемнику Гомера, Вергилия, Данте и Мильтона».

Стихи Дизраэли были не совсем плохими, скорее средними, как большинство выходящих в свет стихотворных сочинений. Они были хорошо технически отработаны, легко и свободно звучали, но были скучны и риторичны. В них не было неподдельной поэзии, поэтической души, которые отличают создания великих талантов, таких, как Байрон в Англии, Пушкин в России, Гёте в Германии, когда рождаются шедевры из спонтанного стремления гениального человека к самовыражению. Как заметил М. Арнольд, «Байрон писал, как он справедливо сообщает нам, для того, чтобы излить душу, и он продолжал писать, потому что находил такое облегчение ничем не заменимым». Такая поэзия — великая редкость, как редкостью являются истинно гениальные люди, но именно она, и только она, сохраняется в истории человеческой духовной культуры. Настоящая поэзия не рождается из прагматического умысла автора литературными средствами приобрести известность и добыть средства к существованию. Именно массовость ремесленных поэтических поделок отражается

в появляющейся время от времени констатации: «Поэтов много — поэзии мало».

Была в поэме Дизраэли и вторая широко распространенная черта неплохих, но не по-настоящему поэтических произведений — несамостоятельность, подражательность. Он прекрасно знал классическую литературу и видных поэтов своего времени. «Революционная эпическая поэма» имеет явные следы подражания таким авторам, как Мильтон, Шелли. Для понимания литературного наследия Дизраэли важно иметь в виду следующее замечание Монипенни: «Для Дизраэли всегда было характерно свободное заимствование как у других авторов, так и из своих собственных произведений».

К чести Дизраэли нужно отметить, что он на основании опыта с поэмой понял в конце концов, что поэзия не его сфера, и сделал из этого правильные выводы: во-первых, не стал тратить время и труд на завершение поэмы и, во-вторых, в дальнейшем не занимался поэзией, сделав ставку, и не без известного успеха, на прозу.

Было бы неверным предположить, что занятия Дизраэли поэзией означали, хотя бы в какой-то момент, что он решил искать свое место в жизни, занявшись исключительно литературной деятельностью. Работая над осуществлением поэтического замысла, он не оставлял мысли о политике. Более того, он считал, что триумф в сфере литературы будет способствовать успеху в области политики. Об этом говорит его попытка, закончившаяся конфузом, посвятить свою поэму герцогу Веллингтону. В 1834 г. Веллингтон был одной из крупнейших политических фигур в Англии.

В момент подготовки поэмы к изданию Бенджамин пишет сестре Саре многозначительное письмо. Во-первых, он сообщает, что для него в данное время крайне важно пройти в парламент, неважно от какого избирательного округа. Во-вторых, продолжает он, «я думаю о том, чтобы посвятить книгу герцогу, предпослав ей обширное прозаическое введение политического характера». Итак, поэзия и политика у молодого Бенджамина тесно связаны.

Для получения максимального морально-политического результата Дизраэли было важно указать в предисловии, что посвящение сделано с согласия самого Веллингтона. Это выглядело бы как благословение молодого честолюбца крупнейшим политическим деятелем страны и пожелание ему успеха. Подобная публичная демонстрация такой связи между Дизраэли и герцогом имела бы для Бенджамина очень большое значение в борьбе за депутатское место в парламенте.

Дизраэли пишет письмо Веллингтону, в котором просит

согласия посвятить ему свою поэму. Учитывая, что Дизраэли был в это время малозначительной фигурой, такое обращение к герцогу представляло собой весьма смелый шаг. На что рассчитывал молодой поэт? Вероятно, на то, что обычная человеческая слабость — тщеславие, желание увидеть литературное произведение, демонстративно посвященное ему, может побудить герцога ответить согласием. Но известный военный и политик был слишком обременен почестями и славой, чтобы клюнуть на такую мелкую приманку. Он был подчеркнуто вежлив в своем ответе: «Я действительно весьма польщен вашим желанием посвятить мне с моего разрешения вашу эпическую поэму… Я никогда не дам формального разрешения на посвящение мне какого-либо произведения. Я не буду затруднять вас приведением оснований, которыми я руководствовался, принимая это решение». Герцог добавил, что если Дизраэли пожелает посвятить ему поэму без его формального согласия, то он «свободен сделать это». Затем следовало в высшей степени вежливое и в данном случае ироническое заключение: «Ваш самый покорный и смиренный слуга». Афронт был болезненным для Дизраэли. Этого он Веллингтону никогда не простил и сводил с ним счеты как в своих политических выступлениях, так и в литературных произведениях, например в романе «Конингсби».

Весной 1834 г. Дизраэли пришел к весьма важным для него двум решениям. Был сделан окончательный выбор в пользу политической деятельности как главного занятия в жизни. Взвесив свои возможности в области литературного творчества и политики, он пришел к выводу, который сформулировал так: «В действительности я по-настоящему значителен только в действии». С этих пор литература отходит на второй план.

Политика означала парламент. Успехи в высшем свете породили у Дизраэли уверенность в том, что депутатом палаты общин он станет в ближайшем будущем. Он пишет сестре, что этот момент приближается и наступит очень скоро. Бенджамин всеми силами стремился ускорить развитие событий. Высший свет в сезон 1834 г. стал ареной его активнейшей деятельности. Он посещает балы, обеды весьма знатных персон, где завязывает связи с еще более важными лицами. Ему удается проникнуть в дома знати, причем его выбор останавливается на тех салонах, где в центре внимания политическая жизнь страны. Перечисляя в дневнике длинный ряд высоких фамилий, Дизраэли замечает: «Все говорят только о политике». Это как раз то, что Бенджамину и нужно.

У Дизраэли была своя тактика поведения в этом обществе. Он понимал, что он новичок и чужак для аристократов и крупных

политиков, и поэтому больше молчал и слушал, чем говорил. Освоившись с направлением беседы и поняв позиции наиболее важных персон, он выбирал удобный момент и в ответ на чье-либо выгодное для него замечание вступал в беседу. Он был хорошим оратором и рассказчиком, остроумен, логичен в своих рассуждениях, имел неординарные мысли и соображения, излагал их с хорошо дозированным сарказмом и юмором. Корреспондент одной американской газеты, наблюдавший за Дизраэли в свете, позднее вспоминал: «Дизраэли, по моему мнению, был самым великолепным собеседником, каких мне когда-либо доводилось встречать». На одном из обедов Дизраэли познакомился с лордом Линдхэрстом, который ранее был членом консервативного правительства. Лорду было за шестьдесят, Дизраэли ему понравился. У них установились добрые отношения, имевшие благоприятные последствия для Дизраэли. Бенджамин был своим человеком в доме леди Блессингтон, зрелой красавицы, дамы с титулом и с бурным прошлым. Здесь же жил муж дочери этой дамы, граф Д'Орсей, светский лев, денди, законодатель мод, картежник и мот. Всех троих связывала довольно тесная дружба.

Дом леди Блессингтон, которая уже ряд лет была вдовой, являлся местом оживленных встреч многих политических, литературных и общественных знаменитостей. Хозяйка дома покровительствовала Дизраэли, используя свои обширные связи в большом свете, чтобы помочь блестящему молодому человеку делать карьеру. Это было родом своеобразного хобби, которым занимались и некоторые другие дамы. Леди Блессингтон вводила Бенджамина в свет и выгодно подавала его там. Для этого существовало много различных способов.

Однажды в июне 1834 г. Дизраэли присутствовал на обеде в доме Блессингтон. На обед был приглашен и видный государственный деятель лорд Дарем. Когда он появился, с ним стали беседовать те, кто его знал ранее, но хозяйка в нарушение обычая не представила гостю никого из тех, кто с ним до этого не был формально знаком. Это отступление от этикета было умышленным, чтобы обеспечить психологическое преимущество Дизраэли. И действительно, Дарем, обратив внимание на не совсем обычного гостя, попросил хозяйку познакомить их. На это и был салонный расчет. Затем, когда началась общая беседа, она направляла ее сама и подвела к теме, на которой ее протеже мог особенно эффектно блеснуть. Здесь она как бы невзначай спросила мнение Дизраэли, и нити беседы тем самым были переданы в его руки. Бенджамин начал говорить, обращаясь к хозяйке, но говорил он о том, что интересовало Дарема, и

высказывал интересные мысли и аргументы, подкреплявшие и развивавшие мысли достопочтенного лорда. «На лорда Дарема это произвело сильное впечатление», — замечает один из участников вечера. Так Дизраэли был «подан» влиятельной личности, что ему и было нужно. Дизраэли заинтересовал Дарема настолько, что он сам вскоре приехал к молодому человеку, хотя и не застал его дома. В июне Бенджамин, ссылаясь на леди Блессингтон, писал сестре: «Мои перспективы в отношении политики хороши, равно как хорошо и положение в обществе, ибо меня поддерживает очень сильная партия, и я думаю, что у этой партии есть шансы на победу». Это не просто эпизод из светской жизни Англии первой половины XIX в. — сам по себе он для нас не представляет интереса, — а черта сложного процесса создания политической карьеры в то время.

Внучки Шеридана так же, как и леди Блессингтон, работали над обеспечением репутации Дизраэли. Именно в доме одной из них, г-жи Нортон, Бенджамин, как уже говорилось, был представлен хозяйкой лорду Мельбурну. Маститый государственный деятель обратил внимание на Дизраэли, завязался долгий разговор, в ходе которого на вопрос министра, кем Дизраэли хочет быть, последний и заявил, что намерен стать премьер-министром. Мельбурн не возмутился подобной дерзостью, а отнесся к Бенджамину спокойно и с интересом. Он высказал ему свои соображения о том, кто стоял в очереди на пост главы правительства в ближайшие годы (естественно, Дизраэли места среди них не нашлось) и какими качествами нужно обладать, чтобы сделать карьеру в политике. Разговор не был обескураживающим для Дизраэли, ибо Мельбурн предрек, что он все-таки добьется успеха в политике. Многоопытный лорд не предвидел тогда, чего все же сумеет добиться Дизраэли. А он, как замечает один из его биографов — Левин, «не просто хотел бы стать премьер-министром, но считал, что он станет им. И когда Дизраэли принял такое решение, он сознательно и методически стал добиваться этой цели».

Цель жизни, изложенная Дизраэли в беседе с лордом Мельбурном, нашла отражение в художественной литературе, что подчеркивает серьезность сказанного им. В свой роман «Контарини Флеминг» Дизраэли включил похожий эпизод, перенеся действие в одно из германских государств. Значит, убеждения Дизраэли на этот счет были весьма устойчивыми.

Об этих убеждениях, да и о разговоре Дизраэли с лордом Мельбурном, конечно, знал писатель Э. Булвер-Литтон, протежировавший Дизраэли в обществе. Все это нашло отражение в романе Э. Булвер-Литтона «Кеннел Чиллингли, его

приключения и взгляды на жизнь», написанном через 38 лет после упомянутого события. В романе речь идет о некоем Гордоне Чиллингли, потомке аристократического, но не очень влиятельного рода. Говорится, что он займет высокое место среди будущих влиятельных людей. Его уверенность в себе огромна, она заражает всех, с кем он встречается. Одно из действующих лиц романа говорит, что Гордон сказал ему недавно с полным хладнокровием: «Я намерен стать премьер-министром Англии, это только вопрос времени». Интересно, что автор следующим образом комментирует позицию Гордона Чиллингли: «Единственной владевшей им страстью была жажда власти. Он насмехался над патриотизмом как над отжившим предрассудком, над филантропией — как над сентиментальной суетней. Он хотел не служить своему отечеству, а управлять им. Он хотел возвысить не человеческий род, а самого себя».

Великосветский сезон 1834 г. был весьма приятным и успешным для Дизраэли. По его словам, это был «сезон несравненного успеха и веселья». «Какое большое число необычных характеров прошло передо мной или с которыми я познакомился! Беседы с О'Коннелом, Бенфордом, лордом Даремом — тремя людьми, каждый из которых вызывает большой шум». В другом месте дневника Бенджамин так подводит итоги своей целенаправленной деятельности в прошедшем сезоне: «Я стал в этом году очень популярным среди денди. Д'Орсей в восторге от меня, а он задает им тон. Леди Блессингтон — их муза, она очень энергично оказывала содействие мне. Я стал популярен среди людей первого класса…»

Итог действительно был весьма значительным для Дизраэли. Но вот сезон закончился, знать разъехалась по загородным домам и поместьям. Светская жизнь в Лондоне почти замерла. У Дизраэли наступила после бурной деятельности реакция, сильная усталость, упадок сил, настроение стало мрачным. И как всегда в подобных случаях, он почувствовал недомогание, стал жаловаться на здоровье. В конце октября 1834 г. он писал Бенджамину Остину: «Странная болезнь приковала меня к дивану».

Так закончился для Дизраэли период исканий и раздумий, и он принял окончательное решение, определившее его последующую жизнь, — посвятить все свои силы политической деятельности и добиться высшей власти в государстве.

АРЕНА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДИЗРАЭЛИ — АНГЛИЯ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

XIX век считается золотым веком Англии. Он начался с того, что Англия в союзе с рядом государств, и прежде всего с Россией, одержала решительную победу в самой страшной для нее войне против Франции — вначале революционной, а затем наполеоновской. Насколько велик был страх перед возможным поражением в этой войне, настолько была сильна эйфория, охватившая страну после того, как опасность миновала. В XIX в. Англия действительно достигла вершины своего экономического и внешнеполитического могущества, однако в то же время это столетие было для нее весьма бурным. Это было время больших тревог, социальных опасностей, изменений, охвативших внутриполитическую сферу.

Страна развивалась под воздействием промышленной революции, которая началась еще в середине XVIII в. и продолжалась на протяжении целого столетия. Промышленный переворот (первый вариант названия предпочитают английские историки, второй — советские) выражался в его начальном периоде в переходе от мануфактуры к фабрике. В основе процесса лежало то, что, во-первых, мануфактурная форма производства перестала удовлетворять в должной мере возросший спрос на товары и, во-вторых, техническая мысль в это время дала промышленности ряд важных изобретений и усовершенствований. Их применение вызвало быстрый рост производительности труда, концентрацию рабочей силы, появление фабрик, действовавших на водной энергии, а затем, когда был изобретен паровой двигатель, на энергии пара. Возникли фабрики и заводы — характерные элементы промышленного капитализма. Эти прогрессивные изменения затронули вначале хлопчатобумажное производство, а затем металлургию, транспорт. Промышленность требовала угля, что повлекло развитие его добычи и создание системы транспортных средств для доставки его к местам потребления. Конец XVIII столетия ознаменовался широким строительством каналов.

Война с Францией явилась дополнительным стимулом для расширения и углубления промышленного переворота в Англии. С внедрением машин удалось увеличить промышленную продукцию в военные годы в 15–20 раз.

Промышленный переворот оказал важное воздействие и на английское сельское хозяйство. Земельная собственность

укрупнялась, концентрируясь в руках крупных землевладельцев. В сельском хозяйстве вводилась более глубокая вспашка, перестали пахать на волах, заменив их лошадьми. Появились и машины в виде сеялок, молотилок и некоторых других механизмов.

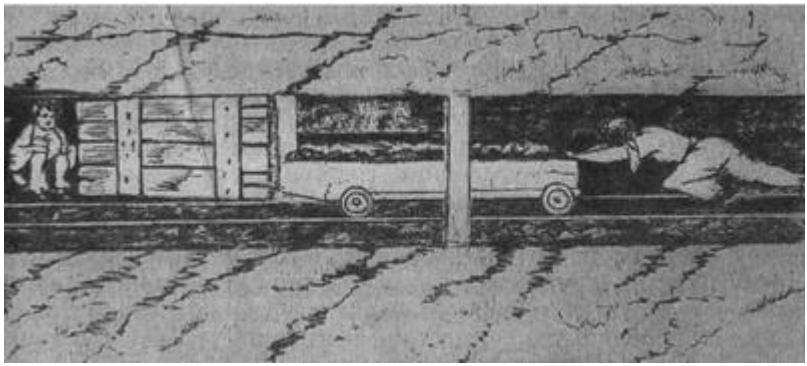
Происходило перераспределение населения. Сельская Англия превращалась преимущественно в страну городов. Уже в начале 30-х годов XIX в. примерно половина населения страны проживала в городах. Крупными районами концентрации городского населения были северо-запад Англии, Южный Уэльс, а также побережье между реками Форс и Клайд. В первой трети столетия такие города, как Бирмингем и Шеффилд, увеличились вдвое, а Ливерпул, Лидс, Манчестер и Глазго — и того больше. То же происходило и со столицей страны. За три десятилетия население Большого Лондона увеличилось с 865 тыс. до 1,5 млн, и еще за 20 лет, т. е. к середине века, к ним прибавился 1 млн жителей.

После войн с Францией, в которых между прочим потери Англии были значительно меньшими, чем жертвы ее союзников, что в дальнейшем уже стало традицией во всех крупных союзных войнах, которые вела Англия, население страны составляло примерно 13 млн. Его численность быстро росла и к 1871 г. удвоилась. Это объяснялось тем, что детская смертность сокращалась, а продолжительность жизни увеличивалась. Многие жили очень плохо, но все же лучше, чем в XVIII в., они прежде всего лучше питались, лучше одевались. Другой причиной увеличения населения был приток иммигрантов из Ирландии — самой старой колонии Англии, искавших заработка на английских фабриках и в шахтах. Приезжавшие ирландцы селились преимущественно в Западной Англии и Шотландии.

То, что Англия была первой страной, где мощно развернулась промышленная революция, дало английской буржуазии неоценимое преимущество перед другими государствами. Победа над своим главным соперником того времени — Францией открыла перед Англией мировые пути, широкие возможности для экспансии, захвата все новых и новых колониальных территорий, невиданные ранее возможности для проникновения английских товаров и капиталов во многие страны. Эти факторы обеспечили постепенное становление промышленной, финансовой и колониальной монополии Англии, что превратило ее в самую богатую страну мира.

Успехи в промышленном производстве, торговле, ростовщических финансовых операциях не делали английскую буржуазию гуманной, наоборот, она по мере своих достижений становилась все более высокомерной и спесивой в отношении

других народов и жестокой в отношении своего собственного. Чем больше она добывала, тем б**о**льшими становились ее аппетиты. И, стремясь удовлетворить их, капиталисты до предела усиливали эксплуатацию тех, кто на них работал.



Дети, работающие в угольных копях

Переход к промышленному производству вызвал к жизни появление фабричных и заводских рабочих. В буржуазных кругах была принята на вооружение идея: чем больше зарплата рабочих, тем меньше прибыли предпринимателей. Идея получила теоретическое обоснование в трудах идеологов капитализма. Естественно, что каждый предприниматель стремился к возможно большим прибылям и старался получить их. Это обостряло классовые противоречия.

Предприниматель был волен устанавливать продолжительность рабочего дня по своему усмотрению, и этот день часто достигал 18–20 часов в сутки. Зарплата обеспечивала лишь полуголодное существование. Особенно страдали женщины и дети, труд которых применяли все более широко. Практиковалась физическая расправа с рабочими, вызвавшими недовольство надсмотрщиков.

Особенно трудным становилось положение рабочего люда в годы экономических кризисов, которые в начале XIX столетия были преимущественно торговыми, а с 1825 г. приобрели характер циклических кризисов, распространявшихся почти на все сферы экономики.

Промышленные города являли собой мрачную, порой ужасающую картину социальных контрастов. Буржуазия и земельная аристократия жили в роскошных дворцах, расходуя на удовлетворение своих часто извращенных прихотей огромные средства, тогда как рядом, в трущобах, в ужасающей нищете, зачастую погибая от голода и болезней, обитали многие тысячи

англичан, шотландцев, ирландцев. По всей стране они составляли огромную армию, потенциально опасную для правящих кругов.

Столица страны в этом отношении была весьма показательна. А. И. Герцен, много лет проживший в Лондоне, писал о нем: «Один город, сытый, заснул; другой, голодный, еще не проснулся… Этот страшный муравейник, где сто тысяч человек всякую ночь не знают, где прислонить голову, и полиция нередко находит детей и женщин, умерших с голода возле отелей, в которых нельзя обедать, не истративши двух фунтов». Поразительную картину жизни лондонских низов в первой половине столетия нарисовал журналист Генри Мэйхью в обширной серии статей в газетах, собранных впоследствии и изданных в 1851 г. в книге под названием «Лондонские трудящиеся и лондонская беднота». В этой книге, не утратившей актуальности и сегодня (она была переиздана в Лондоне в 1987 г.), отмечается, что положение в городе было настолько серьезным, что «в 30-х и 40-х годах неоднократно составлялись планы начать хотя бы предварительную работу по расчистке гигантских авгиевых конюшен, в которые Лондон, учитывая темпы его роста, превращался». Когда появился доклад специальной комиссии о санитарном состоянии города, то «он вызвал возмущение и возбудил тревогу у каждого мыслящего лондонца». Книга Мэйхью была одной из многих разрабатывавших эту мрачную тему. Призывали к действиям люди, отличавшиеся гуманистическими и филантропическими убеждениями. Среди писателей наибольшую и вполне заслуженную известность приобрел Чарлз Диккенс.

Бенджамин Дизраэли жил, действовал в этой Англии и строил планы, как он будет управлять ею. Вращаясь в высшем свете, закладывая там предпосылки для своего продвижения к власти, Дизраэли, как могло бы казаться, не должен был «смотреть вниз». Но он обладал достаточным здравым смыслом, чтобы понимать, что Англия состоит не из одних денди Вест-Энда и что трудящуюся Англию нужно тоже видеть и понимать. Биографы не повествуют о его «хождении в народ». Но роман «Сибил» свидетельствует о том, что он сумел понять суть социального строя Англии первой половины XIX в. Его концепция оставалась верной и на вторую половину столетия, и на дальнейший период.

Кульминацией в романе «Сибил» является беседа двух действующих лиц, обозревающих где-то в английской провинции руины величественного старинного здания. Один собеседник говорит о миллионах рабочих, усилиями которых возводились такие здания, а «их правители сосредоточили в руках

немногочисленного класса сокровища мира, обладатели которых хвастают, что они первые среди всех народов, что они самые могущественные и самые свободные, самые просвещенные и высокоморальные, самые религиозные». Второй собеседник замечает: «…говорите, что хотите, но наша королева царствует над величайшей нацией, которая когда-либо существовала». «Какая нация? — спрашивает первый. — Ибо королева царствует над двумя…» И затем поясняет свою мысль: «Да. Две нации. Между ними нет взаимоотношений. Им неизвестны привычки друг друга, мысли, чувства, как если бы они жили в разных районах земного шара или обитали на разных планетах. Они формируются различным воспитанием, питаются различной пищей, ведут себя по-разному и управляются различными законами». «Вы говорите?..» — нерешительно спросил второй. И первый ответил: «О богатых и бедных».

Чтобы подчеркнуть свою мысль, автор броско выделил типографски в тексте романа фразу «О богатых и бедных», представляющих две нации Англии. Дизраэли показывает, что богатая английская нация паразитирует на труде и поте работающих англичан. Но не только. Использование колоний также важный источник быстрого приобретения богатства и власти «богатой нацией».

Источником обогащения «богатой Англии» служили не только владение землей для аристократии, промышленность, торговля, финансы для буржуазии, колонии для тех и других, но и государственная казна, которой пользовались те, кто составлял высший эшелон власти или кто добыл тем или иным путем выгодную синекуру. Две последние категории состояли почти исключительно из представителей аристократических семейств. Оксфордский журнал исторических исследований «Паст энд презент» в ноябре 1983 г. приводил интересные данные, заимствованные из английских изданий первой половины XIX в. Эти источники свидетельствуют, что в 1830 г. 113 представителей аристократии получали 650 тыс. фунтов стерлингов в год из государственных средств. «Только две фамилии — Гренвили и Дандасы — на протяжении последних сорока лет получили денег только по различным синекурам больше, чем стоило в течение того же периода содержание гражданского управления в Соединенных Штатах».

Печать тех лет дала следующий перечень получений из государственных средств лордом Ливерпулем, главой правительства тори в 1812–1827 гг., которого английские историки считают реформатором в области коррупции, подразумевая его положительную деятельность. Как глава

казначейства он имел 6 тыс. фунтов стерлингов в год. «Заботы по делам казначейства оставляли ему достаточно времени, чтобы исполнять обязанности специального уполномоченного по делам Индии, причем в его карманах было достаточно места, чтобы класть туда ежегодно дополнительно по 1500 фунтов стерлингов». В придачу к этому он еще был «шефом пяти портов» — должность средневекового происхождения, приносившая ему еще 4100 фунтов стерлингов в год. Он также состоял в высокой должности, относящейся к Ирландии, приносившей ему еще 3500 фунтов стерлингов ежегодно. Даже при его «сатанинских способностях» непонятно, как он мог справляться со всеми этими обязанностями. А этого совсем и не требовалось. «Находятся люди, которые говорят, что эти престижные должности не что иное, как предлог для выплаты этому человеку таких окладов». Здесь же печать поясняла, что конкретные обязанности, связанные с этими должностями, — дело ведь должно делаться — вместо достопочтенного лорда выполняли его заместители, «которые также оплачиваются государством».

Лорд Грей, член древней аристократической фамилии, и «его девятнадцать родственников» получали на всех 171 892 фунта стерлингов ежегодно за то, что занимали различные правительственные посты и должности. Печать сообщала также, что лорд Элдин аналогичным образом имел 18 тыс. фунтов стерлингов ежегодно, а лорд Арден — 38 тыс. фунтов стерлингов в год и т. д. и т. п. Было подсчитано, что 200 пэров-тори и епископов получали ежегодно за различные синекуры до 2 млн фунтов стерлингов. В дележе этого государственного пирога участвовала не только аристократическая верхушка, но также и самые младшие и совершенно неизвестные пэры. Приводились данные, говорившие, что коррупция, насаждавшаяся высокой бюрократией, в 1831 г. вполне могла составить сумму, равную или даже превышающую ту, которую торийская аристократия извлекала в то время в качестве ренты с принадлежавшей ей земли.

Итак, всесильная бюрократия в Англии была коррумпирована до крайней степени. Аристократы и их фавориты широко использовали практику занятия доходных должностей, не требовавших исполнения каких-либо обязанностей. Назначения на эти должности не сопровождались учетом реальных достоинств назначаемых. Неудивительно, что эта часть имущих классов страны как огня боялась каких-либо реформ.

Концентрация на одном социальном полюсе поистине баснословных богатств, а на другом — тяжелейшего труда и нищеты в сочетании с революционными веяниями, исходившими

из Америки и Франции, где произошли буржуазные революции, поднимала неимущую Англию на борьбу за свои социальные и политические права. Между «двумя Англиями», о которых писал Дизраэли, не только не было ничего общего, но и шла все нараставшая борьба, принимавшая порой самые острые формы. В Англии в то время классовые противоречия в обществе достигли такой остроты, как ни в одной другой стране.

Активизировалась деятельность профсоюзов, возникших еще в предыдущем веке и, несмотря на репрессии, расширявших свое влияние. В демократическом движении участвовали не только мануфактурные рабочие, различные полупролетарские элементы, но и фабричные рабочие. Формы борьбы становились более зрелыми, организованными. Это и крупные забастовки, и массовые демонстрации, и «походы на Лондон», т. е. марши протеста из ряда промышленных районов страны, столкновения с полицией и многочисленные митинги, сопровождавшиеся большим накалом страстей. К трудящимся присоединялись радикально настроенные элементы из других социальных слоев. Среди них были такие имена, как У. Коббет и Р. Оуэн. Постепенно борьба трудящихся принимала политический характер, настойчиво зазвучали требования преобразования парламента, введения всеобщего избирательного права и других демократических реформ.

Правящие круги отвечали принятием ряда законов против демократического движения, применяли полицию и воинскую силу для подавления выступлений трудящихся. В историю вошли события августа 1819 г., когда в Манчестере на площади Св. Петра состоялся митинг, собравший 60 тыс. человек. Участвовали в основном манчестерские ткачи, положение которых было особенно трудным. Перед ними выступил популярный радикальный оратор Генри Хант. Звучали требования реформ. Против безоружных людей власти двинули полицию и войска, и в результате 11 человек было убито и более 400 ранено. Это был, как выражается английский историк, «кровавый разгон митинга, участники которого выступали за реформу парламента». Другой английский историк, Д. Томсон, в этой связи замечает в наши дни: «Ланкашир, центр хлопчатобумажной промышленности, видел много таких сражений в классовой войне, ведущейся между „двумя нациями“, о которых писал Дизраэли… „Бойня Питерлоо“ стала легендой в народных массах и очень значительно подорвала кредит тори, которым они пользовались в связи с победой у Ватерлоо».

Репрессии правительства вызывали возмущение как трудящихся и радикальных слоев населения, так и некоторых

буржуазных кругов. Они руководствовались не только соображениями гуманизма, но еще больше опасениями, что дело может закончиться революцией. Эти настроения по-своему выразил Джордж Байрон, поэт-аристократ, который резко обличал свой круг, осуждал его за жестокосердие, за издевательства над трудовым людом. Бичуя лорда Ливерпула, тогдашнего премьер-министра Англии, который повелел применить силу против протестовавших рабочих, он с гневным сарказмом писал:

Для усмиренья
отродий плебейских
Ждут приказания
двадцать полков.
Армия сыщиков,
рой полицейских,
Свора собак
и толпа мясников.
Иные вельможи
в свои преступленья
Втянули бы судей,
не зная стыда.
Но лорд Ливерпул
отказал в одобренье,
И ныне расправу
вершат без суда.

Политический характер рабочего и демократического движения был направлен против существовавших государственных установлений Англии. Уникальность государственной системы страны состояла в том, что Англия не имела в XIX в., не имеет и поныне писаной конституции. Ее заменяют бесчисленные законодательные акты и древние традиции. Тысячу лет назад, до того как норманны вторглись в Англию и завоевали ее (1066 г.), англосаксонские короли имели практику советоваться с Великим советом, представлявшим собой собрание правителей отдельных районов страны. С 1066 до 1215 г. короли правили самодержавно. Но в 1215 г. знать — восставшие бароны — вынудила короля Иоанна Безземельного подписать Magna Carta, т. е. Великую хартию вольностей, которая ограничивала королевскую власть и предоставляла широкие права крупным феодалам. Основной массе английского народа — крепостному крестьянству — хартия не дала никаких прав. Наряду с другими аналогичными документами, появившимися

впоследствии, хартия составляет статутарную основу английской конституционной практики. В 1264 г. собрался первый парламент Англии, состоявший из знати. В дальнейшем различные парламентские акты наращивали конституционные основы страны. После «славной революции» 1688 г. в Англии установилась существующая и поныне конституционная монархия. Принятый в 1689 г. Билль о правах был первым юридическим шагом на пути установления конституционной монархии. Он был направлен против восстановления абсолютизма и юридически оформил итоги «славной революции», значительно ограничил власть короны и гарантировал права парламента. Билль о правах исключал для монарха возможность устанавливать законы или создавать армию без одобрения парламента. Так были заложены основы английской конституционной монархии, существующей и в XX в. Конституционный монарх правит в согласии с парламентом.

Развитие английского парламентаризма связано с возникновением и становлением двух основных политических партий — тори и виги. Эти названия фигурируют среди наиболее важных исторических слов в английском языке. Они появились в политическом лексиконе в конце XVII в. Томас Маколей, английский писатель и государственный деятель первой половины XIX в., восторженно писал в «Истории Англии» о «двух кличках, которые вначале были даны как оскорбительные, но вскоре стали восприниматься с гордостью. Они все еще находятся в повседневном употреблении и распространились так широко, как английская раса. Они будут жить так долго, как будет существовать английская литература». Оставив в стороне «патриотический» тон заявления Маколея, следует признать, что в значительной степени он оказался прав. И сегодня выражения «тори» и «виги», правда все реже и реже, употребляются в трудах историков и политологов и даже в прессе.

Эти «экзотические» слова были заимствованы в свое время из Шотландии и Ирландии. Даниэль Дефо, английский журналист и романист, действовавший во второй половине XVII — начале XVIII в., на глазах которого входили в употребление эти клички, писал, что выражение «тори» применялось для обозначения ирландских воров и убийц. Сторонники определенного политического курса называли так своих противников, стараясь их оскорбить. Их противники действовали аналогично и назвали своих оппонентов «вигами» — словом, заимствованным из ирландского народного языка и означавшим продажных и злобных людей. Об этом сообщает второй современник событий, юрист и публицист Родокер Норт.

Тори пользовались более реакционной репутацией, чем виги, в связи с их борьбой против идей Великой Французской революции и против реформы парламента в первой трети XIX в. Традиционно грани между вигами и тори были весьма подвижны. Так, в связи с событиями Французской революции многие виги перешли в лагерь тори, а оставшиеся в начале века выступали за реформирование парламента.

Впоследствии виги стали именоваться либеральной партией, а тори — консервативной. И сегодня, в конце XX в., эти наименования мы наблюдаем в политической жизни Англии.

Хотя английская монархия и не является решающим элементом в государственной системе страны, все же ее нельзя сбрасывать со счетов. Переход от абсолютной монархии к конституционной повсюду совершался после жестоких битв и прохождения через республиканскую форму правления. Для Англии этот этап приходится на период буржуазной революции XVII века. 19 мая 1649 г. Англия была объявлена республикой. Это была так называемая индепендентская республика, просуществовавшая до 1653 г., когда верховная власть принадлежала однопалатному парламенту, ибо вместе с монархией была ликвидирована и палата лордов. Затем был установлен режим протектората Кромвеля, явившийся подготовкой к реставрации монархии, что и состоялась в 1660 г., когда королем стал Карл II. «Славная революция» окончательно утвердила реставрацию монархического строя.

Дальнейшее существование английской монархии отмечено частыми вспышками борьбы между королями, стремившимися к расширению своих прерогатив, и парламентом, выражавшим интересы буржуазии и нового дворянства и категорически выступавшим против таких поползновений. В результате постепенно выработался баланс сил и прав, который и способствует стабильности английской монархии с 1688 г.

Конец XVIII — начало XIX в. ознаменовались глубоким упадком английской монархии. Король Георг III из ганноверской династии выступил с весьма амбициозными планами. Приближалась Французская революция, быстро вызревали ее предпосылки, а английский король возмечтал чуть ли не об абсолютной власти. Он вступил в борьбу с министрами, пытался упразднить политические партии, назначал премьер-министров, не считаясь с возражениями парламента. В результате Георг III встретился с самым ожесточенным сопротивлением. Против него выступили крупнейшие землевладельцы-виги, такие фамилии, как Ньюкаслы, Тэмпли, Рокингэмы, которые фактически правили Англией при двух предшественниках короля — Георге I и

Георге II. Добиваясь ослабления олигархического влияния знати и пытаясь сосредоточить в своих руках многие элементы королевской власти, утраченные в разное время его предшественниками, Георг III возбудил против себя ожесточенную ненависть в кругах аристократии. К тому же время работало против его замыслов. Война за независимость Северной Америки, т. е. буржуазная революция, против которой Англия выступила с оружием в руках, закончилась для нее поражением. Английская корона утратила свои колонии, на месте которых возникли Соединенные Штаты Америки. Буржуазная революция вызревала и на Европейском материке. К этим объективным факторам прибавился и субъективный: королевская семья погрузилась в пучину морального разложения, развивавшегося на глазах всего народа, а сам король сошел с ума и ослеп. Его преемник был поспокойнее. Две буржуазные революции — американская и французская — кое-чему научили и английских королей, но, как справедливо замечает Д. Томсон, в первые три десятилетия английская «монархия упала до крайнего предела».

Расстановка политических сил в Англии складывалась под воздействием сложного комплекса различных факторов, как внутренних, так и внешних. Это и Английская революция XVII века, и промышленный переворот, и влияние американской и французской буржуазных революций, и колониальная экспансия, и многое другое. Общность интересов землевладельцев и буржуазии обусловила союз между ними, хотя, как это бывает во всяких союзах, он существовал диалектически. В его недрах действовали определенные противоречия, и союзники соревновались за получение преимуществ и укрепление собственных позиций за счет друг друга. В чем английская землевладельческая аристократия и буржуазия были действительно едины, так это в защите своих интересов от трудящихся, на которых они паразитировали.

Сословно-социальные противоречия, особенности исторического развития Англии выдвинули в первой половине XIX в. в качестве важнейшей политической проблемы вопрос о реформе избирательного права. Проблема была особенно острой в связи с огромной ролью парламента в жизни страны и крайне устарелой и недемократической системой избрания его членов. Анахронизм системы усиливался глубокими изменениями в соотношении сил между землевладельцами и буржуазией в пользу последней, а также передвижением масс населения из сельской местности в крупные промышленные и хозяйственные центры. В политической системе господствовал принцип, возникший в XVIII в. и гласивший, что собственность, а не люди

должна быть представлена в парламенте. Его оспаривали в XIX в. радикалы, утверждавшие, что избирательным правом должны пользоваться жители страны как таковые, невзирая на размеры собственности, которой они владеют.

Появление и развитие радикального движения характерны для начала века. Оно базировалось в промышленных районах, прежде всего в Ланкашире, имело в своих рядах видных популярных ораторов, пользовалось поддержкой некоторых газет и выступало за радикальные реформы в области избирательной системы и некоторые другие.

В послевоенные годы находились у власти и доминировали в парламенте виги, лидерами которых были Грей и Рассел. Они опирались на поддержку протестантских диссидентов, финансистов Сити и других банкиров, бизнесменов от торговли и промышленности. В их не всегда четкой программе присутствовали идеи реформирования избирательной системы, государственного управления, социальной сферы. Их стремлением было сократить влияние землевладельцев и расширить возможности буржуазии. Политическое положение вигов было сложным потому, что они сами принадлежали к числу крупных землевладельцев, а наиболее старинные, богатые и спесивые землевладельцы и составляли ядро партии. В общем, виги являлись аристократическими представителями буржуазии, промышленного и торгового среднего класса. В поведении вигов часто проявлялись такие черты, как лицемерие и ханжество.

Партия тори четко определилась в период войн против Франции, когда она требовала активнейшего противодействия влиянию свободолюбивых идей Французской революции. Она воплощала в себе крайнюю враждебность ко всему освободительному, революционному. Традиционная враждебность Англии делу свободы и революции, ее сугубый консерватизм, наблюдаемый на протяжении двух столетий, сформировались в конце XVIII в. «Партия тори, — пишет Томсон, — вряд ли тогда была чем-либо иным, чем объединением всех групп и людей, рассматривавших якобинство как нечто, чему нужно оказывать противодействие и что необходимо уничтожить». В послевоенный период партия тори, состоявшая в основном из землевладельцев с небольшой добавкой людей крупного бизнеса, зарекомендовала себя как упорный, последовательный противник любых радикальных перемен и политических реформ. Она всеми средствами стремилась сохранить господство крупных землевладельцев в политической жизни страны.

Было бы неверно считать, что между тори и вигами пролегла

непроходимая пропасть. И те и другие являются партиями богатых людей. Одни получают земельную ренту, другие — ренту от торговой и промышленной прибыли. Поэтому не должны удивлять частые перебежки политиков из одной партии в другую и обратно. Это обычное и весьма характерное явление для английской политической жизни. «Даже в это время глубоких расхождений во мнениях и широко распространившихся социальных бедствий различия в политических позициях в Англии были неуловимыми и незначительными и легко взаимопроникали», — писал Томсон.

«Второй частью» английского парламента была палата лордов, игравшая в те времена гораздо более важную роль, чем ныне, и имевшая существенные права. В столкновениях с палатой общин корона часто опиралась на палату лордов. Эти совместные действия влияли на состав палаты лордов и ее политическую ориентацию. Для того чтобы обеспечить в палате лордов большинство в пользу принятия решений, в которых был заинтересован король, он прибегал к практике раздачи титулов пэров людям, на которых он мог положиться, и делал это в таких количествах, что при голосовании образовывалось большинство в пользу выгодных короне законопроектов. Одновременно этот метод отражал и господствующую в стране коррупцию — присвоение титула сопровождалось обычно предоставлением синекуры, обильно оплачиваемой казной. В результате этих махинаций при Георге III палата лордов, традиционно являвшаяся цитаделью вигов, превратилась в крепость тори. В период премьерства Питта было присвоено 109 новых титулов пэров, и в результате в начале XIX в. палата лордов насчитывала в 2 раза больше членов, чем в XVIII в. Правительство лорда Ливерпула через короля добавило еще 56 новых лордов в состав второй палаты. В результате палата стала лучше представлять различные слои и группы правящих кругов и по численности сравнялась с палатой общин, которую обычно, но не совсем точно юридически именуют парламентом. В палате лордов в первой половине XIX в. насчитывалось 360 членов, и далеко не все они были из среды аристократов — это были и видные генералы, адмиралы, представители торгового капитала, крупные фабриканты и заводчики.

Конец XVIII — начало XIX в. были характерны для Англии важным процессом: власть короны сокращалась, и увеличивалась власть не только парламента, но и правительства. И «все же до 1832 г. корона была в состоянии назначать и проводить выборы в парламент таким образом, что их результаты являлись поддержкой для правительства, назначаемого по выбору короля,

и это правительство имело большинство в обеих палатах», — констатируют английские историки.

Вместе с воцарением в Англии в 1689 г. новой династии, когда правитель Голландии Вильгельм Оранский был провозглашен королем под именем Вильгельма III, наступила новая эра — эра брака земельной аристократии с финансовой аристократией. Установилось конституционное равновесие между привилегией крови и властью золота. Но даже в самом счастливом браке не обходится без внутренних трудностей. С момента заключения брака прошло почти два столетия, соотношение сил между участниками изменилось, и буржуазия стала требовать увеличения своих прав. Она имела сильную поддержку со стороны радикальных элементов и трудящихся. Вольные и невольные союзники требовали реформы парламента, где сосредоточивалось все больше и больше власти.

В стране все громче и громче раздавались требования, чтобы число избирателей, выбирающих членов парламента, было значительно расширено. Уже в 1797 г. лорд Грей внес в парламент проект билля о реформе избирательного права. Но это было лицемерное деяние вигов, стремящихся что-то выиграть в общественном мнении. Однако оно отражало настроения в стране. Постепенно борьба за реформу расширялась и углублялась. Герцогу Веллингтону пришлось уйти из правительства из-за того, что он выступил против реформы. Буржуазия и пролетариат создавали политические организации в Бирмингеме, Манчестере, Лондоне и в других местах, требовавшие реформы. В сельской местности в ряде графств шла настоящая крестьянская война, стали частыми поджоги крупных имений. Все это вынудило министерство вигов повторить в мае 1827 г. предложение о парламентской реформе. Проект в главных чертах предусматривал уничтожение большей части «гнилых местечек», увеличение числа представителей от графств, предоставление избирательного права крестьянам и арендаторам, а также 24 наиболее значительным английским промышленным и торговым городам.

Однако и такой ограниченный билль вызвал ожесточенную оппозицию. В конце концов под нажимом народных выступлений и под угрозой со стороны правительства вигов, что король пополнит палату лордов сторонниками реформы, преобладавшая в парламенте торийская аристократия капитулировала. В 1832 г. был наконец принят закон о парламентской реформе. Закон не дал народу того, чего от него ожидали, контингент избирателей расширился незначительно и целиком за счет буржуазии. И тем не менее закон 1832 г. имел большое переломное значение для

страны. Он знаменовал собой важную победу промышленной буржуазии, распределение власти существенно изменилось в ее пользу. Билль зафиксировал новый политический компромисс между буржуазией и земельной аристократией. Народным массам он показал, как надо бороться за свои права. Борьба за радикальное изменение избирательного права получила дополнительный импульс, вскоре развернулась в невиданном масштабе и в конце концов привела к ряду дополнительных законодательных мер в этой области. Реформа усилила роль палаты общин и соответственно ослабила значение палаты лордов, а также и монархии. Отныне король не мог выбирать и назначать премьер-министров самовластно. Ему приходилось, осуществляя свои прерогативы, все больше и больше учитывать позицию палаты общин.

Бурное экономическое развитие Англии в первой половине века давало ей возможность вести активную и независимую внешнюю политику. Из труднейшей и сложнейшей войны с Францией она вышла в числе победителей с наименьшими издержками. Ее территория не была оккупирована и разрушена в ходе войны. Эти несчастья выпали на долю ее союзников. Английское золото и ловкость государственных деятелей и дипломатов обеспечили Англии эти важные преимущества.

Важная роль, которую сыграла Россия в разгроме Франции, стоила ей тяжких жертв, но в то же время авторитет и роль России в европейских делах существенно возросли. Англию это явно не устраивало. И очень быстро она стала строить козни против своего бывшего союзника с целью лишить его плодов победы и ограничить роль в европейских делах. «Россия… — пишет Томсон, — была лишена далеко идущего влияния в Европе путем создания барьера, состоящего из Пруссии, Габсбургской империи и Турции». Это был результат не только действовавших в тогдашней Европе противоречий, но и усилий английской дипломатии, министров иностранных дел Каслри, Каннинга, Пальмерстона. После войны Англия превратилась в самую влиятельную державу в Западной Европе в Средиземноморье.

Англия, потеряв ряд колоний в Северной Америке, но не все, сохранила также владения в Вест-Индии и Индию в Азии. Это делало ее главной колониальной державой.

Промышленное развитие страны, накопление капиталов в Лондоне превращали Англию в промышленную мастерскую мира, а Сити — в международную финансовую столицу. Английские историки отмечают, что все это открывало огромные возможности перед страной, которые «обеспечили ей самой процветание и до сих пор невиданное преобладание в мире». Стремление к

преобладанию и господству в Европе было главным направлением во внешней политике Англии на протяжении всего XIX в., оно же порождало и время от времени возникавшие противоречия между нею и рядом европейских стран.

Эффективными проводниками международного влияния Англии были английские товары. Англия на международной арене боролась против всего, что «было враждебно свободе торговли, конкуренции, высокому капиталистическому идеалу английских купцов и промышленников». Ей нужны были открытые двери других стран для ее товаров и капиталов. И она старалась их взломать. Свободная конкуренция считалась наиболее ценным условием для тех, «кто мог не бояться никакой конкуренции». Англичане не боялись: их товары гарантированно забивали конкуренцию товаров любой другой страны.

Англия была не только ведущей промышленной и финансовой державой. Несмотря на все присущие ей пороки и изъяны, эта система была самой демократической в Европе. Неудивительно, что именно на английской почве возникали, формулировались и пускались в обращение идеи, порожденные свободно развивающимся капитализмом и теми демократическими элементами государственного устройства (парламентская система, ответственность правительства перед парламентом, политические партии и т. п.), которые были характерны для Англии. Эти идеалы широко распространялись и в других странах, поднимая моральный авторитет Англии.

Важное значение в это время имели труды Иеремии Бентама, философа и юриста, провозгласившего принцип утилитаризма. Бентам считал руководящим мотивом поведения полезность. Он был сторонником буржуазного либерализма и последовательным критиком всего, что оставалось от прошлого и мешало развитию буржуазии. Идеалом Бентама было «наибольшее счастье наибольшего числа людей», «достижение пользы, выгоды, удовольствия, добра и счастья». Последователем Бентама был Джон Милль — философ, экономист и общественный деятель. Он развивал концепцию Бентама, гласившую, что ценность поведения людей определяется доставляемым им удовольствием; выступал за «достижение наибольшей суммы общего счастья». Формула за «наибольшее счастье наибольшего числа людей» повторялась в трудах Э. Чедвика и многих других английских авторов. Когда она доходила до заграницы, до России, то образованная читательская аудитория, воспринимая ее в сочетании с успехами английской экономики и с учетом политической системы Англии, начинала верить, что англичане обладают секретом воплощения этой концепции в жизнь.

Однако идеологическая жизнь находившегося на подъеме английского капитализма не сводилась только к таким идеалистическим построениям. Следует отметить и другие стороны в идейной жизни Англии. Именно тогда получили распространение взгляды Томаса Мальтуса о народонаселении, использовавшиеся правящими кругами для «научного» обоснования своей внутренней, внешней и колониальной политики.

Английские политики и многие историки изображают XIX век для Англии как «век мира». Подобные взгляды прочно утвердились в английской историографии, и их высказывают как аксиому на международных встречах историков в наше время. Джордж Тревельян в годы второй мировой войны писал, что «время Виктории было периодом мира». Томсон оценивает это время как период «величия, стабильности мира». Это, по мнению такого глубокого и основательного историка, как Чарлз Вебстер, было не только время мира для Англии, но и время, когда она выступала за справедливость в международных отношениях, в защиту малых стран. Этот постулат преподносится таким образом, чтобы у слушателя и читателя создалось впечатление, что мир в период 1815–1914 гг. был обеспечен внешней политикой Англии. После таких утверждений хочется возразить соответствующим английским историкам, что существует глубокое расхождение между подобными суждениями и бесспорными фактами истории.

Позиция Англии на Венском конгрессе, созванном победителями-союзниками после поражения Наполеона в 1814–1815 гг., отнюдь не свидетельствовала о том, что она выступала за справедливость (термин, который толкуется различными правительствами по-разному) и «в защиту малых стран». Это верно и в отношении других участников конгресса. Все они стремились к возрождению феодальных порядков в Европе и восстановлению прежних династий в государствах, где хозяйничал Наполеон. Не обошлось и без интриг и тайных сговоров, направленных на ограничение интересов России, в которых участвовала Англия. Как и другие, Англия в Вене стремилась урвать побольше в свою пользу. Она закрепила за собой часть колоний, захваченных у Голландии и Франции, и среди них такие, как остров Мальта, Капская колония на юге Африки и остров Цейлон.

Таково было начало века в международных отношениях. На протяжении столетия английская внешняя политика проводилась в основном по следующим линиям. Опираясь на свое экономическое могущество, Англия стремилась играть

господствующую роль в европейских делах. Поскольку соотношение сил изменялось, и сравнительно быстро, в ее пользу, она старалась не связывать себя долговременными союзами и договоренностями, с тем чтобы сохранять свободу рук в мировой политике. Англия продолжала неуклонно расширять свою колониальную империю, осуществляя все новые и новые захваты. Поддерживала ли она освободительные движения в мире или выступала на стороне реакционных режимов? На этот вопрос нельзя дать однозначного ответа. Английская дипломатия отличается удивительной гибкостью (дающей ей большую эффективность) и следует только одному принципу — своей выгоде. Тогда, когда поддержка реакционных режимов представлялась выгодной интересам Англии, она выступала на их стороне. Когда же поддержка освободительных движений сулила экономические и политические выгоды, Англия их поддерживала. Всегда неизменным было стремление Англии ограничить интересы и роль России в европейских делах, потеснить ее на восток. Это обнаружилось и на Венском конгрессе, занимавшемся мирным урегулированием после войны, из которой Англия вышла победительницей прежде всего благодаря огромным жертвам, принесенным на алтарь общей победы Россией.

В соответствии с этими основными линиями Англия действовала в отношении Священного союза в 1815–1833 гг. Члены союза стремились обеспечить сохранение границ, установленных Венским конгрессом, и боролись против любых проявлений «революционного духа». Англия официально не вошла в союз (свобода рук), однако во многих случаях координировала свою политику с общей линией союза. Однако когда в 20-х годах Священный союз начал строить планы подавления освободительного движения в испанских колониях в Америке, английское правительство «либеральных тори» и его министр иностранных дел Джордж Каннинг выступили против. Любовь к свободе? Ничуть не бывало. Просто стремление ослабить своего традиционного конкурента в колониальных делах и использовать возникавшие новые государства для экспансии туда английских товаров и капиталов. Аналогичной «гибкостью» отличалась колеблющаяся позиция Англии и в отношении освободительного движения в Греции.

В 30-х годах, при министре иностранных дел Генри Пальмерстоне, английская внешняя политика характеризовалась дальнейшим расширением экспансии. На это время приходятся англо-сикхские войны в Индии, в результате которых Англия присоединила к своим владениям Синд и Пенджаб. Затем в 1840–1842 гг. последовала англо-китайская война. Английское

правительство пыталось вначале дипломатическим путем взломать ворота на китайский рынок для поставок туда прежде всего опиума, а также некоторых других товаров. Это не удалось, и Англия развязала первую «опиумную» войну, положившую начало экономическому и политическому проникновению ее в Китай. Был захвачен Гонконг, длительное время остававшийся английской колонией. В 1840 г. Англия объявила своим владением-колонией Новую Зеландию.

Крупной агрессивной акцией Англии явилась война 1838–1842 гг. против Афганистана. Это была колониальная война. Она началась вторжением 30-тысячной английской армии через Боланский и Хайберский проходы из Индии на афганскую территорию. Афганская армия была несравненно слабее вооружена и насчитывала примерно 15 тыс. солдат. Английские власти торопились: им нужно было, как они утверждали, опередить «русское проникновение» в Афганистан и прибавить эту страну к своим огромным колониальным владениям в Азии. Поначалу английским войскам сопутствовал успех, и в августе 1839 г. они заняли Кабул. 18 месяцев удавалось поддерживать оккупацию и поставленного англичанами у власти в Кабуле «своего человека». Затем произошло восстание афганцев, два английских политических правительственных агента были убиты, и началось уничтожение английских войск. Отступить им не удалось. Вся армия была поголовно истреблена. Лишь одному человеку удалось уйти; он добрался до Джелалабада, где и поведал эту историю. Дост Мухаммед, эмир Кабула, которого англичане пытались сместить и заменить своим агентом, возвратился в Кабул и правил там еще 20 лет.

Эти подробности можно было бы и не приводить, если бы не два обстоятельства. Во-первых, английская официальная пропаганда еще в 80-х годах утверждала, что Англия не потерпела поражения в Афганистане, а ее войска просто ушли. Во-вторых, в 1878–1880 гг. Дизраэли, уже будучи премьер-министром Англии, предпринял вторую англо-афганскую войну, также закончившуюся поражением для англичан. Тем самым в который раз было продемонстрировано, что государственные люди не учатся на ошибках своих предшественников; хорошо уже то, что наиболее способные из них учатся хотя бы на своих собственных.

НЕПРОСТО БЫЛО СТАТЬ ЧЛЕНОМ ПАРЛАМЕНТА

Начало 30-х годов — это время, когда закончились колебания между литературой и политикой и Дизраэли принял окончательное решение добиваться своих целей: славы, власти и состояния, прежде всего действуя в сфере политики. С литературой не было полного разрыва, но она стала вспомогательным средством, занятием для души и для денег. Этому повороту в жизни Дизраэли способствовал ряд объективных обстоятельств. Во-первых, крупная неудача, постигшая некоторые его литературные произведения. Во-вторых, политическая жизнь страны бурлила, бушевали страсти вокруг парламентской реформы 1832 года. Динамичная натура Дизраэли подталкивала его к тому, чтобы окунуться в политическую борьбу. В-третьих, на настроения и планы Дизраэли сильно воздействовал пример его друга Булвер-Литтона. Они были очень дружны, вращались в одних и тех же кругах, но Булвер, будучи всего на год старше своего друга, уже достиг очень многого. Он опубликовал несколько книг поэтических произведений и пять романов, был редактором авторитетного ежемесячного журнала и уже с мая 1831 г. — депутатом парламента. Дизраэли с большим уважением относился к Булвер-Литтону, и, естественно, к этому прибавлялась известная доля зависти. Но Бенджамин был слишком высокого мнения о себе, чтобы страдать от безнадежной зависти. Он был уверен, что добьется всего, чего достиг его друг, и превзойдет его.

Для этого нужно было прежде всего завоевать место в парламенте. И он со всей энергией бросился в 1832 г. в избирательную борьбу. В течение пяти лет он предпринял четыре попытки стать депутатом палаты общин, и все напрасно. Избирательные кампании отняли много сил и стоили немалых денег. Долги выросли. Но воля у Дизраэли была сильная, и он не капитулировал.

Идти на выборы нужно было с какой-то политической программой, с тем чтобы изложить ее избирателям, которые хотят знать о позиции человека, требующего, чтобы они послали его своим представителем в палату общин. Какова же была политическая платформа Дизраэли, с которой он предпринял первую попытку пройти в парламент в 1832 г.?

Определенного ответа на этот вопрос дать нельзя. Для него самого в конце концов было неважно, с каким политическим

ярлыком он будет избран. Один из биографов отмечал уже в 1860 г., что «старые твердолобые… видели его в 1832 году как беспринципного авантюриста, стремившегося попасть в парламент тем или иным способом». Отец Бенджамина придерживался консервативных взглядов; сын же сам не знал, где он находится: в голове у него, что касается политических взглядов, был полный хаос. Он встречался с большим числом сильных мира сего, вел с ними беседы о политике с целью получить дельный совет или разумное мнение. Четко определить свою позицию тогда еще не мог: он не был ни вигом, ни тори.

Но тактическая линия на выборах для него была ясна. В 1831 г. увидел свет его роман «Молодой герцог» с размышлениями автора, которые при переиздании Дизраэли убрал. Сопоставляя эти размышления с поступками Дизраэли, биографы сходятся в том, что именно этот вырезанный впоследствии кусок романа и раскрывает истинный образ мыслей Дизраэли во время его первой избирательной кампании: «Я должен быть последовательным и не компрометировать свои принципы… Давайте разберемся, что это за принципы. Я виг или тори? Я это забыл. Что касается тори, то я обожаю древность, в особенности руины. Я думаю, что я тори. Но все-таки виги дают такие хорошие обеды; они в высшей степени забавны. Я думаю, что принадлежу к вигам. Но в то же время у тори такая высокая мораль, а моральность — это моя сторона. Следовательно, я должен быть тори. Но виги одеваются намного лучше. И плохо одевающаяся партия, как и плохо одетый человек, должна быть не права. Да! Я определенно принадлежу к вигам… Я думаю, что одну ночь я буду вигом, а другую буду тори и таким образом доставлю удовольствие обеим партиям. И у меня нет возражений, придерживаясь моды сегодняшнего дня, занять какой-либо пост при правительстве тори при условии, что я смогу голосовать против них». Биографы считают, что этот пассаж из романа Дизраэли следует признать автобиографическим и что он точно отражает позицию самого автора. Игривость формулировок приведенного отрывка не должна заслонять крайнего цинизма, заложенного в нем.

Будем справедливы, цинизм Дизраэли не был чем-то исключительным, он уходит корнями в крайний цинизм английской политической жизни. Что поражает в этом высказывании Дизраэли, так это безоглядное публичное обнажение своих принципов или, точнее, их почти полное отсутствие. Но в то же время это была игра, позерство, оригинальничанье. Б. Жермен на этот счет заметил: «Ни один беспринципный авантюрист не мог быть таким дураком, чтобы

написать это». Бенджамин написал и впоследствии горько сожалел о содеянном. Он убрал соответствующее место из позднейших изданий «Молодого герцога», хотел, чтобы читатели забыли о нем. Но упорно действовала народная мудрость: «Что написано пером, того не вырубишь топором», — и политические противники Дизраэли не раз приводили цитаты из романа с целью продемонстрировать политическую беспринципность автора.

Отец Бенджамина, сестра Сара считали, что победить на выборах с такой позицией — дело безнадежное. Но Дизраэли был азартным и упрямым политическим игроком и надеялся красноречием привлечь на свою сторону избирателей.

В июне 1832 г. неожиданно открылась вакансия члена парламента от округа Хай-Уикомб, близ которого находилось поместье Брэденхэм. Закон о парламентской реформе уже был принят, но еще не вступил в силу, и выборы должны были проходить по старым правилам. Хай-Уикомб представлял собой небольшой церковный приход, внутри которого располагался маленький городок, занимавший площадь в 128 акров[3] и посылавший в парламент двух депутатов. Это было обычное для Англии тех лет так называемое гнилое местечко, т. е. город, пришедший в упадок, но продолжавший посылать депутатов в парламент. В Хай-Уикомбе голосовало и, следовательно, решало вопрос об избрании депутата всего 35 человек. Весной освободилось депутатское место, и Дизраэли выдвинул свою кандидатуру на открывшуюся вакансию. Он выступил как радикал, сторонник реформ, т. е. как виг. Булвер, который всячески старался помочь Дизраэли пройти в парламент, был вигом. Он пытался убедить руководителей партии вигов, чтобы они не выставляли никакой другой кандидатуры в Хай-Уикомбе и тем самым дали возможность его протеже победить на выборах. Но репутация Дизраэли в политическом отношении была неясная, и просьбе Булвера не вняли. Сыграло свою, может быть, решающую роль также то, что премьер-министр лорд Грей пожелал видеть своего младшего сына полковника Чарлза Грея членом парламента. В результате полковник оказался соперником Дизраэли. Эти выборы в Хай-Уикомбе были последними в Англии, проходившими по дореформенным нормам, и в этом их своеобразный исторический интерес.

Спонсором Дизраэли на выборах был некий Джозеф Хьюм. Его подыскал на эту роль Булвер-Литтон. По традиции Хьюм прислал Дизраэли пространное письмо, предназначавшееся к опубликованию в местных газетах и представлявшее собой по существу обращение к избирателям. В письме говорилось, что

Англия нуждается в «честных, независимых и талантливых людях» и что избиратели поэтому поступят мудро, избрав в парламент Дизраэли. «Я надеюсь, — писал Хьюм, — что сторонники реформ объединятся вокруг Вас как человека, придерживающегося либеральных взглядов на все сферы государственного управления и готового посвятить себя делу поддержки реформ и экономии во всех административных органах, что… соответствовало бы высшим интересам страны. Я был бы в восторге, увидев Вас в составе нового парламента».

Дизраэли не ограничился рекомендацией Хьюма. Он получил аналогичные документы от Булвер-Литтона и ряда других лиц. Особое внимание привлекает рекомендательное письмо Д. О'Коннела, учитывая дальнейшее развитие отношений между ним и Дизраэли. О'Коннел писал, что «если Дизраэли будет избран, то дело истинной реформы получит огромное преимущество… Дешевое управление и свободные установления получат дополнительный стимул благодаря его таланту и аргументации, которую он использует во имя доброго дела. Я безусловно целиком и полностью полагаюсь на его политическую и личную честность и получил бы величайшее удовольствие, если бы посодействовал любым способом обеспечению его избрания в парламент». Все эти своеобразные обращения к избирателям были своевременно опубликованы в местной газете «Бакс газетт». Это имело положительное значение для Дизраэли. Даже почтенная лондонская «Таймс» писала 11 июня, что «усердие, с которым Булвер добивается успеха Дизраэли, побуждает нас хорошо думать о Дизраэли».

Положительное, но нерешающее значение. Оглядываясь на эти события с позиции сегодняшних норм политической и общественной жизни, современных нравов, нельзя не удивляться поведению Дизраэли. Ведь он выступил и декларировал свою решимость нанести поражение не кому-либо, а сыну премьер-министра Англии. В таких случаях, как показывает опыт, облеченные властью и влиянием деятели используют свои возможности для обеспечения успеха своего родственника или иного протеже. Даже сама их фамилия имеет сильное психологическое воздействие на избирателей, часть которых стремится продемонстрировать свои услуги влиятельному лицу, надеясь получить от этого когда-нибудь выгоду для себя, другая же часть поступает так, опасаясь вызвать неудовольствие этого лица, что чревато возможными неприятностями. Этот фактор действует на парламентских, муниципальных, академических и многих других выборах. Дизраэли надеялся, что его энергия, талант, ораторское искусство обеспечат ему победу даже над

сыном премьер-министра.

Оба кандидата-соперника совершили демонстративный въезд в Хай-Уикомб. Открытый экипаж Грея везли на центральную улицу его сторонники. Он произнес поразительно бесцветную, наивную речь, длившуюся примерно четверть часа. За это время он успел объяснить, что никогда раньше не выступал перед широкой аудиторией, что это его первое выступление и что в парламенте он намерен следовать линии своего отца. И это было все. Местная газета, поддерживающая тори, имела основания заявить, что еще никогда «более великолепный простофиля» не пытался быть избранным от какого-либо избирательного округа.

Дизраэли въехал в город в открытом экипаже на четверке лошадей. Одет он был претенциозно — кружева, золотые украшения, кольца с камнями, особого покроя и невероятной расцветки жилет и костюм. За каретой следовала шумная толпа его сторонников с оркестром, знаменами. На это представление глазели из окон местные жители, и Дизраэли посылал им, прежде всего женщинам, воздушные поцелуи. Общественным центром города была гостиница «Красный лев». У входа находился портик, крыша которого была украшена большой скульптурой красного льва. Дизраэли взобрался на крышу, стал рядом со львом и произнес темпераментную речь, занявшую час с четвертью. Он был мастером произнесения речей для толпы, и слушатели принимали его с восторгом. Кроме ораторского искусства сказывалось и то, что их восторги были оплачены, как, кстати, была оплачена и поддержка толпой полковника Грея.

Дизраэли, как уже было сказано выше, не имел определенной политической приверженности. 10 июня он писал Остину: «Торизм изжил себя, но я не могу опуститься до того, чтобы быть вигом». В своей речи он в резких выражениях нападал на правительство вигов. Критика действий существующего правительства всегда импонирует толпе, и расчет Дизраэли был верен. Он настойчиво подчеркивал мысль о том, что он якобы выходец из народа. «Я никогда не получал ни одного шиллинга из общественных денег и принадлежу к семье, которая тоже не получала их», — говорил Дизраэли. «Я выходец из народа», в моих жилах «нет ни капли крови Плантагенетов или Тюдоров». Насчет крови все было верно, насчет народа тоже могло быть верно, если принимать за народ лишь среднюю буржуазию. Закончил речь он так: «Когда результаты голосования будут объявлены, я буду здесь, — и при этом указал на голову льва, — а мой соперник будет здесь», — и при этом последовал жест в сторону хвоста.

Бенджамин был в восторге от самого себя. На следующий

день он писал Саре Остин: «Вчера казначейство прислало сюда полковника Грея в сопровождении нанятой толпы и оркестра. Никогда не было такого провала. После шествия по городу в сопровождении оплаченных избирателей он, запинаясь, произнес десятиминутную речь… Чувствуя, что это переломный момент, я взобрался на портик „Красного льва“ и выдал им речь на час с четвертью. Я не могу передать тебе, каков был эффект. Я всех их свел с ума. Очень многие буквально рыдали… Все женщины были на моей стороне, на них были розетки с моими цветами — белым и розовым…»

Однако конечный результат был плачевным для Дизраэли. Всего было подано 32 голоса, из них Грей получил 20, а Дизраэли — 12. Что же произошло? Из Лондона были присланы два высокопоставленных чиновника, которые в то время, когда Дизраэли разыгрывал свое шоу, вели индивидуальную обработку избирателей в пользу Грея. Это было несложно, ибо их было всего 32 и далеко не все они бегали за экипажами кандидатов в депутаты. Неудачная для Дизраэли первая попытка пройти в парламент свидетельствует о том, что он полагался на свое красноречие, адресованное толпе, и не вел той конкретной работы с избирателями, которая и решала успех дела. События тех дней дают еще один урок: далеко не всегда проигрывает тот, кто произносит примитивную, бледную речь, и не всегда выигрывает блестящий, остроумный, логически мыслящий оратор. Люди, принимающие решения, обычно руководствуются не эмоциями, а деловым, практическим расчетом.

Неудача первой попытки пройти в парламент явилась ударом для Дизраэли, но не поколебала его решимости добиться своего. Раздражение было настолько велико, что он не удержался от того, чтобы опять неосторожно хлопнуть дверью. После выборов он заявил: «Виги покинули меня, и они должны будут пожалеть об этом». В те годы в политике применялись резкие выражения и деятель приобретал тем большую известность и популярность, чем более резко, а то и грубо он выступал. Но все имеет свои границы. Заявление Дизраэли прозвучало и было подано его недругами как вызов и угроза вигам. Это вызвало отрицательную реакцию в общественных кругах. Дизраэли впоследствии пытался отречься от приписываемых ему слов. В письме в «Таймс» он их «уточнил» в свою пользу, но уточнение было настолько путаным, что осталось впечатление, что что-то в этом роде он имел неосторожность заявить.

На первый взгляд это может показаться малосущественным, но в действительности это было важным обстоятельством, причинявшим вред репутации Дизраэли. Дело в том, что закон о

парламентской реформе вступил в силу, парламент был распущен и новые выборы были назначены на декабрь 1832 г. — вторые выборы для Дизраэли в этом году. Реформа увеличила число избирателей за счет буржуазии весьма существенно: в Хай-Уикомбе до реформы число избирателей составляло несколько более тридцати, теперь оно выросло до 298. Во второй половине года Дизраэли время от времени приезжал в Хай-Уикомб из Лондона или Брэденхэма, чтобы познакомиться с новыми избирателями и убедить их поддержать его на будущих выборах. Теперь он не намерен был ничего отдавать на волю случая. Он подсчитывал и оценивал каждый голос, учитывал даже того, кто может не принять участия в голосовании, так как потеряет право голоса, став членом палаты лордов.

Свое первое на этих выборах программное обращение к избирателям Хай-Уикомба Дизраэли выпустил 1 октября. Через несколько дней оно было опубликовано в местной печати и в «Таймс». Оно содержало резкую критику действий правительства, что должно было импонировать многим избирателям. Дизраэли выступал в поддержку предложений о тайном голосовании, об избрании парламента на трехлетний срок, об отмене некоторых видов налогов. Он требовал жесткой экономии в государственных расходах и улучшения «существования низших слоев населения». Дизраэли высказывался за такое изменение хлебных законов, которое «принесло бы облегчение потребителям и в то же время не причиняло ущерба фермерам». Наиболее существенным в обращении были положения об отношении Дизраэли к обеим ведущим политическим партиям. Они означали, что и на этот раз Дизраэли был намерен выступать на выборах как независимый. Он провозглашал: «Англичане, смотрите, перед вами беспрецедентная империя, созданная героической энергией ваших отцов. Соберитесь с духом в этот час сомнений и опасности, отбросьте политический жаргон и фракционный слэнг вигов и тори — два наименования, имеющие один смысл и употребляемые с единственной целью — обмануть вас, — и объединитесь в создании великой национальной партии, которая только и может спасти страну от угрожающего ей уничтожения».

Здесь мы находим свидетельство быстро растущей политической зрелости Дизраэли, отражение его размышлений по важнейшим проблемам политической жизни Англии. Конечно, он не избежал характерных для него преувеличений. История показала, что Англия в 1832 г. не находилась «под угрозой уничтожения», хотя и переживала большие трудности. Очень интересна высказанная им мысль о том, что между вигами и тори нет принципиальной разницы и что ведущаяся между ними

перепалка имеет целью ввести в заблуждение народные массы. В принципе начинающий политик был прав: обе партии были едины в том, что они представляли интересы правящих классов, хотя он вряд ли мыслил такими категориями. Его заботило неудовлетворительное состояние обеих партий, их несоответствие требованиям эпохи. Сказывалось при этом и то, что сам Дизраэли все еще не мог политически определиться и в его выступлениях мелькали требования то вигов, то тори. Однако следует признать, что Дизраэли в своих программных выступлениях на всех четырех неудачных для него выборах в парламент, колеблясь между позициями этих двух партий, в то же время все более определенно смещался в сторону тори. Из его оценки вигов и тори вытекали два соображения: во-первых, идея создания на их основе единой национальной партии и, во-вторых, в связи с невозможностью реализации этой идеи радикальная реорганизация консервативной партии.

Первое соображение — национальная партия — родилось не в 1832 г. Вспомним, что еще в то время, когда Дизраэли носился с идеей организации общеанглийской влиятельной газеты, он говорил о создании новой сильной партии. Затем эта идея появляется в его романе «Вивиан Грей». Конечно, теперь, в конце 1832 г., эта идея выдвигается им более основательно и продуманно. Забегая вперед, скажем, что идея так и осталась нереализованной, хотя история и дала свидетельства ее серьезности. История показала, что в трудные для страны периоды английские государственные деятели неоднократно обращались к мысли о создании единой партии английских имущих классов. Вспомним хотя бы Рандольфа Черчилля, отца Уинстона Черчилля, и Дэвида Ллойд Джорджа.

Впоследствии, когда Дизраэли обрел руководящее положение в консервативной партии, он провел ее радикальную реформу. Поэтому он и считается создателем современной нам консервативной партии. Побудительные мотивы для этой деятельности Дизраэли следует усматривать уже в оценке им партии тори в 1832 г.

Наконец, следует отметить содержащуюся в его программном обращении восторженно-гордую ссылку на Британскую империю. Это тоже не было случайным. Ссылка предвещала будущую деятельность Дизраэли, направленную на расширение и увеличение имперских владений Англии, на их охрану от посягательств реальных или мнимых соперников Англии в колониальной сфере, на укрепление английского колониального господства. Вряд ли избиратели Хай-Уикомба понимали в должной мере всю сумму взглядов, которые им преподнес

Дизраэли.

Избирательная кампания декабря 1832 г. была первой после принятия нового избирательного закона, увеличившего число избирателей, но методы ее проведения мало отличались от тех, которые практиковались до реформы. Организовывались оплачиваемые претендентами избирательные шоу, нанимались за шиллинги или выпивку шумливые «сторонники», кричавшие о достоинствах того или иного кандидата. Чарлз Диккенс в «Посмертных записках Пиквикского клуба» прекрасно описал, как проходили выборы в пореформенной Англии. Он избрал для повествования вымышленный городок Итенсуилл, но картину происходящего рисовал с натуры; почти все ее элементы соответствуют тому, что происходило в аналогичных случаях в Хай-Уикомбе. У Диккенса действуют редакторы противостоящих друг другу газет — «Итенсуиллской газеты» и «Итенсуиллского независимого»; в Хай-Уикомбе в 1832 г. была такая же картина: одна газета выступала в поддержку либералов, ей противостояла другая, боровшаяся за консерваторов.

Избирательный округ посылал в палату общин двух депутатов. Выдвинуты были три претендента — некий Смит, наследник титула лорда Каррингтона, давно представлявший Хай-Уикомб, избрание которого считалось гарантированным; все тот же полковник Грей и Дизраэли. Между двумя последними и развернулась ожесточенная борьба. Соперники стремились любыми средствами дискредитировать друг друга. Выступая на банкете в Хай-Уикомбе в ходе избирательной кампании (а она в те дни продолжалась две-три недели), Грей, бросая взгляды на Дизраэли, заявил, что в июньской кампании сторонники Дизраэли «наняли группу пьяных скандалистов, которые сопровождали Дизраэли, когда он обходил избирателей…» Обвинения в найме «сторонников» были взаимными и обоснованными. Были и выступления солидных людей, поддерживавших Грея, которые сильно задевали Дизраэли. Так, «Таймс» 10 ноября опубликовала выступление некоего Хобхауза, который вопрошал: «Как известен Дизраэли своим соотечественникам? Как автор нескольких жалких романов, в которых он описывает или общество, где он живет сам, или положение несуществующего общества». В действительности дело было серьезнее, чем эти стандартно-пропагандистские выпады. Клара Болтон, жена врача, услугами которого Дизраэли пользовался в Лондоне, писала ему 19 ноября о том, какие разговоры идут о нем в городе: «Все они обвиняют Вас и предполагают, что Вы ведете двойную игру, а в действительности не преданы никакому курсу».

И все же Дизраэли верил в свою победу. Он даже заказал специальное кресло, отделанное его цветами — розовым и белым, в котором его сторонники должны были нести его после того, как будет объявлено о его победе. Результаты выборов были объявлены 12 декабря. Смит получил 179 голосов, Грей — 140, Дизраэли — 119. Итак, вторая попытка пройти в парламент вновь закончилась неудачей.

Почему такой исход? Сразу после выборов Дизраэли не без раздражения заявил, что «секрет враждебного отношения избирателей к нему — в том, что он неблагородного происхождения». Доля истины в этом есть. Американец Жермен, на наш взгляд, дает взвешенную оценку происшедшего. «Его происхождение, безусловно, играло важную роль в его поражении, как это было и в первом случае. Но, вероятно, более решающим стало широко распространенное мнение, что он ведет двойную игру». Неудивительно, что такое мнение господствовало в Хай-Уикомбе, поскольку он сам подчеркивал, что не принадлежит ни к вигам, ни к тори. А понять «независимость» его программы избирателям было весьма затруднительно.

Потерпев поражение в Хай-Уикомбе, Дизраэли попытался срочно включиться в избирательную кампанию в соседнем избирательном округе — в графстве Бакс. Процедура выборов это позволяла, и Дизраэли направил свое программное обращение в этот округ. Оно по содержанию еще больше склонялось в сторону тори, чем его предшествующие заявления. Однако ситуация в этом округе неожиданно изменилась, и Дизраэли счел целесообразным снять свою кандидатуру. Так не удалась и третья попытка.

В апреле 1833 г. Дизраэли возобновляет усилия пройти в парламент. На этот раз открылась вакансия в Лондоне, в округе Мерилебон. Он обращается к избирателям с новым программным заявлением, которое еще больше сближалось с программой партии тори. Но все же он не заявлял прямо о своей приверженности этой партии. В связи с его намерением попытать счастья в округе Мэрилебон одна из газет задала вопрос, «на чем все-таки он намерен стоять», имея в виду его политическую платформу. «На голове» — ответил Дизраэли в раздраженно-игривом тоне. И на этот раз успех не сопутствовал ему.

Следующая возможность попытать счастья на парламентских выборах появилась только в конце 1834 г. Прошедшие до этого 18 месяцев в жизни Дизраэли были посвящены «светским удовольствиям, любви, денежным долгам и литературе».

ЛЮБОВЬ И ДЕНЬГИ

Семья, и прежде всего отец и сестра, была очень озабочена поведением и положением Бенджамина. Естественно, что, как во многих подобных случаях, они сочли, что женитьба явилась бы тем средством, которое заставило бы его угомониться, остепениться и серьезно относиться к жизни и своему будущему. Разговоры о брачных перспективах были встречены Бенджамином спокойно. Его не беспокоила возможность ограничения свободы: он рассчитывал, что сможет ее сохранить. Женитьба же на богатой невесте давала возможность освободиться от все возраставшего бремени долгов. Таким способом поправляли свои дела многие денди — люди и более высокого круга. К тому же подошел возраст, когда люди обычно женятся.

Когда семейные рассуждения на эту тему привели к единодушному согласию, возник вопрос о невесте. Семья высказалась за то, чтобы Бенджамин обратил внимание в этом плане на Элен Мередит, младшую сестру бывшего жениха Сары Дизраэли. Бенджамин начал оказывать обычное в таких случаях внимание. Ухаживание продолжалось с февраля по май 1833 г. В мае Дизраэли сделал предложение, но оно не было принято. Поскольку любовь в этом не участвовала (возможно, это и явилось причиной отказа), Дизраэли не был особенно огорчен. Сара советовала продолжать оказывать внимание Элен, надеясь, что в конце концов та согласится на брак с Бенджамином, тем более что этого хотела ее мать. Но Бенджамин не внял совету и правильно сделал. Через год Элен вышла замуж за человека уравновешенного и спокойного образа жизни.

В это время Дизраэли сформулировал свое отношение к браку. 22 мая он писал сестре, что в одном доме он обратил внимание на девушку, которая имеет данные, чтобы стать его женой: «Между прочим не хотела бы ты иметь невесткой леди Зет (Шарлотту Берти)? Она очень умна, имеет 25 000 фунтов стерлингов годового дохода и любит семейную жизнь. Что касается „любви“, то все мои друзья, женившиеся по любви и привлеченные женской красотой, или бьют своих жен, или живут отдельно от них. В этом буквально и состоит суть дела. Я могу совершить массу глупостей в своей жизни, но я никогда не буду пытаться жениться по „любви“, что, я уверен, было бы гарантией несчастья». В этом рассуждении нет часто встречающегося в письмах Дизраэли позерства и кокетства. Здесь он сформулировал свое истинное кредо по вопросу о браке, выкристаллизовавшееся на основе того, что он наблюдал вокруг

себя. При этом сказался и своеобразный прагматический характер Дизраэли.

В период активного самообразования Дизраэли много читал мыслителей прошлого, и они в значительной степени формировали его мышление. В письме сестре он явно вторит французскому философу XVI в. М. Монтеню. «Мне неведомы браки, — писал Монтень в „Опытах“, — которые распадались бы с большей легкостью или были бы сопряжены с большими трудностями, нежели заключенные из-за увлечения красотой или по причине влюбленности. В этом деле требуются более устойчивые и прочные основания… Удачный брак, если он вообще существует, отвергает любовь и все ей сопутствующее; он старается возместить ее дружбой». В подтверждение своих рассуждений Монтень ссылается на древнегреческого философа Сократа. Будто бы Сократ на вопрос, что, по его мнению, лучше — взять ли жену или вовсе не брать ее, ответил следующим образом: «Что бы ты ни избрал, все равно придется раскаиваться». Слишком пессимистический и далеко не всегда подтверждаемый жизнью взгляд.

Любовь — одно из сложнейших и важнейших человеческих чувств. Всемирная литература — от авторов Библии, древних греков и римлян до психологов, поэтов и писателей сегодняшнего дня — исследует эту область человеческого бытия, но так до конца и не проникла в ее глубины. Сколько авторов, столько и подходов к определению любви. Это и понятно: сколько людей, столько и особенностей испытываемого ими этого благородного чувства, дарованного человеку природой.

То, что Дизраэли в мае 1833 г. сформулировал свои истинные взгляды на любовь, не может быть оспорено, — этому кредо он следовал всю жизнь. Но в мае, когда он писал это письмо сестре, он и не подозревал, что буквально через несколько месяцев он сам окажется в плену всепоглощающей любви, правда на время, что в конечном счете лишь подтвердило его верность своему принципу.

Дизраэли встречался с Шарлоттой Берти, оказывал ей особое внимание, но практических результатов это не дало. Вскоре она вышла замуж за некоего Джошуа Брета, человека на тридцать лет старше ее, очень богатого, одного из владельцев металлургических заводов. Это не было трагедией для Дизраэли: чувства отсутствовали, а что касается годового дохода и аристократического происхождения Шарлотты, то сестра Сара убеждала брата, что сведения на этот счет сомнительны и явно преувеличены.

Летом 1833 г. Дизраэли успокаивал родных, утверждая, что

всерьез занимается своими брачными делами, но в действительности он уже не думал о женитьбе. У него начался бурный роман с Генриеттой, женой сэра Френсиса Сайкса. И у Дизраэли, естественно, прекратились контакты с возможными невестами. Он следовал словам английской старинной песенки, приводимым А. Троллопом в романе «Барчестерские башни», где содержался практический совет ухажерам:

> Со старой любовью сперва развяжись,
> Коль новую вздумал искать.

Можно было бы не вдаваться в эти особые обстоятельства интимной жизни Дизраэли, если бы они имели исключительно личный характер. Однако эта история проливает свет на нравы, господствовавшие в тогдашних правящих кругах страны, в среде, где искал поддержки Дизраэли и которая состояла из людей, управлявших Англией и обширной Британской империей. Эти нравы имели непосредственную связь с политической жизнью страны, так как значительное число деятелей либо делало свои первые шаги в политике, либо осуществляло те или иные комбинации, используя сферу интимных отношений.

Летом 1833 г., когда Дизраэли встретил Генриетту, она была уже 12 лет замужем и имела троих сыновей и дочь. Она была дочерью аристократа и в то же время бизнесмена Генри Вильбоа, богатого человека, совладельца крупной пивоваренной фирмы. Ее муж, сэр Френсис Сайкс, происходил из семьи индийских «набобов», как называли в Англии людей, которые, находясь на службе в колониях, прямыми грабежами и прочими нечистоплотными способами сколачивали огромные состояния, а затем, возвратившись в Англию, приобретали поместья и титулы. Первый баронет Сайкс после службы в Индии имел состояние в 300 тыс. фунтов стерлингов. Он был близким другом получивших скандальную репутацию колониальных администраторов Р. Клайва и Уоррена Гастингса, у которых сумма награбленного была в несколько раз больше. Поведение этих людей было настолько скандальным, что оно стало предметом особого разбирательства в парламенте. Внук Сайкса Френсис, третий баронет, унаследовал и титул, и состояние первого баронета.

Френсис Сайкс, человек слабого здоровья, нерешительный, не обладавший сильной волей, женился явно неудачно. Генриетта была своенравной, упрямой, вспыльчивой, эмоциональной, ревнивой и в высшей степени сексуальной женщиной. Современники находили ее очень красивой.

Эмоциональный Бенджамин влюбился в Генриетту, и, как он

сам говорил, это была любовь с первого взгляда. И в прошлом у него были связи, но это была первая настоящая любовь. Вскоре их отношения приобрели скандальный характер. Великосветская хроника, по словам Чарлза Диккенса, «всесведущая, как дьявол», очень быстро сделала отношения влюбленных достоянием широкой гласности.

Современники много знали об этом романе, но постепенно время заслонило его другими событиями из бурной жизни Дизраэли. Вокруг этой истории образовался заговор молчания, и ее забыли. Но сравнительно недавно, в 1960 г., в личном архиве Дизраэли американский историк неожиданно обнаружил толстую пачку писем (около 80), написанных неразборчивым почерком, с грубейшими орфографическими и синтаксическими ошибками. Это были письма Генриетты Бенджамину в период их трехлетнего романа.

После смерти Дизраэли его доверенные лица — поверенный Ф. Роуз и лорд Роутон, бывший личный секретарь, в 1882 г., выполняя предсмертное поручение Дизраэли, занялись приведением в порядок архива своего шефа. Роуз наткнулся на письма Генриетты, и они вызвали у него большую озабоченность. Если бы они попали в руки недругов Дизраэли и были преданы гласности, то это негативно сказалось бы на его репутации. К тому же рядом оказались и письма Клары Болтон, также опасные и близкие по содержанию письмам Генриетты.

Между семьями Дизраэли и Болтон тесные связи существовали с 20-х годов, когда они жили по соседству. Болтон был довольно известным врачом и пользовал Бенджамина во время его частых истинных и мнимых заболеваний. Постепенно между Бенджамином и женой врача возникла взаимная симпатия; со стороны Клары она была более сильной. Клара принимала близко к сердцу избирательные неудачи Бенджамина, поддерживала его во время кампаний по выборам в парламент в Хай-Уикомбе. Как замечает американский автор Жермен, «она верила в Дизраэли, боролась за него, и, по-видимому, даже взяла к себе в постель!»

Роуз проанализировал письма двух дам, дневник Дизраэли как раз за годы его любовных похождений и составил для лорда Роутона записку, подробно излагающую суть проблемы. Этот документ особенно ценен потому, что в нем отразились личные наблюдения человека, бывшего на протяжении 40 лет близким к Дизраэли, его доверенным лицом в сфере бизнеса. Роуз был лоялен к своему шефу и его памяти и поэтому, дав обзор писем, предложил Роутону сжечь их немедленно вместе с обзором. Роутон также был надежнейшим помощником Дизраэли, ему

было доверено распорядиться всем архивом, но совет Роуза он почему-то не исполнил, и через 80 лет документы попали в руки историков.

Для истории это хорошо, чего не скажешь о репутации Дизраэли. Мотивы поступка Роутона не ясны. Ознакомившись с письмами обеих дам, историки бросились искать письма Дизраэли к ним, но эти поиски не дали результата. Очевидно, письма были уничтожены. Почему сам Дизраэли не ликвидировал компрометирующий его материал, когда все это уже было в далеком прошлом, тоже непонятно. Он не мог не знать о неприятных исторических прецедентах. В свое время адмирал Нельсон, национальный герой Англии, переписывался с горячо любимой им леди Гамильтон, и они, понимая опасность этой переписки, условились, что каждый будет уничтожать полученное письмо сразу же по прочтении. Адмирал выполнил это условие, а леди схитрила, сохранила письма Нельсона, которые в конце концов попали во враждебные руки и причинили ущерб репутации обоих. Дизраэли, безусловно, об этом знал, но не извлек урока.

В изложении Роуза с дополнениями из писем вырисовывается следующая картина. Вопрос об отношениях Дизраэли с Кларой Болтон сомнений не вызывает: «члены семьи Дизраэли считали ее любовницей Бенджамина». Его родные хорошо ее знали и принимали в Брэденхэме. Вскоре отношения с Кларой переплелись с отношениями с Генриеттой. Из переписки явствует, что в любви между Генриеттой и Бенджамином доминировала чувственность. Письма Генриетты переполнены эротической терминологией и соответствующими деталями их отношений. Очевидно, в этой сфере они очень подходили друг другу, отсюда и сила страсти. Бенджамин и Генриетта постоянно были вместе и вместе же появлялись в обществе. Чувство было настолько сильным, что они уже не удовлетворялись тайными встречами, пытаясь скрыть свои отношения от посторонних, как это часто бывает в подобных случаях, а перешли важную психологическую грань между просто влечением и бурной, сильной страстью. Их уже влекло желание продемонстрировать свои чувства перед другими. Они, как это бывает в такой ситуации, полагали, что сила их любви очищает от всего нехорошего их отношения в глазах окружающих, и, как обычно, заблуждались, ибо окружающие смотрели на происходящее трезво и, конечно, осуждающе.

Сэр Френсис и леди Сайкс

Целеустремленный и честолюбивый Дизраэли был настолько захвачен страстью, что игнорировал ущерб, причиняемый его поведением собственной репутации, и на какое-то мгновение готов был принести в жертву чувству свои честолюбивые планы. В это время он начал работу над романом «Генриетта Темпл», название которого весьма многозначительно. Первые главы явно автобиографичны и отражают мысли и чувства самого автора. Он

«готов немедленно, во имя этой великой цели (т. е. любви) отказаться и отбросить все прежние надежды, связи, проекты, убеждения, нарушить во имя ее все обязанности перед обществом».

И приличия действительно были нарушены. Дизраэли подолгу жил в доме Генриетты; когда она перебиралась в загородный дом, Дизраэли следовал за ней. А что же муж? Дело в том, что у сэра Френсиса был роман с Кларой Болтон и заинтересованные стороны договорились, что сэр Френсис не будет возражать против связи Генриетты с Бенджамином, а Генриетта со своей стороны дала согласие на его интимные отношения с Кларой. Конечно, не обходилось без скрытых столкновений, ревности. Но все в конце концов утрясалось, сэр Френсис посылал Дизраэли письма, приглашая его погостить у них в загородном доме. Все четверо появлялись в общественных местах, причем делалось это по настоянию сэра Френсиса, который «боялся общественного мнения».

Объяснение на первый взгляд странное, но дело было в том, что третий баронет страшно боялся повторения истории своего отца. Второй баронет в свое время был замешан в крупном скандале. В 1789 г. он соблазнил молодую красивую жену своего сослуживца, угрожал перерезать горло ее мужу и был предан суду по обвинению в соблазнении и нарушении супружеской верности. Суд обязал баронета выплатить пострадавшему офицеру 10 тыс. фунтов стерлингов в «возмещение причиненного ему ущерба». Скандал был огромный, и сэр Френсис опасался чего-нибудь подобного.

Вскоре «четверной роман» усложнился. На сцене появился пожилой, но бодрый лорд Линдхерст, крупный политический деятель. В меморандуме Роуза говорится, что во время происходивших событий существовало твердое убеждение, что леди Сайкс была любовницей одновременно и Дизраэли, и лорда Линдхерста. И Дизраэли, и сэр Френсис, безусловно, знали об усложнившейся ситуации.

Подходить к этой ситуации только с этическими критериями было бы упрощением. Появление на сцене почтенного лорда демонстрировало довольно широко распространенный метод достижения карьеры при помощи женщин в различных сферах деятельности, включая политическую. Отсюда и интерес к данному, на первый взгляд сугубо личному сюжету. В меморандуме Роуз пишет: «В то время утверждалось, что Дизраэли познакомил Генриетту с лордом Линдхерстом и использовал влияние, которое она приобрела на лорда, чтобы ускорить свое собственное продвижение. Я хорошо помню

скандал в графстве, разразившийся по этому поводу». Знаменательно, что сам Роуз не берет под сомнение это утверждение. Более того, содержащаяся в его документе аргументация подтверждает этот факт.

Линдхерст

Итак, Дизраэли подбросил свою возлюбленную влиятельному человеку с целью извлечь для себя прямую выгоду из того факта,

что она стала любовницей этого человека и тем самым приобрела сильное влияние на него. Жермен пишет: «Когда Дизраэли и Линдхерст встретились в середине июля, женский механизм действовал полным ходом с целью провести Дизраэли в парламент». И Линдхерст стал важной деталью в этом механизме.

В конце сентября 1834 г. Генриетта писала Бенджамину из Лондона: «Вчера вечером лорд Линдхерст прибыл в город. Я могу заставить его сделать все, что захочу. Поэтому, какие действия Вы сочли бы наиболее необходимыми, скажите мне, и я все это сделаю… Лорд Линдхерст очень хочет, чтобы Вы были в палате общин. Серьезно, он самое прекрасное существо, и я уверена, что могу заставить его сделать все, что захочу». Когда Линдхерст собрался недели четыре попутешествовать по странам Европы, он намеревался взять с собой свою дочь и сестру и пригласил в компанию Генриетту и Бенджамина. В Хай-Уикомбе, где Дизраэли дважды неудачно пытался пройти в парламент, ему создавало главные препятствия влиятельное здесь семейство лорда Каррингтона. 18 сентября 1834 г. Бенджамин пишет родственникам в Брэденхэм: «Веллингтон и Линдхерст обрабатывают старого Каррингтона в мою пользу».

Использование Бенджамином Генриетты для достижения карьеристских целей осуждалось многими современниками с этических позиций; одни были искренни, другие лицемерили, третьи вели себя ханжески. Оценивая эти действия Дизраэли, следует иметь в виду, что тогдашний нравственный климат в высших слоях английского общества являлся той питательной средой, на которой расцветали подобные явления. В этом отношении Дизраэли был явно не единственным примером. Так, по свидетельству Роуза, упоминавшаяся Клара Болтон стала любовницей сэра Френсиса с согласия собственного мужа доктора Болтона, который, «как говорили, извлекал денежную выгоду из этой связи».

В этой истории выявились негативные стороны человеческой натуры. Подобные вещи встречались время от времени не только в Англии, но и в странах континента, где люди, лишенные стыда и совести, «подкладывали» своих жен или возлюбленных влиятельным персонам, чтобы взамен получить от них поддержку и таким путем пробраться в парламент, академию, сделать карьерный рывок в различных сферах деятельности.

Конечно, семья Бенджамина знала все, что знали другие о его связи с Генриеттой. Дело зашло столь далеко, что Генриетта пожелала познакомиться с семьей. Сестре Саре пришлось написать ей письмо и пригласить в Брэденхэм. Генриетта явилась в сопровождении лорда Линдхерста. Визит вызвал глубокое

возмущение в местном обществе. Соседи возмущались тем, что Дизраэли, как свидетельствует Роуз, «пригласил в свою семью женщину, считавшуюся его любовницей, и ее второго любовника, с тем чтобы они пообщались с его сестрой, а также с матерью и отцом».

Роман был слишком бурным и сложным, чтобы продолжаться долго. Документы и вслед за ними биографы сходятся на том, что связь с Генриеттой была для Дизраэли очень трудной и серьезно подорвала его здоровье. Кроме того, любовь не могла навсегда вытравить из души Дизраэли его стремления к славе и власти. Постепенно не без влияния семьи и друзей он стал отдавать себе отчет в том, что связь с Генриеттой в том виде, какой она приобрела, причиняет ему большой морально-политический ущерб, подрывает его репутацию и может стать непреодолимым препятствием для реализации его честолюбивых замыслов. Наконец, и это было весьма важно, великосветский роман с такой женщиной, как Генриетта, требовал больших расходов. Она жила на весьма широкую ногу, но покладистый сэр Френсис не снабжал ее свободными наличными деньгами, и Дизраэли приходилось все больше и больше залезать в долги, реальной перспективы погасить которые не предвиделось; это могло привести к катастрофе.

Все эти обстоятельства и вынудили Дизраэли вырваться из мощных объятий леди Сайкс. Прекращение романа с такой энергичной женщиной, как Генриетта, было делом весьма непростым. И поэтому Роуз не случайно записал, что «у очень немногих мужчин оказалось бы достаточно сил и воли, чтобы вырваться из такого запутанного положения».

Бурная жизнь Генриетты и сэра Френсиса продолжалась и после того, как Дизраэли вышел из игры. Роуз сообщает, что переписка, которую он анализировал, распространяется на «заключительный эпизод» этой истории. После прекращения связи с Дизраэли сэр Френсис застал свою жену в постели с известным художником Даниэлем Маклизом в своем лондонском доме на Парк-Лэйн. Скандал был большой и выплеснулся на первые страницы лондонских газет.

После шумной огласки в таких делах обычно следует развод. Однако сэр Френсис повел себя странно: учинив скандал, он не стал добиваться развода. И Роуз объясняет почему. При рассмотрении дела о разводе неизбежно обнаружилось бы, что сам сэр Френсис отнюдь не святой, что он жил с Кларой Болтон, женой доктора, дом которого тоже был на фешенебельной Парк-Лэйн, причем доктор об этом знал и дал свое согласие на эту связь. Могли всплыть и имена Дизраэли и Линдхерста. Все это

причинило бы моральный ущерб прежде всего сэру Сайксу. Он помнил подобную историю своего отца, панически боялся судов и предпочел обойтись без развода.

Таковы были нравы правящих кругов Англии в первой половине XIX в., да и позже. Дизраэли вращался в этих кругах, делал с их помощью политическую карьеру и, естественно, жил и действовал в соответствии с принятыми там обычаями и моральными нормами. История с Генриеттой, леди Сайкс, причинила существенный ущерб репутации Дизраэли и отрицательно сказалась на его продвижении к вершинам власти. Интересно отметить, что историки заняли по этой проблеме различные позиции. В конце XIX в. Монипенни писал многотомную официальную биографию Дизраэли, но он лишь мимоходом коснулся истории с Генриеттой, причем сделал это так туманно, что читателю нельзя понять, что же произошло на самом деле. Автор ухитрился даже не упомянуть ее имени. Это было умышленное замалчивание неприятного эпизода в жизни видного политического деятеля, сохранение «белого пятна» в биографии Дизраэли. В том, что это было сделано сознательно, сомнений не может быть. Во-первых, Монипенни как автору официальной биографии были открыты все необходимые архивы и, конечно, семейный архив Дизраэли, содержавший наряду с прочим и письма Генриетты и Клары Болтон. Во-вторых, во время написания им первого тома, в котором идет речь о 1833–1836 гг., были живы многие очевидцы, знавшие в подробностях роман Дизраэли и Генриетты, и Монипенни не мог не знать досконально эту страницу жизни своего героя.

Итак, умолчание было умышленным, и оно продолжало действовать удивительно долго, учитывая, что многие авторы занимались жизнеописанием Дизраэли. Лишь в 1960 г. впервые американец Жермен подробно рассказал эту историю, а затем почти одновременно с ним ее повторил англичанин Блэйк, отдав приоритет Жермену. Случай сам по себе небольшой, но он свидетельствует, что в разные времена в разных странах в исторических исследованиях были «белые пятна», являвшиеся продуктом субъективизма историков, то ли несознательного и добровольного, то ли практиковавшегося по требованию и под нажимом как сильных мира сего, так и различных иных обстоятельств.

Дизраэли отдавал предпочтение женщинам замужним и постарше его. Объяснять это только корыстными соображениями вряд ли было бы верно. Просто его натуре больше импонировали именно такие женщины. В начале 1833 г. он присутствовал на вечере у своих близких друзей Булверов, и здесь его представили

одной из таких женщин «по ее особому пожеланию». Среди присутствовавших было очень много «дам, занимающих выдающееся положение», и г-жа Уиндхэм Левис, жена богатого владельца металлургических заводов, не привлекла внимания Дизраэли, но, будучи представленной ему по ее желанию, поначалу получила от Дизраэли совсем не восторженную характеристику: хорошенькая маленькая женщина, склонная пофлиртовать, много болтающая. Дизраэли ее заинтересовал, но встречного интереса не было, и поэтому первая беседа была весьма краткой. Она сообщила своему новому знакомому, что ей «нравятся молчаливые, меланхолические мужчины», на что Дизраэли ответил, что «не сомневается в этом». Эта встреча сама по себе не имела бы никакого значения, если бы не одно существенное обстоятельство: через несколько лет эта «трещотка», как ее назвал Дизраэли, стала его женой.

Трехлетняя связь с Генриеттой Сайкс дорого обошлась Дизраэли и в материальном отношении. Поддержание светского образа жизни на двоих требовало денег, и немалых. Эти расходы добавлялись к значительным тратам на проведение безуспешных пока избирательных кампаний. А наличных денег не было: доходы от литературного труда никак не покрывали текущих расходов. Приходилось брать в долг. Новые долги прибавлялись к тем, которые возникли в ранней молодости. Положение становилось безвыходным.

Это и стало одной из важнейших причин очередного плохого состояния здоровья Дизраэли. Как-то выскочить из долговой западни, в которую он сам загнал себя, Дизраэли пытался прежними средствами: брал новые займы для погашения сверхсрочных платежей (эти займы добывались на все более трудных условиях, что приводило в конечном счете к быстрому увеличению общей суммы долга), лихорадочно строчил новые романы, теперь уже безусловно по финансовым соображениям, которые приносили доход весьма незначительный по сравнению с тем, что было необходимо и на что рассчитывал автор, и, наконец, он как азартный игрок пускался в сомнительные финансовые авантюры в надежде мгновенно разбогатеть и одним махом решить все проблемы. Наиболее трудными в финансовом отношении были для Дизраэли 1836 и 1837 гг. Иногда опасность была настолько велика, что в перспективе маячила долговая тюрьма. Сколь действительно реальна была такая опасность, судить трудно, однако в переписке в особенно острые моменты это выражение мелькало.

Среди коммерческих литературных произведений выделялись «Генриетта Темпл» и «Венеция». Ответ на вопрос, почему

Дизраэли написал эти произведения, по мнению американского автора Р. Левина, специально исследовавшего его литературную деятельность, «должен быть найден в той нужде в деньгах, которую испытывал Дизраэли, и вытекающем отсюда желании писать то, что считалось популярной, хорошо продающейся художественной литературой». «Генриетта Темпл» представляла собой любовную историю, написанную влюбленным автором. В «Венеции» автор в весьма свободной манере повествует о Байроне и Шелли, допуская большие вольности, когда речь идет о биографиях двух поэтов, датах их жизни и деятельности. Меркантильными соображениями были вызваны и такие произведения этого времени, как «Революционная эпическая поэма», «Контарини Флеминг», «Алрой», «Возвышение Искандера». Касаясь появления этих произведений, Р. Блэйк заявляет: «Дизраэли к этому времени сильно нуждался в деньгах, его нужда в деньгах была отчаянной».

Казалось бы, в таком положении следует думать не только о том, как добыть деньги, но и как сократить расходы. Часто в самую трудную минуту Дизраэли выручали Остины. Дизраэли был должен своему поверенному Остину значительную сумму и в то же время обосновался на квартире в самом дорогом аристократическом районе — Вестэнде. Остины удивлялись, почему их протеже выбрал ту часть города, где ему приходится платить баснословную цену за квартиру. Трезвомыслящие, честные, благожелательные Остины не могли понять, почему его не устраивает, например, намного более дешевый и вполне достойный район Блумсбери, где они жили сами, располагая хорошими доходами.

Остины не учитывали, что Дизраэли любой ценой стремился жить там, где жили люди того круга, в котором он намерен был вращаться и прочно закрепиться. Это был для него и вопрос престижа, и как бы визитная карточка. Здесь, в этом районе, он посещал многочисленные дома знати, встречался с самыми популярными людьми большого света, завязывал знакомства, необходимые ему для продвижения наверх. «Дизраэли, — пишет Жермен, — чувствовал себя естественно в Вестэнде. Он прекрасно вписывался в этот круг остроумных людей и денди, распутников и эксцентрических типов, мошенников. Его индивидуальность и блестящие способности становились при этом расхожей монетой, ибо его новые друзья приветствовали талант, невзирая на то, что у него были пустые карманы. Они принимали его таким, каким он был, и именно отсюда, а не из Блумсбери он решил вновь начать борьбу за свое место под солнцем». В конечном итоге его несколько авантюристический расчет был правильным: именно

эти люди из фешенебельных районов Мэйфера, эти лорды и леди, полковники и капитаны, денди и принцы, оказали ему моральную поддержку в последующие годы, когда он делал политическую карьеру.

Точных данных о долгах Дизраэли на отдельных этапах его жизни нет. Сведения на этот счет относятся к тому, что одалживал Дизраэли у Остина, который наряду с юридической практикой иногда занимался и финансовыми делами. Дизраэли очень часто обращался за помощью и почти никогда не встречал отказа, если это было в рамках возможностей поверенного. Важную роль при этом играли не только связи семей Остина и Дизраэли, но и то, что сам Дизраэли пользовался большой симпатией Остина и особенно его жены Сары. Поначалу Сара Остин оказывала очень большую помощь Дизраэли в его литературных делах. Остины привыкли к тому, что Дизраэли часто бывал у них, его посещения были им приятны, и они хотели сохранить его общество. Ничего предосудительного в отношениях хозяйки дома и Дизраэли не было. Остины очень переживали, когда Дизраэли, проникнув в большой свет, стал бывать у них все реже и реже, а затем вообще перестал посещать их дом. Переписка продолжалась, его настойчиво приглашали, он отговаривался занятостью, но Остины не очень верили этим отговоркам. Они не понимали или не желали принять истинную причину: общество Остинов было для Дизраэли пройденным этапом, теперь у них ему было просто неинтересно, все его помыслы концентрировались на высшем свете, к которому Остины не принадлежали. Случилось так, что дружеские отношения с Остинами уходили в прошлое, становились все слабее и слабее и чуть ли не исчезали совсем именно тогда, когда Дизраэли все больше и больше нуждался в их финансовой помощи, когда его денежные дела катастрофически запутывались и ему приходилось обращаться к поверенному с просьбами о кредите и подкреплять это ссылками на старую и нерушимую дружбу. Неискренность этих ссылок была очевидна, но после больших колебаний Остин обычно ссужал Дизраэли нужную сумму, причем зачастую делал это по настоятельным просьбам жены. Сохранилась обильная переписка Дизраэли и Остинов, и она-то дает представление о его финансовом положении в те особенно трудные для него годы. Переписка рисует лишь часть картины, ибо Дизраэли добывал деньги в долг не только у Остина, который об этом не был осведомлен в полной мере, хотя и догадывался.

Осенью 1833 г. Остин ссудил Дизраэли 300 фунтов дополнительно к тому, что он одалживал ранее. Но это была

капля в море. Другие кредиторы брали за горло, и Дизраэли оказался на грани катастрофы. Пришлось опять клянчить деньги у Остина. 30 ноября 1833 г. он пишет своему другу-поверенному умоляющее, с некоторой примесью фантазии письмо. Дизраэли сообщает, что его «самые неотложные долги составляют 1200 фунтов». Здесь же он строит малореальную схему издания своих произведений в известном издательстве и называет суммы, которые якобы ему принесет эта операция. Сейчас он просит Остина ссудить ему на год 1200 фунтов и предлагает в виде гарантии официально передать ему авторские права на свои произведения. «Если я умру, у Вас будет двойная гарантия, — пишет Дизраэли и заключает: — Помогите мне сейчас, и всей своей будущей карьерой я по существу буду обязан Вам». Это мольба о помощи человека, оказавшегося в отчаянном положении.

И опять-таки ситуацию и поведение Дизраэли необходимо рассматривать с учетом существовавших тогда в Англии, да и не только в Англии, и в России тоже, нравов и обычаев в тех кругах общества, к которым принадлежал Дизраэли. Большинство его друзей и знакомых по Вестэнду «были по уши в долгах». Люди света тратили деньги зачастую безрассудно и залезали в долги к ростовщикам в расчете на то, что какое-то неожиданное наследство, выгодная женитьба помогут выпутаться. Надежды на авось в денежных делах, безответственные расчеты на то, что все как-то образуется, стали традицией и даже модой в XIX в. у определенного слоя общества.

Остин был добрым человеком и хорошо расположен к Дизраэли, но он был здравомыслящим и осторожным бизнесменом. И его очень огорчали и настораживали авантюристические выходки Дизраэли, к числу которых он относил и расходы на избирательные кампании в Хай-Уикомбе, и скандальную связь с Генриеттой Сайкс, и светскую жизнь. Поэтому он дал Дизраэли вежливый отказ: «Для меня было бы очень неудобно ссудить Вам такую сумму… Я считаю, что обеспечение очень ненадежно… Мне не хотелось бы думать, что Вы скрыли от меня истинные размеры ваших затруднений (т. е. долгов)». Далее следует вполне естественный совет — обратиться за помощью к отцу, другим родственникам и друзьям.

Ответ был не просто отрицательный, но весьма холодный. Остин полагал, что после этого он уже никогда не увидит Дизраэли и не услышит от него ничего. Но не тут-то было. В экстремальных, как сейчас говорят, случаях Дизраэли мог прятать свое самолюбие в карман. 3 декабря он опять пишет Остину. Зная, что Остин не одобряет трату денег на экстравагантные выходки,

он оправдывается: «Что касается моих долгов, то это целиком и исключительно расходы по выборам». Непонятно, зачем Дизраэли лукавил, ведь он не мог не предвидеть, что Остин осведомлен о других статьях его расходов. Тут же Дизраэли сетует, что «в спешке предложил недостаточные гарантии», теперь он готов сделать их более основательными.

Дизраэли откровенно объясняет Остину, почему он не может обратиться к отцу. Отметим, что он не говорит, что у отца недостаточно средств, чтобы выручить сына. Значит, отец имел состояние, позволявшее оказать сыну необходимую помощь. Дело было в другом: «Я действовал вопреки его настоятельным пожеланиям и основывал свою оппозицию ему на желании быть независимым». Имеются в виду, конечно, пожелания отца относительно избрания солидной и надежной профессии и совершенствования в избранном деле. «Теперь же я не хочу обращением за деньгами в чрезвычайных обстоятельствах… вновь вызывать к жизни эту крайне болезненную тему». Что же касается других родственников, то, продолжает Дизраэли, у него никогда не было тесных или дружеских отношений ни с кем из них. Здесь Дизраэли откровенен и правдиво повествует о своих отношениях с отцом и семьей. Он мог бы для полноты картины добавить, что отцу и семье очень не нравились, как они считали, чрезмерное честолюбие Бенджамина, его активность в свете, история с Генриеттой и другие подобные вещи.

Заканчивается письмо жалобой на то, что обстоятельства вынуждают его написать «это унизительное письмо», и словами: «Прощайте! Благодарю Вас за все, что Вы сделали для меня в прошлом». Казалось бы, теперь всё — конец отношениям между друзьями. Но Остин отвечает и на это письмо. Сара Остин от себя пишет, что ей хочется вернуть Дизраэли в дом как старого друга. В конце концов Остин явно под настойчивым воздействием жены дает Дизраэли 1200 фунтов.

Конечно, Дизраэли деньги в срок не вернул. Продолжалась болезненная и унизительная переписка с Остином. Поверенный утверждал, что, если долг не будет урегулирован, он вынужден будет действовать согласно закону. Дело принимало серьезный оборот. Отец, будучи в курсе дела, посылает Бенджамину «200 фунтов, чтобы не допустить его заключения в тюрьму», как замечает Жермен. В 1836 г. ситуация продолжала оставаться острой. Теперь спасать Дизраэли принялись другие силы. Его проблемами занялся юрист У. Пин. Именно он улаживал дело сэра Френсиса Сайкса и Генриетты Сайкс после разрыва между ними. Третий баронет пошел на определенные материальные жертвы в пользу Генриетты. И как замечает Жермен, Пину

удалось «удержать шерифа вдали от двери дома Дизраэли». На этот раз финансовая поддержка была оказана Дизраэли «другим лицом, возможно даже ее оказала леди Сайкс» из денег, полученных в виде отступного от сэра Френсиса. Все это уладил, опять-таки временно, Пин, и Дизраэли вновь занялся «изготовлением литературных произведений, делающих деньги», и своими избирательными делами. Однако литературное творчество очень редко обеспечивает большие доходы. Дизраэли писал довольно много, и, как правило, гонорары были неплохи, но их не хватало для погашения долгов. Это тяжкое бремя Дизраэли пришлось нести на протяжении почти всей жизни.

ВИКТОРИЯ СТАНОВИТСЯ КОРОЛЕВОЙ

Английская монархия в первой трети XIX в. находилась в состоянии крайнего упадка. Корона — символ государства — была втоптана в грязь царствовавшей ганноверской династией, многочисленные представители которой достигли крайней степени разложения. Поведение царствующих особ и принцев королевской крови было известно не только узкому кругу сильных мира сего, но и практически всей сознательной части общества.

Царствовавшая с 1714 г. ганноверская династия, когда она сменила династию Стюартов, отличалась тем, что некоторые ее представители были психически ненормальными в точном значении этого слова и все они женились на принцессах из германских княжеств. Английские короли, начиная с Георга I, одновременно являлись и курфюрстами, а затем королями Ганновера — области, расположенной на северо-западе Германии, и монархами Англии.

В начале века положение в королевском доме сложилось особенно трудное. Король Георг III имел семерых сыновей, но никто из них и из их детей не являлся законным претендентом на трон: их поведение и образ жизни не согласовывались с требованиями закона о престолонаследии. Старший сын, принц Уэльский, ставший в 1811 г. регентом при безумном отце, находился в связи с женщиной неподходящего происхождения и положения. Отец относился к нему (когда был во вменяемом состоянии) из-за его экстравагантного и распущенного поведения с явным неприятием. Когда встал вопрос о престолонаследии, принц бросил свою многолетнюю подругу и жену и женился на германской принцессе из княжества Брунсвик. Но и эта женитьба закончилась скандалом.

Герцог Йоркский был в долговременной связи с некоей г-жой Кларк и, по свидетельству историка, «единственный из королевского семейства обладал чувствами джентльмена». Джентльмен в стремлении к трону женился на принцессе из Пруссии, но у них не было детей. Герцог Кларенский много лет жил с актрисой, запутался в долгах, хотел жениться на богатом приданом, но дело окончилось неприятностями. Герцог Кумберлендский был, вероятно, самым непопулярным в стране. «Отвратительно безобразный», с «дурным и мстительным характером», «ожесточенно реакционным в политике», он подозревался в убийстве своего лакея и «имел любовную связь крайне скандального характера». И он, желая произвести на свет

законного престолонаследника, женился на немецкой принцессе, но брак оказался бездетным. Герцог Сассекский был более приличным, имел склонность к литературе, собирал книги, но обе его женитьбы были признаны незаконными по закону о королевских бракосочетаниях. Герцог Кэмбриджский не был женат и жил в Ганновере. Кроме сыновей у Георга III было пять дочерей, но они по закону корону наследовать не могли.

Четвертым сыном Георга III был Эдвард, герцог Кентский. Молодые годы он провел на службе в армии, бывал в Гибралтаре, Канаде, Вест-Индии. В 1802 г. когда восстал гарнизон Гибралтара, герцог Кентский был послан на усмирение восставших. В английских традициях было суровое подавление подобных возмущений, но королевский сын проявил такую жестокость, что его поведение вызвало широкое возмущение в стране, и на этом военная карьера герцога Кентского закончилась.

Содержания, выделяемого парламентом для принцев королевской крови, при разгульной жизни, которую они вели, им не хватало, и они залезали в долги к ростовщикам, отгоняя неприятные мысли о том, когда и как кредит будет погашен. Таково было положение всех, включая и герцога Кентского. Он был в долгу как в шелку, хотя имел доход в 42 тыс. фунтов стерлингов в год.

Когда началась «погоня за невестами» и принцы, оставив уютные и приятные дома, где они жили в свое удовольствие с милыми им женщинами, бросились искать высокородных немецких принцесс, в этой гонке, призом в которой был английский трон для себя или своего отпрыска, принял активнейшее участие и четвертый сын Георга III. В семье его не любили, поэтому, когда он уехал в Германию, все были рады.

В 1817 г. надежды на наследника трона концентрировались вокруг принцессы Шарлотты, дочери регента, бывшей замужем за принцем Леопольдом из дома немецких князей Кобургов. Принцесса ожидала ребенка, который и мог наследовать английский престол. Герцог Кентский предусмотрительно культивировал добрые отношения с Шарлоттой. Ее отец был против брака с Леопольдом, а герцог помогал молодым людям, переправлял их письма, и, когда брак все же состоялся, он мог рассчитывать на доброжелательное отношение к себе.

6 ноября 1817 г. принцесса Шарлотта скончалась от родов, умер и ребенок. Вопрос наследования стал еще более актуальным. Герцог Кентский, заручившись горячими рекомендациями Леопольда, повел атаку на старшую сестру его — Викторию, дочь герцога Сакс-Кобургского. Правда, она уже побывала замужем, но муж умер, оставив ее с сыном и дочерью. Поначалу Виктория

отказала герцогу, но он не стушевался и продолжал добиваться ее руки.

Вопрос престолонаследия, конечно, играл роль, но у герцога Кентского был и более неотложный побудительный мотив: его душили долги. Принцесса-немка сама была бедна как церковная мышь. Надежда была на благодарность парламента. Герцог рассуждал так: он женится на Виктории Кобургской, исполняя свой общественный долг, с тем чтобы обеспечить должное престолонаследие, и, следовательно, его поступок заслуживает определенного признания со стороны всей страны, которая не может не испытывать к нему благодарности. Его, конечно, не интересовала моральная признательность. У него перед глазами был пример брата, герцога Йоркского, который тоже женился с целью произвести на свет законного наследника. За этот «подвиг» брат получил от парламента материальное вознаграждение в виде ежегодных 25 тыс. фунтов. Чем он, герцог Кентский, хуже брата, почему парламент будет непоследователен в отношении его? Тем более что у него есть дополнительное основание рассчитывать на «признательность страны». Бракосочетаясь с немецкой принцессой, он идет на большую жертву — разрывает отношения с любимой женщиной. 27 лет он прожил с некоей мадам Сен-Лорен, которая «никогда не была актрисой, происходила из хорошей семьи», хотя и не настолько хорошей, чтобы ее отпрыск мог стать законным наследником английского трона. Парламент по английской традиции не может не следовать прецеденту, установленному в подобном случае с герцогом Йоркским. «Я соглашусь с аналогичным решением, — говорил герцог, — и даже не буду предъявлять претензий по поводу того, что реальная стоимость фунта стерлингов за время, прошедшее после решения по делу Йорка, значительно упала».

По этой же схеме размышлял и его брат, герцог Кларенский. Как жены немецкие принцессы не привлекали членов английской королевской семьи: они явно не обещали особых удовольствий семейной жизни и, конечно, не шли ни в какое сравнение с теми незнатными женщинами, в объятиях которых герцоги счастливо жили много лет. Но обстоятельства вынуждали сделать «патриотический выбор», и герцог Кентский 29 мая 1818 г. сочетался браком с Викторией, принцессой Сакс-Кобургской. Не желая отставать в гонке за невестами-принцессами, герцог Кларенский 11 июня женился на дочери герцога Сакс-Мейнингена.

В 1987 г. по случаю 150-летия восшествия на престол английской королевы Виктории в Англии был поднят большой рекламно-пропагандистский шум. Вышло много книг. Би-би-си

провела серию специальных радиопередач, через телевизионные экраны прошли телевизионные сериалы, выступали политики и публицисты. Материалы радиопередач и телевизионных серий опубликованы в виде отдельных книг, представляющих современную, более свободную, чем ранее, точку зрения на королеву Викторию.

В книге, изданной Би-би-си, речь идет и о женитьбе герцога Кентского на матери будущей английской королевы. Авторы Ричард Маллин и Джеймс Мэнсон со свойственной им публицистической остротой замечают, что «королевская семья неожиданно продемонстрировала полезный талант — способность организовывать блестящие бракосочетания». Это сказано в связи с женитьбой герцогов Кентского и Кларенского. И далее авторы продолжают: «Германский канцлер Бисмарк с характерной для него вульгарностью называл немецкие княжеские дома „племенной фермой Европы“. В результате такого положения невесты и женихи из своих крохотных герцогств внедрялись в большинство королевских домов Европы». Авторы передач Би-би-си не оспаривают смысла характеристики, данной Бисмарком, расценивая лишь ее форму как несколько вульгарную. Форма формой, а суть Бисмарк изложил точно, что подтверждает история Европы, и прежде всего таких стран, как Англия и Россия.

Поначалу обоих английских герцогов, женившихся «по государственным соображениям» в 1818 г., ожидало горькое разочарование. Парламент нарушил английскую традицию и пренебрег своим же собственным прецедентом. Правительство предложило увеличить выплачивавшееся им содержание, но палата общин отклонила это предложение. Причину объяснил герцог Веллингтон, бывший в это время членом правительства. Эти герцоги — проклятые тяжкие камни на шее правительства. «Они оскорбили — лично оскорбили — две трети джентльменов Англии. И стоит ли удивляться, что джентльмены отомстили им в палате общин? Это была их единственная возможность, и я думаю, что они поступили правильно, воспользовавшись ею».

Герцог Кентский жил в немецком княжестве вместе с женой (так было дешевле) и здесь же вскоре узнал, что у них будет ребенок. Новость и долгожданная, и весьма приятная. Сразу же возникла необходимость перебраться всем семейством в Англию. Родиться должны были наследник или наследница английского престола, и было крайне необходимо, чтобы само рождение произошло на английской земле. Младший брат, герцог Сассекс, торопил брата: «Что касается юридической необходимости для герцогини приехать в Лондон и рожать здесь, то мнения на этот

счет могут быть разные, но что касается чувства, то в этом не может быть сомнений. Джон Буль (собственное имя, являющееся воплощением Англии. — *В. Т.*) — очень странное животное, и его нужно обхаживать. Ты увидишь, как трудно вдолбить ему в голову, что его монарх, хотя и родился в другой стране, не является чужеземцем. Это ты должен любой ценой предотвратить».

Вопрос цены встал в самой примитивной форме. У герцога не было денег, а расходы по переезду через Западную Европу в Англию на лошадях, со всеми домочадцами и придворными были значительными. Герцог был полон решимости добыть денег, залез в новые долги, нанял карету, набил ее до отказа родственниками, прислугой, собачками, канарейками и всем прочим, сам взгромоздился на козлы и через Германию, Францию по плохим дорогам, с ночевками в дрянных гостиницах направился в Англию. Перебрались через Ла-Манш и благополучно добрались до Лондона. Их поместили в апартаментах во второклассном, обветшалом Кенсингтонском дворце, где семья жила весьма скромно. Здесь 24 мая 1819 г. у герцога Кентского и его жены благополучно родилась девочка.

Вокруг новорожденной сразу же стала складываться сложная обстановка. Уже выбор имени для нее оказался не простым делом. Одна часть дворцовых кругов предпочитала обычные немецко-ганноверские имена, как Шарлотта и Августа, другая высказывалась за Елизавету, как более подходящее имя для потенциальной королевы. Одним из крестных отцов должен был быть российский царь Александр I, и, следовательно, надлежало взять женский вариант его имени — Александрина. Но регенту хотелось, чтобы было также имя Георгиана, производное от его имени, и в то же время существовавшая неприязнь между русским царем и регентом влекла за собой возражения последнего против такого сочетания имен. В конце концов фамильный совет принял решение крестить девочку под именами Александрина-Виктория. Второе имя было взято по имени матери. В обиходе малышку называли Дрина, но вскоре привилось и осталось уже на всю жизнь имя Виктория.

Семья продолжала скромно (по королевским понятиям) жить, как и прежде, в Кенсингтонском дворце, что неудивительно: ведь Виктория не была первой в очереди на наследование трона. Но очередь ее была не очень отдаленной, она могла оказаться реальной претенденткой, и это обстоятельство определило как ее воспитание, так и закулисную возню вокруг ребенка, преследующую большие политические цели.

Особенно активно действовала более предприимчивая

немецкая часть родственников. Примечательно, что даже акушерка, принимавшая роды, была специально доставлена из Германии. Герцогиня Кентская, довольная новорожденной, в первых письмах писала своей матери в Кобург, что Виктории, «вероятно, предназначено однажды сыграть великую роль, если не родится брат и не перехватит у нее из рук эту роль». У немецкой бабушки тут же заработала мысль в определенном направлении. Хотя это было дело дальнее, но следовало уже сейчас подумать, как бы подбросить наследнице — Виктории — в мужья немецкого принца. И бабушка многозначительно сообщает дочери в Лондон, что у ее невестки как раз только что благополучно появился на свет мальчик, который будет при крещении наречен именем Альберт. Запомним это имя.

Отец Виктории был физически крепким человеком. Он говаривал, что поскольку он ведет более нормальный образ жизни, чем его братья, то наверняка переживет их, будет царствовать и после него трон перейдет к Виктории. Но он неосторожно искушал судьбу. Дочери еще не исполнилось года, когда отец во время прогулки попал под дождь, простудился и схватил воспаление легких. Срочно приехал проживавший здесь же, в Англии, брат герцогини Леопольд, привез с собой своего личного секретаря, бывшего одновременно и врачом, барона Штокмара, но герцог 23 января 1820 г. скончался.

Мать Виктории в возрасте тридцати с небольшим лет оказалась второй раз вдовой, по существу в чужой стране, не зная языка этой страны и, главное, совершенно без денег. Но в это время скончался и дед Виктории, Георг III, и «только три пожилых дяди стояли между Викторией и короной». Денег не было, и вдова решила возвратиться в свое немецкое герцогство, где можно было как-то существовать. Но немецких родственников это явно не устраивало, ибо шансы Виктории наследовать английский престол, живя в Германии, были бы весьма шаткими. Дядя Леопольд воспротивился отъезду сестры из Англии и, будучи состоятельным человеком, дал ей средства, чтобы она могла вырастить и воспитать дочь на английской земле, как английскую принцессу. Сам он пристально наблюдал за воспитанием Виктории, его доверенное лицо Штокмар остался в семье, а когда Виктории исполнилось пять лет, ее воспитательницей стала Луиза Лехцен, дочь немецкого пастора.

Между членами этой немецкой партии шла междоусобная борьба за влияние на вдовствующую герцогиню и малолетнюю Викторию. Ситуация осложнялась тем, что одновременно действовал большой мастер интриги, честолюбивый сэр Джон Конрой. В свое время он был конюшим у герцога Кентского, а

после его смерти остался в доме и занял положение «доверенного служителя» вдовствующей герцогини. Вскоре он приобрел на нее огромное влияние, целиком подчинив своей воле. В передачах Би-би-си употреблялась фраза, гласившая, что «в свете были убеждены, что герцогиня стала любовницей Конроя». Сама по себе эта ситуация была заурядной для английского придворного круга. Однако Конрой был слишком амбициозным и дерзким типом и вынашивал план, как захватить в свои руки королевскую власть. Конрой намеревался сосредоточить в своих руках закулисное влияние на английскую королеву. Он рассчитывал, что Виктория может унаследовать трон до достижения ею совершеннолетия, т. е. до 18 лет. В этом случае ее мать, находящаяся в полной власти Конроя, будет провозглашена регентшей, и Конрой станет хозяином положения. Имея власть над матерью, он рассчитывал так или иначе распространить ее и на дочь.

Доброжелатели просветили дочь относительно характера отношений ее матери с Конроем и его честолюбивых замыслов. По мере взросления у Виктории росло чувство упорного сопротивления Конрою и неприязни к нему. Когда она категорически возразила против его попытки стать ее личным секретарем, Конрой прибег к крайним мерам. Он начал распространять слухи, что Виктория психически ненормальна и не способна царствовать. Расчет был на то, чтобы повторить недавний прецедент, когда к сумасшедшему Георгу III был назначен регент. Назначение регентшей Виктории ее матери дало бы Конрою неограниченное влияние в делах английской короны.

А что же королевский двор? С июня 1830 г. после кончины Георга IV герцог Кларенский стал королем под именем Вильгельма IV. Детей — законных наследников короны у него не было. Виктория становилась первой и непосредственной наследницей. При дворе ее не любили, считая, что она вторглась со стороны и намерена заполучить не принадлежащие ей права.

При Георге IV двор был настоящим вертепом. В 1826 г. Викторию пригласили в Виндзор, где ее «дядя король» «открыто жил с последней в длинной цепи своих любовниц». Княгиня Ливен, «сверхинтриганка», жена русского посла при английском дворе, писала своему любовнику, князю Меттерниху, в Вену, что король — беспробудный пьяница, а двор — «это действительно сумасшедший дом». При Вильгельме IV буйная распущенность при дворе несколько поутихла. А добрая королева Аделаида любезно приветствовала и терпела при дворе «незаконных детей короля, всех этих Фитцкларенсов», В английском языке существует правило, по которому префикс «фитц», предшествующий имени отца, данному ему при крещении,

составляет фамилию незаконнорожденного потомка короля или герцога королевской крови. В данном случае фамилия Фитцкларенс является как бы публичной декларацией того, что лицо, ее носящее, является прижитым на стороне сыном Кларенса, в свое время герцога Кларенского, ставшего затем королем Вильгельмом IV.

Мать Виктории была достаточно умной женщиной и посвятила свою вдовью жизнь воспитанию дочери. У Виктории не было даже собственной спальни — до 18 лет она спала в одной комнате с матерью. Считается, что это имело целью максимально парализовать и полностью подчинить матери волю дочери в предвидении ее возможного возвышения в будущем. Вероятно, для такой опеки была и другая причина: мать тем самым охраняла дочь от каких-либо могущих дискредитировать Викторию неожиданностей. Мать, конечно, знала о глубоком недовольстве в стране распущенностью королевской семьи и хотела, чтобы будущая наследница выглядела в глазах общества с точки зрения морали прямой противоположностью людям, обитавшим в Виндзорском замке.

Вспоминая детство, Виктория через много лет писала о том, как она жила в Кенсингтоне: «Меня растили с очень большой простотой. У меня никогда не было отдельной комнаты, пока я не стала почти совершенно взрослой. Я спала в комнате матери до того момента, когда взошла на трон». Как это часто бывает, Виктория сравнивала свое детство с роскошными условиями, в которых росли ее дети. Однажды она в порыве откровенности сказала Дизраэли: «Я знаю только, что меня растили совсем по-другому. У меня никогда не было своей отдельной комнаты. У меня никогда не было ни дивана, ни мягкого кресла, все ковры были изношены и вытерты».

Была ли Виктория образованным человеком? Интересно, что на этот счет мнения расходятся. Мать особенно настойчиво привлекала важных духовных особ, чтобы они воспитывали девочку в строгом религиозном духе, устраивала серьезные экзамены по закону божьему, через которые Виктория проходила успешно. Сама девочка время от времени читала книги, особенно по истории. Романы ей не давали, чтобы не «прививать фривольность нравов». Л. Стречи замечает, что она «все-таки читала не очень много. Это не было занятие, которое ее особенно интересовало». У Виктории были способности к изучению иностранных языков, и она впоследствии говорила и читала не только на английском и немецком, но и на французском и итальянском. Ничего похожего при дворе не наблюдалось. Виктория неплохо, правда по-любительски, рисовала, пела и

очень любила танцевать. О чем же спор у историков? «Королева Виктория часто изображалась, — говорилось в сериале Би-би-си, — как в некоторой степени неинтеллигентная женщина. Это мнение возникло на основании утверждений тех, для кого сама мысль об интеллигентной и культурной королевской особе являлась почти личным оскорблением. Ряд академических историков, например, обладающих весьма ограниченными знаниями за пределами своих узких тем, продолжают невысоко оценивать женщину, которая бегло говорила на нескольких иностранных языках, была способной музыкантшей и художницей и хорошо литературно излагала свои мысли, о чем свидетельствуют ее письма и дневники».

Виктория, в силу принадлежности к женскому полу, избежала модного тогда досконального изучения древнегреческого и латинского языков и вместо этого приобретала знания, более полезные в ее будущей деятельности. Многие английские министры в то время в разговоре с иностранными дипломатами не могли и двух фраз произнести на их языке. Рассказывают, что министр колоний, имевший репутацию знатока древнегреческого, явившись к себе в министерство, не мог найти на карте Новую Зеландию. В этих вопросах Виктория была сильнее многих своих министров. Конечно, высокоинтеллектуальной женщиной она не была, но обладала хорошим здравым смыслом, тактом и основными знаниями в сферах, в той или иной степени относящихся к политологии.

Мать и ее советники стремились обеспечить определенную популярность скромной затворнице скромного Кенсингтонского дворца. В политическом отношении времена были бурные, в ходе борьбы за избирательную реформу позиции партии вигов укреплялись, и поэтому те, кто связывал свое будущее с судьбой Виктории, делали ставки на развитие отношений с влиятельными вигами. Это было тем более логично, что двор по своим склонностям и симпатиям ориентировался на партию тори.

В 13-летнем возрасте мать повезла Викторию в длительную поездку по стране, чтобы она могла познакомиться со своими возможными будущими владениями. Посетили Бирмингем и его промышленный район. Виктория, пусть мельком, но все же увидела страшную нищету и ужасающие условия существования трудовой Англии, что произвело на нее очень сильное впечатление. Но герцогиня-мать стремилась показать дочь «великим аристократическим фамилиям», чтобы заручиться их сочувствием и, если потребуется, поддержкой в будущем. В графстве Чешир посетили «баснословно богатого» герцога Вестминстерского. На Викторию произвело сильнейшее

впечатление богатство этой семьи, ее образ жизни. Ее принимали и здесь, и в других аналогичных домах внимательно, вежливо, присматриваясь к скромной и умненькой возможной наследнице английского престола. Дома, в которых останавливалась Виктория, принадлежали вигской знати. В ответ на официальные приветствия мать «по тексту, подготовленному Конроем», подчеркивала преданность ее дочери «делу народа».

В Виндзоре хорошо видели и прекрасно понимали смысл этой политической игры. Королю и его окружению многое не нравилось в действиях Кенсингтонского двора — и скромное, пуританское поведение Виктории, невыгодно контрастировавшее с нравами Виндзора, и заигрывание с вигами именно тогда, когда отношения у короля с министрами-вигами резко ухудшались, и действия Конроя, направленные в конечном счете на захват королевских прерогатив, и активизация в немецких княжествах при связях с Кенсингтоном молодых принцев, готовых сочетаться браком с наследницей английского престола. Совершенно обоснованно король видел, что все это происки матери Виктории и близких ей людей.

Министр иностранных дел лорд Пальмерстон, когда это ему удавалось, перехватывал секретные донесения аккредитованных при английском дворе послов. И в письме австрийского дипломата в Вену Пальмерстон прочел, что «Конрой хвастает, что скоро он будет управлять Англией». Герцогиня-мать срочно вызвала из Германии своего сына от первого брака Карла Мейнингенского, чтобы он убедил Викторию назначить Конроя своим постоянным советником, т. е. по существу регентом. Карл услышал, как Конрой говорил герцогине: «Если принцесса Виктория не прислушается к голосу здравого смысла, ее нужно будет заставить».

Поэтому и король и королева с симпатией относились к Виктории и ненавидели ее мать. В конце концов разразился открытый скандал. В августе 1836 г. Вильгельм IV отмечал свое 72-летие. В Виндзоре был устроен официальный обед, на который были приглашены и Виктория с матерью, бывавшие в Виндзоре очень редко. Мать сидела рядом с королем. В конце обеда король, обращаясь к гостям, — а их было не менее сотни, — демонстративно заявил, что, хотя его здоровье быстро ухудшается, он надеется дожить до того момента, когда «эта молодая леди» в мае 1837 г. достигнет совершеннолетия, что помешает его невестке («персоне, сидящей рядом со мной, которая окружила себя злобными советниками») стать регентшей. Секретные интриги, раздиравшие королевскую семью, тем самым были официально объявлены на всю страну. Мать-герцогиня была

в неописуемом бешенстве, сцена произвела тяжелое впечатление и на 17-летнюю Викторию.

Высшие слои английского общества с лихорадочным вниманием следили за состоянием здоровья Вильгельма IV и старались вычислить, протянет ли он до совершеннолетия Виктории. 24 мая 1837 г. Лондон шумно отмечал 18-летие Виктории. Король был еще жив.

19 июня Виктория рано, еще не было 10 часов, легла спать. Перед сном прочла несколько страниц биографии сэра Вальтера Скотта, написанной Локартом, и спала хорошо, хотя было известно, что король при смерти. В последние часы при нем находились архиепископ Кентерберийский и управляющий двором короля (лорд-чемберлен), на этот раз им был лорд Кэнингхэм. Король Вильгельм IV скончался в ранние часы 20 июня 1837 г. Архиепископ и лорд-чемберлен сразу же выехали из Виндзора в Лондон, в Кенсингтонский дворец. Прибыли в 5 часов утра; все спали, и их долго не впускали. Лишь в 6 часов мать разбудила Викторию и сообщила, что ее ожидают внизу. Виктория вышла к ним в халате. Оба джентльмена, преклонив колени, сообщили о смерти короля и заявили, что с этого момента Виктория — королева Англии.

Теперь события развивались с большой быстротой. За завтраком верный Штокмар давал советы, что должна заявить Виктория премьер-министру при их первой встрече. Другие источники говорят, что умиравший король успел направить ей письмо, врученное в собственные руки, с аналогичным советом. Вскоре пришло уведомление от лорда Мельбурна, премьер-министра, что он едет до дворец. Мельбурн появился в 9 часов утра. Виктория приняла его одна и заявила, что «ее давним намерением было сохранить у власти Мельбурна и его министров». Советы были исполнены, и ход был правильным. Этим путем Виктория сразу же делала своими союзниками премьер-министра и членов правительства. «Затем лорд Мельбурн прочел мне текст декларации, которую я должна была огласить перед Тайным советом», — записала Виктория в дневнике.

Тайный совет собрался в 11 часов 30 минут здесь же, в столовой Кенсингтонского дворца. Королевский тайный совет — важный и весьма древний орган в системе государственной власти страны.

В годы, последовавшие за норманнским завоеванием Англии, бароны и крупные деятели образовали совет при короле. Впоследствии совет превратился в парламент, однако одновременно существовал как бы неофициальный совет,

приобретавший все большее значение и известный с XIV в. как Тайный совет. По мере развития государственной системы, появления политических партий и возникновения кабинетного правительства влияние совета сокращалось. Он, однако, сохранил важные административные функции, право утверждения «указов монарха в совете», имеющих силу закона. Ряд прерогатив короны осуществляется таким образом, например созыв или роспуск парламента и др. В состав совета пожизненно входят действующие и бывшие министры и другие выдающиеся лица государства, назначаемые монархом по рекомендации премьер-министра. Полный состав совета насчитывает свыше 300 членов, но он собирается редко (чаще действуют его различные комитеты), а именно по таким случаям, как смерть монарха или его намерение сочетаться браком.

20 июня совет собрался в полном составе. Это было весьма живописное зрелище — высшие деятели государства явились в ярких мундирах, украшенных перьями и орденами со сверкающими бриллиантами. Атмосфера была торжественно-приподнятая. Дизраэли, конечно, не присутствовал, но там были некоторые его друзья и знакомые, и он с жадностью и завистью впитывал малейшие детали торжественной церемонии, которую затем описал в романе «Сибил».

Церемония была недолгой. Виктория появилась в зале в сопровождении двух герцогов королевской крови, села в приготовленное для нее кресло и прочла написанную Мельбурном речь. Она произнесла традиционную присягу вступающего на трон монарха в том, что будет соблюдать права, которые были дарованы ее предшественниками своим подданным. Затем легкая заминка. Мельбурн быстро набрасывает на клочке бумаги записку, передает ее Виктории, и она твердым голосом читает ее: «Я назначаю Генри, маркиза Лэнсдоуна, президентом моего совета». Так Виктория стала королевой Англии.

Одновременно произошло разделение династических связей между Англией и Ганновером. По конституции женщина не могла наследовать ганноверский трон, и его получил герцог Кумберлендский, став королем Ганновера под именем Эрнст. В этот день Виктории было всего 18 лет. Это была совсем юная девушка, «очень небольшого роста, стройная», с «лицом, которое нельзя назвать красивым, но оно располагало к себе — белокурые волосы, яркие голубые глаза, нос с горбинкой; когда рот открывался, обнажались верхние зубы; маленький подбородок, чистый цвет лица». С самого начала она вела себя спокойно, сдержанно, достойно, с большим тактом.

20 июня Виктория начала утверждать свою независимость дома. Она распорядилась, чтобы ее кровать была перенесена из спальни матери в отдельную комнату. Вечером она пожелала обедать одна — случай чуть ли не единственный до сих пор в ее жизни. Она хотела избежать, хотя бы на время, неприятных разговоров с матерью. Стало ясно, что впредь она не намерена терпеть материнский руководящий гнет и будет действовать самостоятельно.

В истории английской монархии начинался новый период. Именно тогда Бенджамин Дизраэли делал политическую карьеру, последние годы которой отмечены тесными отношениями между ним, уже крупным государственным деятелем, и королевой Викторией. Однако до большого успеха Дизраэли было еще очень далеко. Пока же, в 1837 г., когда Виктория стала королевой, Дизраэли все еще предстояло преодолеть первый этап дистанции, т. е. добиться избрания в члены палаты общин.

НАКОНЕЦ ДИЗРАЭЛИ — ЧЛЕН ПАРЛАМЕНТА

В декабре 1834 г. Дизраэли исполнилось 30 лет. Это было достаточно много, а цель, которую он поставил перед собой, все еще была неуловима. Держался он бодро, был полон решимости продолжать борьбу за избрание в парламент. Препятствия лишь закаляли его волю, хотя и портили настроение, но он старался не афишировать свои чувства. В январе 1835 г. он не без наигранной бодрости публично заявлял: «Я никоим образом не чувствую себя побитым человеком. Возможно, это потому, что я привык к этому». В первой фразе он сказал правду, а во второй в свойственном ему стиле кокетничал.

Почему все же неоднократные попытки пройти в парламент заканчивались для Дизраэли неудачей? Он был склонен объяснить это недостатком денег для проведения избирательной кампании. В письме Остину он писал: «Выборы или, скорее, избирательная кампания обошлись мне не более 80 фунтов; это расходы на предвыборную агитацию и т. д. Расходы Грея составили не менее 800 фунтов. Имей я возможность сорить деньгами, я безусловно прошел бы. У меня нет сомнений в том, что в следующий раз успех будет сопутствовать мне». Цифры дают представление о размерах подкупа избирателей и толпы уже в пореформенное время. Вероятно, Бенджамин несколько занизил свои денежные издержки, но вряд ли преувеличил суммы, истраченные его противником.

Итак, к следующим выборам нужно больше денег. Это, конечно, была проблема, но Дизраэли решал ее по принятому в те времена методу: занимал деньги у ростовщиков под огромные проценты.

Принципиально более важным было то, что в начале 1835 г. Дизраэли пришел к выводу, что для проникновения в парламент нужна поддержка определенной политической партии. Позировать в роли «независимого», не похожего ни на вигов, ни на тори и критикуя и тех и других, было приятно для «исключительной» натуры Дизраэли, но нерезультативно. Три провала на выборах убедили его в необходимости примкнуть к определенной партии. Колебаний в выборе не было. Хотя Бенджамин происходил из среды средней руки финансистов и, следовательно, ему должны были быть ближе виги, но в душе он был снобом-аристократом, и это определило его сближение с тори. К тому же он слишком уж поносил вигов в своих

избирательных речах, газетных статьях и литературных произведениях, что делало сближение с ними крайне сложным.

Да он и не думал об этом. Его влекли тори.

В те годы еще не существовало специальной организационной структуры, ведающей делами партии, как в наше время, хотя потребность в таком аппарате уже становилась все более настоятельной. Все партийные дела вне стен парламента тори вершили в Карлтон-клубе, в этом «замкнутом, привилегированном социальном братстве». Клуб и был штаб-квартирой тори. Впоследствии, когда был создан партийный аппарат, роль клуба несколько уменьшилась, но он оставался идейным центром консерваторов и в следующем столетии.

Решив примкнуть к консерваторам, Дизраэли предпринял попытку вступить в члены Карлтон-клуба. Но верхушка тори ему не доверяла, и он получил весьма неприятный для него отказ. Однако это не побудило его изменить свое политическое направление: он и впредь намерен был искать место в парламенте как сторонник тори.

Срок следующих выборов в парламент был пока неизвестен, и для Дизраэли жизнь вошла в нормальную колею. Он по-прежнему активно вращался в фешенебельных кругах, культивируя отношения с нужными людьми. Все меньше и меньше у него находилось времени, чтобы посетить своих верных друзей Сару и Бенджамина Остин, относившихся к нему бескорыстно. Друзья огорчались.

Отношения с Остином портились из-за денег. Дизраэли ему задолжал и не выполнил своих обязательств в срок. Переписка между ними принимала все более напряженный характер. Как вошло уже в обычай, Дизраэли назначает срок урегулирования платежей, не выполняет его и в результате получает такое относящееся к 1836 г. письмо: «Прошло почти две недели. Вы окончательно истощили мое терпение и причинили мне самые серьезные неприятности».

Проходил последнюю, заключительную стадию его роман с Генриеттой Сайкс. Странные это были отношения. Муж уехал надолго в Венецию, но денег неверной жене оставил в обрез. Дизраэли пишет Сайксу письмо, в котором сообщает, что у Генриетты нет средств, чтобы «вести жизнь, достойную жены баронета». Предлагает приехать к нему в Венецию, чтобы обсудить этот вопрос. Баронет уклоняется от такой встречи, но подбрасывает немножко денег Генриетте, чтобы достоинство баронета было обеспечено.

Одновременно Дизраэли работает над новым романом — «Венеция, или Дочь поэта». Это роман о Байроне и Шелли, об их

жизни в Италии. Как и роман «Генриетта Темпль», «Венеция…» писалась быстро, неотработанно, это был труд литературного поденщика, лихорадочно строчащего из-за денег. Эти книги в творчестве Дизраэли были переходными от первых страстных автобиографических сочинений к серьезным социально-политическим романам 40-х годов. Создается впечатление, что в конце 30-х годов Дизраэли мало заботился о впечатлении, какое произведут в обществе его очередные литературные творения. Это была явная неосторожность. В «Венеции…» он писал о сексуальной любви, о любовницах, что явно шло вразрез с расхожими христианскими идеалами публики. Многие из знавших Дизраэли проводили связь между описываемыми им в романах вариантами любви и его романом с Генриеттой. «Венеция…» вышла в свет в мае 1837 г. Дизраэли получил за нее не слишком много, но достаточно, чтобы урегулировать неотложные финансовые обязательства с Остином. «Никогда еще два человека не были так довольны, что им наконец удалось избавиться друг от друга», — замечает по этому поводу Жермен.

Положение Дизраэли в политических кругах укреплялось. В то же время политическая ситуация становилась все более сложной и запутанной. Правительство тори во главе с Робертом Пилем (1834–1835), хотя и обладало большинством в парламенте, потерпело 6 раз поражение при голосовании, ибо против него объединились виги и ирландские радикалы. Король поручил формирование нового правительства лидеру вигов лорду Мельбурну. Влиятельным членом нового кабинета стал старый знакомый Дизраэли лорд Линдхэрст. Дизраэли стал его близким доверенным лицом, как бы неофициальным личным секретарем министра — его официальный секретарь из рук вон плохо справлялся со своими обязанностями. Поскольку политическая ситуация оставалась неустойчивой, шли лихорадочные закулисные переговоры о создании коалиции между партиями. Дизраэли был правой рукой Линдхэрста в этих переговорах, наслаждался своей ролью и отмечал невидимый рост своего политического авторитета.

Переговоры велись с лидерами тори и с О’Коннелом, стоявшим во главе ирландских радикалов.

Откуда появилась ирландская партийная группа в английской палате общин? Англия начала завоевание Ирландии еще в XII в. Процесс был очень долгим и кровавым для ирландцев, которые из века в век восставали с целью обрести независимость. Эти попытки освободиться топились англичанами в крови. Последняя, и весьма опасная, попытка имела место в 1798 г., когда Англия вела войну против Французской революции. В

Ирландии существовал свой парламент, возможности его были невелики, да к тому же англичане старались руководить им, используя, как говорит английский историк С. Х. Стейнберг, «свое влияние и подкуп».

Английский премьер-министр Уильям Питт-младший, отдавая себе отчет, какую опасность в этой обстановке представляла для Англии бунтующая, озлобленная против колонизаторов Ирландия, провел в 1801 г. закон об англо-ирландской унии. Согласие ирландского парламента было опять-таки получено классическим способом — при помощи подкупа. Факт настолько общеизвестный, что о нем сообщают даже краткие исторические и биографические справочники. Ирландский парламент самоликвидировался, а взамен ирландцы получили право посылать своих депутатов в парламент Соединенного королевства: в палату лордов — четырех пэров — священнослужителей и 28 обычных пэров, пожизненно избираемых, а в палату общин — 100 избираемых в Ирландии членов палаты. Наиболее активную роль играло радикальное крыло ирландских парламентариев, отстаивавшее интересы своего народа и причинявшее много забот и неприятностей и вигам и тори. Ирландские парламентарии представляли собой солидный блок голосов, и поэтому каждая из партий стремилась привлечь их на свою сторону.

Весной 1835 г. в этих закулисных маневрах участвовал и Дизраэли, но наладить соглашение не удалось не по его вине. Он считал, и не без оснований, что замысел не удался потому, что у тори нет сильных лидеров. Он не считал таковыми ни Пиля, ни своего друга-покровителя Линдхэрста. О Пиле он писал своим домашним, что «остается фактом то, что Пиля запугивает его жена, а она особа нервная». Эти слова Дизраэли примечательны по двум причинам. Они лишний раз иллюстрируют, как жены политиков, пользуясь своей специфической властью, участвуют в политической жизни и тоже делают политику. Одновременно высказывание Дизраэли свидетельствовало о том, что у него не получался контакт с Пилем, а это грозило открытым сведением счетов в будущем. Случилось так, что лидер тори и молодой, рвущийся в политику человек сразу же не понравились друг другу.

И в то же время позиции Дизраэли в партии тори укреплялись, ее лидеры все больше и больше ценили Бенджамина как будущего активного, энергичного деятеля, которого следует удержать в сфере влияния партии. Поэтому, когда весной 1835 г. открылась вакансия в избирательном округе Тонтон, тори выдвинули Дизраэли, хотя и предупредили его, что «не пойдут на

очень большие издержки» ради его избрания. Место было ненадежное. К тому же противником Дизраэли оказался виг, член правительства лорда Мельбурна, ранее уже 5 раз избиравшийся в парламент от Тонтона. Но смелости и воли Дизраэли было не занимать, и он бросился в борьбу.

Противники Дизраэли сделали все возможное и невозможное, чтобы дискредитировать его в ходе избирательной кампании. Издавна избирательная борьба идет по двум линиям: сторонники определенной кандидатуры стремятся максимально преувеличить ее достоинства и еще больше стараются дискредитировать соперника. Так было и на этот раз. Избирательный округ наводнили слухами о денежных долгах Дизраэли. Рассказывали, что он пишет романы, что должно было пониматься как занятие компрометирующее. Пускались в ход и оскорбительные намеки на его национальное происхождение. Его участие в недавней закулисной игре по неудавшемуся налаживанию коалиции в парламенте использовалось, чтобы представить Дизраэли в политическом отношении человеком беспринципным, непоследовательным, ненадежным. Это был наиболее сильный удар в политическом плане. В моральном отношении ему наибольший ущерб причинили утверждения противников, что у него в Лондоне есть любовница. Подобные факты были нередки, и по этому признаку можно было бы отвести многих членов парламента, но Дизраэли нарушал «правила игры», демонстрируя публично, афишируя свой роман с Генриеттой. Американский корреспондент сообщал в те дни, что Дизраэли прогуливался по Лондону в открытом экипаже с Генриеттой Сайкс и что «отсутствующий баронет (как мы знаем, он находился в Венеции. — *В. Т.*), место которого Дизраэли занял, собирается возбудить против него судебное дело, которое положит конец его карьере». Для избирателей, придерживавшихся христианской морали, это было уж слишком.

Неудивительно, что в этих условиях Дизраэли в четвертый раз потерпел поражение на выборах. Победил, как и следовало ожидать, его противник-виг. Но за время выборов тори внимательнее присмотрелись к Дизраэли и укрепились в убеждении, что этот человек им нужен. После объявления результатов выборов тори закатили в честь своего, пока еще пусть не победившего, кандидата пышный банкет. Это было большой психологической поддержкой для человека, четырежды провалившегося на выборах, и вселяло веру в долгожданную победу в недалеком будущем.

Психологическое и физическое напряжение в ходе избирательной кампании явилось для нервной системы Дизраэли

чрезмерной нагрузкой и привело к тому, что он совершил крупную политическую глупость, которая дорого обошлась ему. В ответ на обвинения критиков в его ненадежности Дизраэли многократно провозглашал в избирательном округе: «Если существует что-либо, чем я действительно горжусь, так это мое постоянство». Случилось так, что как раз в это время виги сблокировались с лидером ирландских радикалов О'Коннелом против тори. Будем иметь в виду, что это тот О'Коннел, который помогал Дизраэли ранее в выборах в Хай-Уикомбе, что придало последовавшему конфликту особенно неприятный оттенок. Увлекшись ораторскими приемами, Дизраэли обвинил своих старых врагов-вигов в лицемерии и в качестве доказательства привел богатый набор крайне отрицательных, предельно оскорбительных их заявлений об О'Коннеле, но сделал это так неосторожно и необдуманно, что пресса подала его речь как собственное мнение Дизраэли об О'Коннеле. А в речи были такие выражения, как «поджигатель», «предатель», и кое-что похлестче.

О'Коннел был взбешен. Услышать обвинение в предательстве, да еще от кого — от человека, который в свое время искал его поддержки и получил ее! Это уж слишком. Ирландец был прекрасным оратором, которому наиболее удавался критически-бичующий стиль. Он ответил немедленно и убедительно показал, что Дизраэли поначалу пытался пройти в парламент как радикал, но теперь переметнулся на сторону тори. Это к вопросу о «постоянстве». О'Коннел не постеснялся в выражениях, назвав Дизраэли «воплощением лжи», «негодяем», «пресмыкающимся», и заявил, что ему присущи «именно те качества, которыми был наделен нераскаявшийся вор, распятый на кресте» (подразумевался распятый рядом с Иисусом Христом).

От такого удара Дизраэли поднялся на дыбы. Он в тот момент не думал о собственной ошибке: ведь сам факт подчеркнутого, демонстративного повторения на митинге оскорблений в адрес О'Коннела, исходивших от вигов, ставил Дизраэли в положение человека, невольно солидаризирующегося с этими наветами. В таких вопросах требуются осторожность и корректность, в данном случае отсутствовавшие.

Обо всем этом Дизраэли забыл, прочтя в газетах (а они уж постарались подать этот скандальчик как можно более сенсационно) инвективу О'Коннела. Дизраэли послал ему вызов на дуэль. И опять оказался в неловком положении, ибо в обществе было известно, что ирландец, однажды убив на дуэли человека, поклялся больше никогда ни при каких обстоятельствах не драться. Поэтому демонстративная храбрость Дизраэли кое-кому могла показаться не связанной ни с каким риском и,

следовательно, показной. Когда он это понял или ему разъяснили друзья и печать, Дизраэли попытался вызвать на дуэль сына своего обидчика. В конце концов выстрелов не последовало, но Дизраэли приобрел в лице ирландцев упорнейших врагов в парламенте на многие годы. А это имело немаловажное значение.

Все эти события не нарушили главной тенденции в политическом развитии Дизраэли: он продолжал все больше и больше смещаться в сторону тори. В 1835 г., т. е. в год выборов в Тонтоне, Дизраэли пишет и издает политическую брошюру «Защита английской конституции в письме, адресованном благородному и просвещенному лорду». Брошюра была посвящена другу — лорду Линдхэрсту и содержала панегирик в адрес партии тори, в котором доминировали положения, заимствованные у Эдмунда Берка, политического деятеля консервативного толка конца XVIII в. Апологеты Дизраэли рекламировали это сочинение как самое лучшее и важное из всех написанных им сугубо политических произведений. Особой популярностью брошюра не пользовалась, но лидеры тори обратили на нее внимание в выгодном для Дизраэли плане. Этому способствовали и его публичные выступления, как устные, так и в печати. Вероятно, с известным основанием Дизраэли писал сестре, что герцог Веллингтон теперь с удивлением вопрошает: «Когда же он появится в парламенте?» А Линдхэрст, прочтя одну из статей Дизраэли в «Таймс», писал ему: «Будет действительно плохо, если мы не проведем вас в палату общин. Герцог, можете положиться на мои слова. Ваш друг». Как свидетельствует его биограф Жермен, «взросление Дизраэли закончилось к концу 1836 г.» А с этим пришел наконец долгожданный успех.

19 июня 1837 г. скончался король, и состоялось провозглашение королевой Англии юной Виктории. Перемена царствования влекла за собой роспуск парламента и новые выборы. Дизраэли шел на выборы уверенно: для этого он уже обладал достаточной известностью. Восемь избирательных округов предложили ему выдвижение. Он остановил свой выбор с согласия Карлтон-клуба на округе Мейдстоун. От этого округа предстояло избрать двух депутатов.

От консерваторов здесь баллотировался промышленник Уиндхэм Левис, который (и особенно его жена — «трещотка») с большой симпатией относился в последнее время к Дизраэли. Как всегда, Дизраэли испытывал денежные затруднения, и Левис одолжил ему необходимую сумму. Это семейство (а женщины по английской традиции играют важную пропагандистскую роль в избирательной кампании) оказало Дизраэли мощную

политическую, пропагандистскую и моральную поддержку. Мэри Энн интуитивно верила в звезду Дизраэли. «Дизраэли, — писала она брату, — через очень немного лет будет одним из величайших людей нашего времени. Его большие таланты, поддержанные его друзьями лордом Линдхэрстом и лордом Чандосом и имеющие за собой мощное влияние Уиндхэма, способное сохранить Дизраэли в парламенте, обеспечат его успех. Они называют его моим парламентским протеже».

И все-таки положение Дизраэли было не из легких. Ему противостоял полковник Томпсон, выступавший с платформой вигов. Дизраэли не смущало то, что он, в свое время позировавший как виг, теперь выступал как тори против кандидата вигов. Во имя репутации «принципиального» и «надежного» Дизраэли пришлось изворачиваться. Он говорил избирателям: «Здесь я, джентльмены, занимаю то же самое место, провозглашаю ту же самую доктрину, поддерживаю те же самые институты, делаю все то же, что делал в Хай-Уикомбе». По этому поводу его биограф О'Коннор писал более 100 лет назад: «Как же согласовать претензию Дизраэли, что в области принципов он тот же, что был в Уикомбе, если человек, против которого он сейчас выступает, придерживается как раз тех самых взглядов, которые Дизраэли отстаивал в Уикомбе». Не нужно ничего согласовывать и ничему удивляться. Таковы методы и правила английской политической игры, действующие столетиями, и Дизраэли их придерживался.

Консерваторы вели на выборах, но Дизраэли пришлось выслушать много неприятных вещей. Недавно получившие право голоса избиратели кричали ему: «Шейлок», «Старье». Первое понятно, а вот второе допускает различные толкования: имелось в виду то, что он выступает с обветшавшими программными заявлениями, или это был намек на его возраст? Ему было 33 года, тогда как обычно депутаты приходят в парламент в возрасте от 20 до 30 лет.

Было и еще одно неприятное обстоятельство во время выборов. Денежные дела Дизраэли в этот момент были таковы, что его могли арестовать как несостоятельного должника прямо на предвыборном собрании. И поэтому Дизраэли с величайшим облегчением узнал, что сотрудник местного шерифа был в числе его самых рьяных сторонников. К счастью, дело не дошло до ареста.

И все же это была долгожданная победа. Противник потерпел поражение. От Мэйдстоуна в 1837 г. были избраны в палату общин Левис и Дизраэли, оба консерваторы. Пять лет боролся Дизраэли за эту победу, потерпел на пути к ней четыре

поражения, но в конце концов ум и воля восторжествовали.

Перед Дизраэли открылось новое поле политической деятельности — парламентское.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ ПРЕВРАТНОСТИ ПОЛИТИКИ НЕИСЧЕРПАЕМЫ

Конец 1837 г. для Дизраэли был началом нового этапа в его политической жизни. Пройдя наконец в палату общин после четырех поражений на выборах, он стал действовать уже на принципиально иной основе в парламенте — как его депутат. Здесь соблюдались свои традиции, определенные правила игры, но борьба была крайне ожесточенной. Боролись неустанно партии, отдельные партийные и межпартийные группировки, и прежде всего конкретные деятели, за право управлять делами страны, а точнее, за власть. В эту свалку и бросился сразу Бенджамин Дизраэли. У него цель была та же, что и у всех — или почти всех — его коллег по палате общин.

ПАРЛАМЕНТ И СЕМЬЯ

По традиции депутат, впервые избранный в парламент, должен произнести особую первую речь, так называемую Maiden speech, которой он официально представляется палате. Для него это торжественный и весьма ответственный момент, а для членов палаты — повод для развлечения, иронии, любопытства. Часто такие речи не удаются молодым депутатам и являются для них пусть временной, но настоящей драмой, а для их врагов, недоброжелателей и просто для людей, кому оратор первой речи несимпатичен, — основанием для злорадного удовлетворения.

Дизраэли впервые выступил перед палатой общин 7 декабря 1837 г. Виги в то время были в правительстве, но реальной властью вряд ли располагали. В свое время считали, что парламентская реформа 1832 года, проведенная вигами, обеспечит им власть на несколько поколений. Но в политике ситуация зачастую быстро изменяется. Не прошло и нескольких лет, как власть выпала из рук лидера либералов лорда Грея и премьер-министром стал лидер партии тори Роберт Пиль. Во главе партии вигов оказался лорд Джон Рассел, однако общественное мнение считало его намного слабее лидера тори. Позиция вигов ослаблялась не только тем, что в их руководстве не было сильных личностей, но и отсутствием единства в рядах партии.

В парламенте действовала небольшая, но динамичная группа вигов-радикалов, требовавшая дальнейших реформ. Их противники — виги считали, что после 1832 г. реформ достаточно и никаких изменений больше проводить не нужно. Кое-кто из их среды занимал более гибкую позицию и утверждал, что, возможно, новые реформы и потребуются, но пока они еще не созрели. У вигов был налажен блок с ирландской фракцией депутатов, но этот союз был ненадежен и даже вредил министрам-вигам в глазах правящих кругов. Во-первых, из-за этого сотрудничества ирландский вопрос занимал очень большое место в работе парламента, хотя в действительности это объяснялось остротой ирландской проблемы в английской политической жизни и соотношением сил в парламенте. Во-вторых, союз с ирландцами для вигов означал блокирование с их лидером О'Коннелом, видным католиком и в глазах верхов английского общества чуть ли не бунтарем. Тори, конечно, умело эксплуатировали все эти обстоятельства, причиняя морально-политический ущерб вигам.

После смерти короля и восшествия на престол Виктории

последовали выборы в парламент. Виги получили в новой палате общин 337 мест, а оппозиция — 321 место. Для вигов это была пиррова победа, но они пока что смогли удержаться в правительстве, и надежды тори, что власть перейдет к ним, не оправдались. На казначейской скамье восседали лорд Джон Рассел, лидер вигов, лорд Генри Пальмерстон, министр иностранных дел, и ряд других министров. Напротив, через проход и стол для клерков, на котором лежали толстые тома принятых когда-то парламентом законов, помещалась скамья оппозиции. Центральной фигурой на ней был сэр Роберт Пиль, два года назад возглавлявший правительство тори, а теперь лидер оппозиции.

На правительственной стороне палаты общин размещались радикалы и рядом с ними ирландские депутаты. Среди них выделялась импозантная фигура О'Коннела, поддерживавшего до поры до времени правительство вигов и, по свидетельству «Таймс», являвшегося даже одной из его опор. Это был человек с румяным лицом, демонстрировавший силу Геркулеса, излучавший благодушие и полную уверенность в своих силах и возможностях.

7 декабря О'Коннел пребывал в крайне возбужденном состоянии. Палата обсуждала один из вопросов, относившихся к Ирландии. В ходе дискуссии произошло столкновение между О'Коннелом и неким сэром Френсисом Бардеттом. Бардетт обвинил «ирландского агитатора» в поощрении убийств. Он заявил, что многие люди живут теперь в Ирландии в условиях терроризма, «более сильного и ужасного, чем тот, который существовал при Робеспьере во Франции». Естественно, что ответ О'Коннела был резким. С позиции сегодняшних нравов, превалирующих в парламенте, язык, употреблявшийся 150 лет назад в палате общин, безусловно сочли бы грубым. Другие времена — другие нравы. Ирландец рассказал «достопочтенному баронету, сидящему напротив него», как он пожертвовал открывавшейся перед ним прекрасной юридической карьерой, чтобы посвятить себя политической деятельности, закончив так: «Неужели за все, чем я пожертвовал, этот старый ренегат меня поносит и клевещет на меня?» О'Коннел, ирландцы и симпатизирующие им находились в состоянии агрессивного возбуждения.

Сразу же после О'Коннела поднялся Дизраэли и стал говорить. Все помнили, что всего два года назад этот же самый Дизраэли в жестокой переписке-перебранке, которая едва не привела к дуэли, закончил спор угрозой в адрес О'Коннела: когда он будет избран в парламент, там он расправится с О'Коннелом.

Создалась крайне неблагоприятная обстановка для выступления Дизраэли. Он ее еще усугубил тем, что явился на заседание в экстравагантном наряде и подготовил речь в вычурных, претенциозных выражениях, резко контрастирующих — не в пользу оратора — с общепринятой манерой выступлений в палате общин.

Дизраэли начал с критики позиции правительства по ирландскому вопросу, причем высказываемые им суждения выглядели здраво. Но с первых фраз Дизраэли депутаты, ирландцы и радикалы, устроили ему бурную обструкцию. Этим они хотели наказать Дизраэли за его нападки на О'Коннела. Раздавались оскорбительные для оратора выкрики, шум, хохот, визг, грохот. Особенно сильный хохот вызывали его изысканно сформулированные и тщательно отшлифованные фразы. Временами шум стихал, Дизраэли пытался продолжать речь, но затем аудитория начинала бушевать вновь. Оратор продержался на ногах столько времени, сколько и планировал; те, кто шумел, устали физически, и это дало возможность Дизраэли в заключение произнести следующую фразу: «Я совсем не удивлен реакцией на свое выступление. Много раз я начинал ряд дел и в конце концов часто добивался своей цели, хотя многие и предсказывали, что я провалюсь, как это было с ними самими до меня». Это вызвало новый приступ шума. Дизраэли был в бешенстве и прокричал так, что услышали все: «Сейчас я сяду, но придет время, тогда вы будете слушать меня».

Так, в унизительной, оскорбительной обстановке для Дизраэли прошло его первое выступление в парламенте, на которое он возлагал такие большие надежды, рассчитывая покорить и завоевать парламентариев своим несравненным красноречием. Дизраэли был глубоко уязвлен и травмирован неудачей в самом начале парламентской деятельности.

Вскоре спокойный, уравновешенный и проницательный ирландец Ричард Лолор Шейл, правая рука О'Коннела, имел с Дизраэли серьезный разговор. До этого Шейл сказал своим коллегам-ирландцам, к их большому неудовольствию: «Если когда-либо у человека был талант оратора, то это у Дизраэли. Ничто не помешает ему стать одним из первых ораторов в палате общин». Затем Шейл дал Дизраэли ценный совет: «Избавьтесь от своей гениальности хотя бы на одну парламентскую сессию». Это было весьма важное замечание. Люди не любят чужого превосходства. Если кто-либо пытается его демонстрировать перед другими, он неизменно сталкивается с четко выраженным враждебным протестом.

Легенда гласит, что Иисуса Христа распяли потому, что он

демонстрировал свое превосходство в отношении действовавших религиозных лидеров и проповедников. Дизраэли был убежден в превосходстве своих талантов и не скрывал этого. Мудрый ирландец справедливо советовал ему «не возвышаться» над другими и действовать на установившемся среднем уровне. «Выступайте часто, — говорил Шейл, — чтобы не подумали, что вы запуганы, но говорите кратко. Будьте при этом очень спокойны, пытайтесь быть скучным, ведите спор и аргументируйте недостаточно убедительно, ибо, если вы будете пользоваться точными и убедительными аргументами, слушатели решат, что вы пытаетесь быть остроумным. Удивляйте их знанием конкретных деталей по предмету выступления. Приводите цифры, даты, расчеты. И через непродолжительное время палата общин начнет вздыхать по остроумию и красноречию, которыми, как они все знают, вы обладаете. Депутаты будут поощрять вас использовать эти качества. И после этого палата будет слушать, и вы станете ее фаворитом». Быть может, при некоторой циничности это был мудрый совет: он исходил из глубокого знания человеческой натуры и людей, составлявших палату общин. Дизраэли последовал совету Шейла. Второе выступление состоялось через 10 дней после первого, затем последовало третье, и оно сопровождалось уже аплодисментами.

Не без осложнений происходило и становление семейных отношений у Дизраэли. Члену парламента в его возрасте было уже если не необходимо, то безусловно желательно жениться и обзавестись собственным домом. К тому же брак на состоятельной женщине мог разрешить все более осложняющиеся финансовые проблемы.

Вопрос о возможности жениться в практической плоскости встал перед ним довольно неожиданно. 14 марта 1838 г. скончался Уиндхэм Левис, который с Дизраэли представлял избирательный округ Мэйдстоун. Они вместе год назад вели избирательную кампанию, закончившуюся успешно. Жена Левиса помогала им. После выборов связи Дизраэли с этим семейством укрепились. Левисы время от времени гостили в Брэденхэме, Дизраэли называли «наш Диз».

И вот Мэри Энн осталась вдовой. Она родилась в 1792 г. в респектабельной, но не очень знатной и влиятельной буржуазной семье. В 1815 г. она вышла замуж за Уиндхэма Левиса, землевладельца и промышленника. Мэри Энн была малообразованной: по словам Дизраэли, она не знала, кто же раньше появился в истории — греки или римляне. Не обладала она и аристократическими манерами, хотя вращалась в высшем свете и завела там прочные связи. Сам старый герцог Веллингтон

бывал в ее доме. Она хвастала, и не без оснований, что когда у нее однажды был прием, то из 90 гостей «половина были лорды и леди».

Мэри Энн была легкомысленно-добродушной, за что свет прощал ей невоспитанность и плохие манеры. Она действительно очень много болтала в обществе, была склонна к кокетству и легкому флирту, была особой импульсивной, с добрым сердцем, любезной, нежной. Внешность ее, если судить по большому портрету, который висит сейчас на втором этаже Дома-музея Дизраэли в Хьюэндине, была изящной и даже красивой, хотя, возможно, художник несколько польстил оригиналу.

Очень трудно определить, в каких случаях поступки человека диктуются чувствами, в каких — иными соображениями. Часто мотивы переплетаются, как, кажется, это имело место в женитьбе Дизраэли. Ко времени кончины Уиндхэма Левиса у его жены и Дизраэли уже установилась взаимная симпатия, их связывали добрые, дружеские отношения. Поэтому первые письма Дизраэли молодой вдове могут рассматриваться просто как дружеские обращения, рассчитанные на то, чтобы утешить ее. Он пишет ей, что «она слишком молода, чтобы чувствовать, что жизнь кончена и дальше не будет никаких радостей». И заключает: «Я принадлежу к тем людям, которые чувствуют гораздо более глубоко, чем когда выражают это». В июле Дизраэли из Мейдстоуна уже пишет Мэри Энн, «чтобы сказать ей, как сильно он ее любит». Трудно сказать, это дружеское обращение или нечто большее. Вероятно, в это время Дизраэли приходит к решению жениться на Мэри Энн.

На начальном этапе их взаимоотношений у Дизраэли превалировали не чувства, а расчет. Считалось, что муж оставил Мэри Энн богатой, поэтому желающих жениться на ней было много. Для Дизраэли это обстоятельство также играло важную роль. Замаячила перспектива наконец разделаться с долгами. Однако есть основания полагать, что он мог сделать лучшую партию и в финансовом, и в других отношениях. И то, что он остановил свой выбор на Мэри Энн, может означать, что кроме расчета действовали еще и чувства, поначалу игравшие второстепенную роль.

Мэри Энн — жена Дизраэли

Биографы считают важным свидетельством фразу из письма Дизраэли Мэри Энн, гласящую: «Когда я впервые сделал Вам предложение, я действовал не под влиянием романтических чувств». И она понимала это. Объективные обстоятельства диктовали ей осторожность. Ей было уже 45 лет, а ему только 33. Она была менее богата, чем все предполагали, но все же муж оставил ей годовой доход в 4000 фунтов и хороший дом в лучшем районе Лондона — на Парк-Лэйн.

В феврале 1839 г. у Дизраэли произошло неприятное объяснение с Мэри Энн. Он вообще был склонен к аффектации, а при выражении чувств особенно. Так было и на этот раз. В ответ на излияния Дизраэли она заявила, что его соблазняет не столько она сама, сколько ее деньги. Он крайне возмутился, наговорил резкостей, и ему было предложено покинуть дом. В тот же день он написал огромное и очень серьезное письмо, в котором подробно говорил о своих чувствах. Он был откровенен, и в этом письме содержалась приведенная выше фраза о «романтических чувствах». Закончил письмо он вежливыми, но твердыми фразами, смысл которых сводился к тому, что пройдет время и Мэри Энн пожалеет о том, что отвергла его.

Все это могло означать лишь одно — отношения между ними окончательно прерываются. Но Мэри Энн или играла, или проверяла Бенджамина и тут же написала ему, приглашая вернуться и утверждая, что он ее неправильно понял. К этому времени Дизраэли уже испытывал к Мэри Энн нежные чувства, и она тонкой женской интуицией поняла это. Под большим секретом она впоследствии говорила подруге, что задолго до женитьбы она знала о чувствах Дизраэли и что она заметила, что он ее любит, «еще при жизни мужа». Возможно, так оно и было. Дизраэли — на него это совсем не похоже — после неприятных объяснений тянул с окончательным объяснением. «Он явно был привязан ко мне, — говорила позднее Мэри Энн, — хотел сделать предложение, но его смущала разница в нашем материальном положении. Однажды он провел со мной некоторое время, но так и не заговорил о сути дела. Я сама двинула дело вперед, положив свою руку на его руку и сказав: „Почему бы нам не соединить свои судьбы вместе?“ И так получилось, что мы были помолвлены».

28 августа 1839 г. они поженились. Она оказалась очень хорошей женой. Все свои силы и энергию она посвятила заботе о Дизраэли, безоговорочно верила в его звезду. Он тоже оказался хорошим мужем — чутким, внимательным, заботливым. Так брак, замышлявшийся как брак по расчету, оказался браком по любви. Подтвердился принципиальный взгляд Дизраэли на брак, хотя вряд ли этот взгляд можно считать бесспорным для всех случаев жизни.

Медовый месяц начался в Англии, но вскоре дождь и холод выгнали супругов на континент. Они побывали в Баден-Бадене, Штутгарте, Мюнхене, Нюрнберге, Франкфурте и наконец обосновались в Париже, в отеле «Европа», на улице Риволи. В конце ноября они возвратились в Лондон и поселились в принадлежавшем жене доме на Парк-Лэйн. Более тридцати лет

Дизраэли прожил в этом доме.

Бенджамин и Мэри Энн жили дружно, неизменно проявляли взаимное уважение, понимание, обычные супружеские ссоры миновали их дом. Главным предметом для раздражения в первые годы были финансовые проблемы. Состояние Мэри Энн обеспечивало им возможность жить на уровне высшего света; жена помогла Бенджамину урегулировать наиболее срочные платежи, теперь финансисты обнаруживали значительно б***о***льшую готовность ссужать Дизраэли деньгами. Он скрывал от жены размеры своих долгов. И когда приходили предписания от адвокатов о срочной уплате того или иного долга и случайно попадали в руки Мэри Энн, «то это вызывало ужасный домашний кризис». Было бы неверно подозревать ее в скупости (хотя англичане умеют считать и ценить деньги) или нежелании в меру возможностей помочь мужу. Известно, что она уплатила по обязательствам Дизраэли 13 тыс. фунтов. Но ее возмущали неведение и неожиданность возникновения денежных проблем.

А возникали в этой сфере и курьезы, таившие в себе существенную опасность. Дизраэли обвинили, что во время избирательной кампании 1837 г. в Мейдстоне он пообещал взятки своим избирателям, но не уплатил обещанных денег. «Избиратели Мейдстона, — замечает Роберт Блэйк, — не возмущались тем, что они предстали взяточниками. Они жили на подкупы. Но пообещать и не уплатить — это было уже серьезное дело. Такое обвинение могло подорвать шансы на переизбрание на следующих выборах». Удалось как-то урегулировать и эту проблему.

«МОЛОДАЯ АНГЛИЯ»

Избранный в 1837 г. парламент просуществовал до 1841 г. Это время не сопровождалось какими-либо выдающимися событиями в парламентской деятельности Дизраэли. Его главные усилия были направлены на установление контакта с членами палаты общин, на то, чтобы понравиться им и внушить, что он обладает выдающимися данными политического деятеля. В то же время у него вырабатывалась определенная политическая линия, и она проглядывала в его выступлениях, хотя не стала еще очевидной для политических кругов. Так, в 1839 г. он выступал против нового закона, регулирующего положение пауперов, бедноты. Это не были рядовые выступления, ибо, критикуя закон о бедных, он косвенно критиковал и тех, кто его поддерживал, т. е. руководителей своей партии. Партийные лидеры не любят таких вещей.

В 1840 г. Дизраэли позволил себе выступить против сурового обращения с руководителями чартистского движения. Его не смутило то, что такую позицию поддержали только четыре депутата. Он выступил и против ассигнования дополнительных средств для полиции Бирмингема, где заседал конвент чартистов. В целом Дизраэли в это время может быть отнесен к числу консерваторов-либералов; он стоял где-то значительно левее центра. Об этом говорит прежде всего его отношение к чартизму.

Движение чартизма явилось крупнейшим событием в политической истории Англии тех лет. Многие англичане возлагали огромные надежды на парламентскую реформу 1832 года. Поскольку парламент казался всесильным, то от его преобразования ожидали очень многого. Казалось, если осуществится реформа, то в стране наступит эра всеобщего благоденствия, все проблемы будут легко решены и все слои общества будут удовлетворены. Чем больше была эта эйфория, тем глубже было разочарование не только трудящихся, но и мелкой и средней буржуазии. Стало ясно, что реформа дала дополнительные места в парламенте только крупной буржуазии и землевладельцам, и поэтому власть сконцентрировалась в их руках.

В свете неоправданных надежд особенно контрастировали тяжелейшие условия труда и жизни рабочих. Многие предприниматели с особой жадностью и поспешностью стремились делать состояния. Попытки трудящихся сопротивляться жестоко подавлялись. Для обнищавших людей государство ввело «работные дома», где царил свирепый и

оскорбительный для их обитателей режим, прекрасно описанный Чарлзом Диккенсом. Сказывались и революционные ветры, доносившиеся с Европейского материка, где политическая и духовная жизнь развивалась под воздействием трех революций — 1789, 1830 и 1848 гг. Сумма всех факторов вызвала к жизни специфически английскую форму социальной и политической борьбы — чартизм. Это была революционная форма протеста и борьбы рабочих против эксплуатации, против политического бесправия, против власти, захваченной землевладельцами и крупной буржуазией. Чартистскому движению не были чужды элементы стихийности и воздействия идей утопического социализма.

В 1836 г. Уильям Ловетт, высококвалифицированный мастер-краснодеревщик, создал Лондонскую Ассоциацию рабочих, в которую вошли грамотные и авторитетные кустари-мастеровые. Это и было организованное начало чартистского движения. Через два года (в мае 1838 г.) Ловетт вместе с Френсисом Плейсотом выработал и опубликовал программу движения под названием «Народная хартия» («Пиплз Чартер»), которая и дала название движению — чартизм (от слова «чартер»). Это была политическая программа чартизма. Хартия содержала шесть требований: всеобщее право голоса для мужчин; равные избирательные округа; отмена имущественного ценза для кандидатов в депутаты палаты общин; выплата членам парламента жалованья за исполнение ими депутатских обязанностей, чтобы эти обязанности могли выполнять и люди, не имеющие личных средств; тайное голосование на выборах, а также проведение выборов в палату общин ежегодно. Особенно важным был шестой пункт. В случае его принятия произошло бы принципиальное изменение политической системы страны — на смену парламентской демократии пришла бы система прямой общенародной демократии. Дело было в том, что парламент избирался на 5 лет, а в течение этого времени избиратели были не властны ни сместить правительство, ни переизбрать палату общин. И парламент, и правительство были вольны поступать по собственному разумению. «Палата общин, избираемая ежегодно, — пишет Д. Томсон, — была бы инструментом прямой демократии. Результатом ее деятельности, которого ожидали люди девятнадцатого века от роста демократии, явилась бы ликвидация монархии и палаты лордов. Эти меры почти наверняка были бы осуществлены».

В стране развернулась широкая агитация за хартию. Особенно активной она была в Шотландии, Уэльсе, центральных районах страны. В Бирмингеме действовал «Политический союз»

во главе с Томасом Аттвудом. Союз не только поддержал «Народную хартию», но и предложил организовать общенародную петицию с требованием к парламенту принять положения хартии. В поддержку хартии выступил Большой северный союз во главе с О'Коннором, который издавал в Лидсе газету «Северная звезда», ставшую официальным органом чартистов. В процессе борьбы выделилась пролетарская группировка, возглавляемая Дж. Барнсом, выступавшая за решительные действия. Раздавались требования применить революционное насилие, чтобы заставить парламент принять «Народную хартию».

Наличие в движении разнородных по социальному характеру элементов породило в нем различные подходы к стратегии и тактике борьбы. Эти противоречия с большой остротой проявились на Чартистском национальном конвенте в Лондоне в феврале 1839 г. Одновременно шел успешный сбор подписей под петицией. Вскоре под ней подписались 1280 тыс. англичан. Левое крыло чартистов на Лондонском конвенте было настроено превратить конвент в центр, который будет добиваться принятия хартии революционными мерами. Представители буржуазных радикалов испугались такой перспективы и ушли с конвента. Конвент оказался глубоко расколотым по вопросу о том, что следует предпринять, если парламент отклонит хартию и петицию. Ловетт и его единомышленники выступали за проведение мирной агитации и просветительной работы. О'Коннор на севере страны и его друзья настаивали на применении революционных мер. В чартистской печати появились статьи по вопросам революционной тактики, написанные польским эмигрантом. Распространялись брошюры-инструкции, содержавшие советы, как лучше строить баррикады. «В воздухе повеяло гражданской войной», — констатирует не без оснований Д. Томсон.

В мае конвент переместился из Лондона в Бирмингем. В этом же месяце состоялось шествие чартистов к парламенту. Для доставки петиции со всеми подписями были сооружены специальные носилки, которые несли 24 человека, по 6 человек с каждого угла. В июле 1839 г. парламент отклонил петицию и хартию. Реакция в стране была бурной — в ряде мест произошли восстания, забастовки, бунты. Правительство осуществило обширные меры по подавлению этих выступлений. Исполнителем явился министр внутренних дел лорд Джон Рассел. Вряд ли правительство справилось бы с положением, если бы наиболее правые элементы, и прежде всего высококвалифицированные мастеровые, не ослабили движение, заняв решительно негативную позицию в отношении революционных методов

борьбы.

Так закончился первый этап чартистского движения, вызвавший глубокую тревогу имущих классов и привлекший широкое внимание к условиям существования обездоленных людей в Англии. Дизраэли обнаружил острое чувство политика, это выразилось в его глубоком интересе к жизни рабочих и сельских тружеников, к чартизму. Он начал серьезно размышлять о том, как решить проблемы, каковы пути дальнейшего развития страны. Это нашло выражение в позиции, которую он занимал в парламенте, а также в его романах середины 40-х годов.

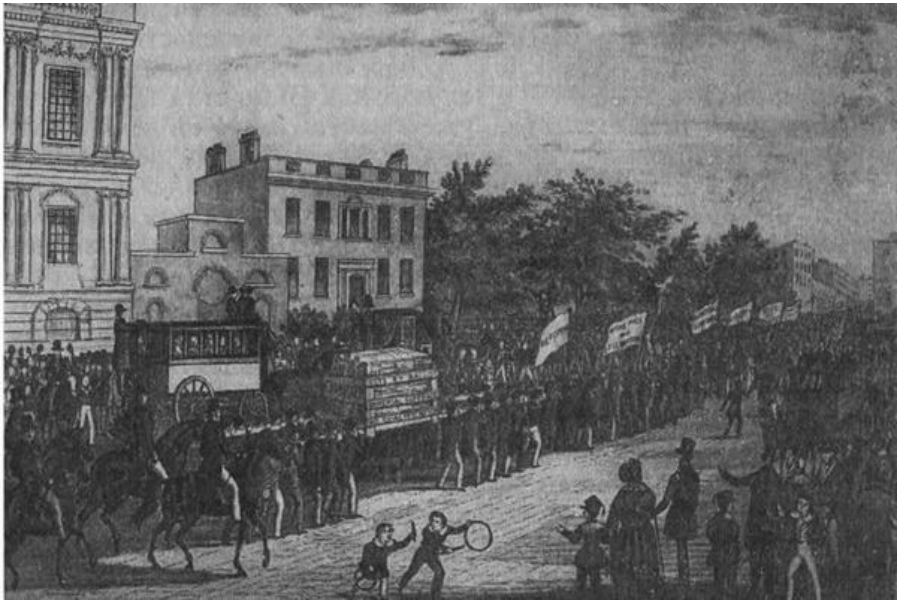
В мае 1841 г. правительство вигов потерпело поражение в парламенте. Последовали парламентские выборы, на которых победили тори, получившие большинство в палате примерно в 90 голосов. Положение Дизраэли на выборах было непростым. Поскольку он был не в состоянии удовлетворить аппетиты избирателей Мейдстоуна, ему пришлось подыскивать другой избирательный округ. Помогли связи. Некий лорд Форестер организовал его выдвижение в округе Шрюсбери. Округ казался надежным, но и там у Дизраэли нашлись противники, заявившие о его несостоятельности, о долге в 22 тыс. фунтов.

Политическая деятельность в Англии такова, что иногда политикам приходится, как говорил в свое время Уинстон Черчилль, допускать «терминологическую неточность», т. е. говорить заведомую неправду. Оказывался в таком положении, причем неоднократно, и Дизраэли. В такой ситуации для политика проблема не в этических соображениях, а в большом риске. Если он будет уличен в заведомой лжи, то враги не преминут доказать его сознательную недобросовестность и сломать ему карьеру.

Дизраэли имел азартный характер и зачастую шел на риск. Он заклеймил утверждения своих противников в Шрюсбери как «от начала до конца фальшивые». В действительности, как свидетельствуют документы, составленные двумя годами позже, его долги и вправду составляли примерно 22 тыс. фунтов. Но в 1841 г. все обошлось, и Дизраэли прошел в палату общин.

30 августа 1841 г. королева Виктория поручила Роберту Пилю, лидеру победившей на выборах партии, сформировать новое правительство. С этого момента Дизраэли находился в состоянии напряженного ожидания. Не пригласит ли Пиль его занять какой-либо пост в правительстве? Дизраэли считал, что он уже достаточно продемонстрировал свои таланты, чтобы получить правительственный пост. Человек, как правило, всегда думает о себе лучше, чем думают о нем другие, и обычно преувеличивает свои достоинства и заслуги. Это было более чем

верно в отношении Дизраэли.



Петиция чартистов на пути в парламент

Как и Дизраэли, Роберт Пиль происходил не из аристократии. Он родился в 1788 г. в семье богатого текстильного фабриканта из Манчестера, хорошо подзаработавшего в период наполеоновских войн. В 1809 г. прошел в парламент как сторонник партии тори. Уже в следующем году Пиль получил пост заместителя военного министра и министра по делам колоний. Это случай, подтверждающий ту истину, что деньги делают быструю карьеру тем, кто их имеет. В 1812 г. Пиль уже министр по делам Ирландии и занимает этот трудный пост до 1818 г. В правительстве герцога Веллингтона Пилю был поручен ответственный пост министра иностранных дел и лидерство в палате общин. Это приходится на 1828–1830 гг. Затем Пиль — министр финансов; по значению второй пост в английском правительстве. Наконец, в 1841 г. он становится премьер-министром.

К Дизраэли у Пиля не было какого-либо особого отношения на этом этапе. Он наблюдал за ним, считал его неглупым и достойным поощрения. Ему было известно, что Дизраэли протежируют лорды Линдхэрст и Чандос, что было существенно. В общем, Дизраэли надеялся, что Пиль, формируя правительство, найдет местечко и для него. Это было бы только справедливо, думал Дизраэли, ведь сам Пиль получил правительственное

назначение уже через год после того, как стал членом парламента.

Но проходит 5–6 дней с тех пор, как Пиль стал премьером, он формирует правительство, уже известно, кого он взял в свой кабинет, а Дизраэли нет среди них. И 5 сентября Дизраэли решает напомнить о себе. Он пишет Пилю: «…я пытался бороться против бури политической ненависти и злобы, которые немногим досталось испытать… Я стал под Ваше знамя, и мне позволило выдержать эти испытания убеждение, что наступит день, когда главный человек в стране публично продемонстрирует, что у него есть некоторое уважение к моим способностям и характеру. Я признаюсь, что тот факт, что в данный момент Вы меня не заметили, воспринимается мной как крайне угнетающий. Я взываю к Вашему сердцу, к справедливости и великодушию, которые, как я чувствую, характерны для Вас, — спасите меня от невыносимого унижения». Итак, неполучение правительственного поста рассматривалось Дизраэли как «невыносимое унижение».

Вмешалась в происходящее и жена Дизраэли, Мэри Энн. Она написала прямо Пилю. Основанием для такого необычного обращения было то, что в ходе избирательных кампаний она оказывала поддержку Пилю и его партии. К тому же она была дружна с сестрой премьер-министра. Во всяком случае в письме Пилю она утверждала: «…он (т. е. Дизраэли) бросил литературу, чтобы заниматься политикой. Не губите все его надежды и не заставляйте его думать, что его жизнь была сплошная ошибка. Позвольте мне сослаться на свои скромные, но с энтузиазмом предпринятые усилия в недавнем прошлом для поддержки партии или, скорее, Вашей блестящей личности. В Мейдстоуне Вам скажут, что только благодаря моим усилиям там было истрачено на выборы более 40 тыс. фунтов стерлингов. Пожалуйста, оставьте без ответа это письмо, ибо я не хочу, чтобы хотя бы один человек узнал, что я писала Вам, обращаясь с этой покорной просьбой».

Приведенные выше письма, в которых Дизраэли клянчил пост в новом правительстве, читателю могут показаться, мягко говоря, странными. Но они были, скажем так, в норме. Во-первых, и в XX в. нечто подобное практиковалось в английской политической жизни, и, во-вторых, во времена Дизраэли каждый премьер-министр, формирующий правительство, получал довольно много таких обращений от разочарованных соискателей должностей. Пиль вежливо и туманно ответил Дизраэли, уйдя в сторону от сути дела. Дизраэли был взбешен и полон решимости отомстить Пилю.

Дизраэли действовал, не представляя себе в должной мере

реальной обстановки. Ни Пиль, ни его коллеги по руководству партией никогда не предполагали дать Дизраэли какой-либо пост. Кроме того, состав нового правительства был таков, что Дизраэли не вписывался в него. Там были собраны 8 пэров, 2 наследника графских титулов, 3 баронета, еще одно титулованное лицо и лишь один человек без титула. Все они, исключая герцога Букингемского, занимали различные посты в прежних правительствах.

В таких случаях обойденные недовольные английские политики идут по одному из двух путей: или подчеркнуто демонстрируют свою лояльность и готовность надежно служить руководству партии, смиренно ожидая, когда воспоследует благодарность за верную службу, или начинают активно фрондировать против линии лидера и партии, выступая с соответствующими речами и голосуя вместе с оппозицией. Во втором случае руководство партии, взвесив, что для него политически целесообразнее — иметь такого диссидента против себя или откупиться от него, предоставив ему пост, который превратит его из противника в сторонника правительства, — принимает соответствующее решение. Чем более авторитетен, влиятелен и популярен недовольный парламентарий, тем больше шансов, что руководство партии изберет второй вариант. В эти игры играли позднее и премьер-министр Англии XX в. Уинстон Черчилль, и в конце XIX в. его отец Рандольф Черчилль, занимавший в правительстве видный пост, но добивавшийся кресла премьер-министра.

Дизраэли после неудачного рывка в правительство не сразу решился на открытый разрыв с Пилем. В палате шла обычная возня, отдельные группки или депутаты вступали в сговор, блокировались, стремясь улучшить свои позиции. Оппозиция — в данном случае виги и ирландская фракция — пытались перетянуть на свою сторону недовольных чем-либо депутатов-тори. Дизраэли понял, что его хотят подтолкнуть к открытому бунту против Пиля. Это его насторожило, и он усомнился в том, что в тех условиях открытый разрыв с Пилем пойдет ему на пользу.

В течение первого года заседаний нового парламента Дизраэли занимал позицию благонадежного депутата-тори. Когда произошел крупный скандал в партии по земельному вопросу, приведший к уходу из правительства герцога Букингемского, Дизраэли удержался от того, чтобы примкнуть к группе недовольных. Это было должным образом отмечено, и главный парламентский организатор тори — «чиф вип», в прямом переводе «главный бич» — начал обращаться к Дизраэли с

поручением выступить с ответом на какое-либо важное выступление из противного лагеря. Но такое поведение не отвечало динамичному, энергичному, инициативному характеру Дизраэли. К соображениям продвижения по лестнице карьеры прибавились нестандартные, творческие политические взгляды на положение страны, ее будущее и на то, какую политическую линию следует вести партии тори. Взгляды Дизраэли во многом не совпадали со взглядами Пиля и отличались если не прогрессивностью, то чуть большим реализмом. Он считал необходимым уделять больше внимания трудящейся и обездоленной части английского народа. Для Дизраэли это был не тактический ход, а определившееся убеждение в том, как должны решаться возникающие в стране крупнейшие социальные и политические проблемы.

Вскоре Дизраэли сблизился с небольшой, настроенной бунтарски группой в партии тори, ядро которой составляли четыре человека. Это были Джордж Смис, старший сын лорда Стрэнгфорда, лорд Джон Маннерс, второй сын герцога Рутлендского, Фредерик Фабер и Александр Бейли-Кокрейн — молодые люди, связанные с аристократическими фамилиями, окончившие закрытые средние школы и Оксфордский университет. Эта молодежь занималась не только политикой, как было широко распространено в те годы в Англии, но и литературой. Кое-кто из них неплохо писал, обожая Байрона и подражая ему, хотя мода на Байрона в Англии уже проходила. Они вели шумный, богемный, циничный образ жизни, залезали в бесконечные долги. Один из них, Смит, отличился тем, что дрался на самой последней дуэли, которая состоялась на английской земле.

Дизраэли всегда тянулся к аристократии. Импонировали ему эти молодые люди и манерой поведения. Политические взгляды их были довольно путаные и противоречивые, но объединяло их в общем плане одно — бурный протест против духа утилитаризма, усиливавшегося в жизни английского общества по мере роста богатства английской буржуазии. Реформа 1832 года, а также мощное чартистское движение были восприняты молодыми аристократами как предвестники неминуемого упадка их класса. В будущем они видели мрачные перспективы для аристократии, и это их явно не устраивало. В результате их идеалом стал некий надуманный добрый, благожелательный феодализм, при котором хорошо будут жить и мирно сосуществовать и аристократия, и трудовой народ, причем власть будет, естественно, принадлежать аристократии. Эта концепция противопоставлялась буржуазному развитию.

Единомышленники действовали, согласовывая свои выступления в парламенте, и представляли собой сплоченную группу. Вскоре ей стихийно дали название «Молодая Англия». В этом сказалось явное влияние событий, происходивших на материке. Там возникали различные политические и литературные объединения, приобретшие известность как «Молодая Германия», «Молодая Италия», «Молодая Польша» и др.

Членам «Молодой Англии» нужен был лидер, и они обратили внимание на Дизраэли. Он был старше их, опытнее, держался твердо и независимо. Их взгляды были близки. Именно такой человек должен был стоять во главе их группы. Дизраэли также нужна была опора в его борьбе за место под солнцем, он всегда мечтал о том, чтобы возглавить какую-то новую влиятельную партию. Так, интересы совпали, и Дизраэли стал лидером группы молодых бунтарей. 11 марта 1842 г. он писал жене: «Без каких-либо усилий с моей стороны я оказался лидером партии, состоящей преимущественно из молодых и новых членов палаты общин».

Члены «Молодой Англии» уселись сзади скамьи, на которой размещались члены правительства, прямо в затылок министрам. Ядро из четырех человек и еще несколько парламентариев, их поддерживавших в выступлениях и при голосовании. Это была небольшая, скорее шумная, чем влиятельная, группа, хотя Дизраэли, всегда склонный к преувеличениям, полагал, что в нее в той или иной степени входят человек пятьдесят.

Появлению «Молодой Англии» благоприятствовали важные объективные обстоятельства. Премьер-министр Пиль имел привычку лично контролировать работу всех министерств, что влекло за собой и перегрузку Пиля (отсюда его нервозность и раздражительность), и напряженность в отношениях с министрами, чиновниками и рядовыми членами парламента. Положение правительства ослаблялось крупнейшими затруднениями, которые переживала страна: экономический кризис, начавшийся в 1836 г. и затянувшийся на ряд лет, обострение социальных противоречий, приводившее к антиправительственным выступлениям и к развертыванию чартистского движения. В радикальных буржуазных кругах нарастали выступления с требованиями отмены хлебных законов, принятых еще в 1815 и 1828 гг. и запрещавших импорт зерна в страну, если внутренняя цена на зерно не будет ниже зафиксированного уровня. Наконец, обострялись вечные проблемы управления самой ближней и старой колонией — Ирландией. В общем, у «Молодой Англии» было широкое поле для нападок на правительство Пиля и большие возможности для

блокирования в этих целях с другими недовольными элементами. По всем этим вопросам «Молодая Англия» активно выступала и голосовала против правительства, состоявшего из членов той же партии тори. Получалось, что возникла партия внутри партии, что не могло не осложнять положение правительства.

Постепенно признанным лидером, идеологом и главной движущей силой стал Дизраэли, что было естественно. Он был на голову выше своих коллег, хотя не следует недооценивать и их интеллектуальный потенциал и активность. Это понимало и правительство. Министр внутренних дел Джеймс Грэхем писал в августе 1843 г.: «Что касается „Молодой Англии“, то здесь марионетки приводятся в движение Дизраэли, который является самым способным из них. Я считаю его беспринципным, разочарованным и в отчаянии прибегающим к запугиванию». По отношению к другим членам группы Грэхем считал, что, порезвившись, они вернутся в рамки партийной дисциплины, но «один или два хороших удара хлыстом могут ускорить и гарантировать их возврат в лоно партии. Один Дизраэли злонамеренный, и с ним у меня нет никакого желания договариваться. Для партии было бы лучше, если бы его удалили из наших рядов и он стал бы одним из наших открытых врагов».

Дизраэли не мог не понимать истинное отношение к нему лидеров партии, и тем не менее он предпринимает шаг, выглядевший по меньшей мере странно. Он обратился к одному из влиятельных министров с просьбой дать его брату приличную должность где-то в государственном аппарате. Стандартный протекционизм, трудоустройство «по звонку» существовали и в те времена и считались нормой жизни. Этическая и юридическая стороны дела не удивили Пиля, которому министр доложил «бесстыдную» просьбу Дизраэли. Пиль ответил, что это очень хорошо, ибо «весьма полезно, когда такой человек официально фиксирует свою подлость… Просить об услуге после того, как он вел себя во время прошлой парламентской сессии, характеризует его с очень плохой стороны. Однако это дает возможность взнуздать его».

Но Дизраэли взнуздать было нельзя. Можно предположить, что он сознательно спровоцировал отказ относительно своего брата, который нужен был ему в его дальнейших отношениях с Пилем. Возможно, эта просьба была пробным камнем.

Дизраэли, увлекшись, преувеличивал возможности «Молодой Англии». О том, как ему представлялось положение, говорит письмо, которое зимой 1842 г. он адресовал королю Франции и лично вручил адресату в Париже. Дизраэли писал, что в английском парламенте будет организована новая партия. Это

говорилось в таком тоне, что у короля должно было возникнуть впечатление, что партия или уже создана, или находится в процессе организации. Правительство Роберта Пиля опирается в данный момент на поддержку большинства в палате общин, насчитывающего 90 депутатов. Среди них есть от 40 до 50 недовольных, представляющих аграрные интересы. Они еще не готовы начать активные оппозиционные действия, но часто будут отсутствовать при решении вопросов, хотя и не жизненно важных, но имеющих большое значение для премьер-министра. «Поэтому представляется очевидным, что другая группа консервативных членов палаты общин, переполненная молодостью и энергией и уверенная в прочности своих депутатских мандатов, должна будет осуществлять непреодолимый контроль над направлением поведения премьер-министра».

Далее Дизраэли утверждает, что, «говоря о том, что такая партия может быть создана, он делает это, располагая абсолютно достоверными данными по этому вопросу». Тут же указывается, почему он обладает этими данными. «К одному лицу уже обратились с настоятельной просьбой возглавить эту парламентскую партию… партию молодости Англии, воодушевляемой благороднейшими убеждениями». И если это лицо не сразу приняло сделанное ему предложение, то лишь потому, что это «величайшая честь, когда-либо ему оказанная», и потому, что «руководство партией по ответственности и значению должно рассматриваться сразу же вслед за формированием правительства». Здесь явно речь идет о самом Дизраэли. Жизнь, однако, не оправдала его слишком оптимистических планов. Неприятности «Молодая Англия» причинила правительству существенные, но своей цели не достигла; влиятельной, определяющей политику правительства оппозицией в парламенте она не стала.

Английская историография до сих пор уделяет «Молодой Англии» значительное внимание. В 1978 г. Ричард Фабер издал обширную работу, посвященную этой теме. Автор утверждает, что «Молодая Англия» — это английский вариант движения в Европе, развертывавшегося в начале XIX в., целью которого было укрепить позиции религиозной и социальной иерархии перед лицом развивавшихся революционных процессов. «„Молодая Англия“ была реакцией против… равенства и демократии, она выступала за взаимозависимое феодальное общество, управляемое традиционным путем. Действуя таким образом, ее члены не просто выступали против революции, они одновременно выступали и против рациональных, просвещенных доктрин, таких писателей, как Вольтер, создавших духовный климат, в котором

революция стала возможной… Они, конечно, выступали также против отрицательных сторон индустриализма и нищеты, порождаемых неограниченным капитализмом». Революция 1789 года и перспектива будущих революций давали идеям «Молодой Англии» эмоциональный стимул. Таким образом, младоанглийцы звали не вперед, к либеральному, гуманно построенному обществу, а назад, пусть к патриархальному, но феодализму.

ЗИМА 1842/43 ГОДА В ПАРИЖЕ

С деньгами у Мэри Энн было довольно свободно, и зиму с 1842 на 1843 г. семья провела в Париже. Жили опять в понравившемся отеле «Европа» на улице Риволи. Дизраэли не отдыхал и не сидел сложа руки. Он внедрялся во французский высший свет, был хорошо принят и завязал полезные связи, включая короля Луи-Филиппа. Одновременно он обдумывал возможности создания новой партии под своим руководством, обсуждал эту проблему с членами «Молодой Англии», навещавшими его в Париже. Здесь же у него сформировался большой интерес к внешней политике, и он, будучи человеком, у которого за мыслью немедленно следовало дело, окунулся во внешнеполитическую сферу.

Через 38 лет в романе «Эндимион» Дизраэли изложил свой психологический поворот к проблемам внешней политики устами одного из героев: «Это парламент политической экономии; обе стороны в равной степени заняты размышлениями о ценах на зерно и тому подобными вещами. Финансы и торговля — вот предмет интереса всех. По этим сюжетам людям легче всего произносить речи — тем людям, которые не говорят на французском языке и кто не получил образования. Настоящая политика — это обладание властью и ее применение. Я хотел бы, чтобы вы обратили свой ум в направлении внешней политики… Но постигнуть внешнюю политику просто чтением нельзя. Книжные черви не становятся министрами иностранных дел. Вы должны узнать великих актеров, действующих на великой сцене. Ничто не может заменить личного знакомства с деятелями, контролирующими внешнюю политику… Я думаю, что вам следует воспользоваться этим перерывом в заседаниях парламента и отправиться в Париж. Ныне Париж — столица дипломатии».

Рассуждения о том, что английский парламент занимается почти исключительно экономическими проблемами, вызваны тем, что экономика в жизни страны играет огромную роль. Отсюда и внимание к ней парламента. Любителям чистой политики действительно скучно слушать все время о промышленности, торговле, ценах. В 30-х годах XX в. рассматривалось даже предложение образовать в Англии два парламента — экономический и политический. Но из этого ничего не получилось: отделить политику от экономики невозможно.

Сохранились многочисленные подробные письма Дизраэли из Парижа к сестре Саре. Они свидетельствуют, с каким

наслаждением он купался в лучах высшего парижского света — письма заполнены длинными перечнями знатных фамилий, с носителями которых Дизраэли довелось встречаться на вечерних приемах. В Париже светская жизнь бурлит вечером. Его охотно принимают в больших домах, и он неизменно подчеркивает, что должное внимание при этом оказывается Мэри Энн. Легкость, с какой Дизраэли вошел во французские аристократические круги, свидетельствует о том, что его политическая репутация была уже значительной — английская печать донесла информацию о нем как о политике и литераторе до Парижа.

Революция сильно потрепала французскую знать. Дизраэли отмечал, что по финансовой мощи она не может равняться с английской. Восторгаясь одним из приемов, на котором он присутствовал, Дизраэли писал: «Какие имена! Но где у них земли? Во Франции насчитывается всего 100 человек, имеющих годовой доход в 100 тыс. Генри Хоуп и Ротшильд могут купить их всех». Генри Хоуп — один из примыкающих к «Молодой Англии», очень богатый человек, находившийся в те зимние месяцы во французской столице. Что касается Ротшильда, то эта фамилия не нуждается в представлении. Были Ротшильды французские и английские. 2 декабря Бенджамин пишет сестре Саре, что на обеде у министра иностранных дел Гизо он сидел между генералом Себастиани и Ротшильдом. Банкир без церемоний обратился к Дизраэли: «Я полагаю, вы знакомы с моим племянником?» Дизраэли, конечно, хорошо знал лондонского Ротшильда.

Дизраэли всегда стремился играть главную роль в любом деле. Так и в данном случае: решив заняться улучшением англо-французских отношений, он не ограничился контактами с влиятельными политическими деятелями, ему оказалось мало даже встреч с министром иностранных дел Гизо. Предприимчивость Дизраэли была такова, что ему удалось выйти на самого короля Луи-Филиппа.

Отношения между двумя странами были сложными. В 1830 г., когда во Франции устанавливалась новая монархия, английский министр иностранных дел занял в отношении нового монарха Франции дружескую позицию. Это в Англии многим не понравилось. Дизраэли опубликовал брошюру под названием «Галломания», в которой осуждал позицию Пальмерстона. С тех пор прошло 10 лет. Пальмерстон в 1841 г. был вынужден покинуть Форин оффис, причем произошло это в момент, когда его же усилиями отношения с Францией оказались основательно испорченными из-за противоречий в Леванте. Позиция Дизраэли за 10 лет изменилась на 180 градусов, и сейчас он хотел работать

над сближением двух стран. Этим в данный момент как раз и занимались министры иностранных дел Англии — Абердин — и Франции — Гизо.

Взаимопонимание с Англией было важно для существования трона короля Луи-Филиппа и династии. Поэтому он благосклонно принимал Дизраэли («Галломания» была предана забвению) и подолгу с ним беседовал. В ходе этих бесед Дизраэли вручил в конце 1842 г. Луи-Филиппу подробную записку о том, как при содействии его, Дизраэли, могут быть радикально улучшены англо-французские отношения. При этом собственная роль Дизраэли и возможности «Молодой Англии» очень преувеличивались.

В документе Дизраэли писал, что он внимательно изучил во Франции все, что относится к делам с Англией. Затем скромно заметил, что «многие годы размышлений, действий и близких взаимоотношений с лидерами английских партий позволяют ему знать действующих лиц политического мира Англии и мотивы, которыми они руководствуются». Он пришел к убеждению, что существующая система отношений между двумя странами должна неизбежно привести к провалу. Затем в изящных выражениях, но явно подхалимски он порассуждал о «гении великого принца», т. е. Луи-Филиппа. Он, Дизраэли, полагает, что во Франции «просвещенные слои в общем настроены благожелательно к Англии, но большая часть народа — враждебно. В Англии же, наоборот, огромное большинство народа дружественно относится к Франции, тогда как высшие слои смотрят на Францию без какой-либо сердечности». Автор документа по тактическим соображениям явно смягчает ситуацию. В Англии из-за многолетнего соперничества и вражды Франция почти всеми считалась «традиционным врагом». Не будем, однако, излишне строги к автору. Он, как это особенно в моде сейчас, делал упор на том, что «сближает», а не на том, что «разъединяет».

Дизраэли утверждал, что если осуществить три мероприятия, то они в комплексе со здравомыслящей политикой Франции приведут к восстановлению «истинного и сердечного союза между двумя странами». Во-первых, в английском парламенте, который привык заниматься внутриполитическими проблемами, должен выступить «влиятельный депутат, к которому прислушивается палата общин» и привлечь внимание к англо-французским отношениям. Ясное и убедительное заявление заставит людей задуматься, и в результате создастся возможность, при которой «большая часть оппозиции отвергнет недавнюю политику лорда Пальмерстона». Во-вторых, до обсуждения этого вопроса в парламенте должна быть организована новая влиятельная

оппозиционная партия, которая «могла бы осуществлять непреодолимый контроль над поведением премьер-министра». Далее показывается, что такая партия уже в действительности существует — это «Молодая Англия» во главе с Дизраэли. Затем содержится туманное, хотя и многозначительное замечание: «Было бы правильно утверждать, что руководство парламентской партией в Англии повлечет за собой дополнительные расходы в очень больших размерах». Что это было — намек? Если да, то результат его неясен. В-третьих, рекомендовалось тщательно организовать выступления прессы в Англии «в поддержку союза между Англией и Францией».

Пресса обладает огромной властью, и если ее умело направлять, то она может оказать важное влияние на решение вопросов огромного значения. Дизраэли предлагал составить план манипулирования английской прессой в нужном направлении и готов был взять на себя реализацию такого плана. Во всяком случае он мог бы осуществлять «общее наблюдение, такое, как сейчас проводит лорд Пальмерстон за антифранцузской прессой».

Излагаемый Дизраэли план был грандиозным, и его автор допускал, что король может счесть его химерой. Поэтому в заключение в меморандуме говорилось: «Планы эти, возможно, могут показаться слишком огромными, но это не фантазия. Наоборот, эти планы в своем существе реалистичны». Король Франции отнесся к замыслам Дизраэли благожелательно. Хотя он не мог не понимать, что ни правительство, ни даже отдельный английский министр не давали Дизраэли никаких полномочий или советов на этот счет. Это была сугубо личная инициатива, и вряд ли она могла понравиться правительству. «А между тем, — замечает Ричард Фарбер, — „великий человек“, который действительно водил дружбу с Луи-Филиппом, безмерно наслаждался бурным чувством обладания международной властью, не связанной ни с какой ответственностью». Он помышлял о создании большой партии, которая будет диктовать Пилю его внешнюю политику, полезную для англо-французских отношений.

Последствия «внешней политики на высшем уровне», которой Дизраэли занимался в Париже, сказались на его поведении в палате общин, когда он возвратился в Лондон. Он настаивал в своих выступлениях, чтобы правительство заключило с Францией торговый договор, с особым усердием атаковал действия Пальмерстона в сфере внешней политики и убеждал Пиля и Абердина проводить в отношении Франции более благожелательную политику.

1 марта 1843 г. Дизраэли выступил с речью в переполненной палате общин. Это выступление особенно интересно сопоставить с действиями Дизраэли четверть века спустя. Речь шла о катастрофе, постигшей Англию в первой англо-афганской войне. «До того как начались несчастья, — говорил Дизраэли, — мы имели очень хорошую границу. Но, предполагая, как нам казалось, движение со стороны России, мы произвели вторжение в Афганистан и тем навлекли на себя несчастье». Россия, он допускал, «угрожала, но только своим географическим положением. Ее политика не была агрессивной. Истинным агрессором был наш недавний министр иностранных дел. Это он посылал секретных агентов к берегам Черного моря, чтобы плести интриги против России, которая, естественно, реагировала посылкой таких же агентов в Центральную Азию».

Друзьям Дизраэли в Париже речь понравилась: они терпеть не могли Пальмерстона. Политика, как и люди, крайне изменчива. Пройдет три десятилетия, Дизраэли развяжет вторую англо-афганскую войну, и оппозиция будет подробно цитировать ему его речь от 1 марта 1843 г.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ РОМАНЫ

«Молодая Англия» была популярна в Англии и в некоторой степени за рубежом. Это объяснялось ее большой активностью в палате общин, а также тем, что она состояла не просто из знатных людей, но из достаточно ярких литераторов и политических деятелей. Пресса, падкая на сенсацию, много писала о молодых, выделявшихся из основной массы парламентариев своими взглядами и поведением.

Однако Дизраэли и некоторые его друзья считали, что политические и социальные взгляды группы необходимо четко и компактно сформулировать и популярно изложить, с тем чтобы они стали достоянием широкой аудитории, тем более что 40-е годы в Англии были отмечены появлением нового литературного жанра — художественной литературы, преследующей пропагандистские цели. Это важный элемент истории культуры. С тех пор вот уже более полутора веков значительная часть художественной литературы, а в действительности пропагандистские издания, лучше или хуже замаскированные под художественную литературу, заполняют книжные рынки многих стран во все большем количестве. В Англии этот жанр был порожден объективными условиями: вызывающим тревогу «положением Англии», возникшими глубокими сомнениями по социальным, религиозным, политическим проблемам, всеобщим разочарованием в деятельности обеих главных политических партий — вигов и тори.

Интересно, что в английских литературных кругах уже тогда наблюдалось явление, характерное и для наших дней. Его суть в том, что писатели и историки, как правило, не читают или читают явно недостаточно современную им литературу — продукт труда их коллег, если только у них нет особых соображений для такого чтения. Ведущей фигурой в 40-х годах в Англии в области художественно-публицистической литературы был Томас Карлейль. И у Роберта Блэйка мы читаем: «Неясно, читал ли Дизраэли когда-либо Карлейля». Он мало читал современников, хорошо знал Байрона и Скотта, но все, что было после них, его внимание не привлекало.

В 1848 г. один из сторонников «Молодой Англии» — Генри Хоуп — убеждал Дизраэли изложить в литературном произведении те политические идеи, которые дискутировались в группе «Молодая Англия». Дизраэли после долгих размышлений решил написать художественное произведение, так как такая форма, «как показывает опыт, предоставляет наилучшую

возможность для воздействия на общественное мнение». Решение было принято в 1843 г., и осенью Дизраэли начал писать роман «Конингсби».

Пиль оказал большую услугу английской литературе, не взяв Дизраэли в 1841 г. в свое правительство. У него образовалось время для литературного труда, определилось политическое направление литературного творчества, а разочарование и определенная злость на Пиля придавали писаниям Дизраэли полезную остроту.

В 1844 г. Дизраэли издал «Конингсби». Это был самый яркий из появившихся затем в изобилии в Англии политических романов. Таким образом, открытие жанра политического романа — безусловная заслуга Дизраэли. Через год он издал роман «Сибил». Это был один из первых и, пожалуй, самый знаменитый социальный роман в Англии. Обе книги свидетельствуют о возросшей художественной и политической зрелости Дизраэли. Впоследствии он писал еще, но эти два романа — вершина его творчества. Дизраэли не может равняться с такими корифеями английской литературы, как Вальтер Скотт, Диккенс или Теккерей, но его социально-политические романы принесли ему заслуженную славу, переиздавались много раз и до сих пор пользуются вниманием читателя.

Дизраэли писал очень быстро. По сравнению с сегодняшними темпами в те годы литераторы вообще работали значительно быстрее и, как, например, Чарлз Диккенс, вручали читателю шедевры. Но почему? Кажется, убедительный ответ на этот вопрос отсутствует. Дизраэли обладал острым умом, широкой эрудицией, сильным воображением и, конечно, глубоким знанием предмета, о котором вел речь. Но и для него литературное творчество не было легким занятием. Роман рождался тяжело. Может быть, потому, что Дизраэли уже был зрелым человеком и подходил к делу более требовательно. Он просит друга, Джона Маннерса, прочесть рукопись, замечая при этом, что «авторы не лучшие критики своих собственных произведений. Мне более важно ваше мнение, чем свое собственное. Длительное, непрерывное усилие по написанию произведения — очень болезненно. Я ежедневно убеждаюсь все больше и больше, что нет более тяжкого труда, чем литературный». Справедливая и вечная истина. Будучи только политиком или только писателем, Дизраэли не написал бы «Конингсби» и «Сибил». Они продукт синтеза качеств и данных политика и писателя.

«Конингсби» вышел в свет в мае 1844 г. Книга быстро расходилась и принесла автору гонорар в 1000 фунтов. Успех романа объяснялся, наряду с его литературными достоинствами,

также тем, что его воспринимали как манифест «Молодой Англии», которая уже ряд лет имела большой общественный резонанс. К тому же книга в персональном плане была весьма острой. В ней в изобилии присутствовали ядовитые ссылки на еще живых политических деятелей, упоминались даже имена. Многие действующие лица получили портретное сходство с известными персонами. На страницах романа были разбросаны различные намеки, заставлявшие читателя строить догадки, кого же автор имеет в виду. Все это придавало роману своеобразную сенсационность.

Главный герой романа Гарри Конингсби — внук маркиза. В этом сказалась неистребимая тяга Дизраэли к аристократии. Автор сурово критикует аристократию, но это критика, исходящая из любящих уст некоего «старшего Миллбэнка», владельца «образцовой фабрики» в Манчестере. У аристократии нет особых качеств, которые выделяли бы ее из других слоев. Она не богаче других — имеются в виду, конечно, владельцы «образцовых фабрик», — она не мудрее, не лучше информирована и не выделяется особым рвением в деле службы общественным и частным интересам. Да и с происхождением у нее не так уж гладко. Война Алой и Белой розы истребила почти всю родовитую феодальную знать. Существующая аристократия пополнялась из трех «позорных источников». Это «грабеж церковных имуществ, открытая и скандальная продажа титулов последними Стюартами и комбинации с избирательными округами в наше время». В связи с этими рассуждениями Монипенни замечает: «Безусловно, Дизраэли нельзя будет обвинить в том, что в этом романе или в следующем… он льстит классу, стать политическим лидером которого он стремился».

Дизраэли из-за близости с аристократами и глубокого изучения прекрасно знал их слабые места и недостатки. Он безжалостно критикует аристократию, но не затем, чтобы содействовать лишению ее ведущей роли в общественной системе, а затем, чтобы она могла подвергнуться самоочищению и самосовершенствованию и заняла действительно руководящую роль в обществе.

В романе идет напряженная дискуссия, каким должен быть политический курс тори. Один из героев заявляет: «Если какой-либо парень спросит меня, в чем заключается курс консерваторов, я уверен, что не смогу ему ответить». Почему же, возражают ему, ведь это курс на восстановление и защиту наших славных институтов — «короны, которую лишили ее прерогатив, церкви, контролируемой комиссией, и аристократии, не осуществляющей руководящей роли». Нужно восстановить былую роль не только

этих институтов, но и тех, кто трудится на земле, ибо «орден крестьянства», «гордость страны», «исчез с лица земли и был заменен расой рабов, которых именуют работниками и которые поджигают стога».

Руководители партии тори организовали консервативные ассоциации — организации, призванные содействовать победе партии на выборах. «Но зачем они организованы? — вопрошает Конингсби. — В лучшем случае, чтобы убрать вигов из парламента. А затем, когда вы устраните вигов, что дальше? Что же касается нас, — здесь явно звучат идеи „Молодой Англии“, — то мы не собираемся производить новых герцогов или подготовлять старых баронов. Мы намерены установить великие принципы, которые смогут поддержать страну и обеспечить счастье для народа». Он выражает надежду, что власть будет опять уважаема, что будет существовать вновь почтение к нашему образу жизни, что он «сможет увидеть, как богатство признает, как это было в старину, что труд — это его брат-близнец и что обязанностью каждого является исполнение его долга». Итак, цель автора и его единомышленников — возврат к старому, к временам, когда якобы бок о бок существовали, как братья-близнецы, и имущие классы, и трудовой народ.

В этом построении сказывался идеализм Дизраэли и «Молодой Англии». Дизраэли любил историю и выводил из нее свои концепции для Англии середины XIX в. Действует он, несомненно, искренно. Но он не учитывает, что в прошлом, во времена «доброй старой Англии», труд и богатство не сосуществовали мирно друг с другом, что прошлое страны густо насыщено классовыми противоречиями и острейшими, временами кровавыми внутренними столкновениями. Поразительно, но он, широко образованный человек, не учитывает, что возврата к идеализированному прошлому быть не может, что история не может, даже по велению «Молодой Англии», развиваться назад, повторяться, что историческое развитие пусть не прямолинейно, но идет вперед. Он забыл, как в юности в библиотеке отца читал у древних греков: «Нельзя два раза войти в одну и ту же реку».

Перед читателем «Конингсби», а затем и «Сибил» является противоречивая фигура их автора с его сложными и часто несовместимыми взглядами на политические реалии английской жизни середины XIX в.

Радикальные преобразования в английской жизни, замышлявшиеся Дизраэли и его соратниками, автор теснейшим образом связывает с молодостью и человеческой натурой. Герои романа настойчиво утверждают, что подобные исторические

преобразования способна осуществить только молодая часть нации. В романе автор применяет свой излюбленный прием — вводит некоего незнакомца, окруженного мистическим ореолом, в уста которого вкладываются наиболее важные мысли. Здесь незнакомец вразумляет Конингсби поверить в решающую роль характера личности и в созидательные возможности интеллекта, которым «достигается величие в юности. Почти все великое в этом мире, — утверждает странник, — было осуществлено молодостью». Однако одной юности для великих дел недостаточно. Сама по себе молодость еще не означает гениальности. «Гениален тот молодой человек, которому гениальность дана свыше», от природы. Далее приводится масса исторических примеров вроде того, что «великие капитаны древних веков и нового времени завоевывали Италию в возрасте двадцати пяти лет… Паскаль, величайший из французов, Рафаэль и Байрон — все они умерли в тридцать семь лет. Ришелье в тридцать один год был государственным министром, Питт и Болингброк были министрами уже до того, как другие молодые люди перестали играть в крикет. История героев фактически есть история молодых».

Отсюда следовал и практический вывод: человек должен становиться депутатом парламента рано. Депутат, вступивший в палату общин поздно, в своей деятельности чувствует себя связанным независимо от таланта, которым он обладает.

Здесь мы видим четко выраженную концепцию, гласящую, что историю делают герои. Ее придумал не Дизраэли, он лишь повторял широко распространенную идею. Но он добавил к ней положение о том, что истинные герои — молодые люди. Эта мысль явно перекликалась с возрастом его друзей по «Молодой Англии».

Интересно обращение Дизраэли в романе «Конингсби» к вопросу, почему люди не всегда ведут себя в согласии с велениями разума.

Автор утверждает, что после наполеоновских войн в Англии имели место попытки реорганизации общества на «чисто рациональной основе, руководствуясь материальными мотивами, соображениями выгоды. Они провалились и не могли не провалиться, ибо человечество направляется не соображениями разума, а воображением». Далее автор утверждает, что «мы не обязаны человеческому разуму никакими великими достижениями, являющимися важнейшими этапами усилий человека и человеческого прогресса… Не рациональный момент вызвал Французскую революцию. Человек поистине велик, когда он в своих действиях движим страстью…»

Вряд ли Дизраэли вполне серьезно недооценивает роль рационального мышления, рассудочности в жизни общества. Это противоречит его постулату о том, что в развитии человечества ведущая роль принадлежит таланту, гениальности личностей. Но в этих высказываниях все же что-то есть, и это что-то — протест против бурно развивавшегося в Англии капитализма на основе «материальных стимулов», прямой выгоды и голого практицизма.

Дизраэли утверждает, что истинный государственный лидер в своих действиях должен учитывать «человеческую натуру» во всей ее сложности. Способность совершать самоотверженные, героические поступки — это черта человеческой натуры. Для того чтобы она сработала, человек должен воодушевляться определенными идеалами. Возникающие у него убеждения становятся настолько сильными, что в определенный момент переходят в страсть, которая и порождает безграничный энтузиазм или героические действия. Здравый смысл в этих рассуждениях присутствует. История знает, что не раз великолепные планы построения разумного, гуманного, справедливого общества не срабатывали, ибо не учитывали важнейших сторон человеческой натуры.

Набор этих элементов сложен и велик. Дизраэли подчеркивает один из них, вероятно, потому, что считает его важнейшим, — это духовность, идейность человека. «Человек рожден, — читаем в „Конингсби“, — чтобы преклоняться и подчиняться. Но если вы не будете направлять его, если вы не дадите ему то, что он мог бы почитать, он сконструирует свои собственные священные идеалы и найдет вождя в своих собственных эмоциях». За этой сложной литературной формулой скрывается здравая мысль о том, что только человек, одухотворенный великой идеей, верящий в нее настолько сильно, что готов во имя нее на самые большие жертвы, способен совершать великие дела. Автор верно уловил роль духовности и идейности в XIX в. По мере развития человечества эта роль все больше возрастала.

Дизраэли в романе говорит не только о благородных чертах человеческой натуры, но и об отрицательных и делает это на материале, который ему хорошо знаком и близок. Он вывел двух «политических паразитов», «политических интриганов», которые стремятся пройти в парламент исключительно из эгоистических соображений, а не для того, чтобы служить стране или какой-либо идее. Тэдпол и Тапер — «это необычный сорт людей. Для них 1200 фунтов, выплачиваемые поквартально, составляют и их политические идеи, и их человеческую натуру… Для них человек, если он стремится пройти в парламент и при этом не

руководствуется желанием получать ежегодно 1200 фунтов, то он слабоумный».

Роман «Конингсби» вместе с другими произведениями этих лет занимает важное место в английской литературе XIX в. Именно поэтому его не обошли своим вниманием и советские литературоведы. Они оценивали роман как непосредственный отклик на события тех лет. Действие романа разворачивается в 30—40-х годах. Дизраэли позволяет себе иногда довольно решительно выступить против уродливых последствий буржуазного развития Англии. Устами своего героя — аристократа Конингсби — он резко осуждает английское законодательство, парламентскую реформу 1832 года, а в качестве радикального средства оздоровления общественной атмосферы предлагает возвращение к твердым принципам монархии и религии. Да, осуждение можно признать резким, особенно когда автор вкладывает в уста одного из действующих лиц такие слова: «Виги износились, консерватизм — это мошенничество, а радикализм — осквернение».

«Конингсби» является литературным произведением и манифестом «Молодой Англии», так как «Молодая Англия» занимает в романе очень важное место.

Литературное творчество Дизраэли в 40-е годы определялось объективными и субъективными условиями. Положение Англии, хотя это и был ее «золотой век», как утверждают историки, было отнюдь не «золотым». В парламенте и в обществе ходили выражения «положение Англии», «английский вопрос», под которыми подразумевались язвы английского общества. Наибольшую опасность для правящих кругов представляло продолжавшееся чартистское движение, несмотря на все усилия правительственных органов обуздать его. Конечно, при этом прибегали к сложным английским методам: уступкам трудящимся или их видимости (последняя выражалась в бесконечных биллях, беспрестанно обсуждавшихся в парламенте), внесению в ряды чартистов раскола и — как крайнее средство — применению силы. Игнорирование парламентом требований миллионных народных масс, выраженных в чартистских петициях, чрезвычайно накаляло атмосферу. Все это захватывало воображение Дизраэли. К этому прибавлялась его решимость твердо занять враждебную премьер-министру Пилю позицию в парламенте, всячески дискредитировать его и мешать при проведении правительством любых мер, демонстративно голосуя против них. Эти события приходятся на период между написанием романов «Конингсби» и «Сибил».

Второй роман не только содержит больше ожесточения в

критике партий, политической системы, но и проникнут пристальным вниманием к чартизму, стремлением понять движение, что было непростым делом.

40-е годы ознаменовались началом нового этапа в чартистском движении. Прослеживается зависимость роста активности в рядах чартистов от экономических кризисов и спадов, увеличивавших нищету низов населения. Когда экономическое положение улучшалось, активность чартистов снижалась. И наоборот. 20 июля 1840 г. в Манчестере возникла Национальная чартистская организация, вскоре объединявшая уже 50 тыс. членов. Это была первая в истории страны массовая рабочая партия, возглавившая борьбу за допуск трудового народа к политической власти. Произошло размежевание по-боевому настроенных чартистов и буржуазных радикалов. Была подготовлена новая петиция в парламент, содержавшая важные социальные требования отмены закона о бедных, по которому обнищавшие люди помещались в работные дома, уменьшения налогов, сокращения рабочего дня, увеличения заработной платы. Под петицией подписались 3300 тыс. человек. Эта вторая петиция также была отвергнута парламентом.

Во многих районах страны начались стачки, перераставшие в стихийные восстания. В конце 1842 г. движение пошло на убыль. Правительству удалось справиться с революционными выступлениями чартистов, чему способствовал раскол в их рядах. Боевое крыло продолжало активно действовать, развернулась подготовка к вооруженной борьбе. Парламенту была представлена третья петиция, но и на нее правящие круги ответили высокомерным отказом. Многих лидеров чартизма арестовали, местные выступления подавлялись силой. Чартизм, составивший революционную эпоху в английском рабочем движении, после 1848 г. вступил в период заката. Однако тенденции чартизма еще долго в том или ином виде проявлялись в английской жизни, оказывали мощное воздействие на социальную борьбу, политическую жизнь, работу парламента, на литературу.

Поводом для выступления масс в Лондоне 24 июня 1855 г. послужило принятие двух законов: «пивного билля», запретившего открывать по воскресеньям какие-либо общественные увеселительные заведения кроме как от 6 до 10 часов вечера, и билля о запрещении воскресной торговли. Это были меры принуждения в отношении трудового народа. Законы были выгодны союзу «развратной, разлагающейся, жаждущей наслаждений аристократии с церковью». Союз основывался на «грязных расчетах на прибыль пивных магнатов и крупных

торговцев-монополистов». Поскольку рабочие в Англии получали заработную плату вечером в субботу, то новый билль был направлен только против них. Первый билль лишал трудовых людей возможности провести выходной день в пабе, т. е. в пивной, за кружкой пива, отвлечься от житейских тягот. Отсюда и популярность пабов — этих клубов простых людей Англии.

Эти антирабочие законы вызвали такую массовую демонстрацию в Гайд-парке, какой Лондон не видел со дня смерти Георга IV. В Гайд-парке собралось около 200 тыс. человек. Чартисты Блай и Финлен выступили перед собравшимися. Финлен говорил: «Шесть дней в неделю нас угнетают, а парламент хочет отнять у нас крупицу свободы и в седьмой день». Это был справедливый протест народа против мер административного регулирования, которые обоснованно были восприняты как произвол и насилие, как оскорбление человеческого достоинства.

У английской знати существует свой обычай совершать прогулки в карете или верхом в Гайд-парке по дорожке, называемой Роттенроу. На этот раз столкнулись два потока; трудящиеся препятствовали прогулке, оскорбляли проезжавших, улюлюкали им вслед. Появление больших отрядов полицейских только ухудшило дело. Высокомерные лорды и леди были вынуждены выйти из экипажей и пройтись пешком. В то время как на лицах рабочих можно было прочесть выражение гнева, на лицах буржуа играла блаженная самодовольная улыбка.

Под конец возбуждение демонстрантов дошло до апогея. Присутствовавшие начали размахивать палками, угрожая каретам, и нескончаемый гул слился в единый возглас: «Негодяи!» Энергичные чартисты в течение этих трех часов обходили массы, раздавая листовки, на которых крупными буквами было начертано:

«РЕОРГАНИЗАЦИЯ ЧАРТИЗМА! Большое публичное собрание состоится в ближайший вторник, 26 июня, в помещении литературного и научного института… Собрание созывается для избрания депутатов на конференцию по реорганизации чартизма в столице». Так описал эту демонстрацию от начала до конца подробнейшим образом на следующий день живший в то время в Лондоне К. Маркс. Это свидетельство очевидца, глубоко понимавшего обстановку и живо рисующего происшедшее.

В конце концов движение чартистов сошло на нет. На смену ему пришли другие формы борьбы. Английский историк Д. Томсон замечает на этот счет: «В период чартизма угроза насилия, а временами и само насилие часто имели место. Но правящие круги проявили огромный такт, ловкость и искусство

государственного управления большие, чем во многих европейских странах, с тем чтобы избежать революции». И он прав. Рабочий класс Англии годами страстно боролся, прибегая даже к насилию, за «Народную хартию». Он потерпел поражение, но борьба произвела такое впечатление на победившую буржуазию, что с тех пор она бывала очень довольна уже тем, что ценою все новых и новых уступок ухитрялась предотвратить социальный взрыв.

Английские правящие круги приобрели на протяжении многих десятилетий огромный опыт и умение управлять своими трудящимися. Они использовали в этих целях и чередующиеся раз в десятилетие периоды экономического оживления, и годы экономических кризисов, и узаконенные в 1824 г. тред-юнионы, многие лидеры которых склонны были решать споры с предпринимателями компромиссами, а не революционными мерами, и, наконец, развернувшуюся в XIX в. массовую эмиграцию в Америку, Австралию, в другие районы, уводившую за пределы страны сотни тысяч безработных и по-боевому настроенных рабочих. Государство проводило, пусть с некоторым запозданием и под давлением, социальные реформы, содействовавшие сохранению социального мира. Справедливость выдвигавшихся в свое время чартистами шести основных требований история подтвердила тем, что правящие круги страны постепенно, к 1918 г., были вынуждены в законодательном порядке принять пять из них. Исключение составило лишь требование ежегодного избрания парламента. Но как показывает опыт, и другие страны не пошли по пути создания таких краткосрочных парламентов.

Чартизм вызвал появление в середине столетия — и в этом одна из его заслуг перед английской историей — широкого потока социальной литературы. Сразу же после выхода в свет «Конингсби» Дизраэли начал писать роман «Сибил». Он возник как продолжение замысла первого романа, в котором автору не удалось в полной мере реализовать свой план, т. е. дать и современное социальное положение страны. Опять Дизраэли работал очень быстро, но это была работа на пределе сил и возможностей. 1 мая 1845 г. Бенджамин пишет сестре: «Вчера закончил „Сибил“. Я думал, что никогда не закончу его… У меня никогда не было таких трудных четырех месяцев и, хочу надеяться, никогда больше не будет. Пришлось действовать в палате общин, что само по себе является полной нагрузкой для человека, и одновременно написать 600 страниц. Временами я боялся, что моя голова не выдержит».

«Сибил» вышла в свет в мае 1845 г., ровно через год после

появления «Конингсби». Новый роман был посвящен жене. Посвящение было высокопарным и вычурным, но оно говорило о многом. Совместная жизнь открыла в Мэри Энн ряд таких качеств, которые побудили Бенджамина относиться к ней не только с большой симпатией, но и с уважением. Он, не смущаясь, пишет для всего белого света, что она «отличная жена» и что «ее вкус и суждения водили его пером» при написании романа, «самым строгим критиком» которого она была.

И это была искренняя дань признательности Мэри Энн. Когда он работал, жена никогда не появлялась в кабинете без приглашения. Творческая работа требует полной концентрации интеллекта и не терпит, чтобы чье-нибудь неожиданное вторжение прерывало с трудом найденную мысль. Мысль — такая капризная вещь, что очень часто, если ее не вовремя прервать, исчезает навсегда и бесследно. Поэтому, когда Дизраэли работал над этими двумя романами (а также и в дальнейшем) и хотел что-то сказать жене, он писал ей записочки на клочке бумаги. Многие из них сохранились и говорят о том, что он делился с женой успехами в написании того или иного куска, спрашивал о ее самочувствии, договаривался пойти прогуляться, просил стакан вина или разрешения выкурить сигару. Часто он просил ее подняться к нему наверх, чтобы обсудить тот или иной вопрос, возникший в процессе письма. Это подтверждает, что замечание в посвящении о ее «вкусе и здравом смысле» не было простой данью вежливости. Примерно так строились семейные отношения у Уинстона Черчилля, который тоже был и государственным деятелем, и литератором.

Позднее Дизраэли вспоминал, что в «Конингсби» он раскрыл «первую часть темы», т. е. политическое положение в стране. «В следующем году в „Сибил“ я рассмотрел положение народа… В это время агитация чартистов все еще была свежа в памяти, и ее повторение было больше чем вероятно». Следует признать, что это обстоятельство было главным мотивом, побудившим его заняться в романе положением народа. Автор основательно подготовился к изложению избранной темы, не полагаясь особенно на свое воображение. Он специально поехал в промышленные районы севера страны, где пристально наблюдал за жизнью рабочих. В предисловии к роману автор отмечал, что картины жизни рабочих в промышленных районах «он в основном рисовал на основании собственных наблюдений». Затем ему удалось заполучить некоторые ценные материалы о чартизме. В палате общин у Дизраэли был друг — Томас Данкомб, с которым он поделился замыслом романа. И Данкомб добыл для него всю переписку Фергюса О’Коннора периода, когда тот редактировал

орган чартистов «Норзерн стар». Это была переписка с лидерами и другими активными деятелями чартистского движения. Наконец, в распоряжении автора были так называемые «Синие книги», т. е. доклады правительственных комиссий по изучению социальных проблем, и среди них детского труда. Многое дали и дебаты в парламенте по закону о бедных, закону о промышленных предприятиях и т. п.

В «Сибил», как и в «Конингсби», сюжет очень прост. Автор выводит двух аристократов — Чарльза Эгремонта и лорда Мэйрни. Лорд — владелец богатого поместья, циничен, жесток, он свирепо эксплуатирует своих сельскохозяйственных рабочих и при этом считает, что им нужно быть довольными своей судьбой. Эгремонт — его брат — прямая ему противоположность. У него доброе сердце и возвышенная душа. Осматривая руины аббатства Мэйрни, Эгремонт встречает там трех странников: Уолтера Джерарда, управляющего одной из текстильных фабрик, человека благородного, сочувствующего горю народа, стремящегося помочь ему, социалиста Морли и дочь Джерарда — Сибил. Она — «символ великой идеи», представительница трудового класса, полна энергии и энтузиазма. Она стоит за народ, за нацию и за бедных, сочувствует их страданиям и жаждет им помочь. Все трое восхищаются добрым прошлым страны, любят его за его мистическую романтику и считают, что возвращение к нему принесет народу справедливость и счастье. Эгремонт, влюбившись в Сибил, следует за ней и ее отцом в промышленный городок, скрывая свое истинное социальное положение. И с этого момента целью его жизни является любовь к Сибил и исправление зла, причиняемого бедным; обе эти цели сливаются для него воедино.

Повествование построено на контрастах. Оно начинается с описания богатейшего, роскошного лондонского клуба, где собрались знатные бездельники, обсуждающие предстоящие скачки. Позднее им будет противопоставлена мрачная жизнь трудового народа в шахтерском поселке.

Первая же встреча Эгремонта с тремя странниками, как ее описывает автор, представляется самым важным эпизодом всего романа. Здесь мы находим гимн старым порядкам, возвращение к которым, по мнению автора, необходимо для решения всех социальных проблем, восхищение старой верой, которую необходимо восстановить в ее прежнем авторитете, и восхищение монархией и молодой королевой, которым необходимо вернуть отнятые у трона прерогативы. Рассуждая обо всем этом, странники явно излагают программу «Молодой Англии». Здесь же происходит диалог, прославивший роман и нашедший отражение

не только во всех биографиях Дизраэли, но и во многих трудах по истории Англии. Когда Эгремонт заявил, что английская королева царствует над «величайшей нацией, которая когда-либо существовала», один из незнакомцев ответил, что существует не одна нация, а две — нация богатых и нация бедных. Это высший интеллектуальный пункт романа Дизраэли.

Роман открывается многозначительным эпиграфом — словами епископа Латимера: «В народе ворчат и говорят: „Никогда не было так много джентльменов и так мало благородства“». В обращении к «широкому читателю» автор заявляет, что целью книги является «показать условия жизни народа». Поскольку у читателя может возникнуть подозрение, что у автора есть склонность кое-что преувеличивать, Дизраэли считает необходимым сообщить, что «описания сделаны на основании собственных наблюдений автора; он надеется, что ничего не предположил такого, что не соответствовало бы истине, и в то же время он счел совершенно необходимым ограничить рассказ лишь тем, что является безусловно истинным». Автор заключает введение знаменательным утверждением, что «мы так мало знаем о положении нашей собственной страны», что его рассказ может создать у читателя впечатление неправдоподобия. Автор безусловно прав. Нередко создаются такие ситуации, что не только писатели, но и государственные деятели делают аналогичные признания. Они — результат отставания сознания, научного обобщения от реальностей конкретной жизни.

Роман содержит яркую критику, временами переходящую в сатиру, в адрес знати, и прежде всего той, которая является опорой вигов. И делает это Дизраэли с глубоким знанием предмета. Автор показывает, что вигская знать прибрала к рукам все престижные и материально выгодные должности, не обладая ни интеллектуальными, ни иными данными. «Они (представители семей вигов) блистали в больших посольствах в важных странах, имея у локтя умных секретарей». Как это часто бывает в жизни, высокопоставленный, но тупой начальник держится, паразитируя на способностях помощников. В данном случае такими помощниками были дипломатические секретари посольств. Автор замечает, что виги незаслуженно получали и огромные награды, и высокие титулы, тогда как «Нельсон, завоевавший Средиземное море, умер только в ранге виконта». Они в результате происходившей ранее в стране борьбы за гражданскую и религиозную свободу «приобрели обширные поместья и блестящие короны пэров, не говоря уже о том, что это гарантировало каждому из них полдюжины надежных мест в парламенте, в конце концов это обеспечивало им герцогские

титулы». Но знать отвечала на все эти блага, что называется, черной неблагодарностью. Многие из них отмечены «неверностью своей церкви и предательством в отношении своего короля», — заключает автор.

Дизраэли показывает такую семью вигов под именем Эгремонтов (герой романа происходит из этой семьи), которые отличались крайней бездарностью, но весьма преуспевали. «Ни один из них никогда не сказал ничего такого, что запомнилось бы».

Сверяя свои утверждения с английской историей, автор заявляет, что «в течение более шести десятилетий деятельности правительства исключительная коррупция сделала враждебными олигархии все сердца. Кстати, эта олигархия никогда не пользовалась особой симпатией у большинства народа. Уже нельзя было скрывать, что… власть перешла от короны к парламенту, члены которого назначались особой ограниченной группой, не ответственной перед страной, обсуждавшей дела и принимавшей решения в обстановке секретности. Они регулярно вознаграждались небольшой группой крупных фамилий, использовавших этот механизм для того, чтобы постоянно распоряжаться королевской казной. Нация чувствовала запах разлагающегося вигизма».

Дизраэли чуждо бездумное восторженное восхищение такими «национальными героями», как Питт, руководивший страной в годы военной борьбы с Францией, и герцог Веллингтон, слава которого была связана с односторонним представлением о его роли на поле Ватерлоо. Но в то же время Дизраэли считал, что служба адмирала Нельсона явно недооценивалась.

Дизраэли пишет в романе, что Питт «создал плебейскую аристократию и срастил ее с патрицианской олигархией». «После смерти Питта и до 1825 г. политическая история Англии — это история великих событий и мелких людей», — сурово констатирует автор. Он также справедливо суров и в оценке деятельности Веллингтона, когда тот был премьер-министром. При правлении Веллингтона опытные и умные люди «были изгнаны из правительства», а их места были заполнены неизвестными личностями, которые «ни при каких обстоятельствах не могли претендовать на что-либо большее, чем управление какой-либо колонией». «В конце концов его светлость герцог Веллингтон скорее бежал, чем ушел в отставку».

Автор убедительно рисует положение второй, трудовой, обездоленной Англии. Он делает это на примере жителей небольшого городка, расположенного в сельской местности Мэйрни (название вымышленное). Сильное впечатление

производит описание условий жизни и работы жителей поселка при угольной шахте. Рабочий день под землей длится 16, а иногда и 20 часов. Работают мужчины и женщины, взрослые, подростки и дети обоего пола начиная с 5 лет. Их нещадно избивают, подвергают изощренным издевательствам. Это делается руками так называемых мастеров, вышедших из среды самих же рабочих. Такая жизнь доводит работающих до крайнего отупения, до полуживотного состояния. Многие из них забывают даже собственное имя и фамилию. «Сегодня в Англии больше рабства, чем когда-либо после завоевания ее норманнами», — эти слова Дизраэли вкладывает в уста одного из героев романа при описании поселка углекопов. Средняя продолжительность жизни этих обездоленных составляет, как утверждает автор, всего 17 лет. Он пишет, что «б***о***льшая часть рабочего класса Англии существует на грани животного состояния… Их ничто не отличает от животных, если не считать, что мораль их еще ниже».

Дизраэли пишет, что «чартисты… давно перестали делать различия между двумя партиями, которые ранее и теперь боролись за власть». В Англии «призрачные различия могла лишь стимулировать оппозиция с целью поднять шум и содействовать своей победе на выборах». Все правители и правительства при всех радикальных различиях между ними клянутся народом, провозглашают, что их действия осуществляются от имени народа и для блага народа. Так было в Англии в XIX столетии и в более ранние времена, так есть и в XX в. В романе «Сибил» затрагивается эта проблема. Интересен диалог между Сибил и Эгремонтом. «Лидерами народа являются те, кому народ доверяет», — сказала Сибил. «И кто может предать его», — добавил Эгремонт.

Во многих местах романа — и в этом сказываются идеи «Молодой Англии» — Дизраэли сожалеет по поводу того, что монархия не пользуется в XIX в. той реальной властью, которой она обладала в прежние времена. Она превратилась в символ, не имеющий реального значения, тогда как абсолютная власть была захвачена людьми, претендующими на то, что они являются слугами народа. В эгоистической борьбе группировок два важнейших фактора были вычеркнуты из истории Англии — это монарх и народные массы, ибо власть короны сократилась, а привилегии народа исчезли, и в конце концов королевские регалии превратились в декоративные атрибуты, а подданные короля опять дегенерировали в рабов. Эти сильные формулировки принадлежат автору романа.

Роман заканчивается обращением-призывом к молодым. «Я молюсь, — говорит автор, — чтобы мы дожили до тех времен,

когда увидим Англию со свободной монархией, а народ процветающим и пользующимся правами. Я убежден, что эти великие перемены могут быть обеспечены только энергией и преданностью тех, кто сейчас молод. Мы живем во времена, когда быть молодым и быть безразличным нельзя. Мы должны готовиться к грядущим временам. Требования будущего содержатся в страданиях миллионов. Молодое поколение несет ответственность за будущее нации».

И зарубежное, и отечественное литературоведение сходятся в том, что роман «Сибил» — это вершина творчества Дизраэли. Общественно-политические и художественные достоинства романа, безусловно, весьма значительны.

ДИЗРАЭЛИ СВЕРГАЕТ ПИЛЯ

Этот весьма важный эпизод в политической жизни Дизраэли историческая литература интерпретирует по-разному. Соответствующие главы имеют различные заголовки: «Свержение Пиля» или «Падение Пиля». Первый вариант несет в себе тот смысл, что Дизраэли сверг премьер-министра тори, второй — что сумма обстоятельств привела к уходу Пиля. Второй вариант ближе к истине при условии, что будет признана важнейшая роль Дизраэли в разыгравшихся событиях. Во-первых, обстановка в стране сложилась для правительства крайне трудная. Неурожай картофеля в Ирландии — главного продукта питания ирландцев, — захвативший также ряд районов Англии, вызвал голод населения. Это требовало от правительства принятия решительных мер, а их поиски наталкивались на важнейшие интересы партии и, следовательно, доктрины, которых она придерживалась многие годы. Межпартийная и внутрипартийная борьба крайне обострилась, что дало возможность активным людям строить и реализовывать различные комбинации. Во-вторых, Дизраэли совершенно неожиданно приобрел в борьбе против Пиля мощного союзника — лорда Джорджа Бентинка, сына герцога Портленда, члена парламента с 16-летним стажем, человека богатого и влиятельного.

В 1844 г. в Америке возникла болезнь картофеля, погубившая почти весь урожай; через год она была занесена в Европу. Ирландию постигла страшная катастрофа. Из 8-миллионного населения страны половина питалась только картофелем, так как не было средств для покупки хлеба. Ситуация сложилась такая, что вряд ли можно было предотвратить массовый голод. Пиля ужасала эта перспектива, он ее достаточно хорошо понимал. Он предложил отменить хлебные законы, предусматривавшие высокие пошлины на ввозимое зерно, разрешил свободный ввоз хлеба в Англию и, следовательно, в Ирландию. Тори всегда были партией протекционизма, а теперь ее лидер порывал с важнейшим политическим принципом, выгодным землевладельцам, и предлагал политику, идущую вразрез с интересами земельной знати. Пиль выдвинул программу, которую традиционно отстаивали виги, мотивируя свою позицию чрезвычайными обстоятельствами — голодом в Ирландии. Все смешалось на политической сцене, парламент бурлил. По существу борьба шла между различными классами и партиями, а также между амбициозными политиками, рвавшимися к власти.

Пилю трудно было убедительно отстаивать поворот в своей

позиции на 180 градусов. И он пошел на маневр — подал в отставку, чтобы решение сложной ситуации возложить на вигов и их лидера лорда Джона Рассела, который сам не так давно стал сторонником свободной торговли.

Пиль поймал Рассела на слове. С целью дискредитировать Пиля Рассел 22 ноября 1845 г. обратился с письмом к своим избирателям в Сити, обвинив Пиля в том, что тот до сих пор не вмешался в вопросы ввоза продуктов питания в Ирландию. Пиль тут же подал в отставку, написав королеве письмо, в котором обещал Расселу свою поддержку, если тот возьмется осуществить отмену хлебных законов. Королева вызвала Рассела и поручила ему сформировать кабинет. Тот думал шесть дней, затем согласился, но через два дня отказался из-за разброда в руководстве вигов. Королева обратилась к Пилю, и тот с готовностью сформировал кабинет.

Во время этих событий Дизраэли находился в Париже, наслаждался близостью с французским двором и не очень хорошо понимал происходящее в Лондоне. «Молодая Англия» в это время была, по оценке Р. Блэйка, «вряд ли более чем мечтой». Пиль сформировал новый кабинет в декабре, и Смис — самая яркая после Дизраэли фигура в «Молодой Англии» — по настоянию отца согласился занять пост заместителя министра иностранных дел. Это означало, что из противника Пиля он становился его сторонником. Чувствуя большую неловкость, Смис попытался оправдаться перед Дизраэли: «Все складывается так, чтобы вы сочли меня подлецом», «Извините, что я причиняю вам боль». Но пойти на окончательный разрыв с отцом, виконтом Стрэнгфордом, он не мог. «Молодая Англия» распадалась. Дизраэли отнесся с пониманием к «предательству» Смиса, и дружеские отношения между ними сохранились.

В это время «Молодая Англия» для Дизраэли уже стала пройденным этапом. Она использовалась им для партизанских действий в политике, вдохновляла при написании романов, но средством достижения власти служить не могла. Как замечает Х. Пирсон, «Дизраэли не мог удовлетвориться ролью капитана ограниченной группки… Он хотел и намерен был стать премьер-министром Англии и поэтому начал операции по достижению этой цели, предприняв сокрушительную атаку на действовавшего тогда премьер-министра, наиболее сильного и популярного политического деятеля как в стране, так и в палате общин».

Переходя в генеральное наступление против Пиля, Дизраэли воспользовался тем, что, когда стало известно о намерении премьер-министра отменить хлебные законы, в среде землевладельцев возникло сильное движение за сохранение

существующего положения. Появились соответствующие организации: Антилига (против лиги, выступавшей за отмену хлебных законов), Центральное сельскохозяйственное протекционистское общество и др. Они содействовали консолидации в парламенте протекционистской партии и тому, что Дизраэли получал такого союзника, как Бентинк.

Выступления Дизраэли в парламенте были выдержаны в крайне резких, язвительных, граничащих с оскорблениями выражениях. Он стремился полностью дискредитировать Пиля как партийного и государственного деятеля, остро критиковал и саму партию тори в том виде, который она приобрела под лидерством Пиля. Дизраэли не мешало это делать то обстоятельство, что он сам принадлежал к этой же партии. Для Дизраэли «это была просто враждебность, — замечает Пирсон, — испытываемая амбициозным человеком против любого, кто стоит на его пути и препятствует его продвижению».

Дизраэли обвинял Пиля в том, что он перехватил у вигов их программу. Формулировалось это следующим образом: «Достопочтенный джентльмен захватил вигов в момент купания и унес с собой их одежду». Эта образная форма такого обвинения впоследствии часто встречалась в политических речах в Англии и в XX в. Пиля справедливо упрекали в том, что, до того как он стал премьер-министром, он придерживался протекционистских принципов, а теперь занимает прямо противоположную позицию. Возразить против этого было нечего.

В своих выступлениях Дизраэли дал характеристику консервативного правительства, с восторгом встреченную вигами. Она была настолько яркой, что впоследствии неоднократно использовалась в Англии либералами и лейбористами для оценки других консервативных правительств. «Что касается меня, — говорил он, — то, если мы действительно нуждаемся в свободной торговле, я, отнесясь с уважением ко всякому гению, предпочел бы, чтобы такая мера была предложена Кобденом, а не человеком, который, применяя ловкое парламентское маневрирование, обманывает благородное доверие великого народа и великой партии. Что касается меня, то мне безразлично, какой будет результат. Распустите, если вам так нравится, парламент, который мы предали, и апеллируйте к народу, который, я уверен, не доверяет вам. Мне остается по крайней мере возможность публично изложить свою уверенность в том, что консервативное правительство — это организованное лицемерие».

Впечатление от этой речи было настолько сильным, что рядовые тори — члены парламента, хотя и несколько застенчиво, приветствовали Дизраэли. Одни министры-тори сидели с

каменными лицами. К этому времени Дизраэли стал прекрасным оратором в палате общин. В Англии ораторское парламентское искусство — важное условие для того, чтобы занять видное положение в политической и государственной жизни страны, оно создает авторитет тому, кто им владеет. Дизраэли владел им в совершенстве. Он всегда досконально знал обсуждаемый вопрос, представлял себе юридические и процедурные правила, которые встретятся на пути его предложений или соображений. Его речь всегда была строго логичной, живой, образной, построенной так, чтобы постепенно, по нарастающей возбуждать интерес слушателей, даже самых пассивных и недалеких (такие встречались, и в немалом количестве, в палате общин). Неотразимая логика в сочетании со строго продуманной эмоциональной подачей материала производила очень сильное впечатление. Знание человеческой натуры и дремлющих в ней эмоций, умение разбудить их, апеллировать к ним и привлечь на свою сторону было сильной стороной ораторского искусства Дизраэли. Хорошую службу в этом сослужили ему глубокое знание истории, опыт талантливого литератора, способного глубоко понять души своих героев, и, конечно, актерские способности. Каждый по-настоящему видный политический деятель в той или иной мере актер. Именно актерские данные помогают ему эмоционально довести до слушателей свои идеи, внушить им согласие со своей позицией, наконец, сформировать в их воображении свой благоприятный образ. Каждый человек, как правило, стремится предстать перед другими с лучшей стороны. У политиков это стремление превращается в целеустремленную линию поведения.

Во время дискуссии о хлебных законах Дизраэли уже полностью владел вниманием членов палаты общин — как своих единомышленников, так и противников. Когда объявлялось, что он собирается выступить, члены парламента терпеливо сносили скуку обычных дебатов, с тем чтобы не оказаться без места на скамье в тот момент, когда будет выступать Дизраэли. В палате общин наблюдается странное явление: мест на скамьях меньше, чем депутатов. Обычно многие из них во время бесконечных неинтересных прений пребывают в буфете за двойным виски или в курилке, обмениваясь новостями, сплетнями и анекдотами. Когда начинается выступление интересного оратора, все бросаются в зал заседаний, и тому, кто не очень торопится, придется, стоять в проходе или сидеть на ступеньках лестницы. Так бывало на выступлениях Дизраэли. В общем к этому времени он как оратор был уже сильнее Пиля.

Атаки Дизраэли на Пиля поражают своей бесцеремонностью

и резкостью. Его обвинения не всегда были справедливы, но всегда эффективны. «Люди должны отстаивать принципы, которых они придерживались, когда возвышались, независимо от того, верные это принципы или нет. Я не допускаю исключений. Если эти деятели оказываются неправыми, они должны уйти в отставку и посвятить себя личной жизни, чем нынешние правители так часто нам угрожали», — говорил Дизраэли. Он призывал вернуть палате общин ее утраченное влияние: «Давайте сделаем это немедленно и тем способом, который необходим, а именно: сбросим с трона эту династию обмана и положим конец невыносимому ярму официального деспотизма и парламентского обмана». Услышав эти слова, Пиль изменился в лице, уронил голову и закрыл глаза шляпой. (Еще деталь английского парламента — депутаты заседают в цилиндрах.)

Пиль пытался игнорировать нападки Дизраэли, но ему просто нечего было сказать: логика и факты восстали против него. За свою долгую парламентскую карьеру с таким неблагоприятным стечением обстоятельств и с таким сильным врагом он столкнулся впервые. Это — общепринятое мнение. Даже У. Гладстон, устойчиво неприязненно относившийся к Дизраэли, признавал, что «ответ Пиля был совершенно беспомощным. Он отвечал своему противнику поразительно скучно».

Однако в конце концов Пиль нанес противнику удар, который привел последнего в смятение, а в палате вызвал оживление. Он объяснил нападки Дизраэли личными мотивами, тем, что при формировании правительства Дизраэли просил Пиля дать ему пост, но получил отказ. Этот неприятный эпизод, действительно имевший место, был изложен Пилем в спокойно-вежливой парламентской форме. У Дизраэли имелась возможность спокойно объяснить, как было дело. Ничего позорящего его старая просьба собой не представляла, такие действия встречались в жизни многих депутатов. Еще проще и лучше было бы просто проигнорировать сказанное Пилем, поскольку обстановка в палате допускала такой вариант.

Но у Дизраэли отказали нервы. Он поднялся и категорически заявил: «Я заверяю палату, что ничего подобного никогда не имело места. Я никогда не буду просить о каком-либо назначении, это совершенно противоречит моему характеру… Я никогда прямо или косвенно не добивался для себя какого-либо назначения». Это была заведомая неправда, ведь у Пиля могли быть письма самого Дизраэли и его жены с просьбой включить его в формируемое правительство. Более того, здесь же сидели министры, к которым Дизраэли обращался с просьбой дать какую-либо приличную должность в государственном аппарате его

брату. Дизраэли, демонстративно выдавая заведомую ложь, шел на огромный риск. Доказав, что он лжет, Пиль навсегда загубил бы его карьеру. Есть данные, что письмо Дизраэли, о котором идет речь, Пиль имел в тот момент при себе. На что мог рассчитывать Дизраэли? На джентльменское поведение Пиля, который не станет оглашать частную переписку? Но борьба шла не на жизнь, а на смерть, и полагаться на подобное соображение означало вести азартнейшую игру.

Было бы неверно полагать, что Дизраэли все рассчитал и взвесил. Если бы он сделал это, то никогда не поставил бы себя на край политической гибели. Он действовал в состоянии крайнего нервного возбуждения, растерянности и паники, что и не позволило ему трезво и верно оценить ситуацию и принять правильное решение. Поспешность в подобных ситуациях крайне вредна.

Судьба спасла Дизраэли в безнадежной ситуации. Пиль не огласил его письмо. Вероятно, сработало «гипертрофированное понятие Пилем вопросов джентльменской чести». Другие видные политики тех дней, безусловно, поступили бы по-иному. И все равно репутации Дизраэли был нанесен некоторый ущерб: ведь, отрицая сказанное Пилем, он по существу обвинил последнего во лжи. Люди, знавшие Пиля, а их было много, поверить этому не могли. И в кулуарах парламента, и в Карлтон-клубе шли невыгодные для Дизраэли разговоры, но большого скандала не случилось.

Дизраэли стал крупной фигурой, выступавшей против Пиля. Но своей цели он смог добиться, лишь получив мощную поддержку с неожиданной стороны — от лорда Бентинка. Лорд был оригинальной и сильной личностью. Сын герцога, богат, с волевым характером. В палате общин он не стремился активничать. Его главный интерес — лошади. В трех графствах он содержал конюшни, где тренировались породистые лошади для скачек. Его скакуны брали хорошие призы, и Бентинк был известен в обществе как король ипподрома, но его голубая мечта взять первый приз на главных скачках страны — дерби — казалась недосягаемой. Бентинк даже в парламенте появлялся в длинном белом плаще — балахоне, который должен был скрывать надетый под ним костюм для верховой езды. Человек он был прямолинейный, придерживался раз и навсегда усвоенных принципов, в политике и в жизни знал только белое и черное, презирал всякое маневрирование, компромиссы и сделки. Оратор он был плохой, но всегда выступал без записок. Вообще в английском парламенте считалось верхом неприличия чтение заранее написанного текста. Бентинк держал в уме большое

количество цифр и других данных и всегда употреблял их к месту, никогда не путая.

И когда Пиль — вопреки традиционной консервативной политике протекционизма — предложил переход к фритредерству, Бентинк воспринял это как вызов консерватизму и себе лично. И он заговорил твердым тоном, осуждая намерение Пиля. Сразу же обнаружилось большое число его единомышленников в палате общин. Дизраэли был хорошим оратором против линии Пиля, но теперь появился настоящий лидер, происхождением и бесчисленными родственными и иными нитями связанный с земледельческой знатью, кровно заинтересованной в сохранении хлебных законов. Обсуждался даже вопрос о создании в парламенте третьей партии со своей самостоятельной структурой по примеру двух основных партий, но идея осталась нереализованной.

У Дизраэли ранее не было никаких связей с Бентинком, но теперь единство цели свело вместе двух политиков. Сближение было медленным, нелегким: оба были очень разными людьми. Бентинк внимательно слушал аргументы Дизраэли, усваивал их, затем стал советоваться с ним, но в своем поведении был определенно самостоятелен.

В феврале 1846 г. состоялись решающие дебаты в палате общин. Дизраэли выступил с идеей, что, поскольку в стране существуют две важнейшие отрасли производства — сельское хозяйство и промышленность, преимущество должно быть отдано сельскому хозяйству и, следовательно, хлебные законы сохранены. Здесь же он заговорил о необходимости укрепить монархию: «Мы должны найти новые силы, чтобы поддержать древний трон и существующую в Англии с незапамятных времен монархию».

В этой речи Дизраэли впервые употребил выражение «Манчестерская школа», ссылаясь на взгляды Кобдена и Брайта и их единомышленников. С тех пор это выражение прочно вошло в английскую политическую терминологию, и не только английскую. Манчестерская школа — это группа английских экономистов, фритредеров, стоявших за свободу торговли и невмешательство государства в частную предпринимательскую деятельность. В этом политико-экономическом течении наиболее активную роль играли фабриканты Манчестера. Фритредеры защищали интересы промышленной и торговой буржуазии. С целью заручиться поддержкой народных масс манчестерцы апеллировали к ним, демонстративно выступая против привилегий аристократии. Они стремились к непосредственному преобладанию буржуазии, добивались подчинения всего общества

законам современного буржуазного производства и господства тех людей, которые руководят этим производством. Под свободой торговли ими понималась нестесняемая свобода движения капитала, освобожденного от всяких политических, национальных и религиозных пут.

Затем выступил Бентинк и подвел итоги дебатам, продолжавшимся более 12 дней и ночей. У Бентинка была странная привычка — ничего не есть в день выступления до тех пор, пока речь не будет произнесена. А если выступать приходилось, как на этот раз, заполночь, то физическая слабость не содействовала успеху оратора, в особенности если речь была длинной.

Бентинк не так восторженно относился к монархии, как Дизраэли. И он начал свою речь с выговора королеве. Причина была в том, что ее супруг, принц Альберт, — рьяный сторонник политики фритреда — явился в палату общин в первый день дебатов и присутствовал на выступлении Роберта Пиля. Это была демонстрация симпатий двора к предложению премьер-министра, идущая вразрез с традицией. Бентинк отчитал королеву, заявив, что это было «выражением санкционирования ее величеством меры, которую огромное большинство земельной аристократии Англии, Шотландии и Ирландии воспринимает как чреватую огромным ущербом для них, если не полной гибелью».

Состоялось голосование, и Пиль одержал победу. Это была странная победа: ее обеспечили оппозиция, т. е. виги, и радикалы, отдавшие Пилю 227 голосов. 242 из прежних сторонников Пиля голосовали за позицию Бентинка — Дизраэли. Таким образом, партия тори раскололась, что предвещало Пилю крупные неприятности. Раскол распространился на групповые, личные и даже семейные отношения, настолько велико было значение для страны проведенной Пилем меры. Проходили месяцы, а страсти не унимались. В Виндзоре на королевском обеде престарелый и больной бывший премьер-министр лорд Мельбурн, пользуясь привилегией старости, прокричал через стол королеве Виктории: «Мадам, это подлый, бесчестный акт».

Сторонники сохранения хлебных законов, а их было немало, считали Пиля предателем, провозглашали это вслух и требовали мести. Случай вскоре представился. Почти одновременно с предложением об отмене хлебных законов в парламенте обсуждался билль об отмене конституционных гарантий в Ирландии, т. е. о расширении прав властей силой подавлять протесты голодающего местного населения. Бентинк и Дизраэли развернули большую активность с целью наказать «архипредателя Пиля». 25 июня состоялось голосование по ирландскому биллю.

Конечно, все консерваторы в душе были за эту меру, но жажда мести сыграла свою роль. 242 консерватора, голосовавшие ранее против отмены хлебных законов, теперь блокировались с вигами, радикалами и ирландцами и провалили ирландский билль. С политической и социальной точек зрения это была противоестественная комбинация, но она сработала. Это между прочим было убедительное свидетельство того, что эмоции в соответствующих условиях играют в политике немаловажную роль.

Потерпев поражение в парламенте, Пиль был вынужден подать в отставку, что он и сделал через четыре дня. Королева поручила формирование нового правительства лидеру вигов лорду Джону Расселу. В марте 1846 г. Рассел опрокинул правительство Пиля, вступив в коалицию с тори, которые горели желанием наказать своего лидера за отступничество в вопросе о хлебных законах.

Закончилась большая эпоха, хотя в тот момент это и не все понимали. Лишь через 28 лет лидер консервативной партии смог стать премьер-министром, опиравшимся на устойчивое большинство тори в парламенте. И это был Дизраэли. Но до этого важнейшего события в его жизни должна была пройти почти треть столетия.

РАДОСТЬ ПОБЕДЫ И ГОРЕЧЬ РАЗОЧАРОВАНИЯ

Пилю не повезло не только в политике. В 1850 г. он разбился насмерть при падении с лошади. Бентинк в 1846 г., свергнув совместными с Дизраэли усилиями Пиля, одержал крупную политическую победу, но счастливым впоследствии он себя не чувствовал.

Начавшаяся длительная эпоха господства вигов в политической жизни Англии связана с именем их лидера Джона Рассела. Многие западные историки приписывают Расселу заслугу проведения избирательной реформы 1832 года. Однако действительными отцами реформы были другие. Рассел и его семья являлись очень богатыми землевладельцами. Для него было характерно крайнее лицемерие. Его заявления всегда оставались словами, он не претворял их в жизнь.

Проведенная Пилем отмена хлебных законов имела много последствий, и одним из них, весьма важным для Дизраэли, стал раскол консервативной партии на две враждующие друг с другом части: сторонников Пиля — пилитов — и тех, кто во главе с Бентинком и Дизраэли выступил за сохранение протекционизма, — протекционистов. Раскол консерваторов крайне ослабил их позиции и соответственно поднял возможности вигов. Строго говоря, пилиты не являлись партией. В их рядах объединялись люди, преданные авторитету, доктрине и памяти своего незадачливого лидера. Их занимал крайне важный вопрос: к какой партии примкнуть — к протекционистам-консерваторам или к вигам?

В 1845–1846 гг. столкнулись две принципиально противоположные позиции — Пиля и Дизраэли. Пиль по принципиальному вопросу — введению протекционизма — одержал победу. Дизраэли также одержал победу, добившись отставки Пиля и ухода его от политической деятельности. История показала, что по вопросу о протекционизме Пиль был прав, а Дизраэли не прав. Объективное развитие Англии, независимо от каких бы то ни было личных позиций и парламентских комбинаций, требовало отказа от протекционизма, постепенно пришедшего в противоречие с интересами все более и более набиравшей силу английской буржуазии. Именно поэтому проведенная Пилем мера просуществовала так долго.

Хотя Дизраэли в борьбе с Пилем отстаивал исторически

неперспективный курс, он вышел из этой борьбы с большим личным выигрышем. Он утвердил в партии и палате общин свое положение самого искусного и сильного оратора и одного из ведущих деятелей-консерваторов. Если многие историки считают, что свержение Пиля — это дело рук Дизраэли, то уж он сам был в этом убежден полностью. А это означало в его глазах, что он больше, чем кто-либо другой, имел прав стать лидером консервативной партии. По английским традициям лидер партии — это потенциальный премьер-министр Англии, и он станет фактически таковым, когда его партия будет располагать большинством в палате общин. Дизраэли явно полагал, что наконец настал его звездный час.

Однако лидерами партии люди автоматически не становятся. Необходимо, чтобы партийная верхушка, в которую входят самые влиятельные деятели, сочла, что то или иное лицо для нее приемлемо на посту лидера. На такое решение влияет большая сумма самых различных обстоятельств, как объективных, как и субъективных, причем первенство нередко принадлежит последним. С этим и столкнулся Дизраэли в 1846 г.

После раскола партии консерваторов и отставки Пиля встал вопрос о руководстве партии, т. е. ее большинства, в которое входили противники отмены хлебных законов, включая мощный блок консервативных членов палаты общин. Получалось так, что протекционистами руководила группа из пяти человек, куда входили Бентинк и Дизраэли. В вышедшем в свет в 1978 г. первом томе «Истории консервативной партии» Роберт Стюарт писал, что партии, которая намеревалась вести широкую политическую деятельность, было желательно принять определенное решение о том, кто будет ее лидером. «Сомнений в том, кто должен стать лидером, не было. Хотя Дизраэли впоследствии и занял выдающееся положение и в 1845–1846 гг. был самым ярким оратором из числа противников Пиля, его кандидатура на пост лидера партии не котировалась. Еще требовалось время, чтобы доказать джентльменам-землевладельцам, что хотя он и яркая личность, и литератор, и еврей по рождению, и не имеет земельных владений, но он будет самым лучшим лидером, которого они могут иметь».

Верхушке партии импонировал Бентинк. Это был целиком свой, богатый, титулованный, землевладелец, упрямо последовательный в своих убеждениях. Видные деятели-консерваторы ценили эффективность сокрушительных ударов Дизраэли по Пилю, но им не совсем импонировала манера, с которой действовал Дизраэли. Избранный в парламент в 1826 г. Бентинк очень редко заявлял о своем существовании. Его слава и

известность были связаны исключительно с бегами. На удивление коллег, Бентинк переродился в парламенте, когда Пиль поставил вопрос о хлебных законах. Бентинк счел это предательством и вместе с Дизраэли и некоторыми другими единомышленниками повел атаку на Пиля, которая закончилась его устранением и расколом партии. В результате консерваторы-протекционисты сочли, что Бентинк — идеальный член парламента, представляющий крупное землевладение, что он заслужил их уважение и признательность.

В апреле 1846 г. Бентинк неохотно — он знал, что не подходит для этой роли, — согласился возглавить протекционистов в палате общин, пока не подыщут кого-либо другого. Одновременно было решено, что лидером партии в палате лордов будет лорд Стэнли, наследник титула графов Дерби — одного из самых богатых и политически влиятельных семейств страны. Реальным лидером партии стал Стэнли, Бентинк был как бы его заместителем по палате общин. Он согласовывал все основные вопросы со Стэнли и как норму принимал его руководство. 8 июля на одном из важных приемов Бентинк официально приветствовал Стэнли как лидера партии в обеих палатах парламента. Так в консервативной партии началась эпоха Дерби, растянувшаяся на два десятилетия. В 1851 г., после смерти отца, Стэнли унаследовал титул и стал именоваться графом Дерби.

Оппозиция со стороны консерваторов в обеих палатах была вялой, неэффективной. Правительство Рассела не испытывало серьезных неудобств. В 1855 г. Гладстон писал в «Квотерли ревью»: «Правительство лорда Джона Рассела вообще едва ли встречается с оппозицией. Время от времени консерваторы во главе с лордом Бентинком и Дизраэли собираются и договариваются, как голосовать по вопросам, касающимся протекционизма. Но не существует организованного штаба политических деятелей, наблюдающего ревнивым оком за положением дел и регулярно критикующего действия правительства, когда подворачивается случай применительно к каждому из его подразделений». Протекционисты выступали против отмены Навигационных актов, что вытекало из их отношения к свободе торговли. Стэнли считал, что «нет никаких общественных оснований для активной оппозиции правительству». Почему? Во-первых, партия была расколота и не смогла бы создать устойчивое правительство, свергнув кабинет вигов; во-вторых, вероятно, все больше и больше вызревали в ее рядах сомнения, что протекционизм — действительно лучшая экономическая политика для страны. Бентинк ворчал в адрес

Стэнли, что в палате лордов процветает «прямой пилизм».

Лидерство Бентинка в палате общин закончилось в 1847 г., когда он подорвался на религиозном вопросе. На выборах 1847 года в пятый или шестой раз прошел в парламент от лондонского Сити известный банкир Лайонел Ротшильд. Ранее он не занимал свое место в парламенте, так как не мог употребить в присяге слова «по истинной христианской вере». Теперь в палату общин был внесен билль, предусматривающий случаи вроде ротшильдовского — измененный текст присяги без этих слов. Проблема была сложнее, чем данный конкретный случай, ибо длительная борьба шла также относительно взаимоотношений между протестантами и католиками. Бентинк всегда выступал за «еврейскую эмансипацию», поэтому Стэнли посоветовал ему при голосовании соответствующего билля проголосовать тихонько «за» и не раздражать рьяных протестантов. Но Бентинк был упрям, не гибок. И когда в декабре 1847 г. началось обсуждение соответствующего билля, он энергично выступил в его поддержку, «против религиозного фанатизма». Произошло то, чего опасался Стэнли. Билль был принят палатой общин,[4] но выступление Бентинка привело к его уходу с поста лидера партии в палате общин. Некто У. Бересфорд прислал ему от имени недовольных консерваторов письмо, в котором сообщал, что он «более не пользуется доверием партии». Бентинк был возмущен тем, как протестанты набросились на него, и тут же заявил, что уходит в отставку. Его не стали уговаривать остаться, так как он был ко всему прочему и человеком, мешавшим воссоединению расколотой партии.

Для Бентинка это было большим ударом. Он к своим обязанностям лидера протекционистов-консерваторов относился очень серьезно. Чтобы иметь возможность целиком отдаться политической деятельности, он порвал с ипподромами и распродал свои конюшни призовых лошадей, так и не сумев завоевать приз Дерби. Ни сам Бентинк, ни его друзья сразу не осознали той жертвы, на которую он пошел. Это определилось в мае 1848 г., когда приз Дерби взяла лошадь Сарплис, ранее находившаяся в конюшнях Бентинка и проданная им вместе с другими.

Скачки Дерби проводятся ежегодно на ипподроме Эпсом, близ Лондона; на них собирается высший свет, включая королевскую семью. На следующий день после этого несчастного Дерби Дизраэли нашел Бентинка в библиотеке палаты общин. Он стоял у книжных полок с каким-то томиком в руке и был крайне удручен. Дизраэли пытался утешить друга, но тот отвечал каким-то рычанием. В ответ на успокаивающие слова Дизраэли Бентинк

наконец со стоном произнес: «Вы не знаете, что такое Дерби». Дизраэли ответил: «Нет, я знаю, это голубая лента скачек». «Да, — повторил Бентинк, — это голубая лента скачек. Всю свою жизнь я добивался ее, и во имя чего я принес ее в жертву!» Последнее явно относилось к политике.

Найти замену Бентинку оказалось намного труднее, чем убрать его. Опять поначалу кандидатура Дизраэли даже не рассматривалась. Причины были все те же: происхождение, занятия литературой, «безземельное положение», а также манера поведения в парламенте. Но постепенно стало обнаруживаться, что все старые, выглядевшие безупречными ведущие фигуры консервативной партии не подходят на роль ее постоянного лидера. Шансы Дизраэли возрастали. Выход из игры Бентинка привел к тому, что его активные сторонники перешли на сторону Дизраэли и стали усердными адвокатами. В этих условиях формировалась позиция Стэнли, слово которого было решающим. Он сдержанно и настороженно относился к Дизраэли, многое в нем не импонировало Стэнли, но он был мудрым политиком и понимал, что в сложившейся сложной ситуации способности Дизраэли надлежит использовать в интересах партии. Однако наличие недоброжелателей у Дизраэли очень усложняло эту проблему.

Стэнли последовательно шел к своей цели. Он предложил Дизраэли, чтобы лидерство в партии осуществлял триумвират: Дизраэли и еще два деятеля. Дизраэли, считавший, что по справедливости он должен стать единоличным лидером, отказался. Стэнли напомнил ему, что ранее он соглашался участвовать в похожей комбинации. Дизраэли ответил, что он соглашался на это на условиях равенства вместе с Джорджем Бентинком. «Но я, Дизраэли, авантюрист и не хочу соглашаться на положение, которое даст возможность партии использовать меня в дебатах, а затем отбросить в сторону». Стэнли ответил, что избрание лидера в палате общин — это вопрос, который должны решать члены партии — депутаты парламента, а не он, Стэнли. Они выдвинули веские возражения против того, чтобы Дизраэли был лидером в единственном числе, и он в этих условиях не может пытаться заставить их изменить свою позицию.

Дизраэли стоял на своем. Он знал, что консерваторы нуждаются в его активной работе в палате общин, и поэтому заявил Стэнли, что он «не будет вмешиваться в какие-либо партийные комбинации, будет рад оказать партии независимую поддержку, но что выступать он будет только в тех случаях, когда это будет его устраивать. Это будут выступления индивидуального члена палаты. Он хочет уйти в сторону и

посвятить по крайней мере часть своего времени литературе». Дизраэли вел игру, и игру опасную (он любил риск): ведь Стэнли мог развести руками и ответить: «Ну что ж, желаю вам успеха».

Но Стэнли не хотел терять Дизраэли. Он объяснил, что, заняв такую позицию, Дизраэли в конце концов утратит весь свой авторитет. «Ваше предложение, если оно имеет какой-либо смысл, приведет к тому, что мы совсем потеряем вас». Подчеркнув невозможность для Дизраэли действовать в одиночку, Стэнли объяснил: «Я не буду применять к Вам эпитеты, которые Вы сами применяете к себе. Но я скажу Вам, что существуют определенные настроения — Вы можете называть их предубеждениями, если это Вам нравится, — которые порождают у многих наших друзей желание, чтобы человек, призванный руководить ими, имел определенное положение и влияние. Обстоятельства пока не позволили Вам приобрести их». Стэнли говорил, что его предложение в сложившихся обстоятельствах в наибольшей степени отвечает интересам честолюбивого человека. Он заметил, что в триумвирате будут люди, которые по своим способностям не смогут противостоять Дизраэли. Это был прозрачный намек, что Дизраэли будет там хозяином положения. Дизраэли поблагодарил Стэнли за внимание и откровенность, но заявил, что его решение остается неизменным.

Стэнли на самом деле говорил откровенно. Он знал, что в консервативных кругах существует убеждение — его выражал Бересфорд, — что лидером не обязательно должен быть человек, обладающий самыми выдающимися способностями. Важно не это, а его социальное положение и личное влияние. Сам Стэнли был целиком и полностью согласен с этим принципом. Итак, человек со способностями вызывает сомнение и подозрения, лучше его использовать ограниченно, а хозяином положения, лидером, наделенным властью, лучше сделать своего, хотя и не блещущего талантом. Такова была «кадровая политика» в середине XIX в., в основе которой лежали определенные черты человеческой натуры.

После длительных и мучительных размышлений Дизраэли молча согласился с предложением Стэнли. Стэнли назначил заседание триумвирата и послал приглашение двум триумвирам, а также Дизраэли, как будто изложенного выше разговора и не было. Дизраэли пришел, сел, принял участие в обсуждении стоявших на повестке дня вопросов и в дальнейшем регулярно участвовал в таких встречах. Так честолюбие подавило в нем гордость. Это было правильное решение, если исходить из стратегических замыслов Дизраэли.

Одновременно Дизраэли принял решение, направленное на

снятие еще одного препятствия на пути к официальному лидерству в партии. Он, конечно, знал, что его экстравагантная манера одеваться и произносить речи вызывает раздражение у благонамеренных землевладельцев и крупных буржуа. Он долго умышленно провоцировал это чувство. Но теперь он стал важной политической фигурой и решил, что поведение и манера говорить и одеваться должны соответствовать его положению. Как замечает Х. Пирсон, «пижонство в одежде было оставлено. Кольца, кружева и разноцветные жилеты исчезли, уступив место обычным торжественно-черным костюмам».

Труднее было убрать еще одно из оснований для предубежденного отношения к Дизраэли — «положение безземельного». Но это нужно было сделать. И с помощью жены и друзей он стал землевладельцем, приобретя имение Хьюэндин-Мэнор,[5] недалеко от Лондона.

В конце концов к 1849 г. Дизраэли достиг желаемого — стал лидером консерваторов в палате общин. Как и предсказывал Стэнли, два триумвира, люди заурядные, сами собой отошли в сторону. Положение в партии, да и в стране было крайне сложным, и скрепя сердце Стэнли и другие консерваторы решили использовать способности Дизраэли в интересах партии. Как отмечается в «Истории консервативной партии», «лидерство в партии свалилось на Дизраэли из-за отсутствия конкуренции… Партия нуждалась в лидере. Ни один другой протекционист не мог превзойти Дизраэли по части ловкости и изобретательности в парламентских делах». Этот факт признавал и Стэнли. В конце концов все возражения против Дизраэли отступили на задний план перед аргументом, который ультраправый деятель престарелый герцог Ньюкасл сформулировал так: «Нужда заставляет нас избрать самого умного человека, каким мы только располагаем».

Возникает вопрос: почему же так долго правящие круги в партии приходили к этому в общем правильному решению, что мешало его принятию сразу же после поражения Пиля? Хаскет Пирсон так отвечает на этот вопрос: «Это, конечно, было извечное недоверие посредственности к гению». Пирсон имеет в виду черту человеческой натуры, особенно резко проявляющуюся в тех сферах, где деятельность людей имеет интеллектуально-соревновательный характер.

Вторая половина 40-х годов стала переломной и в личных делах Дизраэли. В апреле 1847 г. на 72-м году жизни скончалась его мать. Отец Исаак Дизраэли прожил 81 год, последние семь лет по существу слепым. Но он продолжал заниматься литературным творчеством, готовил трехтомник своих избранных

трудов по истории английской литературы, увидевший свет под названием «Приятности литературы». Готовилась к переизданию его книга «Жизнь и время Карла I». 19 января 1848 г. отец скончался. Дом в Брэденхэме распался.

Отец больше всего дорожил своей библиотекой, насчитывавшей 25 тыс. томов. Бенджамин учился по этим томам и говорил, что после смерти отца сохранит их все. Но произошло так, как почти всегда бывает после смерти владельца. Самые дорогие для него вещи не представляются таковыми его наследникам и как-то незаметно куда-то исчезают. Бенджамин перевез в новый дом лишь те книги отца, которые он считал самыми лучшими, остальное было продано. Так исчезла и книга, которой особенно дорожил отец. Это было первое издание его первой книги «Курьезы», подаренное им Байрону, с надписью последнего. Оставленное отцом наследство было невелико — оно оценивалось в 10 803 фунта стерлингов — и было завещано детям в различных долях.

Бенджамин еще при жизни отца начал дело по приобретению довольно престижного загородного дома и принадлежащей ему земли. Нужно было наконец приобрести земельную собственность. Соображения политической карьеры настоятельно требовали этого. Но сделать это в положении Дизраэли было ох как нелегко.

Присмотренные дом и земля — Хьюэндин-Мэнор имели продажную цену 34 950 фунтов стерлингов. Дизраэли, конечно, таких денег не имел. Не могла наскрести эту сумму и его жена. Более того, Дизраэли был обременен различными сложными долгами на сумму, превышающую 20 тыс. фунтов стерлингов. Он скрывал это от жены и от своего поверенного Филиппа Роса. Да он и сам не знал точной суммы долга. «Секретность», вероятно, объяснялась тем, что многие суммы были взяты у ростовщиков под огромные проценты. Такие сделки явно вызвали бы резкое неодобрение жены, поверенного и друзей.

Кое-какие деньги на покупку Хьюэндина нашла жена; не очень большая сумма поступила от отца, но не хватало 25 тыс. фунтов. И эти деньги дала в долг семья лорда Джорджа Бентинка, соратника Дизраэли по борьбе против Пиля. Лорд Джордж, его два брата — лорд Генри и лорд Титчфилд — были богатыми людьми. Но еще более богат был их отец — герцог Портленд. Его состояние оценивалось в несколько миллионов и приносило ежегодный доход в 180 тыс. фунтов стерлингов. Герцог относился к тем богатым людям, которые знают счет деньгам и весьма неохотно расстаются с ними. Лорд Джордж убедил братьев помочь Дизраэли приобрести Хьюэндин. Сделка еще не была

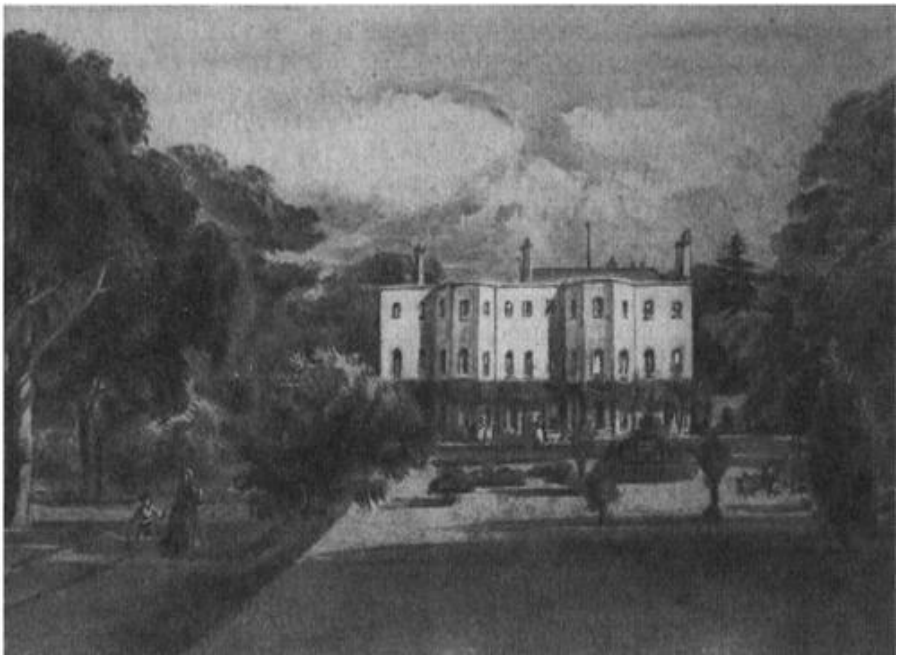
завершена, как 21 сентября 1848 г. лорд Джордж скоропостижно скончался. Казалось бы, весь замысел рухнул. Но братья Бентинк довели до конца дело, задуманное и завещанное им лордом Джорджем. Они дали 25 тыс., и Дизраэли смог написать жене: «Все сделано, и Вы теперь леди Хьюэндин».

Итак, Бентинки приобрели имение для Дизраэли. Если учесть, что он не был в близких, дружеских отношениях с этой семьей, их поступок выглядит странным. В действительности он был мудрым и объяснялся не личными отношениями, а политическими соображениями семьи, формулирование которых принадлежит лорду Джорджу. Бентинки стали одной из крупнейших фамилий страны благодаря событиям 1688 г. Они долго были активными вигами и незадолго до описываемых событий переменили взгляды и перешли к тори. Они хорошо уловили тенденцию развития, не сулившую ничего хорошего вигам. Но проблемой для Бентинков и других, кто уловил эту истину, было то, что в палате общин все умные люди находились в лагере противников. Именно поэтому лорду Джорджу приходила иногда мысль заполучить человека, который формулировал бы для него его выступления, по нынешней терминологии — «речеписца», но подвернулось намного лучшее решение. Никого не нужно натаскивать, никому не нужно давать секретных указаний, просто нужно финансировать гениального парламентария, который, кажется, понимает истинные интересы аристократии лучше, чем она сама. Это был великолепный ловкий ход — единственный, почти не имеющий прецедентов в английской истории.

Сделка была осуществлена в духе желаний лорда Джорджа, сводившихся к тому, что она должна быть политической, а не деловой акцией, вкладом одной из великих фамилий землевладельцев Англии, дающим этому классу возможность быть представленным в парламенте и политике одним из самых блестящих людей современности. Участие семьи Бентинков в приобретении для Дизраэли Хьюэндина объясняет не только мотивы их поведения в 1848 г., оно объясняет и всю дальнейшую карьеру Дизраэли, дает безусловно правильный ответ на вопрос, почему эта карьера состоялась.

Осень и конец 1848 г. Мэри Энн — муж в основном был занят в Лондоне — готовила Хьюэндин к тому, чтобы он мог принять новых хозяев. В конце года Дизраэли с женой переехали в свой новый дом. Здесь они прожили много лет, до конца своих дней. Хьюэндин-Мэнор находится недалеко от Брэденхэма, вблизи городка Хай-Уикомб. В наши дни до него можно добраться от центра Лондона примерно за час. Территория поместья известна

по архивам начиная со времен Вильгельма Завоевателя. Она много раз меняла своих владельцев. В XVIII в. в ее центре стоял фермерский дом, который очередным владельцем был реконструирован, расширен и превращен в «резиденцию джентльмена». В таком виде Дизраэли и приобрел это трехэтажное здание, построенное в стиле, принятом при королях Георгах. Новый хозяин — а точнее, его жена — на протяжении многих лет перестраивал и улучшал дом и парк.



Хьюэндин-Мэнор — загородный дом Дизраэли

Когда Дизраэли приобрел имение, его размеры были невелики — около 750 акров. Впоследствии, прикупая землю, хозяин увеличил владение до 1400 акров. Значительную площадь занимали лес и парк. Дом стоял на склоне холма, спускавшегося в долину. Чуть ниже был домик викария, а еще ниже — приходская небольшая древняя скромная церковь. Еще ниже протекал непременный для английского поместья «форельный ручей». Когда-то он был более полноводным и в нем даже встречалась форель. И когда Дизраэли выловил экземпляр весом четыре с половиной фунта и послал его своей доброй знакомой, историки сочли это событие настолько выдающимся, что оно нашло отражение чуть ли не во всех биографиях. Ручей в одном месте образовывал небольшое озерцо и следовал дальше. Дизраэли устроил на озерке остров и поселил на нем двух

лебедей. Птичья семья прижилась.

Дизраэли вспоминал применительно к Хьюэндину, что он больше всего любил деревья и книги. Приезжая на природу в перерывах между парламентскими сессиями, он две недели приходил в себя. Первую неделю он осматривал, каждый раз как бы знакомясь заново, деревья в парке и в лесу. Если его долголетний политический противник У. Гладстон получал удовольствие, даже в преклонном возрасте занимаясь рубкой деревьев, то Дизраэли любил их сажать. Навещавшие его гости тоже привлекались к таким посадкам. Королева Виктория, однажды посетив Дизраэли, тоже посадила свое дерево.

Земля в поместье обрабатывалась руками арендаторов и батраков. Утверждают, что у Дизраэли были с ними очень хорошие отношения. Но вряд ли это точно. Известно, что, вступив в права владения, он счел, что имение может приносить значительно больший доход, чем приносило до 1848 г. И как выражаются авторы самой обширной биографии Дизраэли, «он, будучи бедным человеком, не имел возможности сохранять легкие арендные условия, существовавшие при его предшественнике». Как видим, понятие бедности весьма относительно. Во всяком случае, Дизраэли увеличил арендную плату. Старые арендаторы сочли это несправедливым и ушли в другие места. В результате его арендаторы были все новые люди, которых он подбирал сам. В соответствии с традицией он должен был проявлять заботу о повседневных делах людей, живших на его земле. Традиция в тех формах и пределах, как это было принято в тогдашней Англии, соблюдалась.

Соседние помещики-землевладельцы появление в их среде нового лица восприняли в общем благожелательно. Дизраэли поддерживал с ними общепринятые отношения, но не очень активно занимался местными делами, его интересы концентрировались на столице страны и ее учреждениях.

Джентльмен-землевладелец по традиции должен был поддерживать добрые отношения со священником своего прихода. Церковь находилась вблизи дома, и Дизраэли, будучи в имении, регулярно посещал воскресную службу. По окончании мессы прихожане выходили на паперть, и землевладелец некоторое время общался с ними, обсуждая их житье-бытье и местные новости. В общем все шло, как полагается, пока однажды в воскресенье Дизраэли, отстояв службу, не уехал сразу же в Лондон. Полномочный представитель Господа в Хьюэндине счел, что Дизраэли нарушил религиозные приличия, и официально написал ему об этом. В те времена в английских сельских местностях считалось неприличным путешествовать по

воскресеньям, и викарий заметил Дизраэли, что он нарушил четвертую заповедь.

Подобный демарш был неожиданным и, конечно, разозлил Дизраэли. Он ответил, что ему самому не нравилась эта поездка, но викарий поступил несдержанно, опрометчиво и неделикатно, прислав такое письмо. Стороны договорились постараться лучше узнать друг друга. Узнали, и священнослужитель счел за благо перейти в другой приход. Дизраэли принял меры, чтобы на освободившееся место был назначен новый викарий, и в дальнейшем отношения джентльмена-землевладельца с расположенной на его земле церковью оставались вполне нормальными.

Хьюэндин-Мэнор, конечно, не дворец, но его внешний вид достаточно внушительный и приятный. Расстилающийся с южной стороны английский парк невелик, но приятно дополняет хорошее внешнее впечатление. Интерьер здания также подтверждает, что это не герцогский дворец, но достойный загородный дом землевладельца средней руки. В доме нет бьющей в глаза роскоши, нет великолепных золоченых залов и выставленных напоказ драгоценностей. Однако каждая из двенадцати средних размеров комнат на первом и на втором этажах, которыми пользовались семья и частые гости политического плана, отделана достаточно скромно, но изящно, с большим вкусом. Этим занималась жена, часто привлекая в помощь архитекторов, художников и других специалистов.

На первом этаже привлекает внимание большая угловая комната — библиотека. Дизраэли говорил, что вторая неделя отдыха от лондонской суеты у него посвящена общению с книгами. Он любил не только — в который раз — просматривать свои книжные сокровища, но и, отдыхая, наблюдать, как на корешках переплетов играют солнечные лучи. Дизраэли очень любил книгу, по-настоящему любил, из нее он черпал мудрость и знание жизни как для литературной, так и для государственной деятельности. В Хьюэндине коллекция книг ограничивалась тремя темами — теологией, классикой и историей. Это то, что Дизраэли считал главнейшим для литератора и политика. Эти области человеческого знания и культуры он разрабатывал всю жизнь. Были и книги по художественной литературе — главным образом случайно сохранившиеся остатки библиотеки отца. Современную ему литературу Дизраэли ставил невысоко и читал ее мало.

Часто эта комната служила местом бесед с гостями, среди которых доминировали политики. Посетивший Хьюэндин сэр Стаффорд Норткот, как свидетельствует путеводитель по музею,

которым в наше время стал дом Дизраэли, писал: «После обеда мы говорили главным образом о книгах. Шеф всегда в наилучшей форме в библиотеке и получает удовольствие от широких рассуждений о литературе вообще». Он с презрением отзывался о Броунинге (которого он читал очень мало) и о других рифмоплетах сегодняшнего дня: «Ни один из них не останется в литературе, за исключением разве Теннисона».

Во всех комнатах, коридорах, холлах, на лестнице очень много картин. Дизраэли не был собирателем сокровищ живописи — она его не очень интересовала, да и деньги были не те. Имеющиеся в доме картины — это главным образом портреты современников хозяина, с которыми ему приходилось сталкиваться в жизни и в политической и государственной деятельности. Среди них доминирует королева Виктория. Много портретов членов семьи. Увековечен и пресловутый Тита, бывший «универсальный» слуга лорда Байрона, вывезенный Дизраэли с Мальты и живший при нем до конца дней своих.

На втором этаже привлекает внимание кабинет Дизраэли. Он называл эту комнату «мой цех». И действительно, здесь он работал над своими литературными произведениями и государственными бумагами, доставлявшимися в обитых красным чемоданчиках, напоминающих нынешние дипломатические кейсы. Для пересылки официальных бумаг такие обшарпанные чемоданчики употребляются и поныне. Кабинет — это не слишком большая, но довольно просторная комната, стены которой обиты серебристым шелком и отделаны светлым деревом. Пол закрыт мягким ковром с узором приглушенных тонов. В углу у двери — скромных размеров книжный шкаф. Рабочий стол без ящиков и тумб, на витых ножках. Такой же формы ножка у маленького столика между уютными диваном и креслами. Рабочее кресло с высокой жесткой спинкой обтянуто гобеленом. К столу придвинута изящная резная этажерка (теперь так выглядят сервировочные столики), на столе — гусиное перо и другие письменные принадлежности, открытый ящичек для деловых бумаг. Рядом стоит небольшой ящичек с высокой полукруглой крышкой. Сегодняшние посетители-туристы стремятся посмотреть, что там внутри, но ящичек заперт, хотя внутри явно ничего нет. На столе перед рабочим креслом стоит небольшая скошенная конторка. Очевидно, Дизраэли было удобнее писать, сидя за такой конторкой, чем за прямой плоской доской стола. Картины и гравюры на стенах неброские, хорошего вкуса, рождающие ощущение гармонии и покоя. Среди них — большой портрет жены. Есть также портреты отца, матери и сестры. И конечно, традиционный камин — мраморный,

массивный. Возле него хорошо греться в стылые английские вечера, приятно думать, помешивая раскаленные угли и следя за игрой вспыхивающих то здесь, то там язычков пламени.

Рабочий стол стоит у глухой внутренней стены, за которой находится коридор. Противоположная стена обращена двумя широкими окнами на юг. Из них виден партер перед домом, парк и даже шпиль церкви в Хай-Уикомбе. Перед окнами стоит кушетка с высокой отлогой головной спинкой. На ней удобно, отдыхая, читать — света из окон достаточно. А за столом работать приходилось почти постоянно с зажженной лампой или свечами.

В стенах Хьюэндина за последовавшие 30 с лишним лет после его приобретения Дизраэли обсуждались и решались многие государственные дела. Здесь встречались крупнейшие деятели Англии второй половины XIX в.

После смерти Дизраэли имение перешло его племяннику, затем племяннице. Они проводили перепланировку дома, не затрагивая, однако, его основ, продавали по частям земли, рубили с южной стороны деревья, посаженные знатными гостями (исключение было сделано только для королевы Виктории) под предлогом, что они закрывали солнце. В конце концов наследники объявили в 1973 г. о продаже усадьбы. Некто У. Эбби купил ее вместе с оставшимися 189 акрами земли и передал под национальную опеку. «Нэшнл траст» — общественная благотворительная организация, возникшая еще в 1895 г. Ее цель — сохранение исторических памятников, поддержание исторических мест, забота об архитектурных ансамблях и даже классических английских пейзажах. В наше время «Нэшнл траст» принадлежит более 200 исторических зданий, включая Хьюэндин. Здание и участок поддерживаются в хорошем состоянии и открыты для туристов. Англия чтит память одного из самых выдающихся своих деятелей XIX в.

«ДУША УБЫВАЕТ»

Первые годы, когда Дизраэли стал лидером консерваторов-протекционистов, требовали от него большой осторожности и гибкости в палате общин. Ему нужно было закреплять свое положение в партии и создавать о себе мнение как о человеке не только выдающемся, но и последовательном, надежном. Это далеко не просто, так как главный лидер партии Стэнли хотя и ценил Дизраэли, но относился к нему сдержанно-настороженно. Причин тому несколько, но главная состояла в том, что Стэнли был бескомпромиссным протекционистом и ему не нравилось стремление Дизраэли приспосабливать принципы к практическим условиям момента, т. е. прагматизм своего подручного в палате общин.

Положение осложнялось тем, что Дизраэли был не просто гибким прагматистом, но в душе не верил в протекционизм, т. е. был скрытым фритредером. А это затрагивало его отношения не только со Стэнли, но и со всей протекционистской частью партии. А как же его совсем недавняя эффектная борьба против Пиля? Это была всего лишь политическая парламентская тактика с целью убрать Пиля. Теперь же Дизраэли стремился воссоединить расколовшуюся консервативную партию, без чего она не могла стать реальной политической силой, и делать это было нужно постепенно, внедряя в сознание своих коллег мысль, что возврата к протекционизму не должно быть. Он понимал настороженное отношение к себе со стороны консерваторов и про себя взвешивал, к чему это может привести. Он говорил жене: «Они явно значительно больше опасаются потерять меня, чем я их». Это была, конечно, бравада, попытка успокоить самого себя.

В то же время он последовательно добивался согласия своих коллег на сохранение свободы торговли, к чему была направлена политика правительства либералов. «Протекционизм не только мертв, но и проклят», — говорил Дизраэли. В конце концов через несколько лет он смог заявить: «Проведя ряд мер, облегчающих положение землевладельцев… я постепенно совлек партию тори с безнадежной приверженности протекционизму, собрав вместе всех тех депутатов, кто лично или через свои избирательные округа был связан с землей, и в конечном итоге привел обе части партии в палате общин к полному единству».

Дизраэли смотрел в будущее и понимал, что настоящий лидер одной из двух главных партий должен заниматься всеми сферами политики государства, а не только партийными делами и вопросами внутренней политики. Отсюда и его четко

определившийся в эти годы глубокий интерес к сфере внешней политики.

На 50—60-е годы XIX в. приходится расцвет английской промышленности и торговли. В результате завершения промышленного переворота и приобретения огромных колониальных владений Англия превратилась в страну, пользующуюся безусловным преобладанием в мировой экономике. Происходила концентрация и централизация капитала, возникали крупные предприятия, на которых трудились многие тысячи рабочих. Быстро развивалась тяжелая промышленность. В 60-х годах Англия получала более половины общемировой добычи каменного угля; в 70-х годах выплавляла половину всего получаемого в мире чугуна. Сельское хозяйство давало три четверти потребного зерна. Бурно развивалось строительство железных дорог. Английское судостроение уже выпускало металлические суда, бороздившие все моря и океаны. По уровню промышленного производства и внешней торговли Англия была впереди всех других стран. К 1870 г. внешняя торговля страны превосходила взятую вместе торговлю Франции, Германии и Италии; она была в 4 раза больше внешней торговли США. В Англии пробудились к жизни такие промышленные и научные силы, о каких даже подозревать не могла ни одна из предшествовавших эпох истории. Середина века — это наивысшая точка в развитии английского свободного капитализма. Но уже с тех пор в Англии просматривались две крупные отличительные черты империализма: монопольное положение на всемирном рынке и громадные колониальные владения.

Английские правящие круги торжествовали. Они хотели, чтобы их торжество стало всемирным. Для этой цели в Лондоне в 1851 г. была организована Всемирная выставка. Здание для нее было специально построено в Гайд-парке из металла и стекла и с легкой руки разбитного журналиста прозвано Хрустальным дворцом. Выставку с большой помпой открыла 1 мая 1851 г. королева Виктория. Экспозиция была составлена таким образом, чтобы продемонстрировать превосходство Англии над всеми остальными странами. Шумиха вокруг выставки была поднята грандиозная. Выставка была заявкой на ведущую роль Англии в мировых делах. Политики утверждали, что выставка «организована, чтобы продемонстрировать славу Англии, доставить удовольствие и дать указания обеим частям земного шара». Итак, английские правящие круги, у которых от успехов явно возникло головокружение, заявляли претензии на то, чтобы направлять страны обоих полушарий.

Демонстрируя экономический триумф Англии, выставка

подчеркивала, что это результат политики свободы торговли. Х. Пирсон писал, что Всемирная выставка «была не что иное, как храм, воздвигнутый богине свободы торговли». Монипенни пишет: «Это был храм свободы торговли, и поэтому выставка не была популярной у крайних протекционистов». Но именно поэтому выставка работала на Дизраэли и его «воспитательную политику безнадежности протекционизма».

«Хрустальный дворец» был необычным и впечатляющим, но он не был произведением искусства. Некий английский полковник Ч. Сибторп описывал его как «неуклюжий, плохо спроектированный, бесполезный замок из стекла». Правда, полковник, кажется, был протекционистом. Но вот для истории сохранилось свидетельство беспристрастного человека, русского писателя Ф. М. Достоевского, который посетил Лондон и видел «Хрустальный дворец» летом 1862 г. Он уже был знаком с восторженными отзывами поклонников технократии, восхвалявших дворец как символ будущего планеты. Достоевский писал: «Да, выставка поразительна. Вы чувствуете страшную силу, которая соединила тут всех этих бесчисленных людей, пришедших со всего мира в единое стадо; вы сознаете исполинскую мысль, вы чувствуете, что тут что-то уже достигнуто, что тут победа торжества. Вы даже как будто начинаете бояться чего-то. Как бы вы ни были независимы, но вам отчего-то становится страшно. „Уж не это ли, в самом деле, достигнутый идеал? — думаете вы. — Не конец ли тут? Не это ли уж, и в самом деле, „едино стадо“. Не придется ли принять это, и в самом деле, за полную правду и занеметь окончательно?“ Все это так торжественно, победно и гордо, что вам начинает дух теснить. Вы смотрите на эти сотни тысяч и на эти миллионы людей, покорно текущих сюда со всего земного мира, людей, пришедших с одной мыслью, тихо, упорно и молча толпящихся в этом колоссальном дворце, и вы чувствуете, что тут что-то окончательное совершилось, совершилось и закончилось. Это какая-то библейская картина, что-то о Вавилоне, какое-то пророчество из Апокалипсиса, воочию совершающееся».

Когда английская буржуазия и правящие круги страны явили миру символ британского превосходства в виде Всемирной выставки, они правильно исходили из того, что в это время Англия достигла вершины в своем экономическом развитии. Это было верно для современности и прошлых периодов в развитии страны. Однако многочисленные связанные с этим событием рассуждения свидетельствовали о том, что роль Англии в мире будет возрастать и, следовательно, вслед за достигнутой вершиной последуют в развитии страны новые, более высокие и

впечатляющие вершины. Успехи породили эйфорию, которая мешала правильно оценивать сложности и трудности дальнейшего движения страны. Английский историк Д. Томсон выразил эту мысль следующим образом: «Господствующая гордость в связи с материальным прогрессом и процветанием вела к самодовольству и слепой вере в систематическое развитие положения к лучшему».

Вскоре самодовольство английской буржуазии начало разрушаться, во-первых, под воздействием экономических кризисов, поражавших ее промышленное и торговое благосостояние, например кризиса 1857 г., и, во-вторых, в связи с тем, что у нее появились опасные конкуренты, которые вот-вот опередят ее в экономической сфере. Начиная с 1870 г. американская и германская конкуренция положила конец монополии Англии на мировом рынке. Кончался период, когда Англия одна снимала сливки на мировом рынке.

Пока же преобладание Англии на мировых рынках и в колониальных владениях оказывало глубокое воздействие на внутриполитическое положение страны. В период экономических кризисов рабочее движение активизировалось, происходили стачки, иногда многочисленные, но в них не было той революционной тональности, которая наблюдалась в годы чартизма. Казалось, что у английского пролетариата почти совершенно улетучилась революционная энергия и он примирился с господством буржуазии. Не все рабочие и не всегда мирились с ее господством, но более чем вековой исторический опыт в принципе подтвердил эту оценку.

Английские правящие круги показали свою мудрость, ловкость и гибкость в управлении государством. Держа в запасе силу, они использовали обогащение буржуазии для различных социальных реформ и некоторого материального улучшения положения наиболее грамотной и квалифицированной части трудящихся. Жертвуя сравнительно малым, они обеспечили главное — сохранение власти в своих руках. Уже в 50—60-х годах расширилось профсоюзное движение, но его лидеры избегали революционных форм борьбы и стремились регулировать свои противоречия с предпринимателями и властями путем компромисса. Конечно, в рабочем движении жили две тенденции — революционная и оппортунистическая. Их мощь и влияние в разное время были различными, но в конечном итоге господствующее положение сохраняли сторонники реформ и компромиссов.

Такому положению есть и историческое объяснение. Длительная борьба народных масс в прошлом привела к тому, что

в XIX в. в Англии в отличие от многих других стран уже существовали важные буржуазно-демократические свободы. Ряд рабочих и демократических организаций существовал легально. Английские демократические нормы позволяли многим политическим эмигрантам находить убежище в Англии, и среди них — К. Марксу, Ф. Энгельсу, А. Герцену. Было бы, однако, неточным относить это за счет гуманизма и свободолюбия английских правящих кругов. Английский народ строго следил за соблюдением права убежища, так как оно являлось частью его демократических прав. К этому прибавлялось и стремление административных органов давать приют в Англии тем элементам, которые представляли собой отрицательные силы для стран и движений, в ослаблении которых была заинтересована английская внешняя политика.

В 1852 году А. Герцен сошел на английский берег по мокрой доске, предполагая задержаться в Англии на месяц, но прожил в стране 12 лет. Он на себе испытал жизнь эмигранта, хотя его положение было неплохим из-за материальной обеспеченности. Герцен — надежный свидетель. Он впоследствии писал, что древним правом убежища кто только не пользовался — и гугеноты, и католики в 1793 г., и Вольтер, и Паоло, и Карл X, и Луи-Филипп, и многие другие. «Англичанин не имеет особой любви к иностранцам; еще меньше к изгнанникам, которых считает бедняками, а этого порока он не прощает, но за право убежища он держится; безнаказанно касаться его не позволяет, так точно, как касаться до права митингов, до свободы книгопечатания». В другом месте Герцен отмечал, что в Англии существовала «сумрачная среда чужой и неприязненной страны, не скрывающей, что она хранит свое право убежища не для ищущих его, а из уважения к себе». Это об официальной Англии. А теперь об англичанах в массе: «Англичане в своих сношениях с иностранцем (эмигрантом)… едва скрывают чувство своего превосходства и даже некоторого отвращения к нему… Если же испуганный сначала иностранец начинает подлаживаться под его (англичанина) манеры, он не уважает его и снисходительно трактует его с высоты своей британской надменности».

Положение Англии в мире в XIX в. имело своим результатом развитие националистических и расовых чувств — явление явно отрицательное, хотя его и выдавали часто за патриотизм. А. Герцен, стремившийся глубоко проникнуть в английскую психологию, пишет, что англичане «слепо убеждены» в том, что «они представляют первый народ в мире». Это крайне важное убеждение, оно окрашивает в определенные тона и отношение к эмигрантам в Англии, и ее внешнюю и колониальную политику.

Глубоко отрицательное воздействие оказало промышленное и материальное превосходство Англии в середине XIX в. на духовное состояние народа. Победа техники была куплена ценой потери морального качества. Человеческая жизнь сводилась до уровня тупой материальной силы.

Это явление признавали, изучали и объясняли крупнейшие английские писатели тех лет. Оно привлекало внимание и Герцена. Когда Джон Стюарт Милль в 1859 г. опубликовал книгу «О свободе», Герцен ее широко использовал в своих литературных трудах. Мысли автора книги совпадали с мыслями Герцена, являлись подтверждением верности его размышлений и суждений. Герцен обильно цитировал Милля, выделяя те места книги, которые считал наиболее актуальными и близкими ему по мысли и духу.

За два века до Милля о том же писал выдающийся английский писатель Дж. Мильтон. И вот теперь появилась необходимость изложить тему с учетом обстановки XIX в. «Вся книга (Милля), — говорит Герцен, — проникнута глубокой печалью… Он потому заговорил, что зло стало хуже… Он отстаивает свободу… против общества, против нравов, против мертвящей силы равнодушия, против мелкой нетерпимости, против „посредственности“». Милль констатирует постоянное понижение личности, вкуса, тона, пустоту интересов, отсутствие энергии. Он показывает, как все мельчает, становится дюжинным, стертым, добропорядочным, но более пошлым. Он видит, что «вырабатываются общие стадные типы… и говорит своим современникам: „Остановитесь, знаете ли, куда вы идете, посмотрите — душа убывает“».

Параллельно с процессом промышленной революции, ростом богатства в Англии идет процесс интеллектуального и духовного обеднения. Милль утверждает парадоксальную вещь: «Несмотря на умственное превосходство нашего времени, все идет к посредственности… Эта collective mediocrity (коллективная посредственность) ненавидит все резкое, самобытное, выступающее; она проводит над всем общий уровень». Значение этого явления огромно, поскольку этим людям «принадлежит сила и власть».

Результат этого — отсутствие на политической сцене действительно крупных государственных деятелей. Герцен делает следующий вывод из книги Милля: «Личности не выступают оттого, что нет достаточного повода. За кого, за что или против кого им выступать? Отсутствие сильных деятелей не причина, а последствие». Следствием являлся крайне низкий уровень государственного руководства и авторитета правительства в

народе: «У народа прежней детской веры в законность или по крайней мере — в справедливость того, что делается, нет».

Эти особенности духовного развития английского общества в XIX в. породили в викторианский век особые лицемерие и ханжество, ставшие надолго отличительной чертой английской государственной политической и общественной жизни. Имея в виду это обстоятельство, Герцен писал: «Само собой разумеется, что везде, где есть люди, там лгут и притворяются, но не считают откровенность пороком, не подымают лицемерия на степень общественной и притом обязательной добродетели». Это было широко признанным явлением английской жизни, прямо-таки ее отличительной чертой. Многочисленная солидная литература показывает, как эта черта проявлялась в действиях конкретных людей. Обе партии имели лицемерие на своем вооружении. Лицемерием пронизаны парламентские дебаты, что требует особенно осторожного отношения исследователя к этому источнику.

Таковы морально-психологические условия, в которых действовал Бенджамин Дизраэли. С учетом этих обстоятельств его некоторые сомнительные действия выглядят менее однозначно. Знаменательно, что промышленная революция, накопление богатства и материальный прогресс приводили к тому, что «душа убывала» не только в Англии и не только в XIX в. Когда в XX в., в условиях научно-технической революции, вызвавшей материальный прогресс и дальнейшее получение материальных ценностей в невиданных ранее размерах, возникал вопрос о состоянии духовной сферы в ведущих странах мира, то ответ мог быть дан формулой Милля: «Душа убывает». Подтверждением этому являются мораль и массовая культура, генерируемые во второй половине XX в.

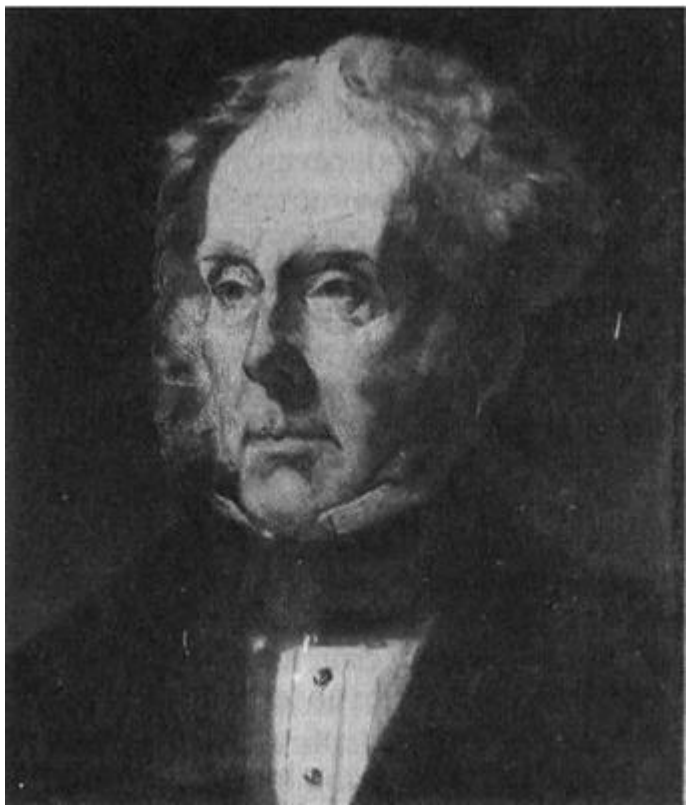
«БАЛАНС СИЛ» И ДИЗРАЭЛИ

После падения Пиля у Дизраэли появляется кроме партийной и внутриполитической сфер деятельности еще область внешней политики, которой он начал уделять все большее и большее внимание. 1846–1851 гг. во внешнеполитической сфере прошли для Дизраэли под влиянием трех факторов: во-первых, достижения Англией высокого положения в мировой экономике, что автоматически стимулировало активность ее правящих кругов; во-вторых, пребывания на посту министра иностранных дел лорда Пальмерстона, активнейшего проводника экспансионистской линии во внешней политике страны, и, в-третьих, революций, происшедших в 1848 г. в ряде стран Европы, разрушивших устойчивость системы международных отношений.

Генри Джон Темпл, виконт Пальмерстон, унаследовал свой титул от ирландского пэра. Уже в 1807 г. он получил правительственный пост по ведомству военно-морского флота. С 1809 по 1828 г. был военным министром в правительствах тори. В 1830 г. он чрезвычайно ловко перебежал к вигам — это так по-английски — и стал в либеральных правительствах долголетним министром иностранных дел. На протяжении 20 лет, до конца 1851 г., он возглавлял Форин оффис и направлял внешнюю политику страны. Человек он был сильной воли, энергичный, и его влияние распространялось и на другие министерства. Пальмерстон был искусным парламентарием, мастером политических комбинаций, циником, ни в грош не ставившим других людей. При нем английская политика за рубежом была активно экспансионистской, вызывающей. Англия играла главную роль в делах Европы, и Пальмерстон неустанно добивался усиления этой роли.

Дизраэли по-разному относился к Пальмерстону. Англия и до Пальмерстона, и при нем поддерживала реакционный порядок, установленный Венским конгрессом, и реакционные режимы в европейских странах. Но Пальмерстон был гибок, и в тех случаях, когда, по его мнению, следовало потеснить и ослабить конкурирующую державу, он готов был заигрывать на словах с революционными движениями этих стран. Дизраэли не очень понимал это маневрирование. Отсюда поначалу и его критическое отношение к Пальмерстону, выразившееся в саркастическом изображении его в одном литературном произведении. Но вскоре он понял, что к чему, и тем же способом — опять-таки в литературном произведении — восславил Пальмерстона, причем сделал это без должного чувства меры.

После окончания наполеоновских войн Англия ряд десятилетий играла роль первой державы в Европе. Пальмерстон полагал, что это положение его страны дает ему право вмешиваться в любые дела любой европейской державы, как внешние, так и внутренние. Он не ограничивался сферой своих прямых обязанностей и, по словам Монипенни, «вылезал со своими советами во всех случаях, применительно ко всем странам, независимо от того, затрагивались там британские интересы или нет». Особенно он любил «читать лекции деспотическим правительствам о преимуществах, которые они получили бы, построив свои конституции по английскому образцу». Естественно, такая внешняя политика импонировала шовинистически, экспансионистски настроенным кругам в Англии. Как замечают английские авторы, «он был популярен у себя в стране за неустанную поддержку британских интересов».



Виконт Пальмерстон

Особенно возросла популярность Пальмерстона в 1850 г. в связи с его действиями в отношении Греции. Вопрос был мелкий,

частный, но Пальмерстон неожиданно придал ему мощное международное звучание. В Афинах жил выходец с острова Мальта, некий дон Пасифико, на дом которого напала толпа и разграбила его. У Пасифико был британский паспорт, и он, не обратившись в греческий суд, что было бы естественно для данного дела, апеллировал непосредственно к Пальмерстону. Министр, игнорируя суть дела, направил английский военный флот в греческий порт Пирей. Командующий флотом адмирал захватил стоявшие там греческие корабли. Россия и Франция заявили протест этому произволу.

Вопрос обсуждался в парламенте. Пальмерстон произнес речь, занявшую пять часов. Он закончил ее словами: «Как римлянин в прежние времена мог чувствовать себя гарантированным от оскорблений, заявив: „Cives romanus sum“ (я римский гражданин), точно так же британский подданный, на какой бы земле он ни оказался, должен чувствовать уверенность, что бдительный глаз и твердая рука Англии защитят его от всяких несправедливостей и плохого обращения». Это заявление облетело всю страну и сделало Пальмерстона «исключительно популярным среди буржуазии».

Заявление было дерзким и претенциозным. Наряду с прочим оно свидетельствовало, что в Англии хорошо понимали значение престижа страны в международных отношениях. Англичане — народ практичный, и они твердо знали, что престиж — это не какая-то морально-психологическая категория, в определенных условиях он действует как материальная сила. Поэтому в Англии так старательно оберегали и оберегают престиж государства.

Пальмерстон, активно боровшийся за господствующее положение Англии в делах Европы, лишь продолжал особенно динамично и напористо линию, которой следовала внешняя политика Англии еще в XVIII в. Англия стремилась поддерживать раскол континента на противостоящие друг другу группировки, ослабляя тем самым всех их участников и, следовательно, укрепляя свое влияние на европейские дела. Это был так называемый принцип «равновесия сил» в действии с условием, чтобы он был выгоден только Англии.

Агрессивная сущность этого ведущего принципа английской внешней политики признается иногда даже английскими авторами. Видный публицист либерального толка Норман Энджелл писал в 1923 г., что «баланс сил в действительности означает стремление создать превосходство сил на нашей стороне… Позиция, которую мы занимаем в этом случае, означает, что мы… просим у других нечто такое, в чем мы упорно отказываем им, если они об этом просят нас. Мы не терпим

существования настолько сильной группы соперничающих с нами государств, сопротивление которой было бы для нас безнадежным, которая обрекла бы нас на постоянно подчиненное положение в дипломатии, а наше свободное передвижение по земному шару могло бы иметь место лишь с ее молчаливого согласия. В этом весь raison d'être — баланс сил. Но тогда почему же… мы требуем от других, чтобы они приняли это положение?.. Принцип баланса сил означает в действительности требование превосходства… требование превосходства сил означает акт агрессии». Это все история, но совсем не такая давняя, как может на первый взгляд показаться.

Дизраэли возглавил партию, находившуюся в оппозиции к правительству, в котором состоял Пальмерстон, но его высокомерно-великодержавные заявления и претензии, ставившие другие страны в неравноправные отношения в сравнении с Англией, Дизраэли в душе разделял целиком и полностью. Мечты о роли Англии в XIX в., аналогичной роли Рима в древнем мире, ему были присущи не меньше, если не больше, чем Пальмерстону. Об этом свидетельствуют многочисленные его рассуждения о величии Англии и вся последующая государственная деятельность.

Дизраэли был убежден, что добрые отношения с Францией были бы на пользу Англии. Находясь в Париже зимой 1845/46 г., он много говорил об этом с королем и его министрами. Он пытался создать у них благожелательное отношение к Пальмерстону, который тоже посетил Париж. Но потом вдруг этот замысел нарушился, французы начали организовывать браки в испанской королевской семье, в результате которых внук французского короля мог оказаться на испанском престоле. Как все это организуется без согласия Англии? Пальмерстон посылает «неудачно сформулированную» телеграмму английскому посланнику в Мадриде, тот употребляет «неудачно сформулированные» выражения в демарше перед испанским двором, и с трудом налаженное хрупкое взаимопонимание с французами разрушается. Дизраэли, как отмечают биографы, реагировал на это «легкомысленными комментариями» в палате общин. Высокомерно-агрессивное поведение Пальмерстона вызывало отрицательное отношение европейских правительств, и Дизраэли имел основания заявить в 1847 г., что «прошло всего лишь шесть месяцев после возвращения Пальмерстона в Форин оффис, и он за это время привел к тому, что у Англии оказались в силу возбужденного им недоверия плохие отношения со всеми великими державами».

В 1848 г. ряд мощных революционных взрывов потряс Европу.

Знаменательно, что революция началась не в странах с самодержавно-деспотическими режимами, а во Франции, где была конституционная монархия и парламентские институты. В феврале 1848 г. неожиданно для многих пала монархия во Франции. Король Луи-Филипп, «друг Дизраэли», и королева, а также их премьер-министр Гизо вместе с другими близкими к трону деятелями бежали в Англию. Франция была провозглашена республикой, образовано временное правительство во главе с поэтом Ламартином. Затем революция распространилась на Австрию и Венгрию. Императору пришлось отречься, а его долговременному и крайне реакционному министру князю Меттерниху — отправиться в изгнание; убежище он нашел в Англии. Бурлила Италия, неспокойно было в Пруссии и Германии. Получилось так, что в период развития революции свергнутые реакционные правители составили первую в этот период волну эмиграции. Когда же революция пошла на убыль и была подавлена, на Британские острова пошла вторая волна эмигрантов. Это были лидеры революционного движения, замыслы и усилия которых не осуществились.

Дизраэли, отличавшийся богатым воображением и склонный к фантастическим построениям, сформулировал свою собственную концепцию революционного процесса, развивавшегося на Европейском континенте. Он был убежден, что революция в Европе — это продукт деятельности тщательно законспирированных секретных обществ, которые «сейчас, как плотная сеть, покрывают всю Европу». Он считал, что эти общества, «действуя в унисон с широкими народными массами, могут уничтожить существующее общество, как они это сделали в конце прошлого века. Французские беспорядки 1848 г. не были результатом широкого народного движения». Эта концепция выглядит странной не только потому, что она не учитывает главный фактор революций 1789 и 1848 годов, т. е. выступлений широких народных масс. Странная она еще и потому, что Дизраэли хорошо знал историю и специально изучал 1789 год хотя бы для написания неудавшейся поэмы «Революционный эпос».

Дизраэли, не колеблясь, занял отрицательную позицию в отношении революции 1848 года. В марте того же года он пишет сестре Саре, что наступили времена «невиданных ужасов», что «толпа захватила Вену». Через четыре дня после отречения французского короля Дизраэли говорил в палате общин: «Я, не колеблясь, заявляю, что я оплакиваю падение последнего правителя Франции». Когда, увлекшись, он назвал Луи-Филиппа «великим джентльменом, великим человеком», палата, как

свидетельствует стенограмма заседания, встретила это заявление смехом. Человеческая натура сложна, и в этой оценке незадачливого французского короля явно сказывалось доброжелательное отношение короля к Дизраэли, когда он еще был монархом Франции. У Дизраэли была большая слабость к монаршим милостям. После прибытия экс-короля в Англию, где он поселился в Клермоне в довольно скромной обстановке, Дизраэли навестил его, удостоился аудиенции один на один и был свидетелем истерики Луи-Филиппа. Минимум дважды писал Дизраэли об этом эпизоде весьма подробно, подчеркивая, что ему было дозволено поцеловать королевскую руку. В одном из писем встречается явно сочувственный рассказ Дизраэли о том, что Гизо смог снять весьма скромный дом в Пелхэме всего за 20 фунтов в год. Корреспонденция Дизраэли пестрит выражением «огромная катастрофа», что свидетельствует не только о том, как он сам воспринимал революцию 1848 года, но и об отношении к ней официальной Англии.

Интересен в этой связи сюжет «Дизраэли — Меттерних». Письма Дизраэли свидетельствуют, что он более почтительно, даже подобострастно относился к Меттерниху, чем к Луи-Филиппу. Биографы Дизраэли Монипенни и Бакль справедливо объясняют это, казалось бы, странное поведение гордого английского политика: «В действительности это было вполне естественным, что человек, который домогается быть лидером консервативной партии в Англии, чувствует влечение к живому воплощению дела консерватизма на континенте Европы». Знаменательно и многозначительно замечание авторов, что «влечение, кажется, было вполне взаимным». Между английским консерватором и австро-венгерским архиреакционером происходил частый обмен письмами, между ними возникло полное взаимопонимание, несмотря на различие в положении и возрасте. Оба увлекались теоретизированием в области политики, Дизраэли это называл философскими упражнениями на тему политики. Они пришли к общему согласию в том, что нужно бороться против революционной волны, захлестнувшей Европу. Оба политика обсуждали политику Пальмерстона, состоявшую в постоянном вмешательстве в интересах «либерализма» в дела континентальных правительств и их народов. Здесь ясно сквозило недопонимание действий Пальмерстона, направленных объективно к укреплению реакционных тенденций на континенте под эгидой Англии. Возможно, Дизраэли и Меттерних и понимали смысл усилий Пальмерстона, но считали их неосторожными. На поведении Дизраэли, вероятно, сказывалось и то, что он находился в оппозиции к существующему

либеральному правительству и по тактическим соображениям преувеличивал его «либерализм» во внешней политике.

Внешнеполитическая позиция Дизраэли в 1848 г. ярко демонстрирует отношение правящих кругов страны к революции 1848 года. Она лишь подтверждает вывод, к которому позднее пришли истинные революционеры 1848 г. Герой национально-освободительной борьбы в Венгрии Лайош Кошут, оказавшийся впоследствии в эмиграции в Англии, до конца понял, как в действительности относился Лондон к революционным событиям на материке. А. Герцен писал: «…проживши в Лондоне год-другой… Кошут понял, что Англия — плохая союзница в революции». Интересно и другое суждение Кошута, приводимое Герценом. Кошут утверждал, что царь Николай I, подавив венгерскую революцию 1848 года, руководствуясь своими реакционно-самодержавными устремлениями, причинил серьезный потенциальный ущерб России. Акция царя укрепила монархическую Австрию, и она смогла более сильно вредить России в области европейской дипломатии, чем это было бы, если бы революция в Венгрии победила. Это был стратегический просчет.

Внешняя политика Англии в середине XIX в. преследовала совершенно определенные цели. Интересы крупной землевладельческой, буржуазной Англии требовали защиты ее положения и социальных установлений от революционных демократических веяний, шедших с континента. Отсюда борьба против американской революции, Великой Французской и других европейских революций.

По мере роста экономической мощи Англии правящие круги и Бенджамина Дизраэли как их представителя уже не устраивало положение страны как первой державы Европы. Они хотели большего и в общем плане формулировали свои желания. Особенно активизировалась разработка и пропаганда этих замыслов в середине столетия. Всемирная выставка убедительно продемонстрировала это.

В 1851 г. Дизраэли опубликовал книгу «Лорд Джордж Бентинк: политическая биография». Это был не роман, а скорее историческое и политическое жизнеописание деятеля, которому Дизраэли многим обязан, своеобразное публичное выражение признательности. В книге содержится емкая мысль — претензия, выраженная так: «Очень желательно, чтобы народ Англии пришел к определенному заключению относительно условий, на которых правительство Европы или управление Европой могло бы осуществляться». Ссылка на английский народ — это механическая, возможно, даже не осознанная автором демагогия.

В действительности, конечно, имелись в виду власть имущие британцы. Итак, управление Европой — это прерогатива или даже дело Великобритании. Ни много ни мало, обосновывая эту мысль в речах, Дизраэли говорил: «Я убежден, что в решении крупнейших проблем Европы присутствие Англии является самой лучшей гарантией мира». И Дизраэли был далеко не одинок.

Известный поэт А. Теннисон в стихах проводил мысль о том, что энергия пара и машины приведут к окончанию войн, к миру и человечество будет управляться «парламентом людей, всемирной Федерацией». Кто же будет заправлять делами такой Федерации? Нет сомнений, что это должна быть страна, у которой больше всего «энергии пара и машин». Принц-консорт Альберт, супруг королевы Виктории, выступая в резиденции лорд-мэра Лондона за несколько недель до открытия Всемирной выставки, утверждал, что выставка — это «символ грядущего единства человечества». «Мы живем, — продолжал представитель короны, — в период самых чудесных преобразований, которые имеют тенденцию привести к достижению великой цели, на которую указывает вся история, — осуществлению единства человечества». В день открытия выставки самая солидная английская газета «Таймс» писала: «Впервые с момента создания мира все народы собрались со всех частей света и совершили совместный акт».

Суммируя эти планы и владевшие Лондоном настроения, английский историк Томсон писал: «Таково было бодрое, оптимистическое и в известной степени высокомерное настроение 1851 года». Высокомерие — это даже мягко сказано. Но для нас важно, что это настроение господствовало в Англии на протяжении последующих двух десятилетий. Оно пронизывало собой и литературу, и историю, и искусство, и философию, и политику на протяжении всего этого немалого исторического срока, да и в значительной степени по его истечении. Естественно, что внешняя политика страны настойчиво и последовательно стремилась к реализации этого «настроения» в международных отношениях. И только после 1870 г. в Лондоне начали медленно и неохотно приходить к выводу, что настроения 1851 г. следует признать нереальными, что мир изменился и в нем действуют новые силы.

РУСОФОБИЯ В АНГЛИИ

Английская историография единодушна в том, что высшим достижением в государственной деятельности Дизраэли являются его внешнеполитические акции, и именно те, которые связаны с Россией.

В 40-е годы Россия уже вызывала тревогу у Дизраэли, и не у него одного. Вопреки всем сложностям внутреннего развития (самодержавный строй, крепостное право) и козням внешних врагов Россия развивалась, набирала силу, а это означало, что другие страны должны были с нею считаться. Очевидно, старый ее недруг князь Меттерних внушил Дизраэли еще большую настороженность и недоброжелательность к России. После последнего свидания с Меттернихом Дизраэли писал своей приятельнице маркизе Лондондерри, что на континенте «одна Россия развивается и она еще больше разовьется в великой борьбе, которая, вероятно, даже ближе, чем мы можем представить». Это было объяснение укоренившегося в Англии в XIX в. явления, вошедшего в историю под названием русофобии. На фоне этого явления и с учетом его содержания формировалась и проводилась в жизнь внешнеполитическая линия Дизраэли.

Ответить на вопрос, страдал ли сам Дизраэли недугом русофобии, на первый взгляд не просто, так как в летописях его политической жизни можно найти прямо противоположные заявления: в одном случае он как бы объективно относится к России и ее интересам, в другом — солидаризируется с политикой враждебности и конфронтации по отношению к Российскому государству.

Водораздел между этими противоположными позициями можно условно провести по следующему принципу: одна позиция характерна для Дизраэли, когда он находится у власти и делает то, что считает необходимым, а вторая отражается в его выступлениях в качестве лидера оппозиции, задача которого по английской традиции состоит в том, чтобы критиковать действия правительства, с которыми он иногда в душе, может быть, и согласен. Иногда такие выступления могут отражать и нюансы противоречий и борьбы в руководящей верхушке консервативной партии. Итак, в оппозиции — одно, в правительстве — другое. К этому обязывает принятая в Англии и действующая поныне традиция. Она усложняет задачу историка, но все же исследователь имеет возможность установить истинную позицию того или иного деятеля, тщательно сверяя его декларации с его практическими делами.

Дизраэли дает пример такого «разночтения», относящийся к началу 40-х годов. В связи с первой англо-афганской войной, выступая в парламенте, Дизраэли довольно убедительно доказал, что оправдание этой агрессии министром иностранных дел ссылками на «русскую угрозу» явно несостоятельно и что «истинным агрессором был наш (т. е. британский) министр иностранных дел», который занимался «интригами против России».

Примерно в то же время Дизраэли, будучи в Париже, в меморандуме на имя короля Франции излагает план создания под своим руководством партии, которая будет вести политику, «систематически направленную против России». Он входит и в конкретику. Эта партия должна будет подталкивать английского премьер-министра к тому, чтобы он занимал твердую отрицательную позицию «в отношении господина Бруннова». Барон Бруннов был отправлен царем Николаем I послом в Лондон с задачей добиваться радикального улучшения отношений между Россией и Англией. К достижению этой цели и были направлены все «угрожающие» усилия российского посла.

Анализ русофобии диктуется рядом мотивов. Во-первых, это необходимо для понимания внешнеполитической деятельности Дизраэли и его отношения к России. Во-вторых, это достойное сожаления явление оказалось очень живучим и перешло в международные отношения XX в. В-третьих, учет характера этого явления необходим для успешной дипломатической деятельности по налаживанию нормальных отношений между Россией и Англией и в наше время, в канун XXI столетия. В биографии Дизраэли, принадлежащей перу О'Коннора, читаем: «Лорд Биконсфилд хвастает, что он знает английский народ. Исходя из этого знания, он учитывает… старое и глубоко укоренившееся чувство ненависти к России. Он знал, что ненависть к России — это одно из самых глубоко укоренившихся настроений в умах англичан». Учитывая это обстоятельство, О'Коннор замечает, что подобные настроения «не очень льстят здравому смыслу английского общественного мнения, но, к несчастью, они существуют». О'Коннор приходит к выводу, что «лорд Пальмерстон… активно проповедовал ненависть к России и преуспел в этом». И далее автор заключает: «Лорд Биконсфильд также достаточно хорошо знал английский народ, чтобы рассчитывать, что апеллирование к чувствам ненависти, явного пренебрежения… не будет напрасным. Действительно, не существует такого народа, который не поддался бы этим настроениям, если на них играет опытный мастер, да еще при благоприятных обстоятельствах».

К сожалению, нельзя сказать, что русофобия принадлежит прошлому. Американский историк, закончивший в 1949 г. пятнадцатилетнюю специальную работу по исследованию русофобии в Англии, начинает введение к своей книге так: «Немногие проблемы имеют сегодня большую важность, чем установление взаимного доверия и терпимости между Советским Союзом и народами, говорящими на английском языке. Я надеюсь, что данное исследование происхождения и развития на раннем этапе русофобии в Великобритании может хотя бы в небольшой степени содействовать установлению такого взаимопонимания». Американский ученый прав: знание и учет прошлого во всех его положительных и негативных аспектах крайне важны для решения современных проблем в англо-русских отношениях.

Сегодня ряд историков-международников считают проблему русофобии в Англии безусловно актуальной и поэтому занимаются ее исследованием. Упоминавшаяся выше книга Дж. Х. Глисона «Генезис русофобии в Великобритании», изданная в США в 1950-м, а затем в 1972 г., является фундаментальной монографией. Выходящий в США научный журнал «Славик ревью» не обошел своим вниманием данную проблему. В 1985 г. он поместил статью Альберта Резиса «Русофобия и „завещание“ Петра Великого, 1822–1980 гг.». Указанные в заголовке годы означают, что проблема русофобии в том или ином виде давала о себе знать на всем протяжении этого периода. Во время второй мировой войны в Англии и США появилось довольно много книг, как оригинальных, так и переизданий, вышедших в XIX в., относящихся к проблеме русофобии. В нашем отечественном англоведении обращает на себя внимание вышедшая в свет в 1982 г. работа Н. А. Ерофеева «Туманный Альбион». Книга имеет специальный раздел «Русофобия в Англии».

Под русофобией имеется в виду нагнетание враждебности в отношении России в государственной, политической и общественной жизни Англии. Россия в выступлениях министров, членов парламента, общественных деятелей, печати изображалась как крайне агрессивное государство, целью которого является завоевание или подчинение себе иным путем ряда стран Европы, Ближнего Востока, Азии, а по утверждениям некоторых наиболее рьяных русофобов — даже Северной Америки. Некоторые авторы, возражавшие против таких обвинений, замечали иронически, что при перечне объектов предполагаемой российской экспансии забыли упомянуть луну. Наиболее активно пропагандировались «планы» захвата Россией Индии, Ближнего Востока, черноморских проливов. Так создавался, как теперь говорят, образ врага Англии

в лице России.

Стереотип врага относился не только к российскому царизму, его администрации, внешнеполитическим акциям России, хотя эти аспекты и были центральными в принятой схеме. Он включал и оскорбительно-отрицательную характеристику народов России, которые квалифицировались как крайне отсталые, одержимые дикими инстинктами, чуждые цивилизованности и неспособные к ее восприятию вообще.

Английские газеты «Таймс» и «Кроникл» писали, что русские подданные «лишены способности стремиться к политической свободе». Создавался, и, к сожалению, довольно успешно, стереотип народов России, аналогичный тому, который существовал в Древней Греции и Древнем Риме относительно народов, не принадлежавших к коренному греческому и римскому населению и живших за пределами этих стран, — их именовали варварами. В XIX в. для английских русофобов варварами были люди, жившие в пределах Российской империи.

Разумеется, имелись в Англии и люди, не разделявшие или бравшие под сомнение подобные утверждения и неодобрительно относившиеся к антироссийским акциям английского правительства. Однако в периоды подъема фобии они были в меньшинстве.

Глисон говорит, что он употребляет термин «фобия» потому, что в определенные периоды отношения враждебности к России были «превалирующими» в английской политике, а «их интенсивность — такой сильной, что термин „русофобия“ был наиболее подходящим для определения истинного положения». К тому же этот термин «применялся современниками и с тех пор привычно находился в употреблении». Русофобия, выражавшаяся в позициях государственных деятелей, замечает Глисон, может быть интересна для историков, изучающих эту проблему. Что такое русофобия в полном, законченном и крайнем ее выражении? Это состояние, когда у государственных деятелей «неприязнь в отношении иностранной державы наверняка достигает критической точки, после чего она становится настолько всеобъемлющей и сильной, что народ уже готов психологически к войне против этой державы при наличии определенных политических условий».

Когда в середине XVI в. «купец-авантюрист», как таких людей называют в английской историографии, Ричард Ченслер приплыл в Архангельск, это было открытие России для Англии. Полтора столетия связи между двумя странами оставались добрыми и ограничивались торговлей. Затем, по мере развития и усиления России, в Англии начали рассматривать ее как политический

фактор, осложняющий борьбу Англии за доминирующее положение в Европе. Когда же Россия начала искать выходы к морским путям Балтики, а потом и Черного моря, что диктовалось прежде всего ее жизненными экономическими интересами, целью английской политики стало помешать России выйти на берега этих морей. А когда это не получилось, в Лондоне проявили большую заботу о том, чтобы заблокировать русский флот в Балтике и Черном море, не дать ему выйти на широкие морские просторы. При этом английский флот должен был действовать в этих морях. Такова была суть всех сложных дипломатических и иных акций в российско-английских отношениях, которым посвящены многие тома документов и исследований, в которых часто за деревьями читателю трудно увидеть лес. Если к политике применить такой общечеловеческий термин, как справедливость (он чужд международной политике, ибо там все определяется соотношением сил), то достаточно внимательно посмотреть на карту Европы, чтобы сразу же стало ясно, что указанные стремления России следует признать справедливыми и обоснованными.

Установилась своеобразная закономерность — российско-английские отношения развивались волнообразно: за годами нормальных отношений следовали периоды их ухудшения, иногда резкого. Серьезное ухудшение наступило в конце 70-х годов XVIII в. Оно было связано с русско-турецкой войной 1787–1792 гг. В конце XVIII — начале XIX в. под прямой угрозой самому государственному и национальному существованию обеих стран, возникшей со стороны наполеоновской Франции, Россия и Англия сблизились и объединились в военном союзе.

Великий союз ряда стран и народов был сложен и противоречив, но прежде всего усилия России и Англии обеспечили ему конечную победу. Исторический опыт этой великой борьбы многогранен, но обращают на себя внимание следующие особенности.

Во-первых, годы наполеоновских войн показали, что даже самые мудрые и талантливые государственные деятели допускают судьбоносные просчеты. Вряд ли кто-либо будет спорить, что Наполеон был великим полководцем и крупным государственным деятелем. Но он допустил огромный стратегический просчет, когда, собрав «Великую армию», двинулся походом на Россию. Ему удалось дойти до Москвы, занять ее; древняя столица Руси сгорела, но наполеоновская армия была уничтожена целиком, сам император еле унес ноги, и вскоре русские казаки поили коней в Сене. На память они оставили Парижу название «бистро» для небольших закусочных.

Во-вторых, победа союза государств над Наполеоном показывает, что Англия в критические моменты истории одерживает или участвует в одержании победы в последнем сражении великих военных столкновений. Так было на поле Ватерлоо. В-третьих, история возлагает на Россию принесение на алтарь общесоюзной победы самых тяжких жертв. Так было в начале XIX в.; то же повторилось и в двух случаях в первой половине XX в. Не было бы Бородина, не было бы и Ватерлоо. Наконец, в-четвертых, еще одна закономерность: вклад России в общую победу не получает у ее союзников верной, справедливой оценки. Так было в победе антинаполеоновской коалиции, так дважды случалось и позднее.

В Англии есть хорошее правило — член парламента в период, когда палата общин не заседает, может пригласить несколько своих друзей и показать им помещение высшего законодательного органа страны. Обычно осмотр начинают с библиотеки палаты лордов, где на самом видном месте находится стеклянная витрина и в ней оригинал смертного приговора королю Карлу I, подписанный судившими его членами парламента. Затем, прежде чем попасть в зал заседаний палаты общин, посетитель вступает в величественный строгий зал — королевскую галерею. В центре двух довольно длинных стен — две огромные, длиной в 45 футов каждая, картины знаменитого для своего времени художника Даниэля Маклиза. На левой стене — «Смерть Нельсона». Знаменитый адмирал умирает на корабле «Виктория», одержав решающую победу в 1805 г. у Трафальгара над франко-испанским флотом.

Справа — картина «Встреча Веллингтона и Блюхера» в момент победы на поле Ватерлоо.

Картина впечатляет. А. И. Герцен писал: «Я не могу равнодушно пройти мимо гравюры, представляющей встречу Веллингтона с Блюхером в минуту победы под Ватерлоо. Я долго смотрю на нее всякий раз, и всякий раз внутри груди делается холодно и страшно… Эта спокойная британская, не обещающая ничего светлого фигура, и этот седой, свирепо-добродушный немецкий кондотьер. Ирландец на английской службе, человек без отечества — и пруссак, у которого отечество в казармах, приветствуют радостно друг друга». В наше время простой и доброжелательный член парламента, показывая эту картину, скажет: «Вот триумф исторической победы над Наполеоном». Если его спутник сведущ в истории, то он может спросить: «А как же в этом триумфе отражена роль России в победе над Наполеоном?» В ответ высокопоставленный гид улыбнется и молча проследует в зал заседаний.

А в действительности умные люди в правящих кругах

Англии, когда они не размышляли о пропагандистских задачах, отдавали себе отчет в том, что именно огромный вклад России в победу над наполеоновской Францией лежит в основе резко возросшей ее роли в европейских делах. Россия являлась союзницей Англии в смертельной борьбе, но такой исход дела не устраивал высшие английские сферы. Вот в этом и берет начало русофобия. Руководителям Британии импонировало, что Россия внесла огромный вклад в спасение Англии от наполеоновской угрозы, а это означало и то, что была снята угроза французского вторжения на Британские острова. Но они явно желали, чтобы Россия не воспользовалась плодами общей победы. С ней очень хотелось поступить по принципу, сформулированному в свое время великим англичанином Уильямом Шекспиром: «Мавр сделал свое дело, мавр может уйти». Но Россию этот принцип явно не устраивал. В Лондоне это понимали и не на шутку тревожились.

Официальные круги до времени не выдавали открыто своих опасений, но их тревогу выразил некий Роберт Уилсон. Он не был частным лицом. В 1812 г. генерал Уилсон являлся официальным английским представителем при главном штабе русской армии. Когда русские войска преследовали остатки уничтоженной французской армии, английский генерал вместе с русским командованием вступил в Вильно. Здесь он обнаружил огромные залежи французских пропагандистских материалов, в которых обосновывалась «необходимость» вторжения французов в Россию. Наполеон, который «был собственным министром пропаганды», дал указание прессе писать, что «русские — это нация варваров и что их сила основывается на их коварстве». По этому поводу Уилсон, видевший русских в их войне против Наполеона, записал в своем дневнике, что найденные в Вильно материалы свидетельствуют о том, что «Бонапарт увенчал свои просчеты в отношении России разнузданной клеветой в ее адрес».

Прошло совсем немного времени, и английский генерал уже через два года после Ватерлоо начисто забыл, что он писал в 1812 г., и взял на вооружение лживые наполеоновские аргументы, чтобы «раздувать страхи, возникающие в Англии в связи с ростом мощи России», как отмечается в статье в «Славик ревью» в 1985 г. Прямо повторяя наполеоновскую пропаганду, Уилсон писал, что, основываясь на собственном опыте, он может предсказать русское нападение на Индию, захват Константинополя, господство в Центральной Европе, а также все акции правителей Санкт-Петербурга по установлению господства над миром. Уилсон предупреждал, что Англия теперь должна признать, что победа над Францией привела к тому, что она оказалась перед лицом

еще большей угрозы — России. Это было напечатано в 1817 г.

Казалось бы, исходя из хронологии, мы могли бы не уделять внимания Уилсону. К тому же герцог Веллингтон характеризовал его так: «Он очень скользкий парень, у него нет способности говорить правду по любому вопросу». Что верно, то верно. Но приходится говорить об этом английском генерале-провокаторе, потому что «изобретенной Уилсоном концепции суждено было преследовать Англию на протяжении многих поколений, когда люди уже и забыли, как появилась эта концепция». Эти слова принадлежат Алану Палмеру, автору книги, вышедшей в США в 1967 г. «Славик ревью» утверждает, что писания Уилсона — это начало русофобии в Англии: «Антирусская кампания Уилсона показывает, что русофобия вызывает в воображении фантастические образы», что «Уилсон распространял русофобию в Англии».

Уилсон в 1817 г. не мог ссылаться в своих построениях на наполеоновскую пропаганду, которой он следовал, — это была пропаганда вчерашнего врага. Поэтому он опирался на историческую фальшивку — так называемое завещание Петра Великого. Генерал утверждал, что царь Александр «всегда предлагал реализовать указания Петра Великого» и вопрошал: «Неужели и Европа, и Азия, и Америка… не приложат усилий, чтобы сохранить свою независимость?» Хотя подделка широко использовалась, чтобы «питать антирусскую истерию, сомнения относительно ее аутентичности возрастали». На основании анализа этих сомнений и соответствующих фактов американский журнал делает вывод: «Действительно, это был поддельный документ».

И тем не менее концепции, содержавшейся в поддельном документе, не давали заглохнуть. Первая мощная волна русофобии захлестнула страну в начале 30-х годов, когда в 1833 г. в ходе русско-турецкой войны русские войска вышли к проливам и был заключен русско-турецкий договор в Ункяр-Искелеси. В 30-х и 40-х годах волна русофобии в Англии поднималась все выше и выше. Теперь в авангарде русофобов шел публицист и дипломат Дэвид Уркварт. Он писал статьи, выступал на собраниях, а с 1837 г. и в парламенте. В истерических речах он требовал от английского правительства решительной борьбы против «русской опасности», а виконта Пальмерстона, министра иностранных дел, лидера наиболее реакционных элементов партии вигов, называл «русским агентом». Россия и Англия были в тесном союзе в борьбе против Наполеона, но в мирное время сохранить союз не сумели. «Союз трансформировался в соперничество, — пишет Глисон. — Такова была почва, в

которую… Нессельроде, царь, Уркварт и Пальмерстон бросали семена, из которых прорастала русофобия».

В Петербурге, конечно, знали о развитии в Англии враждебных России настроений. В 1838 г., в период конфликта, связанного с «восточным вопросом», царь Николай писал: «Замыслам англичан против нас нет мер, и если исполнение в этом останавливается, то это не от чего иного, как от бессилия нам вредить». Царь был прав, что Лондон вредил России в меру своих реальных сил, но царь не хотел дальнейшего ухудшения русско-английских отношений и тем более войны. Поэтому он направил в Лондон посла Бруннова, способного дипломата, с поручением добиваться улучшения отношений между двумя странами. Бруннов старался как мог. Царь готов был пойти на серьезные уступки Англии, чтобы умиротворить Лондон. Он обещал не возобновлять договора в Ункяр-Искелеси, крайне не нравившегося англичанам, не предпринимать односторонних действий в Турции. В 1843 г. Россия заключила с Англией торговый договор, тоже сделав ряд уступок.

Однако достаточной нормализации отношений не получилось, русофобия не исчезала, и царь Николай решил отправиться в Англию самолично, поговорить с английскими министрами прямо и откровенно и урегулировать спорные вопросы раз и навсегда на основе равной выгоды для обеих сторон. Ему казалось это разумным и справедливым, а раз так, то практичные англичане наверняка пойдут на такую договоренность. Это часто встречающееся у людей, обладающих неограниченной властью, убеждение в результативности личной дипломатии, уверенность в неотразимости их обаяния, прямоты, откровенности и аргументации.

24 мая 1844 г. российский канцлер и министр иностранных дел граф Нессельроде поразил и удивил английского посла в Петербурге Т. А. Блумфильда, сообщив ему, что император Николай 12 часов назад выехал из столицы и направился в Лондон. Для посла это было большой неожиданностью. Правда, в январе на балу в Зимнем дворце Николай между прочим бросил послу, что он хотел бы посетить Англию, где не был с 1817 г., когда провел там некоторое время, будучи наследником престола. Подобный неопределенный разговор состоялся и в Лондоне, когда Бруннов на банкете сказал, что в обозримом будущем царь может посетить Англию. В ответ премьер-министр Пиль предложил тост «за вечную дружбу между Великобританией и Россией». Вообще у государственных деятелей, дипломатов и журналистов в большом ходу слово «вечное». Им как бы невдомек, что в мире нет ничего вечного, что еще древние греки

знали, что все течет и все изменяется в этом непрерывно меняющемся мире. Часто слова о вечной дружбе демонстративно произносятся, когда в действительности дело дрянь. Тост Пиля — яркий пример подобного употребления этого выражения. Но все это были как бы случайные зондажи, за которыми не последовало ни определенных сроков визита, ни согласования программы пребывания царя в Англии, что является обязательной процедурой в подобных случаях.

И вот 24 мая посол Блумфильд слышит, что царь в сопровождении графа Орлова и графа Адлерберга уже на пути в Англию. Николай вел себя подобным «непротокольным» образом умышленно. Ему хотелось приехать в Англию неожиданно для англичан, чтобы они не успели основательно подготовиться к его приему. Возможно, играли роль и соображения безопасности: ведь в Англии было много эмигрантов-поляков, крайне озлобленных против царя. Николай рассчитал, что у Блумфильда нет практической возможности сообщить о его приезде в Лондон до появления его там. Со своей стороны Николай направил курьера к Бруннову, который должен был прибыть на место не раньше и не позже 30 мая. Курьер вез сообщение, что император высадится в Вулвиче в субботу 1 июня. Таким образом, англичанам предоставлялось 48 часов на приготовления и размышления.

Николай пожелал нанести визит инкогнито. Для всех он был граф Орлов, и только королева, ее ближайшие министры и Бруннов знали, кто скрывается под этим именем. Бруннов, опытный служака, прибыл в Вулвич 31 мая на случай, если царь что-либо изменит и его, посла, может не оказаться при встрече. Но Николай действительно сошел на английский берег с датского парохода ночью 1 июня. Тут же подали карету, и через час он уже был в Лондоне.

Королева распорядилась приготовить для высокого гостя апартаменты в Букингемском дворце, но Николай поехал в русское посольство, где и остановился. Когда он устроился, было уже далеко за полночь, но он потребовал перо и бумагу и написал письмо принцу-консорту, супругу Виктории, с просьбой сообщить, когда королева примет его, причем, чем раньше, тем лучше. Письмо подлежало вручению немедленно, и Альберта пришлось будить практически ночью. Для англичан это выглядело «как необдуманный и грубый поступок». Только после этого император решил отдохнуть.

Бруннов приготовил для царя роскошные апартаменты, но Николай, подчеркивая, что он ведет спартанский образ жизни, заявил, что он будет спать на кожаном матрасе, набитом

соломой. Он возил этот тюфяк во всех путешествиях. Каково было удивление слуг в резиденции, а затем в Виндзоре, когда он переехал в замок, где пребывала Виктория, и продолжал там спать на соломенном матрасе.

На следующий день Николай встретился с принцем-консортом в посольстве и отправился на ленч к королеве в Букингемский дворец. Условились, что он будет жить в Виндзоре. 3 июня, до отъезда в Виндзор, царь со свитой направился на Бонд-стрит и в известной ювелирной фирме «Мортимер и Хант» заказал бриллианты и драгоценности на 5000 фунтов. Затем побывал в зоопарке.

Николай, конечно, знал, что в Англии он пользуется репутацией царя-самодержца, подавляющего любые демократические тенденции не только у себя в стране, но и, где можно, за ее пределами. На его счету было подавление восстания декабристов с последовавшими массовыми репрессиями, подавление восстания в Польше в 1830–1831 гг. и революции 1848 года в Венгрии. Поэтому царь старался держать себя демократично, был, за одним исключением, в штатском костюме, посещал места, где присутствовало много людей, с которыми он стремился запросто общаться. Он дважды присутствовал на скачках в Аскоте: один раз с принцем Альбертом, второй — с королевой. Он активно общался с участниками заездов в загоне для лошадей и произвел сильное впечатление на жокеев, заявив, что будет давать 300 гиней ежегодно, пока царствует, на особый приз на скачках в Аскоте. Николай дал деньги на завершение работ по сооружению мемориала адмирала Нельсона и на памятник Веллингтону. В наши дни никто из туристов и англичан, посещающих Трафальгарскую площадь, не знает, что мемориал частично сооружен на русские деньги.

Герцог Девонширский организовал на своей вилле эффектный праздник в честь русского царя. Присутствовала масса людей, конечно, все — знать. Один историк в 1975 г. писал, что «Николай двигался среди гостей с дружеским, открытым видом, и это во многом увеличивало его популярность среди тех, с кем он встречался». А. И. Герцен заметил, что и в начале 60-х годов аристократические «старушки вспоминали атлетические формы императора Николая, победившего лондонских дам всего больше своими обтянутыми лосинами — белыми, как русский снег, кавалергардскими облегающими панталонами». Да, он сумел улучшить отношение к себе своим открытым, «демократическим» поведением, широко общаясь с народом, если под народом понимать английскую знать. Его поведение свидетельствует, что он учитывал нравы и порядки страны, в которую приехал, где

были свои демократические традиции, отсутствовавшие в тогдашней России.

25-летняя Виктория встретила Николая с недобрым чувством, но, конечно, не показала этого. И на настроения двора воздействовала русофобия. Подчеркивается, что королева вначале относилась «крайне отрицательно к визиту», но затем «на нее произвели сильное впечатление достоинство, любезность и такт императора». В письме своему дяде в Бельгию Виктория рисовала портрет Николая: «Он безусловно поразительный человек. Все еще очень привлекателен. Его профиль красив. Его манеры в высшей степени достойны и изящны… он весь внимание и вежливость… Он человек, с которым очень легко установить контакт и общаться…» Но «он редко улыбается, а когда улыбается, то выражение лица не становится счастливым… Выражение его глаз страшное».

Английские министры и двор опасались неприятных инцидентов или даже попыток покушения на царя. Но все обошлось. За 8 дней пребывания царя в Англии только однажды, когда он был на скачках с Викторией, там состоялась антирусская демонстрация. Сведения о ней скудные, но есть данные, что на поднятых лозунгах Николая клеймили как тирана, превосходящего даже Калигулу и Нерона. Собравшаяся в Аскоте публика была специфической и не поддержала демонстрантов. Но протестующие в тот же день провели митинг в Холборне, на котором собралось, как сообщала «Таймс», около 1200 человек.

Протокольные мероприятия, хотя Николай и придал им политическое значение, были не главной целью его визита. Он был намерен устранить главное противоречие в русско-английских отношениях, договорившись с английскими министрами и о совместных действиях в Турции на случай, если этот «больной человек Европы скончается». По мнению царя, кончина должна была наступить очень скоро. В этом случае русская и австрийская армии, а также английский военный флот должны собраться в районе проливов. Царь знал о нараставших англо-французских противоречиях из-за Египта и предлагал исключить Францию из намеченной сделки. «Я очень высоко ценю Англию, — говорил он, — и меня совершенно не интересует, что скажут обо мне французы; плевать я на это хотел».

Николай стремился договориться с англичанами по «восточному вопросу», говорил предельно откровенно, полагал, что поскольку он предлагает равный учет интересов обеих стран, то это справедливо и должно устроить английскую сторону. Ему нужно было обязывающее соглашение по этому вопросу. Английские деятели вели с ним беседы таким образом, что у него

сложилось впечатление, что с ним соглашаются. Идя напрямую, Николай выболтал все основные положения своей политики.

Нессельроде подготовил меморандум, суммирующий ход переговоров, англичане прочли и сказали: «Все верно». Николай был очень доволен результатами своей прямой дипломатии на высшем уровне. Он считал, что с англичанами достигнуто нужное ему соглашение. Но англичане, тоже вполне довольные беседами с царем, болтливость которого многое им прояснила, не считали, что стороны договорились о чем-то определенном. Их не устраивал равный учет интересов обеих сторон: с российскими интересами они считаться не желали. У них были свои далеко идущие планы явно экспансионистского характера. Экспансионизм был не чужд, конечно, и политике России. Журнал «Хистори тудэй» так суммировал итоги дипломатии Николая: «Николай и его советники, очевидно, рассматривали переговоры, состоявшиеся в начале июня 1844 г., как официальное формулирование политики, тогда как англичане считали их просто обменом мнениями по вопросу, представляющему взаимный интерес, и не полагали, что эти переговоры их каким-либо образом к чему-либо официально обязывают». Однажды было замечено, что у дипломатических документов и религиозных догм есть одна общая черта: и те, и другие допускают минимум два различных толкования. В отношении меморандума Нессельроде это, безусловно, верно. И не только в отношении этого документа.

У. Брюс Линкольн в американском журнале в 1975 г. писал, что Николая в Лондоне постигла неудача и что его визит фактически «заложил основу для будущих конфликтов». С этим согласуется оценка Ф. Ф. Мартенса, полагавшего, что итоги визита были отрицательными, что царь без нужды раскрыл свои карты перед англичанами и тем самым предупредил их о направлении своей политики. По мнению Мартенса, «Крымская война явилась неизбежным последствием такой опасной откровенности». Все это лишний раз продемонстрировало, что дипломатия — это наука и искусство. Как видим, высокое положение, даже императорское, не может служить заменой профессионализма в дипломатической деятельности.

Николай наряду с прочим, отправляясь в Англию, преследовал цель устранить причины развития русофобии в этой стране. Конечно, те или иные военные или внешнеполитические действия России могли служить основанием для недовольства Лондона, и русский царь пытался их обсудить и урегулировать, если потребуется, и за счет уступок со стороны России. Но это было бы регулирование конкретных вопросов для конкретного

времени, и вскоре аналогичные проблемы возникали бы вновь. Чтобы этого не случилось, нужна была не только сдержанность в действиях России, но и радикальное изменение английского мышления по русскому вопросу, нужно было, чтобы английские правящие круги признали объективный факт существования России как сильной державы в XIX в. и были готовы не на словах, а на деле признать ее соответствующую роль в международных отношениях. На это идти они не собирались. Реально взглянуть на вещи им мешал гипноз промышленной и торговой гегемонии Англии и ее господствующее положение на морях и океанах. Факторы безусловно преходящие, но в Лондоне их считали чуть ли не вечными.

Вопреки мнению о недостатке архивных материалов для исторических исследований следует сказать, что раздел внешней политики обеспечен такими материалами в изобилии, хотя иногда и отсутствуют документы по некоторым конкретным вопросам, что не мешает воссозданию верной общей картины. С. М. Соловьев, русский историк XIX в., популярный и ценимый в нашей стране в конце XX в., уделял особое внимание истории внешней политики России и ее отношениям со странами Запада, и, разумеется, с Англией. Через горы архивных документов, документальных публикаций, различных научных и иных изданий Соловьев пришел к следующему резюме проблемы: «Западные народы, западные историки, при вкоренившемся у них предрассудке об исключительном господстве в новой истории германского племени, при очень понятном страхе потерять монополию исторической деятельности, при трудности, невозможности спокойно и беспристрастно изучить Россию, ее настоящее и прошедшее, не могут оценить по достоинству всемирно-исторического значения явлений, происшедших в Восточной Европе в первую четверть XVIII в. Несмотря на то, однако, они принуждены обращаться к результатам этих явлений, т. е. к решительному влиянию России на судьбы Европы, на судьбы, следовательно, всего мира, и в России должны признать представительницу славянского племени, чем и уничтожается монополия племени германского. Отсюда весь гнев, отсюда стремление умалить значение и славянского племени, и русского народа, внушить страх перед честолюбием нового деятеля, перед грозою, которая собирается с Востока над цивилизациею Запада. Но эти нелюбезные отношения Запада и представителей его науки к России всего лучше показывают нам ее значение и вместе значение деятельности Петра, виновника соединения обеих половин Европы в общей деятельности».[6]

Русофобия на Западе вызывала возмущение в общественном

мнении России. Русские люди особенно остро реагировали на это негативное явление, потому что русофобия развернулась вскоре после разгрома империи Наполеона, за победу над которым Россия уплатила большой кровью и тяжкими материальными жертвами. Великий Пушкин отразил эти настроения в русском обществе, написав стихи «Клеветникам России», в которых есть такие строки:

…И ненавидите вы нас…
За что ж? ответствуйте: за то ли,
Что на развалинах пылающей Москвы
Мы не признали наглой воли
Того, под кем дрожали вы?
За то ль, что в бездну повалили
Мы тяготеющий над царствами кумир
И нашей кровью искупили
Европы вольность, честь и мир?

Мы сегодня не примем «племенную» терминологию Соловьева, не согласимся и с противопоставлением одних племен, т. е. народов, другим. Все они должны жить в единой Европе, сосуществуя на незыблемом принципе строгого равенства и взаимного уважения к интересам друг друга. Но корни русофобии, которую Соловьев любезно именует «нелюбезными отношениями», он вскрыл верно. Он говорит о явлениях первой четверти XVIII в., но его анализ проливает больший свет на «явления XIX в.», ибо в это время мощь России возросла еще больше. Мысли Соловьева имеют долговременное значение. Их следует иметь в виду и историкам, и политикам; так действительно было.

Во время пребывания Николая в Лондоне Дизраэли с царем не встречался, но он, конечно, внимательно следил за визитом как за важным событием. Когда визит отошел в прошлое и постепенно русофобия опять начала набирать силу, Николая стали в прессе и в парламенте называть «современным Атиллой, предводителем гуннов». Дизраэли выступил со своей оценкой русского царя, прозвучавшей диссонансом. Пресса, отражая в данном случае мнение министров, требовала «остановить царя». Дизраэли соглашался с этим, но отказывался считать его гунном. В 1849 г., выступая в парламенте, Дизраэли говорил о Николае как о правителе «с сильным интеллектом, который в общем использовал свою власть с должным учетом своего долга; он шел впереди народа, которым управлял». Принимая во внимание все обстоятельства, следует прийти к выводу, что в этом выступлении

над стремлением оппозиционного лидера возражать министрам кабинета все-таки превалирует действительное мнение Дизраэли о царе Николае.

И В ОППОЗИЦИИ, И В ПРАВИТЕЛЬСТВЕ

22 февраля 1849 г. Дизраэли писал сестре: «После тяжелой и длительной борьбы я наконец полновластный лидер». Это не совсем точно. Полновластный лидер консерваторов в палате общин — да, но не в целом, так как лидером в палате лордов оставался Стэнли, являвшийся главой всей партии тори. Дизраэли был вторым человеком в партии после Стэнли и все свои принципиальные действия должен был с ним согласовывать. Он мог спорить с ним, приводить аргументы в пользу своей позиции, но не мог позволить себе обострения отношений, разрыва со Стэнли, потому что это неминуемо означало бы политическую гибель Дизраэли. Ситуация осложнялась тем, что политическое положение в парламенте и в стране было запутанным и лидерам тори необходимо было повседневно определять позицию партии по самым различным, часто неожиданно возникавшим проблемам.

От отношений со Стэнли зависела дальнейшая карьера Дизраэли, а поддержание этих отношений в необходимом для него состоянии было делом далеко не простым. Уж слишком разными людьми они были! Эдвард Стэнли, унаследовавший после смерти отца титул графа Дерби, занимал очень высокое положение в социальной системе Англии. Графы Дерби по богатству, влиянию в стране, по невидимой, но реальной котировке шли непосредственно за герцогами королевской крови. К тому же представители семейства были зачастую людьми умными, талантливыми; к таким и принадлежал Эдвард Стэнли. Герцоги и маркизы превосходили его по рангу, некоторые из них, хотя и немногие, были побогаче, но по положению они явно не могли тягаться со Стэнли. Авторитет его дополняло всеобщее и, пожалуй, достаточно обоснованное мнение о том, что он обладал сильным умом и был прекрасным оратором. Как это часто бывало и все еще бывает в Англии, он однажды переменил свою веру — начинал в партии вигов, а затем перешел в стан тори. Когда он был вигом, его уже прочили в преемники премьер-министра Грея; после перехода к тори стали поговаривать, что он унаследует кресло премьер-министра после Пиля.

Стэнли не был карьеристом и не особенно активно добивался власти. Да и зачем? Он знал, что члену его семьи власть полагается по рождению, и поэтому готов был принять ее спокойно, когда в этом возникнет необходимость. Он представлял собой лидера того классического типа, каким он рисовался воображению правящих кругов и большинства грамотных

англичан, интересующихся политикой. Стэнли был активным спортсменом, любил охотиться, ездить верхом и, конечно, скачки. Его справедливо считали покровителем ипподрома, хотя, как и лорд Бентинк, он не смог реализовать свою мечту на скачках, т. е. выиграть главнейший приз, носящий его семейное имя Дерби. Следует отметить, что в отличие от подавляющего большинства английских спортсменов-аристократов Стэнли был хорошо образованным, интеллигентным человеком. Он любил и хорошо знал классическую литературу. Его талантливому перу принадлежит добротный стихотворный перевод на английский язык «Илиады» — эпической поэмы, приписываемой Гомеру. Такая образованность и интеллектуальность — большие и важные достоинства для государственного деятеля.

Общественная мощь Стэнли, его аристократизм — не наигранный, а реальный, — самостоятельность и независимость тяжко давили на Дизраэли. Было ясно, что тягаться со Стэнли ему не под силу. Со своей стороны Стэнли, как умный политик, понимал, что Дизраэли нужен консерваторам, отсюда и его отношение к младшему партнеру. Стэнли внимательно и уважительно прислушивался к мнению Дизраэли, был вполне вежлив с ним, как это и положено крупному интеллигентному деятелю, но держал его на расстоянии вытянутой руки, не пытаясь навести мосты через разделявшую их социальную пропасть, более того — последовательно сохраняя дистанцию между ними. Дизраэли, конечно, понимал характер их отношений и все же стремился к сближению с шефом, к установлению с ним доверительных отношений. Стэнли удостоил Дизраэли приглашения в свою резиденцию Ноусли лишь в конце 1853 г. Со своей стороны Дизраэли очень хотел, чтобы Стэнли побывал у него в Хьюэндине, но это желание так и не было исполнено. Ко всему прочему Стэнли не импонировала присущая Дизраэли манера держаться.

И все же почти 22 года оба политика сотрудничали, действовали вместе, ибо Стэнли было сложно обойтись без Дизраэли, а последний совершенно не мог действовать без поддержки Стэнли. Трудные это были годы для Дизраэли: бесконечное ожидание высшего поста, необходимость приручения партии и завоевания ее доверия и вечное опасение, как бы ни подорваться на какой-либо из многочисленных политических мин и тем самым раз и навсегда погубить карьеру. Недругов у Дизраэли было в избытке, и они не упускали случая подкладывать такие мины.

В этих условиях большой моральной опорой для Дизраэли были дружеские отношения с лордом Бентинком. И вот 21

сентября 1848 г. неприятная неожиданность: лорд Бентинк скончался. В этот день он вышел из загородного дома своего отца Уилбек, чтобы навестить жившего в пяти милях соседа-друга, у которого он намеревался погостить пару дней. Путь пролегал через лес, и прогулка обещала быть приятной. Гостя ожидали, а не дождавшись, начали поиски. Нашли его лежащим ничком в миле от Уилбека. Бентинк скончался от инфаркта.

Дизраэли тяжело переживал утрату друга. Он писал в одном из писем, что это «невосполнимая потеря для любого времени, но она особенно тяжела в период возрождения, через который мы сейчас проходим». И Дизраэли решает написать книгу о своем друге. Осенью 1850 г. он приступил к жизнеописанию лорда Джорджа Бентинка. При его занятости это было делом далеко не легким, Семейство Бентинка хорошо знало литературные данные Дизраэли и хотело, чтобы именно он написал эту книгу. Глава рода герцог Портленд прислал Дизраэли два огромных сундука с бумагами, относящимися к жизни и деятельности лорда Джорджа. Особенно напряженно Дизраэли работал осенью 1850 г. 7 декабря он с огромным удовлетворением писал: «Я закончил последнюю фразу последней главы сегодня вечером. Никогда в своей жизни я не испытывал большего облегчения. На протяжении всей осени у меня не было ни одной свободной минуты». Получилась интересная, ценная книга. Дизраэли сконцентрировал основное внимание не столько на деталях личной жизни своего героя, сколько на его политической деятельности и обстановке, в которой она протекала. Критики поэтому утверждали, что книга о Бентинке не столько биография, сколько история эпохи. В их глазах это было отрицательной оценкой, но, с точки зрения историков, именно в этом достоинство произведения.

В свое время в романе «Контарини Флеминг» Дизраэли высказал на первый взгляд спорное суждение: «Не читайте книг по истории, ничего не читайте, кроме биографий, ибо в них показана реальная жизнь без каких-либо теорий». Своей работой о Бентинке Дизраэли продемонстрировал значение биографий для понимания исторического процесса. Если он и не был основоположником жанра политической биографии (этот вопрос требует дополнительного изучения), то, бесспорно, внес заметный вклад в литературу этого жанра.

Однако, как и некоторые другие книги Дизраэли, политическая биография Бентинка содержала недостаточно продуманные положения, которые впоследствии использовались противниками автора для причинения ему морального ущерба. Во-первых, пассаж Дизраэли об отмене работорговли, без

которого книга о Бентинке вполне могла бы обойтись. Работорговля — это острый вопрос для английской политики ряда столетий. Еще в англосаксонские времена Бристоль был процветающим центром работорговли между Англией и Ирландией. Затем с XVI по XIX в. английская торговля рабами широко развернулась путем захвата рабов в Африке и доставки их в Америку. Бристоль, Ливерпуль и ряд других городов преуспевали в этом бизнесе. Но человечество продвигалось по трудному пути к прогрессу, цивилизованности, гуманизму, и весьма прибыльный работорговый бизнес приходил в прямое противоречие с этой тенденцией. Великая Французская революция явилась мощным стимулом в борьбе против работорговли, квакеры в Англии выступили против этого варварства с религиозно-гуманистических позиций, но она в различных формах продолжалась по другую сторону Атлантики до 70-х годов XIX в.

И вот на этом историческом и политическом фоне Дизраэли в книге о лорде Бентинке пишет, казалось бы, невероятные вещи: «Движение средних классов за отмену рабства было целомудренным, но немудрым». И далее: «История отмены рабства англичанами и последствия этой акции представляют собой повесть невежества, несправедливости, ошибочности, расточительства и разрушительности, найти аналогию которой в истории человечества нелегко». Мотивы, которыми Дизраэли руководствовался при этом, загадочны. Эгоистические соображения отсутствовали: его семья и предки, насколько известно, с работорговым бизнесом не были связаны. Как можно предполагать, Дизраэли исходил из того, что наряду с классом господ-аристократов естественно существование и класса работников. Наконец, возможно, он считал, что рабство и в XIX в. было бы выгодно для Англии, но это явно не делает чести его способности чувствовать время и меняющиеся условия в мире.

Во-вторых, рассказывая о борьбе Бентинка за те или иные цели партии тори (протекционизм здесь, конечно, на первом месте), Дизраэли почти полностью игнорирует роль в этой борьбе Стэнли — главы партии, стоявшего в партийной иерархии выше и Бентинка, и Дизраэли. Эти важные тактические промахи, допущенные Дизраэли в книге о Бентинке, отрицательно сказались на его продвижении к власти.

В палате общин Дизраэли действовал в основном по двум главным направлениям: он обеспечивал постепенный переход его партии на платформу свободной торговли, что означало отказ от священной доктрины протекционизма, и внимательно следил за внешней политикой либерального правительства, регулярно

критикуя ее. Это приходилось проделывать таким образом, чтобы в конечном итоге обеспечить объединение обеих частей консервативной партии в единую мощную силу, способную оспаривать власть у вигов и создать, когда будут благоприятные условия, устойчивое консервативное правительство.

Решение этой многоплановой задачи осложнялось для Дизраэли тем, что у него не было единства взглядов и необходимого тесного сотрудничества с главным лидером тори — Стэнли, к чему прибавлялось и скептическое, недоброжелательное (на данном этапе) отношение со стороны королевы Виктории. Дизраэли отдавал себе отчет в трудности стоявших перед ним задач, и это лишь стимулировало его решимость и энергию. Он работал, работал, работал. На его стороне были огромная воля и работоспособность, умение гибко маневрировать и балансировать между отдельными партиями и политическими силами, уверенность в себе, означавшая, что он никогда не примирялся с мыслью, что его дело может быть проиграно, наконец, у него была довольно четкая, выработанная годами политическая программа.

Как лидер консерваторов Дизраэли ставил перед собой вопрос: что же следует консервировать? В письме своему шефу Дерби он утверждал, что главная задача лидера консервативной партии в том, чтобы «поддерживать, сохранять аристократические порядки в нашей стране. Это единственный вопрос, который поставлен на карту, как бы ни были многообразны формы, которые он принимает…». В этой связи Роберт Блэйк пишет: «Это утверждение — ключ к политике Дизраэли, которой он следовал на протяжении всей оставшейся жизни». Можно утверждать, что это ключ и к политике консервативной партии Англии, которая проводилась ею на протяжении полутора столетий после того, как Дизраэли ее сформулировал.

Действия консервативной оппозиции в палате общин все больше и больше осуществлялись под доминирующим и направляющим воздействием Дизраэли. Но от него это требовало большого напряжения сил. Он должен был хорошо знать и суть, и детали всех обсуждавшихся проблем, а их было немало. Нужно было постоянно быть начеку, мгновенно оценивать ситуацию и формулировать свою позицию по важным вопросам, затем организовывать соответствующие выступления с консервативных скамей или выступать самому. Дизраэли ко всему этому относился очень серьезно. Бересфорд, несколько дней гостивший в Хьюэндине, говорил Стэнли, что «Дизраэли ведет очень спокойную жизнь и работает очень много. Он читает все „Синие книги“…». («Синие книги» — это толстые, многостраничные тома,

подготовленные различными комитетами по наиболее сложным проблемам, находившимся в сфере внимания парламента. Сегодня историки-англоведы тратят многие месяцы на изучение этих материалов по интересующему их вопросу. Это очень ценный источник. А Дизраэли нужно было знать их все, знать досконально (как могут повернуться прения, было трудно предвидеть), усваивать материал быстро и точно, с тем чтобы создать у членов палаты общин впечатление, что его знания намного обширнее, чем они были в действительности. И у Дизраэли это получалось. Оппозиция в палате общин целиком зависела от его интеллекта, знаний и организационных усилий.

В области внутренней политики в ближайшие 4–5 лет после того, как он стал лидером консерваторов в палате общин, для Дизраэли главным оставался вопрос о протекционизме. Положение было крайне сложным. Дизраэли, Бентинк и другие взорвали Пиля потому, что он отказался от протекционизма в пользу фритреда. Как твердокаменный протекционист, Дизраэли стал лидером протекционистов-консерваторов, составлявших большинство партии. Последовательным протекционистом являлся его шеф Стэнли. И при таких обстоятельствах Дизраэли начал колебаться в этом вопросе и все больше и больше убеждаться, что отказ от протекционизма был правилен. А раз так, нужно было убедить в этом возглавляемую им часть партии тори.

Колебания Дизраэли и его измену тому принципу, на котором он сделал карьеру, быстро заметили его соратники. Если не вслух, то про себя они, безусловно, задавали вопрос: как же обстоит дело у Дизраэли с постоянством взглядов, с верностью провозглашаемым принципам? И несмотря на беспринципность английской политической жизни, этот вопрос был весьма неприятен и даже опасен для Дизраэли. Правила игры требовали соблюдения хотя бы внешне определенных «приличий» в политике.

Историки спорят: был ли искренен Дизраэли, с пеной у рта отстаивавший протекционизм в момент, когда велась борьба против Пиля? Высказывается мнение, что Дизраэли — «непревзойденный актер». Он настолько входил в роль, что начинал сам верить в то, что говорил по ходу представления. И Блэйк заключает: «Нет оснований сомневаться, что в то время он искренне верил в то, что говорил». Это очень сложное психологическое построение, и оно вряд ли содержит ответ на вопрос, который занимал современников.

Важно другое — что на деле предпринимал Дизраэли в сфере экономической политики. Стэнли, прекрасно знавший Дизраэли,

утверждал, что тот никогда не относился к протекционизму как к «священной догме». Уже парламентская сессия 1849 г. показала, что приверженность партии тори протекционизму не ведет ни к чему хорошему и что целесообразнее сосредоточиться на альтернативной политике, т. е. на фритреде.

На протяжении ряда лет отношение к протекционизму и фритреду в руководящих кругах партии оставалось сложным и противоречивым. Не в унисон действовали и оба лидера — Стэнли и Дизраэли. Накануне парламентских выборов 1852 года Дизраэли выступил с программной речью в своем избирательном округе. Эта речь воспринималась как избирательный манифест всей партии тори. По традиции Дерби, который уже заседал в палате лордов, не мог выступить с такой речью. Ее надлежало произнести лидеру партии, действующему в палате общин. Основные формулировки речи были продиктованы Дерби. Они были довольно обтекаемы и неопределенны. Однако из текста речи видно, что Дерби уже не нажимал на принцип протекционизма. В виде уступки землевладельцам партия обещала (это была идея Дизраэли) «учет их интересов» путем «существенного облегчения налогового бремени».

Предвыборный манифест консерваторов, излагавший мысли не только Дерби, но и Дизраэли, знаменателен обтекаемой позицией в отношении протекционизма. Документ был достаточно емким. Он содержал формулу «принципов консервативного прогресса», которые предусматривали «поддержание (читай: расширение. — *В. Т.*) колониальной империи, изучение вопроса о парламентской реформе, которую надлежало осуществить в духе наших народных, хотя и недемократических институтов, и обеспечение того, чтобы английская монархия и в дальнейшем оставалась протестантской».

К началу 50-х годов длительное, сложное и опасное для Дизраэли маневрирование с целью убедить партию в том, что протекционизм, пользуясь его более поздним выражением, — это «безнадежное дело», дало положительные результаты. Это был его безусловный успех. Но он был достигнут большой ценой. Сомнения в политической принципиальности и надежности Дизраэли получили реальное и убедительное подтверждение. Ущерб для репутации политика, стремящегося к власти, был существенным.

В парламенте обсуждался ряд законопроектов по социальным проблемам, которые вносило правительство либералов, стремившееся сделать некоторые поблажки трудящимся, с тем чтобы предотвратить их революционизирование и заручиться их

поддержкой. Дизраэли знал о тяжелом положении рабочих, о чем свидетельствовал его роман «Сибил», и искренне считал целесообразным введение некоторых облегчений. Так, он высказался в поддержку законопроекта об ограничении рабочего дня десятью часами. Когда правительство под нажимом предпринимательских интересов выступило с идеей несколько увеличить рабочее время, Дизраэли энергично, хотя и безрезультатно, протестовал.

Дизраэли был живым человеком, и ничто человеческое ему было не чуждо, включая и негативные стороны человеческой натуры. Так, он мог в нарушение исповедуемых им высоких принципов поддержать эгоистические интересы своих друзей. Вот конкретный пример такой беспринципности. В романе «Сибил» Дизраэли с явным сочувствием к шахтерам нарисовал тягчайшие условия их труда на угольных шахтах и жизни в шахтерских поселках. Его возмущение было безусловно искренним. И когда в парламенте был поставлен вопрос о необходимости улучшения условий труда и жизни углекопов, казалось бы, Дизраэли должен был энергично включиться в борьбу за принятие соответствующего закона и развернуть в полную силу свой талант оратора и полемиста. Но этого не произошло. Личные отношения возобладали, и Дизраэли принес им в жертву свои принципы и убеждения.

Дело было в том, что законопроект предусматривал инспектирование угольных шахт, а одним из самых крупных шахтовладельцев был маркиз Лондондерри. Законопроект его категорически не устраивал, и он начал против него борьбу. Дизраэли занял позицию на стороне Лондондерри и других шахтовладельцев. Поступил он так потому, что у него были тесные дружеские, хотя и платонические связи с женой маркиза Френсис Анной Лондондерри, которую Блэйк определяет как «гнусную, отвратительную и властную личность». Явно по ее требованию Дизраэли выступил против предлагавшейся гуманной меры, которая должна быть хоть в какой-то степени облегчить тяжкую судьбу углекопов. Учитывая сложные мотивы, определяющие поведение человека, можно понять действия Дизраэли, но они не делают ему чести.

Семья Лондондерри была баснословно богата. Дизраэли описывал, как однажды он был приглашен на «грандиозный утренний прием» в Роузбэнк, загородный дом леди Лондондерри, расположенный на берегу Темзы. «Чтобы сделать романтическую простоту полностью совершенной, леди Лондондерри организовала чай в колоссальной оранжерее, причем чай подавался в чайниках и чашках из чистого золота», —

рассказывал Дизраэли. Он не только выступал в палате общин объективно в защиту интересов этой семьи, приверженной к «романтической простоте», но и поддерживал с маркизой долгое время активную переписку. Его длинные письма к ней представляют интерес как для биографа, так и для историка.

Ссылка на империю в избирательном манифесте тори, с которым выступил Дизраэли, была не случайной. По мере роста его влияния он все больше и больше интересовался имперскими и внешнеполитическими проблемами. В этом плане следует рассматривать и его неожиданное предложение, которое он сделал Стэнли в конце 1849 г., хотя оно в известной степени диктовалось соображениями межпартийной борьбы. Дизраэли предложил установить порядок, предусматривающий в палате общин дополнительно 30 мест для депутатов, направляемых английскими колониями. «Если бы это оказалось возможным, то это был бы огромный вклад, существенно укрепивший позиции консервативной партии», — писал Дизраэли. Это, конечно, был более широкий замысел: Дизраэли имел в виду укрепление единства империи. Вероятно, его не смущало то обстоятельство, что реализация этого замысла превратила бы парламент Великобритании в парламент Британской империи, роль которого и положение в нем были трудно предсказуемы. Дизраэли утверждал, что реализация этой идеи «расширит базу нашей партии и вызовет волну дополнительных симпатий к ней».

Стэнли подошел к предложению более основательно и спокойно, чем его автор. 11 января 1851 г. он написал Дизраэли длинное письмо, в котором подробно проанализировал выдвинутую идею. Он спрашивал, кто в колониях будет выбирать депутатов в общеимперский парламент — те же избиратели, что выбирают в местные представительные органы? «Где гарантия, что мы не пойдем при этом на огромный риск? Что представители колоний не окажутся проникнуты демократическим духом, который всегда так силен в колониях и который мы так стремимся обуздать, а не поощрять?» Идея довольно долго обсуждалась и в конце концов была отвергнута, как не имеющая практической ценности.

Стэнли, представляя оппозицию, стремился к тому, чтобы вносимые от имени консерваторов предложения и идеи не содержали четкой конкретики, а носили общий и зачастую обтекаемый характер. Это было верно, так как, когда партия окажется у власти, неизвестно, как сложится обстановка, а правительству всегда полезно иметь свободу маневра. Эта традиция, возникшая давно, живет и поныне.

То было время, когда многие важные дела обсуждались и

решались не по телефону, а путем переписки. Письма тех лет весьма многочисленны и подробны. Бумаге почему-то не боялись доверять самые секретные замыслы и мысли. Для сегодняшних историков это очень хорошо. То же было и в отношениях между Дизраэли и Стэнли. Далеко не всегда Стэнли соглашался с мнением Дизраэли. У последнего было много оригинальных идей, но их практическая сторона была зачастую слабой. Сказывалось то, что у него еще не было опыта работы в правительстве и проведения своих предложений через парламент. А у Стэнли такой опыт был. Он обладал спокойным, глубоким аналитическим умом и государственным опытом. Это был хорошо образованный, эрудированный человек. В университете он получал премии за сочинения на латинском языке. В этом он сближался с Дизраэли. Но в конкретных вопросах Дизраэли часто руководствовался воображением и интуицией, тогда как Стэнли прочно стоял на основе жизненного и государственного опыта. Это был мудрый прагматизм. Неудивительно, что оба государственных деятеля часто расходились относительно того, что конкретно следует предпринять в определенный момент. И здесь мы встречаемся с не совсем обычным явлением. Иногда, когда Стэнли письменно рекомендовал Дизраэли предпринять в палате общин или в партии ту или иную акцию, если Дизраэли был не согласен, то он оставлял такие письма без ответа. Это означало его несогласие с шефом. Конечно, это был серьезный риск, но Стэнли не делал из этого проблему, и Дизраэли его фронда сходила с рук.

Находясь в оппозиции, Дизраэли далеко не всегда использовал предоставлявшиеся возможности для атаки на правительство вигов. Это отмечали коллеги, хотя объяснить такое поведение динамичного по натуре Дизраэли было трудно. Возможно, дело было в том, что если бы было свергнуто правительство вигов и кабинет было поручено сформировать Стэнли, то он вынужден был бы включить в правительство ряд видных пилитов. А в их среде были крупные фигуры, уже имевшие опыт министров, и это автоматически отодвигало бы Дизраэли на второстепенные роли. Не исключено также, что он считал — и это было справедливо, — что, пока вопрос о протекционизме не решен окончательно так, как он полагал целесообразным, консерваторам не нужно добиваться формирования правительства — в той ситуации оно не могло быть устойчивым.

Некоторый свет на позицию Дизраэли проливает составленная им значительно позднее записка, которая гласит: «Большую трудность представлял вопрос о лидере палаты общин.

[7] Я был лидером 250 человек, и, если принимать в расчет цифры, никто не мог сравниться со мной. Но у меня не было опыта работы на высоком правительственном посту; мне не приходилось стоять во главе даже самого скромного учреждения. В то время у меня не было и доверительной близости с лордом Дерби. Я не думаю, что он не решился бы предложить на пост лидера палаты общин какого-либо пилита, одного из его бывших или даже недавних коллег, если бы я согласился на это и согласилась партия в целом… Но кого?» Здесь у Дизраэли явно сквозит тревога, что при формировании правительства консерваторами его могли оттереть. В то время это действительно было грустной реальностью.

Либералы в парламенте тоже были расколоты на две группы, интригующие друг против друга. Их лидеры Пальмерстон и Рассел боролись за руководящую роль в партии и в правительстве. Кроме того, были еще радикалы, играющие в пацифизм, а также крайне агрессивные шовинисты, ура-патриоты, джингоисты. Подобная противоречивая, раздираемая внутренними интригами основа либерального правительства делала его положение весьма ненадежным.

Борьба за власть между крайне агрессивным, честолюбивым и властным министром иностранных дел Пальмерстоном и премьер-министром Расселом взорвала правительство вигов. В декабре 1851 г. во Франции Луи-Наполеон Бонапарт, племянник Наполеона I, будучи президентом республики, совершил государственный переворот и стал диктатором, в следующем году он был провозглашен императором. Хотя это был явно «Наполеон маленький» и ни в какое сравнение с дядей не шел, в Лондоне очень всполошились: память возвращала к опаснейшим войнам с Наполеоном I. Пальмерстон, привыкший почти все решать сам и, вероятно, понимавший разницу между двумя Наполеонами, выступил с официальным одобрением происшедшего в Париже государственного переворота. И премьер-министр, и королева, с которыми Пальмерстон не счел нужным посоветоваться, были в бешенстве от самодеятельности министра иностранных дел. И Пальмерстон был уволен в отставку. Он поклялся отомстить.

20 февраля 1852 г. месть состоялась. Пальмерстон вместе с консерваторами выступил против одного из законопроектов Рассела, палата общин проголосовала против правительства, и теперь Расселу пришлось уйти в отставку. Дизраэли выступил в поддержку Пальмерстона. Ходили слухи, что и во время дела о признании совершенного Наполеоном переворота у Дизраэли были скрытые от посторонних глаз контакты с Пальмерстоном.

По традиции теперь правительство должны были

формировать те, кто свергнул кабинет Рассела, т. е. тори. Лидер партии автоматически должен был стать премьером. Дерби принял предложение королевы сформировать кабинет. Началась сложная закулисная возня, связанная с Дизраэли и Пальмерстоном. Измена Пальмерстона правительству своей партии вигов, делавшая возможным приход к власти тори, «по справедливости» должна была быть вознаграждена. Начались поиски для него подходящего портфеля в кабинете Дерби. Английская традиция очень гибка. Политическая измена своей партии, ренегатство не вызывают сильных отрицательных эмоций, поэтому поведение Пальмерстона не могло служить препятствием для того, чтобы он теперь стал министром-консерватором, тем более что в свое время он был членом парламента от партии тори, затем перебежал к вигам, где и сделал большую карьеру.

Теперь и Дерби, и Дизраэли готовы были взять Пальмерстона в свое правительство. Они предложили ему пост лидера палаты общин, затем министра финансов. Дизраэли упускал долгожданные возможности, уступая вторую после Дерби роль Пальмерстону. И все это, чтобы заполучить его в ряды консерваторов. Тактика выглядела весьма благородной; вряд ли она была искренней, но в принципе это был верный ход. Дерби писал Дизраэли, что никогда не забудет «этот благородный акт самопожертвования». Дизраэли повезло: Пальмерстона предложенные варианты не устроили, и Дерби назначил Дизраэли министром финансов и лидером палаты общин.

Это всегда был очень важный министерский пост в английском правительстве, но Дизраэли — а он впервые в жизни стал членом кабинета — полного удовлетворения не испытывал. Во-первых, ему очень хотелось стать министром иностранных дел. Он все больше и больше интересовался внешней политикой и культивировал связи с некоторыми европейскими странами, принимал самое активное участие в прениях по вопросам внешней политики в палате общин и гордился своим знанием европейской дипломатии. Но случилось так, что желанный пост получила бледная личность — граф Мелмсбери. Во-вторых, Дизраэли ничего не смыслил в финансовых вопросах, даже в своих личных финансовых делах разбирался из рук вон плохо. Когда Дерби предложил ему министерство финансов, Дизраэли заметил: «Это именно та область, в которой у меня нет никаких знаний». Дерби ответил, что не он первый, что до него в таком же положении был Джордж Каннинг и что сотрудники министерства снабдят его всеми необходимыми цифрами. В результате Дизраэли получил пост, которого, как он выразился, «он не желал».

Кабинет консерваторов в 1852 г. был сформирован из средних деятелей, ничем существенным до этого не зарекомендовавших себя. Дерби и Дизраэли являлись на этом фоне исключением. Правительство вошло в историю под названием «Кто это? Кто это?» Кличка пошла от герцога Веллингтона. Будучи уже очень старым и глухим, он новых министров не знал. Когда в палате лордов называли их имена, Веллингтон наклонялся к Дерби и, как все глухие люди, громко спрашивал: «Кто это?» Дерби, преодолевая естественную неловкость, объяснял престарелому герцогу, о ком идет речь.

Дизраэли, хотя и получил пост, не соответствующий его желаниям, все же испытывал радость в связи с тем, что наконец стал министром. Внешне он держался индифферентно, но в личной беседе с коллегой признавался, что чувствует себя как молодая девушка, идущая на свой первый бал. В соответствии с порядком Дизраэли должен был пройти переизбрание в депутаты палаты общин. Он спокойно прошел через внеочередную избирательную кампанию в своем прежнем округе. Это заняло две недели, которые он использовал для ознакомления с делами порученного ему министерства.

Кабинет Дерби не располагал большинством в парламенте, поэтому ожидать от него каких-либо радикальных мер не приходилось. Перед правительством, как и перед всеми партиями, стояли две крупные проблемы: вопрос о протекционизме и вопрос об изменении неустойчивого баланса сил в парламенте, блокирующего эффективную законодательную деятельность. Правительство Дерби не считало себя в состоянии осуществить что-либо радикальное в этих областях. Джон Рассел, человек крайне властолюбивый, жаждал возвращения к власти и выжидал лишь удобный момент, чтобы свергнуть правительство Дерби — Дизраэли.

Недолгое, меньше года, пребывание Дизраэли на посту министра финансов и лидера палаты общин сделало его популярной, широко известной фигурой в масштабе всей страны. Авторитетный журнал «Эдинбург ревью» в 1853 г. поместил о нем огромный, в 40 страниц, очерк. Журнал отражал взгляды партии вигов и в силу этого должен был бы занимать враждебную Дизраэли позицию. Тем более знаменательно, что журнал высоко оценивал Дизраэли. «Какая личность с февраля 1852 до января 1853 г. больше всего занимала пишущую публику, о ком очень много говорили англичане?» — вопрошал журнал. И отвечал: «Это достопочтенный Бенджамин Дизраэли, недавний министр финансов». И действительно, его популярность бурно возрастала. Это — одна из психологических загадок, ибо за это время он

ничего выдающегося не совершил. «Эдинбург ревью» писал, что назначение Дизраэли на этот пост было самым поразительным событием в жизни страны, которое произошло в наше время. Люди неустанно обсуждали и строили догадки, как это произошло и каковы будут последствия. «Он сразу же стал предметом оживленного обсуждения в обществе. Его портрет рисовал модный художник. Скульптор ваял его бюст из мрамора. Его изображения дюжинами появлялись в иллюстрированных журналах. И сверх всего, он был помещен в Музее восковых фигур мадам Тюссо — в этой английской Валгалле, где обычный человек может рассчитывать получить место только после того, как его повесят. Он сиял на политическом горизонте как звезда первой величины».

В течение трех лет появились первые биографии Дизраэли. Написанная Дж. М. Френсисом «Критическая биография» в действительности не критиковала, а восхваляла Дизраэли. Книга некоего Т. Макнайта была крайне враждебной Дизраэли. Обычно первые биографии выдающихся деятелей — и данный случай не исключение — бывают легковесны и историографической ценности не представляют. От них лишь та польза, что они показывают, какие резко противоположные мнения существовали о Дизраэли.

Проблема протекционизма во время недолгого действия кабинета Дерби пребывала в прежнем состоянии. Правительство было бессильно предпринять что-либо радикальное, и не только из-за соотношения сил в палате общин. Дерби и Дизраэли по-прежнему подходили к этому вопросу по-разному. В первом выступлении в качестве премьер-министра в палате лордов Дерби говорил о целесообразности введения пошлины на зерно. Дизраэли думал иначе. Следует иметь в виду, что для него на протяжении всей его политической карьеры вопрос протекционизма и свободы торговли никогда не был вопросом принципиальным; он подходил к нему прагматически, так, как ему казалось целесообразным, исходя из конкретных обстоятельств момента. Расхождения с Дерби в подходе к этому вопросу причиняли Дизраэли больше забот и хлопот, чем все нападки оппозиции на правительство.

Дизраэли как канцлер казначейства относился к своим обязанностям в высшей степени серьезно. Он много трудился, чтобы вжиться в финансовые проблемы страны. Затем его заботы на время опять сконцентрировались на избирательных делах. 1 июля 1852 г. парламент был распущен, и состоялись новые выборы. На них консерваторы получили больше мандатов, чем в предшествующей палате. Но им противостояла объединенная

оппозиция, представлявшая блок вигов, либералов, ирландцев и пилитов и располагавшая превосходством над фракцией тори в 40 голосов. Это сулило тяжкую жизнь правительству и его скорый крах.

Внесение нового бюджета — это важнейшее событие не только для любого министра финансов, но и для парламента, для страны в целом и для каждого англичанина, которому новый бюджет может принести облегчение, если он сокращает касающиеся его налоги, или ухудшить его жизнь, увеличив такие налоги. Дизраэли представил свой бюджет палате, будучи больным. Он говорил пять часов. Его противники на скамьях оппозиции мешали ему говорить, устроив «кошачий концерт». Тем не менее министр справился со своей задачей удовлетворительно. Но он понимал, что это тот случай, когда дело не решается красноречием. После обсуждения, сопровождавшегося традиционными нападками оппозиции, Дизраэли, которому явно не хотелось перестать быть министром, в заключительном слове заявил: «Да, я знаю, что мне противостоит. Против меня выступает коалиция». В сердцах сильно стукнув кулаком по столу, разделявшему правительственную сторону зала заседаний от расположенных напротив скамей оппозиции, Дизраэли воскликнул: «Но я также знаю, что Англия не любит коалиций!» Это замечание было верным и неверным в зависимости от обстоятельств. В нормальных условиях в Англии действительно не любят коалиций, но в экстремальных — например, в годы первой и второй мировых войн — считают необходимым собрать все силы в кулак и создают коалиции.

В данном конкретном случае положение определялось тем, что коалицию не устраивало правительство Дерби — Дизраэли. Лидеры составлявших коалицию групп сами рвались к власти, и поэтому по вопросу о бюджете коалиция проголосовала против правительства. Правда, большинство «против» составляло всего 19 депутатов, но в соответствии с традицией правительство, потерпев поражение в парламенте, должно было уйти в отставку. Отставка последовала немедленно, и Дизраэли перестал быть министром.

К власти пришло коалиционное правительство лорда Абердина. Четвертый граф Джордж Гамильтон Абердин — представитель шотландской весьма влиятельной аристократической семьи. Ранее он был министром иностранных дел в кабинетах Веллингтона и Пиля. Теперь, в 1852 г., он возглавлял пилитов, насчитывавших в палате примерно 40 голосов. Но, несмотря на это, Абердин стал премьером и включил

в свой кабинет еще пять министров-пилитов. В результате правительство состояло из шести пилитов, шести вигов и одного радикала. Преемником Дизраэли в министерстве финансов стал У. Гладстон.

В дальнейшем на многие годы Дизраэли и Гладстон стали последовательными политическими противниками и даже врагами. Сейчас, в конце 1852 — начале 1853 г., в их отношениях имел место анекдотический эпизод, вызвавший у обоих большое раздражение. По традиции министр финансов в некоторых торжественных случаях должен был появляться в особой мантии, вышитой золотом. Это довольно дорогая вещь, своеобразный вариант парадной форменной одежды. Поскольку мантию употребляют нечасто, она сохраняется очень долго. Стоимость ее должен оплачивать новый министр своему предшественнику, который в свою очередь действовал по этой традиции. Такая мантия переходила от одного министра финансов к другому. Теперь Гладстон попросил Дизраэли передать ему мантию за соответствующую плату. Он не предвидел никаких осложнений, но они неожиданно возникли. Дизраэли, узнав, что эта мантия когда-то принадлежала крупнейшему государственному деятелю Питту-младшему, решил не расставаться с реликвией.

Последовала весьма раздраженная переписка. 21 января 1853 г. Гладстон пишет Дизраэли, что хотел бы получить мантию и готов уплатить за нее соответствующую сумму. Дизраэли не отвечает больше месяца, затем пишет Гладстону по другому вопросу, полностью обходя молчанием мантию. Гладстон тут же с подчеркнутой вежливостью обращает внимание Дизраэли на то, что он писал ему относительно «официальной мантии, но это обстоятельство, видимо, не привлекло его внимания». Дизраэли разыгрывает человека, якобы потерявшего терпение из-за такой настырности Гладстона, и отвечает ему, употребляя обращение в третьем лице, используемое только в переписке министров с королевой. Он пишет: «Господин Дизраэли весьма сожалеет…», «Господин Дизраэли рекомендует ему посоветоваться…» — и ведет речь о всяких других предметах, но относительно мантии ни слова. Гладстон прекрасно понимает эту «вежливость» и пишет Дизраэли тоже в третьем лице, заканчивая письмо так: «Господину У.-Ю. Гладстону в высшей степени неприятно адресоваться к господину Дизраэли без употребления общепринятых выражений вежливости, но он вынужден отказаться от них, так как понимает, что они нежелательны» для Дизраэли. Закончилось дело тем, что Гладстон отказался от попыток заполучить мантию. Она так и осталась у Дизраэли в качестве семейной реликвии, и в наше время ее можно увидеть в

доме-музее в Хьюэндине.

Деятельность в парламенте лидера партии, находящейся в оппозиции, редко является существенно интересной. Его обязанность — критиковать действия правительства, но инициатива всегда принадлежит правительству, а оппозиция вынужденно следует за тем, что оно предлагает. Отсюда у оппозиционных лидеров развивается пассивность, даже, скажем, лень. Они пребывают в ожидании выборов в парламент и своего прихода к власти. Вот тогда они разовьют бурную активность. Дерби был очень склонен к пассивности, к выжиданию. Динамичная же натура Дизраэли требовала активной деятельности и в период оппозиционного застоя.

В годы, последовавшие за отставкой правительства в 1852 г., Дизраэли активно занялся внутрипартийными делами. К тому же, как замечает Роберт Блэйк, «получилось так, что созрели условия для того, чтобы подчистую вымести старую гвардию» с руководящих постов в партии. Она в основном разложилась и была глубоко коррумпирована, что не могло не сказываться на моральном и политическом авторитете тори и эффективности работы партии. Бересфорд, например, бывший главным випом[8] консерваторов и даже военным министром в последнем правительстве, отвечал за организацию выборов 1852 года. Тори проиграли выборы. К тому же Бересфорд был официально обвинен в «крайнем безразличии к систематическому взяточничеству», что могло быть понято как широкое протежирование взяточникам. Это дало возможность Дизраэли убрать Бересфорда. Преемником его стал некий Ф. Макензи, но и его пришлось вскоре убрать, так как он был уличен во взяточничестве в Ливерпуле. Наконец, следующий выбор оказался более удачным.

Были приняты меры для очистки от «старой гвардии» в партийной организации, действующей за пределами парламента. Дизраэли упорно трудился над совершенствованием организационной структуры партии в целом и повышением ее действенности. Возглавлявший организацию Бересфорд был удален, его место занял близкий к Дизраэли человек Филип Роуз, его поверенный. Роуз вместе с другим новым сотрудником создал эффективный центральный орган партии, организовал сеть партийных агентов на местах, через которых воздействовал на отбор нужных людей в кандидаты в депутаты палаты общин и во время парламентских выборов организовывал их избрание. Дизраэли много сделал для создания этой партийной машины, которая в дальнейшем развивалась, совершенствовалась и трансформировалась применительно к изменившимся условиям.

По мере роста образованности населения и расширения его избирательных прав возрастала роль общественного мнения. Печать была одним из главных средств формирования общественного мнения и ориентирования его в нужном направлении. Различные социальные слои и отражавшие их интересы политические партии и группы имели свои органы печати, являвшиеся проводниками их идей. Самая авторитетная газета «Таймс» поддерживала либералов. В настоящее время, в конце XX в., она выступает в поддержку политики консерваторов, хотя и претендует на надпартийность. Менее прославленная, но достаточно влиятельная «Морнинг адвертайзер» была главным органом русофобов и поддерживала интересы производителей алкогольных напитков. «Морнинг кроникл» и «Глоб» по существу находились в руках Пальмерстона. «Дейли телеграф» и «Дейли ньюс» были тоже либеральными органами и, следовательно, врагами Дерби и Дизраэли. Была пара газет с незначительным тиражом, номинально поддерживающих тори, но весьма ненадежных и неустойчивых. Дизраэли нужна была своя надежная и влиятельная газета. В конце концов, заручившись денежной поддержкой богатых друзей, он сумел создать еженедельную газету под названием «Пресс». Это издание оказалось более успешным, чем мертворожденная газета в его далекой молодости. Первый номер «Пресс» вышел в свет 7 мая 1853 г. В 1858 г. Дизраэли все же пришлось продать эту газету.

И в годы оппозиции расхождения между Дерби и Дизраэли давали о себе знать. Если первый был за пассивную оппозицию, то второй стремился сделать ее активной. Целью Дизраэли была власть, и он подчинял этому стремлению свои действия. В конце декабря Дерби наконец смилостивился и пригласил Дизраэли погостить у него дня три. Это было большой честью по понятиям Дизраэли, но не изменило его критического отношения к Дерби. Он излил душу в подробном письме своему другу маркизе Лондондерри.

Вначале сквозит глубокая тревога Дизраэли по поводу того, что положение в партии может повернуться совершенно неожиданно в неблагоприятную для него сторону. Вероятно, пользуясь пассивностью Дерби, активизировались другие люди, рвущиеся к власти и способные оттереть в сторону Дизраэли. «Я сам, — пишет он, — не очень жажду форсировать события. Я получил из самых высших сфер информацию, что если события будут развиваться своим логическим путем, то следующее правительство тори будет возглавляться личностью, о появлении которой на этом посту я никогда не мог предполагать». Далее Дизраэли сетует, что оппозиция крайне неактивна, что «есть

тысяча вещей, которые необходимо сделать, но они не делаются». Нет даже попыток воздействовать на прессу в интересах партии или улучшить партийную организацию на периферии. «Что касается нашего главы (то есть Дерби), то мы никогда его не видим. Двери его дома всегда закрыты. Он не хочет участвовать ни в каких подписках-пожертвованиях, хотя его состояние огромно. И в то же время он ожидает, что все, что необходимо, будет сделано. Я никогда не получаю необходимой поддержки… Такова моя судьба, и я никогда не чувствовал это более глубоко, чем в данный момент… И это в то время, когда Европа, не говоря уже о всем мире, проходит через период огромных изменений. А вот элементы власти в нашей стране находятся в состоянии разложения. Если когда-либо было время, требующее, чтобы политический руководитель сконцентрировал весь свой ум и силы на существующем положении, то это сегодня. Требуется максимальная бдительность, максимальная концентрация мысли и максимальная решимость, но всего этого как раз и недостает». Письмо полно тревоги и раздражения поведением шефа. Но в то же время оно — свидетельство того, как в те сравнительно далекие годы в частной переписке обсуждались важнейшие политические и государственные дела.

Тревога вызывалась еще одной крайне важной причиной: в случае если с Дерби что-либо случится и он не сможет в соответствующий момент возглавить правительство, королева совсем не обязательно призовет Дизраэли. Вспомним, что в то время Виктория относилась к нему недоброжелательно. Дизраэли вызвал у королевы глубокое предубеждение тем, какими методами он добивался свержения Пиля. А в конце концов королева решала, кому поручить возглавить правительство.

ДИЗРАЭЛИ И ВИКТОРИЯ — СТАНОВЛЕНИЕ ОТНОШЕНИЙ

Двадцатилетний период между временем, когда Дизраэли стал главой консерваторов в палате общин, и годом ухода в отставку Дерби, сделавшего Дизраэли полновластным лидером партии, был переломным в политической жизни Англии. Именно в это время в стране происходили весьма важные перемены. От первой парламентской реформы 1832 года до второй, проведенной в 1867 г., шел медленный, но радикальный процесс сокращения влияния короны на парламент и одновременного возрастания воздействия увеличившегося числа избирателей на решение политических проблем в стране.

Королева Виктория в этом не была повинна. Ее пребывание на престоле содействовало росту авторитета короны в народных массах. Молодая королева вела себя скромно, разумно, прислушивалась внимательно к мнениям министров (вначале ей очень полюбились беседы с лордом Мельбурном), серьезно интересовалась деятельностью парламента и правительства. Естественно, люди сравнивали ее с разнузданными, до предела безнравственными, глубоко порочными ее предшественниками на английском престоле, и это сравнение было в пользу юной Виктории. Но поступь истории неумолима, сознание народа росло, и возрастали его требования к правящим кругам. А в Англии эти круги были достаточно мудры и научены рядом революций, чтобы во имя сохранения основного, т. е. своей власти, идти на известные уступки массам. Так происходило перераспределение власти между короной и избираемыми в парламент. Если ранее протежирование, право назначения людей на важные и выгодные должности принадлежало преимущественно короне, то теперь это все больше и больше переходило к лидерам партий, чередовавшимся у власти. Монарху приходилось лишь штамповать предлагаемые премьер-министрами распределения благ, часто против собственного желания.

Наряду с закономерностями исторического развития действовал и субъективный фактор, на некоторый период сохранявший, а иногда и увеличивавший те остатки власти, которыми все еще располагала корона. Это прежде всего раздробленность партий на многие группировки, враждовавшие друг с другом, что ослабляло парламент и снижало его роль. Соответственно возрастали возможности короны, которая

использовала внутрипартийные распри для проведения своей линии в ряде вопросов, и прежде всего, пользуясь современным языком, в кадровых. Когда после 1867 г. партийная система в Англии приняла завершенные организационные формы, эти возможности маневрирования для короны сократились.

Виктория держала себя таким образом, что ей нечего было опасаться суда истории. Она регулярно вела подробный дневник и куски из него опубликовала сама. Когда писалась биография ее супруга, Виктория передала автору ценнейшие, иногда даже интимные, документы, использованные впоследствии в вышедшей в свет книге. После ее смерти ее сын, король Эдуард VII, действуя в духе поведения матери, опубликовал ее переписку за первую половину жизни. В переписке нашла отражение (напомним, что в те времена любили писать частые и подробные письма даже монархи) вся английская, а частично и европейская история за 1837–1861 гг. в том виде, как она представлялась взорам королевы и ее министров. Если к этому прибавить государственные и частные архивы, то станет ясно, что историки не испытывали недостатка в источниках, когда у них появлялся интерес к Виктории или к взаимоотношениям Дизраэли с королевой.

Первые полтора года пребывания Виктории на престоле прошли довольно спокойно. Она настойчиво стремилась преодолеть психологическое наследство своих предшественников на престоле и продемонстрировать, что теперь монархия не прежняя, что для королевы главное — это обеспечить респектабельность престола и свою верность высокому долгу перед народом. В день вступления на престол, 20 июня 1837 г., Виктория записала в дневнике: «Раз Провидению угодно было поставить меня на это место, я все сделаю, чтобы исполнить свой долг в отношении моей страны; я очень молода и, может быть, во многих, но не во всех отношениях неопытна, но я уверена, что лишь немногие имеют больше действительной доброй воли и больше желания делать то, что полезно и справедливо, чем я». Этим принципам Виктория следовала всю свою жизнь. Если сегодня существуют хорошо отлаженные взаимоотношения между монархией и парламентом и английская монархия является прочным элементом английской парламентской системы, то в этом есть несомненная заслуга Виктории.

Однако рекордно долгое царствование далеко не всегда было безоблачным. Довольно часто оно омрачалось столкновениями королевы с ее министрами по различным как политическим, так и личным мотивам. Первое такое столкновение произошло в 1839 г.

К этому времени у нее установились добрые отношения с

лордом Мельбурном, главой либерального министерства. Она любила беседовать с ним, многое узнавать от него, чувствовала, что симпатия была взаимной. Но вот в 1839 г. Роберт Пиль, лидер консерваторов, нанес поражение в парламенте либералам, и пожилой Мельбурн оказался вынужденным уйти в отставку. Королева была искренне огорчена, но ей пришлось призвать Пиля, т. е. поручить ему сформировать правительство.

Пиль и его коллеги согласились, но поставили условие, чтобы королева частично изменила свой двор, т. е. удалила из числа фрейлин жен ряда известных деятелей-вигов. Сказывалось наследие предков, когда придворная камарилья воздействовала на слабовольных и аморальных королей в интересах тех или иных политических группировок.

Вопрос был щекотливым. Обычно при перемене правительства состав двора изменялся, но изменения производились за счет мужчин. Теперь речь шла о дамах. Виктория сочла, что требование Пиля незаконно и задевает ее лично. Она всегда была очень честолюбива, и лишь налагаемые неписаной, но весьма жесткой конституцией ограничения на прерогативы монарха сдерживали проявление властолюбия Виктории. В 1839 г. она была еще очень молода, малоопытна и потому остро реагировала на уколы ее самолюбию. Она твердо заявила Пилю, что не принимает его требование об удалении ряда придворных дам. В ответ Пиль заявил, что в таком случае он отказывается от формирования правительства. Были у него и некоторые другие резоны, но о них он умолчал. Виги поддерживали королеву в вопросе о придворных дамах (еще бы! Ведь это были их дамы!), и лорд Мельбурн вернулся к власти. Казалось бы, победа была за Викторией: она и дам своих сохранила, и вернула желанного Мельбурна. Приход Пиля к власти отодвинулся на два года.

Но вскоре Виктория осознала, что создавать подобные экстремальные ситуации нельзя. Она знала, что времена, когда английские короли могли вести борьбу за режим личной власти, ушли безвозвратно. Теперь она испортила отношения с одной из двух главных партий в парламенте — консерваторами. Но ведь с ними нужно и сосуществовать, и сотрудничать, особенно если они, получив большинство мест в палате, обретут право создать свое правительство. Здравый смысл говорил Виктории, что с тори нужно искать примирения, и она вняла ему. Через 60 лет после этого инцидента Виктория говорила: «Я была очень молода тогда, и возможно, что я поступила бы совершенно иначе, если бы все пришлось проделать вновь».

Важной проблемой, вставшей перед Викторией после

восшествия на престол, было замужество. Вначале она будто бы не очень стремилась связать себя брачными узами. Жившая ранее в скромных условиях, она теперь в полной мере наслаждалась жизнью: веселилась, танцевала, устраивала веселые вечера, каталась верхом, и все это с азартом молодости. Замужество изменило бы этот образ жизни, да и мужское общество интересовало ее тогда лишь как составной элемент танцевальных вечеров. Лорду Мельбурну в апреле 1839 г. она говорила, что «ее чувства целиком против того, чтобы вообще когда-либо выходить замуж».

Возможно, в 20 лет она говорила это искренне. Но со всех сторон ей внушали, что ее королевский долг — дать престолу наследника и поэтому тянуть с замужеством нельзя. Особенно усердствовали ее немецкие родственники и вывезенные из Германии приближенные — компаньонка Луиза Лехцен и барон Штокмар. Старался и ее дядя — король Бельгии Леопольд, стремившийся влиять на Викторию в политических вопросах через регулярные и подробные письма-наставления. Этой группе очень хотелось сделать супругом королевы Великобритании кого-либо из немецких князей. Ни одна страна не могла соперничать с Германией по числу таких кадров, поставляемых ко всем дворам Европы. Был и конкретный кандидат — князь Альберт Кобург — ровесник Виктории.

Виктория знала Альберта и вначале относилась к нему без особого интереса. Заботливые люди устроили так, что 10 октября 1839 г. Альберт с братом прибыли погостить в Виндзор. И в этот момент в душе Виктории произошел перелом. В ней пробудилась, и довольно бурно, женщина. Она вдруг увидела Альберта другими глазами; он для нее был красив, строен, в высшей степени привлекателен как мужчина. И она решила выйти за него замуж. При этом Виктория не заметила, что Альберт к ней совершенно равнодушен. Виктория сообщает Мельбурну, что она «радикально изменила свое мнение о замужестве и намерена выйти замуж за Альберта». Королева твердо берет дело в свои руки. Она тут же вызывает Альберта и, как свидетельствует ее запись, прямо заявляет, что, «вероятно, он должен знать, почему она пожелала, чтобы он явился сюда». «Я была бы счастлива, если бы он согласился на то, чего я желаю (жениться на мне)». Затем «мы обнялись…» Когда вскоре Альберт возвращался в Англию уже в качестве официального жениха Виктории, собравшаяся в порту толпа приветствовала его. В подобных случаях всегда откуда-то собирается много зевак. Были среди них и недоброжелатели, развернувшие плакаты с такими стихами:

Избранник королевы обвенчан будет с ней.
Вульгарной компаньонкой подсказан выбор сей.
Получит худо-бедно он толстую жену,
А с ней намного толще английскую мошну.

В 1987 г. в Англии широко отмечалось 150-летие восшествия на престол Виктории. Телевидение демонстрировало сериал о жизни королевы, печать шумно и пространно отмечала юбилей, вышел в свет ряд книг биографического жанра. Учитывая щекотливость темы, будем дальше говорить цитатами из того, что в 1987 г. напечатали сами англичане в связи с официальным юбилеем Виктории. У Литтона Стречи в «Иллюстрированной биографии королевы Виктории» читаем: «Это был безусловно семейный брак», что означает существование родственных связей английской королевы с князьями Кобургами. Бракосочетание с князем Альбертом Сакс-Кобург-Готским состоялось в феврале 1840 г.

Королева Виктория и принц Альберт в 1847 году

Был ли брак счастливым? Виктория была счастлива, ее муж — нет. В предисловии к книге Стречи Майкл Холройд говорит, что в молодости «Виктория была охраняема от возможного отрицательного влияния мужчин», отсюда «глубоко спрятанная сексуальность». Когда Альберт появился в Англии (это был его не первый приезд), «он танцевал с ней, беседовал». Виктория неожиданно испытала «сильнейший сексуальный взрыв». «В

глазах королевы принц вдруг предстал как образец мужской красоты», хотя он был слабого телосложения и то ли из-за особенностей воспитания, то ли по причине более фундаментальной идиосинкразии у него было явное отвращение к противоположному полу. Перспектива женитьбы на обожающей Виктории повергла его в состояние депрессии. Стречи подтвердил Хаскету Пирсону, что он намерен выдвинуть предположение, что Альберт был гомосексуалистом. Это следует воспринять как объяснение ряда фраз Альберта, рисующих его меланхолию и чувство одиночества. Холройд соглашается со Стречи, что «муж не был так счастлив, как его жена». Виктория «обожала Альберта», он был «ее идолом». Но Альберт «испытывал одиночество». Таковы английские оценки семейных дел Виктории. Несмотря на все это, для Виктории ее семейная жизнь сложилась хорошо. У нее было девять детей, и среди них ее преемник на престоле под именем Эдуарда VII.

Супругу королевы надлежало получить цивильный лист — денежное содержание, предоставляемое парламентом члену королевской семьи. Премьер-министр Мельбурн внес предложение об ассигновании 50000 фунтов в год. Вот тут-то тори и взяли реванш за недавнюю несговорчивость Виктории относительно ее фрейлин. Консерваторы объединились с радикалами и урезали содержание ее супругу. Прения, как заметил король Леопольд, «были вульгарны и непочтительны». Действительно, кое-кто говорил, что 30000 более чем достаточно — эта сумма не меньше, чем весь годовой бюджет княжества Кобург, откуда явился принц Альберт. Виктория была в бешенстве. Она заявила, что ни один тори не получит приглашения на церемонию бракосочетания. Даже престарелому «национальному герою» Веллингтону она не хотела посылать приглашение. Трезвые, спокойные люди объяснили ожесточившейся королеве, что это будет равнозначно общенациональному скандалу.

Дизраэли был не только тори, но и лидер консерваторов, и это означало, что пути его и Виктории неминуемо пересекутся. Что это будет означать для него? Первые симптомы были безусловно неблагоприятны для Дизраэли. Виктория и Альберт, с которым она, естественно, обсуждала государственные дела, обратили серьезное внимание на Дизраэли в период его открытой борьбы против Пиля. Причин для этого было несколько. Дизраэли свергал Пиля, выступая глашатаем сохранения протекционизма, тогда как королева и ее супруг определенно пришли к убеждению, что свобода торговли предпочтительнее. Был при этом и личный момент. Королева, демонстративно

культивировавшая респектабельность, с возмущением следила, как малоизвестный политик Дизраэли саркастически и зло разделывал почтенного деятеля, премьер-министра Пиля, с которым она систематически встречалась и обсуждала государственные дела. Она считала, что при этом были нарушены элементарные приличия и нормы вежливости. Именно поэтому принц писал, что «в Дизраэли нет ни одной мельчайшей частички джентльмена». Когда в 1851 г. в палате общин дебатировался вопрос о создании вместо либерального правительства Рассела консервативного правительства Дерби, естественно, зашла речь о переговорах Дерби с королевой по этому вопросу. Дизраэли тоже выступал и не совсем точно сослался на какую-то деталь этих переговоров. Дело было пустяковое, но оно наложилось на существовавшую предвзятость королевы в отношении Дизраэли, и в результате недоброжелательство к нему усилилось. Для Дизраэли было малым утешением, что и Дерби не был в фаворе у Виктории.

Когда в 1852 г. королеве все же пришлось призвать Дерби, встал вопрос о Дизраэли. Она очень хотела бы не иметь его своим министром, но авторитет и положение Дизраэли в партии тори были таковы, что Дерби не мог не включить его в состав кабинета. Он готов был дать Дизраэли министерство внутренних дел или даже Форин оффис, но королева была категорически против, особенно против министерства иностранных дел, ибо практика была такова, что она часто обсуждала с его главой проблемы внешней политики. С Дизраэли же ей встречаться не хотелось. Наконец вопрос решился двойным компромиссом. Во-первых, Дизраэли стал министром финансов, в роли которого он мог иметь лишь минимальные контакты с королевой. Во-вторых, его включили в состав кабинета под личное поручительство Дерби.

Через десять лет Дизраэли так излагал этот важный эпизод в своей политической жизни: «Он, Стэнли, сказал мне, что ее величество поинтересовалась у него, кому он предполагает поручить пост лидера палаты общин, и он назвал мою фамилию». Королева сказала: «Я всегда чувствовала, что если будет создаваться протекционистское правительство, то Дизраэли должен будет стать лидером палаты общин. Но я не одобряю Дизраэли, я не одобряю его поведение в отношении сэра Роберта Пиля».

Лорд Дерби ответил: «Мадам, Дизраэли приходится завоевывать себе положение, а людям, которые должны его завоевывать, приходится говорить и делать такие вещи, которые нет необходимости говорить или делать тем, у кого такое

положение уже обеспечено».

«Это верно, — сказала королева. — Но я теперь хотела бы надеяться, что, завоевав себе положение, он будет вести себя сдержанно. Я принимаю назначение Дизраэли министром под вашу гарантию».

Так Дизраэли все же стал министром финансов и лидером палаты общин. Состав правительства двору не нравился. Принц Альберт в связи с этим замечал: «Материал безусловно печальный». Люди в основном были новые: только три министра входили ранее в состав кабинета. Остальные не были даже членами Тайного совета. И вот дюжина министров, не имеющих ни малейшего опыта в государственном управлении, и среди них Дизраэли, предстали перед подчеркнуто спокойной, с непроницаемым лицом королевой и принесли присягу в качестве новых членов Тайного совета.

Одной из обязанностей Дизраэли по должности лидера палаты общин было написание королеве регулярных и частых писем, в которых суммировался ход дебатов в парламенте, — норма функционирования государственного механизма, сохранившаяся и поныне. Чтение таких писем для королевы было всегда скучным. В них излагалась жизнь парламента официальным, суконным, канцелярским языком, да к тому же все это ей было уже известно из газет. Но письма Дизраэли были другими. Поначалу королева, читая их, удивилась, а затем они ей понравились, и она знакомилась с ними с нарастающим интересом. Дело было в том, что Дизраэли — талантливый литератор и неплохой психолог — верно угадал, что может понравиться королеве, и сообщал ей о деятельности палаты общин в живой, образной, литературной форме. Свободный стиль изложения был предусмотрительно пронизан тонким, ненавязчивым, но в то же время доходчивым выражением должного смирения и уважения молодого министра перед царствующей особой. Вскоре Дизраэли произвел благоприятное впечатление и на Альберта, который не считал его джентльменом. Встречи с принцем свидетельствовали, что его мнение о Дизраэли постепенно менялось в лучшую сторону. А это было крайне важно: Виктория очень считалась с тем, что ей говорил Альберт.

И все же краткое пребывание в правительстве в 1852 г. не привело к налаживанию добрых отношений Дизраэли с двором. Второе пребывание в правительстве (1858–1859) позволило Дизраэли продвинуться дальше в желаемом направлении. Наконец в 60-х годах разумные последовательность и настойчивость дали свои плоды. Отношения с двором стали

действительно сердечными. Но какого труда, воли и ума это потребовало!

В январе 1861 г. королева впервые пригласила Дизраэли с женой погостить пару дней в Виндзоре. Это было и проявление доброжелательности Виктории к Дизраэли, и свидетельство его возросшего веса как политического деятеля. Дизраэли был не только властолюбив, но и очень тщеславен, что присуще многим крупным государственным деятелям. По поводу своего первого пребывания в Виндзоре он писал одной из своих почитательниц: «Это первый визит госпожи Дизраэли в Виндзор. Его считают весьма замечательным событием, необычным проявлением внимания ее величества к лидеру оппозиции. Ведь многие министры — члены кабинета были приглашены без жен». Дизраэли особенно подчеркивал это обстоятельство насчет жен.

В конце 1861 г. принц Альберт, будучи далеко не старым, скончался. Он мог бы еще жить, если бы доктора лечили его должным образом, даже на уровне тогдашней медицинской науки. Для Виктории это был и неожиданный удар, и страшная трагедия. Она его страстно любила и носила по нему траур до конца дней своих.

К этому времени Дизраэли был в хороших отношениях с Альбертом и имел о нем высокое мнение. Свое мнение о принце и глубокую симпатию к нему Дизраэли публично выразил после его кончины. Вероятно, это было искреннее соболезнование. Королева была очень благодарна Дизраэли за добрые слова о ее покойном супруге и выразила ему сердечную признательность. Этот эпизод способствовал установлению хорошего мнения о Дизраэли у Виктории.

В 1863 г. состоялось бракосочетание наследника престола принца Уэльского. Оно принесло Дизраэли новое свидетельство увеличивавшегося к нему расположения Виктории. Он с восторгом писал одному из друзей: «Я приглашен на церемонию и, что еще более знаменательно, госпожа Дизраэли тоже. И это по личному указанию королевы». Были и другие знаки внимания к Дизраэли со стороны королевы. В конце концов она стала благосклонно относиться к экстравагантному политическому деятелю, что было крайне важно для дальнейшей карьеры Дизраэли.

Дизраэли это прекрасно понимал и делал все, чтобы завоевать благорасположение двора. Но его поведение объяснялось не только соображениями карьеры. Всю жизнь Дизраэли испытывал восхищение и преклонялся перед знатью, аристократией. У него было своеобразное романтическое, исполненное идеализма чувство в отношении первого

аристократа страны — монарха. Он не только идеализировал Викторию, но и испытывал к ней искреннюю симпатию. В его письмах друзьям, когда речь идет о Виктории, он не говорит, что она входит в комнату или выходит из нее, нет, для Дизраэли она появляется или исчезает. Так рождалось у Дизраэли то восприятие королевы, которое он выразил словами: «Это фея, волшебница». В дальнейшем, когда они подружились, Дизраэли позволял себе употреблять это выражение и в письмах, обращенных к королеве. В этом находили свое выражение сентиментальные черты характера Дизраэли, великолепно уживавшиеся в век крайнего практицизма и эгоизма с присущим ему цинизмом, карьеризмом и жаждой власти.

В период пребывания тори в оппозиции после 1852 г. происходили крупнейшие события: во внешней политике — Крымская война против России, а в Британской колониальной империи — общенародное восстание в Индии против английского колониального господства. Позицию официальной Англии в этих делах определяло правительство. Оппозиция и, следовательно, Дизраэли прямой ответственности за эти события не несли, но они не могли не занимать в большей или меньшей мере определенную позицию по этим проблемам.

«ЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ» В РОССИЙСКО-АНГЛИЙСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

В июне 1987 г. в Лондоне происходила встреча советских и английских историков. Английскую группу возглавлял известный историк Г. Баркер, много делающий для взаимных связей историков двух стран. Выступая на встрече, Баркер заявил, что в XIX столетии в Европе не было войн, что Крымская война — это «частный случай» и что присущая людям агрессивность была направлена на другие континенты. Утверждение Баркера не частный случай для английской историографии. Так Дэвид Томсон писал в 1963 г., что XIX век после наполеоновских войн, «если исключить **эпизод** (выделено мной. — *В. Т.*) Крымской войны (1854–1856), был для Британии периодом мира». Такие заниженные оценки Крымской войны кажутся спорными, если учитывать ее размах, задействованные в ней силы, а также последствия для участников, и прежде всего России и Англии.

Возникновению войны предшествовала ее идеологическая и психологическая подготовка. Это делается всегда, когда замышляются крупные военные действия. Для Англии это особенно важно, учитывая ее демократические традиции и роль общественного мнения. Поэтому несколько успокоившиеся во второй половине 40-х годов русофобы в начале 50-х усилили свою пропаганду, и к 1853 г. она по накалу страстей превзошла уровень 1839–1840 гг.

Опять в ее основе лежал «восточный вопрос» — начавшийся в 1850 г. спор между Россией и Францией из-за святых мест в Иерусалиме, находившемся тогда во владениях Турции. В британском правительстве наиболее сильной фигурой был Пальмерстон, он же был и наиболее рьяным русофобом. Антирусская пропаганда быстро смыла положительные следы визита царя в Англию, и вскоре даже королева Виктория, как свидетельствует вышедшая недавно в свет ее биография, «была одержима глубокой ненавистью к России». Русофобия была особым явлением в английской общественной жизни, но время от времени фобия возникала и в отношении других стран. У. Черчилль в 1899 г. издал книгу «Речная война», в которой шла речь о войне Англии против Судана. Он делает следующее обобщение: «Есть много людей в Англии и, вероятно, в других местах, которые, кажется, не способны предпринять военные действия для достижения определенных политических целей, покуда не убедят себя в том, что их враг является исключительно

и безнадежно подлым».

Здесь Черчилль отмечает важную черту любой враждебной другим странам и народам пропаганды. Те, кто ее ведут, в конце концов сами проникаются ее аргументами и начинают верить в концепцию, поначалу предназначавшуюся только для воздействия на общественное мнение. В результате происходит отход от реальности, что делает политику, проводимую такими министрами, весьма уязвимой.

Фобия — это всегда оскорбление другого народа, и, естественно, она встречает с его стороны соответствующую реакцию. Применение в Англии термина «русофобия» вызвало появление в российской печати и общественной жизни выражения «коварный Альбион». Известный поэт В. А. Жуковский, как и многие другие в России, был озабочен таким состоянием русско-английских отношений. Он считал, и в этом не ошибался, что с английской стороны главную вину несет Пальмерстон; его Жуковский именовал «злым гением нашего времени». Важно, что Жуковский не обвинял в русофобии весь английский народ: «Не обвиняю еще в этом всемирном преступлении всей благородной нации… Но на беду нашего века и к бесчестию английского народа, рулем ее корабля управляет рука, недостойная такой чести и власти».

Русофобия обогатила английский язык новым словом. Оно вошло в употребление в середине XIX в. и прочно закрепилось с тех пор в английской лексике. Это слово — «джинго» (jingo). Новый словарь английского языка Вебстера гласит, что слова «О, джинго» — это «бессмысленное восклицание, произносимое с целью провозгласить особенно эмоционально какое-то голословное утверждение, неожиданно и сильно поразив воображение слушателей и т. п.». Возможно, в строго научном плане англоязычные лингвисты и правы, но в политическом аспекте это выражение имело и имеет до сих пор глубокий, далеко не невинный смысл. Тот же словарь поясняет, что «джинго — это человек, который похваляется своим патриотизмом и выступает за агрессивную, угрожающую, воинственную внешнюю политику, шовинист». Это выражение вызвало к жизни и понятие джингоизма, означающее особую внешнюю политику — политику разнузданных угроз в адрес определенных государств, воспроизводящую требования и эмоции тех, кто является джинго, — джингоистов. Джингоизм в английской внешней политике — это явление долговременное, и оно придавало политическую и эмоциональную окраску не только англо-русским отношениям, но и отношениям Англии с некоторыми другими странами.

Накануне и в период Крымской войны в английском парламенте в составе крупных политических группировок активно действовали группы джинго. Джингоисты имелись во всех политических партиях. Так, например, в среде радикалов большую активность развил джингоист Дж. Робак.

Американский историк Глисон предпринял попытку проанализировать, кто же больше виновен в русофобии и в негативном развитии русско-английских отношений, приведших к Крымской войне, — Россия или Англия. Его вывод определен: «Эта проблема обострилась тем фактом, что на протяжении всего периода, о котором идет речь (1815–1854), политика Великобритании в основном была более провоцирующая, чем политика России. Великобританские агенты усердствовали на Балканах, Кавказе, в Афганистане и Персии, равно как и в Константинополе, Сирии и Египте; они действовали намного более успешно, чем их русские коллеги. Расширялась не русская, а британская сфера влияния. Британские государственные деятели настаивали, что они преследуют оборонительные цели, но русские судили не по словам, которыми англичане оперировали в отношении их, а по делам англичан. Беспристрастный арбитр должен был бы, вероятно, вынести вердикт в пользу русских».

Англо-русские противоречия крайне обострились в начале 50-х годов, что и явилось одной из главных причин Крымской войны 1853–1856 гг. Несмотря на традиционные противоречия между Англией и Францией и трения в связи с тем, что в Париже вновь появился император Наполеон, на этот раз Наполеон III, английское правительство, в котором главной политической силой был Пальмерстон, сумело договориться с Францией о совместных действиях против России. Им удалось вытеснить русские товары с ближневосточных рынков и утвердить свое влияние в Турции.

Царь Николай совершил двойную ошибку. Он наивно пытался в 1844 г. договориться с Англией о разделе сфер влияния на Ближнем Востоке. Когда же стало ясно, что в Лондоне его перехитрили, он попытался силой добиться своей цели. Лондонские деятели в сотрудничестве с французским правительством прилагали усилия к тому, чтобы конфликт между Россией и Турцией не был урегулирован мирными средствами. Им нужна была война, в ходе которой Россия была бы ослаблена, у нее были бы отторгнуты Крым, Кавказ и ряд других территорий крупного стратегического значения.

Когда в 1852 г. католические и православные священнослужители перессорились друг с другом в Иерусалиме

из-за того, кому должны принадлежать там святые места, Николай использовал этот предлог и потребовал от турецкого султана, чтобы все его православные подданные были поставлены под особое покровительство русского царя как его единоверцы. Подстрекаемое из Лондона и Парижа турецкое правительство заняло жесткую позицию. В мае 1853 г. Россия разорвала дипломатические отношения с Турцией. Началась цепная реакция. Турция впустила в проливы англо-французскую эскадру. В июле Россия ввела войска в Молдавию и Валахию, которые находились под номинальным суверенитетом султана. 16 октября 1853 г. Турция объявила войну России. 4 января англо-французский флот прошел в Черное море явно для борьбы против России, и 21 февраля 1854 г. Россия объявила войну Англии и Франции.

Ход войны показал, для чего Англии нужно было хозяйничать в проливах и на Черном море. Россию обложили со всех сторон. Военные действия шли в Закавказье, на Черном море, в Крыму, на Дунае, в Добрудже, на Балтийском, Белом море и даже на Дальнем Востоке, на Камчатке. Чрезвычайно упорные сражения развернулись в Крыму. В историю вошла героическая оборона Севастополя, продолжавшаяся 349 дней и ночей. В конце августа 1855 г. Севастополь пал. Оставшиеся русские корабли были затоплены русским командованием.

Поражение в Крымской войне — крупный просчет царского правительства, которое не смогло правильно оценить возможные политические и военные действия Англии и Франции и, следовательно, своевременно учесть, перед лицом каких сил оно должно было оказаться. У противников России было безусловное материальное преимущество. Промышленная революция значительно усилила их военно-морской флот, артиллерию, стрелковое вооружение. Россия же в области модернизации вооружений делала только первые шаги. Ее экономическое и внутриполитическое положение также не содействовало успеху ее военных усилий.

Царскому правительству пришлось закончить войну Парижским мирным договором 1856 г., по которому Россия была вынуждена согласиться на нейтрализацию Черного моря, ей запрещалось иметь там военный флот и базы, она уступала Турции южную часть Бессарабии. Пришлось сделать и другие серьезные уступки.

Отношение Дизраэли к Крымской войне было сложным. Когда в июне 1854 г. английское правительство приняло фатальное решение о вторжении в Крым, а затем в сентябре англо-французский флот приступил к реализации этого решения,

Дизраэли воспринял эти акции с тревогой и сильными опасениями. Интуиция его не обманула: военные действия развертывались не так, как планировали в Лондоне. Англичане и французы встретили ожесточенное сопротивление со стороны русских солдат и матросов. Последовавшие сражения были кровопролитными, но решающих успехов вторгшимся не принесли.

В Англии заговорили о плохом командовании, о нехватке боеприпасов, продовольствия, о неудовлетворительной медицинской службе, о плохом руководстве войной вообще. Оценивая положение дел в Крыму, Дизраэли писал: «Похоже, мы ввязались в еще одно нехорошее дело. По моему мнению, министров следовало бы привлечь к ответственности». Так думали и некоторые другие. Радикал-джингоист Робак в конце декабря официально заговорил о необходимости создать специальный комитет для расследования деятельности правительства по ведению войны. Когда в январе 1855 г. парламент обсуждал предложение Робака, Дерби и Дизраэли приняли активное участие в атаке на правительство. Они правильно оценили, насколько широко распространилось в стране недовольство ходом военных действий против России. При голосовании за предложение Робака было подано 305 голосов, а против — всего 148. Итоги были неожиданными и для парламентариев, и для общественности. Но они продемонстрировали, как низко оценивались военные усилия английского правительства в самой Англии. И нельзя сказать, что эта оценка была неверной.

Правительство оказалось вынужденным подать в отставку. Королева предложила Дерби принять власть, но он ответил, что станет премьер-министром лишь при условии, что Пальмерстон согласится войти в его правительство. Дерби заявил: «Вся страна требует включения Пальмерстона, как единственного человека, способного вести войну успешно. Поэтому Пальмерстон должен быть в составе правительства». Началась активная закулисная возня вокруг формирования правительства. Но и Пальмерстон понимал, что его престиж среди воинственных, шовинистических кругов очень высок, и поэтому отказался сотрудничать с Дерби. Он рассчитал правильно. Королева послала за Пальмерстоном, и он стал премьер-министром. Пальмерстон был убежденный русофоб, выступал за ведение войны против России до победного конца, чего бы это ни стоило. Такая позиция импонировала одержимым шовинистическим угаром слоям общества. И эти слои шумно требовали поставить их кумира у власти.

Английская историография пустила в оборот утверждение:

«Пальмерстон был Черчиллем для своего времени». Однако это суждение следует оспорить. Оно основано лишь на внешних чертах прихода этих деятелей к власти. Что же касается существа их позиций, то здесь видится разительное принципиальное различие: Черчилль в 1940–1945 гг. руководил справедливой освободительной войной против Германии и ее союзников, тогда как Пальмерстон руководил агрессивными военными действиями против России, явно преследуя экспансионистские цели.

Дизраэли был в бешенстве. Он глубоко возмущался поведением Дерби, которому не следовало торговаться с королевой и Пальмерстоном, а надлежало немедленно «поцеловать ее ручки», т. е. согласиться сформировать правительство. Его можно понять: согласись Пальмерстон служить под Дерби, Дизраэли был бы автоматически отодвинут на второй план. А если бы Дерби воспользовался случаем и создал свое правительство, то Дизраэли стал бы министром и играл бы вторую, а со временем и первую роль в управлении страной. Стремление Дерби и кое-кого еще из консервативной верхушки заполучить динамичного империалиста Пальмерстона в свою среду сделало двух политиков — Дизраэли и Пальмерстона — ожесточенными врагами. Пальмерстон прочно встал на пути Дизраэли к власти, и отныне их борьба вышла из стадии парламентских политических игр, превратилась в ожесточенную схватку за власть. Документы свидетельствуют о глубине ненависти Дизраэли к Пальмерстону, укоренившейся в то время. 2 февраля 1855 г. он писал своей приятельнице леди Лондондерри: «Это уже третий раз на протяжении шести лет, когда я возглавлял оппозицию в палате общин и штурмовал скамьи, на которых восседают члены правительства. Дважды этот штурм был безрезультатным, а в третий раз мне на хвост привязали пустой металлический чайник, что сделало мои усилия безнадежными. Поэтому вам не следует удивляться, что я несколько устал от этих пустых, безрезультатных побед, побед вроде тех, что были одержаны у Альмы, Инкермана и Балаклавы, которые, может быть, и являются славными, но, безусловно, не имеют никакого значения». Здесь сквозит крайнее раздражение тем, что его заслуги в борьбе против коалиционного правительства не были вознаграждены должным образом. Что касается пустого чайника (у нас обычно этот образ связан с пустой консервной банкой, привязываемой мальчишками кошке на хвост), то в данном случае это прямое указание на Дерби, полностью девальвировавшего все усилия Дизраэли по свержению коалиционного правительства. Безусловно, важна здесь также оценка таким информированным человеком, как Дизраэли, побед,

одержанных англичанами и их союзниками в Крыму.

Далее Дизраэли пишет маркизе, что наиболее раздражающим в деле формирования правительства является то, что весь «двор был за нас», т. е. за Дерби и Дизраэли, и тем не менее к власти придет «всегда вызывающий отвращение Пальмерстон». «Именно он, кажется, сейчас определенно является тем человеком, который создаст правительство. И это несмотря на то, что он в действительности жулик, совершенно не имеет физических сил, это в лучшем случае имбирный лимонад, а отнюдь не шампанское; сейчас он… очень глохнет, очень плохо видит, у него искусственная челюсть, которая так и грозит вывалиться изо рта, когда он пытается говорить. И у него имя, которое страна полна решимости ассоциировать с энергией, мудростью и красноречием. О нем так и будут думать, пока жизнь не проверит его и он не провалится…» Да, такое мог написать о своем коллеге по палате общин только человек, преисполненный злобы и ненависти. История не подтвердила оценку Дизраэли. Десять лет еще Пальмерстон оставался эффективным, энергичным лидером, «провел страну через испытания Крымской войны и продолжал провозглашать принципы либерального национализма», — пишет в 1987 г. Л. Стречи, биограф королевы Виктории. Он же отмечает, что «либеральный национализм Пальмерстона разделяли многие его соотечественники». С этим можно согласиться, заменив лишь слово «либеральный» словом «шовинистический». Неудивительно, что во время войны шовинизм в Англии подогревался всеми политическими и психологическими средствами.

Удивительно другое. Дизраэли почти ежедневно видел Пальмерстона в палате общин. Он знал, что его корреспондентка встречается с Пальмерстоном в свете и прекрасно осведомлена о его состоянии. Как же он мог таким подробнейшим образом живописать маркизе «старческую немощь и дряхлость» Пальмерстона, т. е. рисовать явно нереалистическую картину? Психологическая загадка. Объяснение, вероятно, состоит в том, что эмоциональное состояние Дизраэли было таково, что он неосознанно поддался соблазну принять желаемое за действительное и описал своего недруга таким, каким ему хотелось бы его видеть, а не таким, каким он был в то время в действительности. Пройдет немного времени, и Дизраэли столкнется с убедительным, хотя и своеобразным свидетельством хорошего физического состояния и жизнелюбия Пальмерстона.

Пальмерстон оказался энергичным, уверенным в себе премьер-министром. При нем министры имели возможность по своему разумению руководить своими департаментами, но все важные вопросы Пальмерстон решал сам. Ему сопутствовало

везение: англичанам и их союзникам наконец ценой огромных жертв удалось взять Севастополь. Дизраэли в душе завидовал ему. Успех и сила всегда вызывали в нем зависть.

Когда война разразилась, Дизраэли занял позицию патриотической поддержки своего правительства и его военных усилий. Об этом он официально заявил в палате общин от имени своей партии и собственного. В то же время он считал эту войну ненужной и, как лидер оппозиции, не упускал случая покритиковать правительство, когда оно допускало промахи и ошибки в руководстве военными действиями. В этой области его расхождения с премьер-министром Пальмерстоном были серьезными. После падения Севастополя Дизраэли начал выступать за заключение мира, тогда как крайне агрессивный Пальмерстон хотел добиться безоговорочной капитуляции России. Не вполне совпадали взгляды Дизраэли и на то, как закончить войну с Россией, с позицией его шефа. Дерби находился где-то между Дизраэли и Пальмерстоном, Он заявлял, что «никогда не пойдет на то, чтобы ослаблять правительство, против которого он выступает, увеличивая его затруднения в ведении войны». Дизраэли же полагал, что если не ограничить как-то Пальмерстона, то он «будет вести эту войну столько же, сколько продолжалась Пелопоннесская война или Тридцатилетняя война в Германии». Но если оценить ситуацию в целом, то все эти расхождения во мнениях были лишь оттенками, тактическими вариациями главного — и оппозиция в лице консерваторов, и правительство Пальмерстона выступали за выгодное для Англии завершение Крымской войны. В парламенте господствовала двухпартийная политическая линия по этому вопросу.

Дизраэли хотел знать как можно больше и точнее, что происходит в недрах правительства: точная и исчерпывающая информация дает политику очень большое преимущество. В стремлении заполучить это преимущество Дизраэли шел на рискованные и весьма сомнительные шаги. Он вступил в тайный сговор с человеком, который присутствовал на заседаниях правительства и был в курсе всех дискуссий. От него Дизраэли регулярно получал ценную информацию. Иногда, чтобы произвести выгодное впечатление на Дерби, Дизраэли сообщал ему некоторые добытые этим путем сведения. Но что это был за путь? Сегодня, вероятно, действия Дизраэли определили бы как шпионаж в среде правительства собственной страны. Но тогда скандала не произошло. Агентурная разведка Дизраэли была сохранена в тайне.

В конце концов оборонительные усилия России, и прежде

всего героизм ее солдат и моряков, привели к тому, что Пальмерстон был вынужден признать необходимость отказа от своих максималистских замыслов, а Наполеон III был сыт по горло этой войной. Война оказалась совсем не такой, как ее планировали в Лондоне и Париже.

Считается, что военная и экономическая отсталость феодальной России обусловила ее поражение в Крымской войне. Но следует рассмотреть войну всесторонне и не преувеличивать весомость слова «поражение». По существу англичане и французы выиграли сражение лишь за Севастополь. Но нужно учитывать, какой ценой, а также то, что, заняв разрушенный город, они тут же проявили озабоченность, как из него выбраться. Английский историк С. Штейнберг писал в 1963 г., что в английских войсках, действовавших в Крыму, «свирепствовали болезни, они страдали от холода, плохого снабжения. Из-за этого они несли тяжкие потери… Ужасающие условия в Крыму вызвали бурю возмущения в Англии и отставку премьер-министра лорда Абердина». После подписания Парижского мира Дизраэли, уже с известной исторической дистанции, говорил, что война велась Англией так плохо, что «он, со своей стороны, после всего, что он видел, был склонен приветствовать любой мир, лишь бы он не был постыдным». В 1987 г. Л. Стречи, оценивая роль Англии в Крымской войне, констатировал: «Крымская война была первой войной Англии в Европе после борьбы против Наполеона. Ее войска, показавшие себя ловкими и четко организованными на плацах парадов, действовали очень плохо на вражеской территории. Ими плохо командовали, их неудовлетворительно снабжали, они погибали тысячами…» Все это не тот язык, каким говорят победители. О безусловной победе не говорит и С. Штейнберг. У него читаем: «Русские эвакуировали Севастополь. Хотя их сухопутная армия не была разбита, падение Севастополя в конечном итоге привело к окончанию войны».

Поражение России в Крымской войне связано не только и, возможно, не столько с ходом военных действий, в которых ее армия, несмотря на известную отсталость от армий противников, сражалась неплохо, сколько с Парижским конгрессом 1856 г. За столом мирных переговоров русскими дипломатами не было одержано побед, соответствующих тому, что показали русские солдаты в войне. Да и условия для них складывались сложные. Они оказались перед лицом единого фронта своих противников — Англии, Франции, Турции и Сардинии, а также Австрии и Пруссии, проводивших в годы войны политику, враждебную России. России были навязаны невыгодные для нее условия мира, но этот успех ее противников не решал проблемы. Он был

недолговечным и сеял семена грядущих конфликтов.

ЛИЧНАЯ СЕКРЕТНАЯ СЛУЖБА ДИЗРАЭЛИ

Внешняя политика все больше и больше привлекала внимание Дизраэли наряду с прочим также и по объективным причинам — Англия все более активно и агрессивно действовала на международной арене. Она расширяла свои владения в Индии, осуществляла новые захваты на севере Индостана. В 1840–1842 гг. Англия вела войну против Китая с целью добиться свободного ввоза опиума (!) в эту страну, а затем превратить его в свою колонию или полуколонию. Новая Зеландия была провозглашена английской колонией. На 1838–1842 гг. приходится война против Афганистана. Активно колонизировалась Австралия. Английские имущие классы усиленно обогащались за счет порабощенных народов. Естественно, что эта экспансия неизбежно должна была столкнуть Англию с Францией и Россией, у которых были свои экспансионистские замыслы. Противоречия приняли острейший характер на Ближнем Востоке, что убедительно продемонстрировала Крымская война. Все это привлекало внимание Дизраэли к внешней политике. Ему была просто необходима достоверная информация о предпринимаемых правительством внешнеполитических акциях, с тем чтобы он мог более эффективно критиковать его в палате общин и приобретать авторитет специалиста по международным проблемам.

Дизраэли решил проблему добывания секретной дипломатической информации в характерном для него авантюристическом стиле. Судьба свела его с неким Ральфом Эрлом — авантюристом-карьеристом, подвизавшимся на дипломатическом поприще. Эрл происходил из влиятельной семьи сторонников вигов, получил образование в элитарной закрытой школе Харроу и в 1854 г. был послан в Париж в должности атташе английского посольства. Здесь Дизраэли встретился с ним и заключил тайную сделку, по условиям которой Эрл собирал Дизраэли секретные данные, находившиеся в распоряжении посольства, с тем чтобы Дизраэли мог использовать их против правительства. В свою очередь Дизраэли обещал Эрлу устроить ему большую дипломатическую карьеру, вплоть до назначения послом в одно из самых престижных посольств, когда он окажется в правительстве, которое придет на смену действующему. На протяжении года или больше Дизраэли получил от Эрла большое количество писем с ценной информацией, подписанных «Х» или совсем без подписи в целях конспирации.

Дизраэли завербовал для той же цели еще одного государственного служащего, некоего Джона Бидвелла, придерживавшегося консервативных взглядов. В последние дни недолгого существования правительства Дерби — Дизраэли в 1852 г. Бидвелл был назначен клерком второго класса в штат министра иностранных дел, где его обязанностью была запись служебных бесед и переговоров. Через Бидвелла и шел к Дизраэли поток донесений от Эрла. Позднее, в 1858 г., Бидвелл занял важный пост, став личным секретарем министра иностранных дел лорда Малмсбери. Это была очень важная позиция. Личный секретарь министра — это его ближайший помощник, доверенное лицо, которое часто выполняет ответственнейшие поручения. Временами он знает даже больше о состоянии дел, чем сам министр. В результате Дизраэли, как отмечает Дж. Гандерсон, специально занимавшийся этой проблемой, «имел свою секретную службу в английском министерстве иностранных дел и в посольстве Англии в Париже». Политическая практика тех лет (да и современного периода) такова, что руководство партии, приходящей к власти, в годы своего правления расставляет своих людей на важные посты в государственном аппарате. Но организация системы шпионажа в государственных учреждениях лидером партии, находящейся в оппозиции, — это нечто совершенно другое. То, что организовал Дизраэли, находилось в прямом противоречии не только с традицией, но и с законом. Секретное добывание государственных тайн лицом, которое не пользуется по должности правом их знать, имеет по закону совершенно определенную оценку и название — шпионаж.

Аморальность действий Дизраэли усугубляется еще и тем, что его агенты в Лондоне и в Париже работали на него не бескорыстно, а за обещанное им вознаграждение. Эрл работал, чтобы получить пост посла. В марте 1857 г. в связи с возможными правительственными изменениями пошли слухи, что Дизраэли может стать министром иностранных дел в будущем правительстве Дерби. Эрл знал, что это мечта Дизраэли, и с ее реализацией связывал получение своего вознаграждения. 4 марта Эрл писал Дизраэли: следует «назначить в главнейшие посольства сторонников Вашего правительства… Я советовал бы Вам создать нечто вроде внутреннего кабинета министра по французскому образцу. Вы его могли бы составить из своего парламентского заместителя и двух личных секретарей. В данное время, если Вы направите в посольства в Париже, Вене и Петербурге своих людей и замените начальников канцелярий этих посольств своими доверенными личными секретарями (конечно, неофициально),

отобранными из числа Ваших сторонников, то получите возможность вести любую переписку с иностранными дворами, совершенно не опасаясь, что она может попасть в чужие руки. Весь архив, состоящий из этой корреспонденции, Вы заберете с собой, когда наступит время Вашего ухода из министерства; ни в Форин оффис, ни в заграничных миссиях от нее не останется никакого следа». Нельзя не признать, что Эрл хорошо продумал систему внутреннего шпионажа. В его письме просматриваются и посты, к которым он стремится, — от послов в столицах великих держав до личного секретаря у Дизраэли.

Случилось так, что Эрлу пришлось удовлетвориться положением личного секретаря Дизраэли, когда тот вновь стал министром финансов во втором правительстве Дерби. У Дизраэли на этих ролях подвизался некий Генри Леннокс. Эрл и Леннокс соревновались в том, чтобы завоевать особое расположение патрона, и поэтому ненавидели друг друга. Каждый из них перед Дизраэли обвинял другого в недостаточной честности и осмотрительности.

Забавно, что люди Эрла претендуют на признание за ними исключительной честности. Эрл терпеть не мог посла в Париже лорда Коули, хотел ему отомстить да заодно и сделать этот пост вакантным. Он придумал коварный ход и предложил его Дизраэли: Дизраэли должен был провести решение сократить жалованье лорду Коули, тот наверняка воспримет это как незаслуженную обиду и подаст в отставку. Замысел не сработал. Лорд Малмсбери, министр иностранных дел в правительстве Дерби, т. е. коллега Дизраэли, то ли разгадал замысел Эрла — Дизраэли, то ли счел целесообразным в интересах службы сохранить Коули в Париже на посту посла; он задержался там до 1867 г. Но интрига сработала: однажды в «Таймс» появилась передовая статья, в которой Малмсбери квалифицировался как «десятистепенная посредственность». Кто стоял за этим, неясно, но известно, что Эрл с большим удовольствием обратил внимание Дизраэли на эту формулировку.

В 1859 г. Дизраэли через Эрла пытался в некоторых вопросах тайно вести свою политику, шедшую вразрез с действиями министерства иностранных дел и правительства. Назревала война между императорской Францией и Австрией из-за австрийских владений в Италии. Экспансионистские устремления обеих держав переплетались с национально-освободительным движением итальянцев. У либералов и консерваторов были различные мнения по этому вопросу. Тут-то и вмешался Дизраэли. Министр иностранных дел Малмсбери стремился избежать войны между Францией и Австрией и выступал за то,

чтобы обе страны мирно урегулировали между собой итальянский вопрос. Дизраэли же в конце года направил Эрла с секретной миссией в Париж. Он дал ему письмо, адресованное по форме ему, Эрлу, которое последний должен был показать императору Наполеону III. Суть письма шла вразрез с линией Малмсбери. Дизраэли писал, что он «без ревности относится к внешнеполитическим действиям Франции… Я часто говорил Вам об этом и даже подробно выражал это мнение самому императору. Я исхожу из возможности эвентуального увеличения его владений. Он император и должен иметь империю. Но меры, направленные к этой цели, должны приниматься с санкции или по крайней мере с молчаливого согласия Англии, а не вопреки ее желанию».

Интересно, что эти инициативы Дизраэли были по существу направлены против политики правительства собственной страны, и историки их квалифицируют как свидетельство «недостаточной веры Дизраэли в дипломатический этикет», его «непреодолимой склонности к интриге». Сегодня эта оценка выглядит странной и явно недостаточной, как сомнительным представляется и поведение Эрла, объясняемое «недостатком у него патриотизма».

Сформулированное Дизраэли в письме Эрлу — Наполеону положение о том, что действия Франции в Италии возражений, вероятно, не вызовут, но что они обязательно должны предприниматься с официального или молчаливого согласия Англии, имело большое значение как важный исторический принцип британской внешней политики. Напрашивается аналогия с поведением правительства Невиля Чемберлена в 30-х годах, которое дало Гитлеру в принципе согласие на осуществление ряда захватов в Европе при условии, что они будут произведены при официальном или молчаливом согласии Англии. Судьба, например, Австрии и Чехословакии была решена таким образом.

Дизраэли аккуратно платил по счету Эрлу. Этот агент прошел в парламент, но его честолюбие не было удовлетворено. Он требовал большого поста и получил место главы Управления по реализации закона о бедных с окладом в 1100 фунтов в год. При этом Эрл хотел продолжать играть роль доверенного лица Дизраэли, но последний начал осторожно относиться к своему агенту. Эрл намеревался протолкнуть на пост личного секретаря Дизраэли своего человека, но это у него не вышло. Секретарем стал и уже до конца карьеры Дизраэли оставался им М. Кори — человек умный, добросовестный, с умеренным честолюбием, надежный и не склонный делать карьеру любыми и весьма сомнительными средствами. Эрл все рвался наверх, и, когда Дизраэли не смог или не пожелал продвинуть его дальше, он

открыто выступил против своего покровителя в палате общин. У многих это вызвало удивление. Оратор он был плохой и вреда Дизраэли не причинил, но Дизраэли был глубоко возмущен «предательством Эрла». А это может удивлять уже нас — ведь не возмущался же Дизраэли, когда Эрл предавал посла Коули и министра Малмсбери для него, Дизраэли! В 1868 г. Эрл не стал выдвигаться в парламент, а переключился на бизнес. Став подручным некоего барона Хирша, занимавшегося железными дорогами в Турции, он заработал только на этой операции 10 тыс. фунтов и в конце концов оставил после себя состояние в 40 тыс. фунтов стерлингов.

ДЕЛА ЛИЧНЫЕ

На протяжении полутора десятка лет, до 1867 г., личная жизнь Дизраэли была упорядоченной, устойчивой и следовала в основном заведенному порядку. Когда он был в составе правительства, он очень много работал. Одним из факторов его успеха было то, что он стремился хорошо узнать порученное ему дело и выполнять его как можно лучше. В эти месяцы у него было меньше времени, чтобы проводить его в Хьюэндине. Когда же он был в оппозиции, то возможностей пожить в загородном доме у него было достаточно. Все перерывы в заседаниях парламента он проводил за городом.

Дизраэли очень любил Хьюэндин. Ему нравилось чувствовать себя землевладельцем, имеющим хороший загородный дом, расположенный в красивом месте и недалеко от Лондона. Здание постепенно становилось все красивее и благоустроеннее; это над его совершенствованием трудилась Мэри Энн. В хорошую погоду Дизраэли гулял вокруг дома, по парку и обдумывал ходы и маневры в парламентской борьбе. Жена была уже немолода и не очень здорова, поэтому зачастую Дизраэли шагал по дорожкам, а рядом в специально изготовленной маленькой открытой каретке, запряженной пони, ехала Мэри Энн, и супруги мирно беседовали. Они жили очень хорошо, оказывали друг другу максимальное внимание и проявляли нежность. Между ними не существовало каких-либо трений или раздоров.

Как правило, Дизраэли проводил в усадьбе месяцы с августа до рождественских праздников включительно. Дизраэли наслаждался бабьим летом. Этот сезон в Англии называется индейским летом. В те времена жизнь политиков не была такой бурной и лихорадочной, как в конце XX в., и у Дизраэли было достаточно времени, чтобы думать, читать, писать многочисленные письма и заниматься литературным трудом. Но это частично потому, что его интересы не были похожи на то, чем занималась провинциальная знать, — он не интересовался охотой, не скакал верхом, не занимался подготовкой лошадей для скачек, а также не поглощал огромные, тяжелые обеды. У него все это заменяла любовь к зеленым деревьям, кустарникам, лужайкам и к книгам.

Иногда в Хьюэндине гостили друзья и знакомые хозяина. В этом вопросе он был строг и рационален. Приглашалась знать вроде членов семейства Солсбери и такие финансисты, как Ротшильды. В свою очередь Дизраэли получал приглашения погостить в некоторых знатных и богатых усадьбах. Интересно,

что в соответствии с английской традицией Дизраэли, будучи лидером тори, получал приглашения и гостил в домах видных вигов, например герцогов Бедфордов и Кливлендов. Партийные расхождения были не такими острыми, чтобы влиять на личные отношения, хотя иногда бывали и исключения, ведь с Пальмерстоном, Гладстоном и некоторыми другими вражда была глубокой и принципиальной.

Во время этих приемов у себя дома или в гостях Мэри Энн держалась просто и естественно и не старалась скрыть своего восхищения мужем. Дизраэли это не шокировало, а гостей забавляло. Однажды в гостях, когда хозяин за столом между прочим обронил, что он собирается съездить в Оксфорд, Мэри Энн тут же среагировала: «О да! Я люблю Оксфорд. Все они там без ума от Дизраэли и аплодируют ему». Когда в другой раз ее спросили, любит ли она политику, ответ был: «Нет, у меня нет для этого времени. Мне приходится читать и просматривать так много книг и брошюр, чтобы установить, упоминается ли в них имя Дизраэли».

В этот период в одном из загородных домов Дизраэли и встретил молодого Монтегю Кори, сына одного из довольно видных консерваторов, однажды удостоившегося даже среднего министерского поста. Кори беззаботно веселился здесь с молодежью, не подозревая, что Дизраэли к нему присматривается. Когда все выходили из столовой, Дизраэли неожиданно положил руку на плечо Кори и сказал: «Я думаю, что вы должны стать моим импрессарио». Дизраэли был уже маститым политиком, и для молодого человека было честью стать его личным секретарем. Выбор был очень удачный — они вместе работали до самой кончины Дизраэли. Да и позднее умный и преданный Кори приводил в порядок дела покойного.

Заметный след в личной жизни Дизраэли оставила некая Бриджис Уильямс. В 1851 г. он неожиданно получил от нее письмо. Ему в это время было 47 лет, а ей, вдове полковника, скончавшегося 30 лет назад, было за 80. Жила она постоянно в приморском курорте Торки, славившемся своими минеральными водами. Вдова была довольно богата. Она следила за политической карьерой Дизраэли, и ее все больше и больше восхищали его выступления в палате общин. Она начала писать ему хвалебные, льстивые письма. Таких писем от своих поклонников он получал много и, как правило, оставлял их без ответа. Но письмо Бриджис Уильямс было необычным. Она просила его быть ее душеприказчиком и обещала оставить ему наследство, которое «хотя и не очень значительно, но во всяком случае довольно существенно».

Дизраэли, обладавший хорошей интуицией, сразу почувствовал, что дело может оказаться серьезным, и сообщил о письме своему поверенному Роузу. Ответил он лишь через месяц-полтора. Это время Роуз явно занимался выяснением того, кто такая вдова из Торки и есть ли у нее деньги. Дизраэли писал, что в предварительном порядке принимает предложение Бриджис Уильямс. Он много раз приглашал ее в Хьюэндин, но она ни разу не приехала из-за возраста. Супруги Дизраэли навещали ее иногда, проводили у нее вечера, много беседовали, и Дизраэли явно старался понравиться старушке. Сохранилось до 250 писем Дизраэли, в которых он рассуждал на темы, приятные его корреспондентке, — о жизни в Хьюэндине и других бытовых делах. Они посылали друг другу цветы и символические продукты к столу. Однажды Дизраэли послал форель, которую выловил в своем ручье.

Его приятельница была умеренно умной. Она категорически отвергала докторов и уверяла, что если не будет лечиться, то проживет до 100 лет. Бриджис Уильямс сделала завещание в пользу Дизраэли, но поставила одно условие: чтобы ее похоронили в склепе под церковью в Хьюэндине — там, где будут похоронены Дизраэли и его жена. Дизраэли ее заверил, что все так и будет сделано.

В ноябре 1863 г. Дизраэли писал в Торки: «Прощайте, скоро увидимся». Но, несмотря на то что Бриджис Уильямс береглась докторов, она неожиданно скончалась 11 ноября 1863 г. Дизраэли намерен был точно сдержать свое обещание и похоронить ее в семейном склепе владельцев Хьюэндина, но это не получилось. Викарий твердо заявил, что по закону запрещено хоронить в склепе под любой церковью и что закон распространяется не только на приятельницу Дизраэли, но и на него самого и его жену. Пришлось похоронить Бриджис Уильямс на кладбище, у восточной стены приходской церкви Хьюэндина. Дизраэли сделал все, что мог. Он получил наследство, после уплаты всех долгов и вычетов составившее несколько больше 30 тыс. фунтов, что при его трудном финансовом положении принесло ему большое облегчение.

Улучшение финансового положения было основательным, но проблема не была решена радикально, тем более что одновременно с удивительным наследством, полученным от Бриджис Уильямс, последовал совершенно неожиданный и тяжкий удар с непредвиденной стороны. Как известно, Хьюэндин был куплен примерно (точная цифра не совсем ясна, ибо у англичан есть правило не разглашать без крайней нужды денежные дела) за 40 тыс. фунтов. Из них под закладную было

предоставлено семейством Бентинк 30 тыс. Подразумевалось, что в обозримом будущем вопрос о погашении этого долга не может встать. В 1854 г. титул герцога Портленда перешел к старшему брату лорда Джорджа Бентинка, который в свое время участвовал в предоставлении средств Дизраэли. Поэтому казалось, что данное событие в семье Бентинк никак не может затрагивать Дизраэли. Но в 1857 г. новый герцог неожиданно потребовал уплатить ему ранее одолженную сумму. Сумма была очень велика. Дизраэли, как обычно, обратился к ростовщикам, и те дали деньги под очень большие проценты. Чем было вызвано изменение отношения герцога Портленда к Дизраэли, так и осталось невыясненным.

Но безусловно ясно, что не менее чем на пять лет после 1857 г. денежные дела Дизраэли резко ухудшились, его долги существенно возросли. Называют цифру в 60 тыс. фунтов — сумма огромная, и с нее нужно было платить проценты и погашать основной долг. Правда, несколько увеличились и поступления. Опять с неба свалилась манна небесная. Один крупный землевладелец, пришедший в восторг от политики тори, однажды явился в штаб-квартиру партии и сказал, что хотел бы оказать партии солидную материальную помощь. Служащие дали ему неожиданный и странный совет: ему сказали, что он поможет партии… уплатив или облегчив личные долги ее лидера — Дизраэли. Рекомендация сработала. Эндрю Монтегю скупил все долговые обязательства Дизраэли и взял их под вполне скромный процент — 3 процента годовых. Кроме того, когда Дизраэли не был в правительстве, государство стало выплачивать ему пенсию в 2000 фунтов в год. По подсчетам, на 1866 г. доход Дизраэли достигал примерно 9000 фунтов: половина приходилась на него самого, вторую половину получала Мэри Энн (пожизненно).

В связи с благотворительностью Э. Монтегю Дизраэли едва не попал в весьма неприятную ситуацию. Он был человеком, помнившим добро, и когда стал премьер-министром, то по совету Роуза решил возвести Монтегю в звание пэра. Если бы подноготная выплыла наружу, то Дизраэли имел бы крупные неприятности. Но и здесь ему повезло — Эндрю Монтегю отказался от предложенной чести.

ВТОРОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО ДЕРБИ — ДИЗРАЭЛИ

Политические партии и государственные деятели бывают в выигрыше не только в тех случаях, когда они искусно проводят глубоко продуманную политику. Иногда они неожиданно оказываются в преимущественном положении, если их главный противник допускает крупные ошибки и ляпсусы. Так случилось и с партией тори в 1858 г., когда она нежданно-негаданно оказалась, правда ненадолго, у власти.

Коалиционное правительство Пальмерстона подорвалось на двух политических минах. Сказалась излишняя самоуверенность премьер-министра. Он назначил на освободившийся средний министерский пост лорда — хранителя малой печати некоего лорда Клэйнрикарда, приятеля своей жены. В связи с его скандальной репутацией включение лорда в состав кабинета дискредитировало, по мнению общества, этот орган. Но Пальмерстон настоял на своем; казалось, он просто рехнулся. Это тот случай, который высвечивает роль жен государственных деятелей в политике. Жена заставила Пальмерстона пойти наперекор мнению общества и двора. 7 января Дизраэли писал леди Лондондерри: «Это назначение очень повредило правительству… Леди Пальмерстон собрала все свои силы, предприняла успешную атаку и протащила своего протеже. Нет ничего сильнее дружбы женщины, и это, пожалуй, единственное, что следовало бы иметь».

Второй просчет Пальмерстона был из области внешней политики. Ф. Орсини, итальянский революционер, член организации «Молодая Италия», 14 января 1858 г. пытался взорвать бомбой французского императора Наполеона III. Император уцелел, но 10 человек были убиты и 150 ранены. Бомба была изготовлена в Англии, в Бирмингеме. Франция потребовала от Англии принять закон, предотвращающий изготовление на английской земле снарядов для подобных целей. В стране отнеслись к этому спокойно, но, когда Пальмерстон внес соответствующий законопроект, у некоторых взыграла национальная гордость и раздались обвинения в «пресмыкательстве перед Францией». Для правительства создалась психологически неблагоприятная обстановка, но задний ход давать уже было поздно. Палата общин проголосовала против предложения Пальмерстона, и ему пришлось подать в отставку. Это открыло большие возможности перед Дерби и

Дизраэли.

Настроение в консервативной партии было в пользу формирования правительства, хотя оно и не располагало бы большинством в палате общин, где соотношение сил было 3:2 не в пользу консервативного правительства. Премьером стал Дерби, Дизраэли получил портфель министра финансов. После 1852 г. в парламенте выдвинулась сильная плеяда новых деятелей, которые теперь стали в положение оппозиции к правительству. Это — Гладстон, Рассел, Пальмерстон, Грэхэм, Кобден, Брайт.

Наиболее выдающейся и перспективной фигурой был Гладстон, ставший непримиримым политическим врагом Дизраэли на всю жизнь. Гладстон родился в 1809 г. в Ливерпуле. Его отец был богатым бизнесменом, образованным человеком, приобщившимся уже к политике — состоял в палате общин, где поддерживал партию тори. Поэтому и его сын Уильям начинал политическую деятельность как тори. На формирование его личности сильное воздействие оказала мать, по происхождению шотландка, крайне религиозная. Именно она вырастила сына убежденно религиозным, привила вкус к поэзии. Уильям Гладстон учился в Итоне, закончил Оксфордский университет. Постепенно Гладстон трансформировался из консерватора, клерикала и протекциониста в либерала и сторонника свободы торговли. В конце концов он стал лидером партии либералов и вошел в историю как один из крупнейших государственных деятелей Англии.

Гладстон был высокообразованным человеком. Свободное время он посвящал изучению Гомера, Данте и Святого Августина. В политике отличался честностью, прямотой, последовательностью, стремлением к добру и справедливости, как он их понимал. В этом он был прямой противоположностью Дизраэли. Характер Гладстона, казалось бы, должен был служить препятствием для успешной карьеры, учитывая господствовавшие в стране нравы, но его положительные черты были настолько сильны, что производили неотразимое впечатление на современников. Он взвешивал свои поступки с позиции справедливости и не считался с тем, выгодны они для его карьеры или нет.

Когда Пальмерстон в палате общин произнес свою знаменитую речь о британском подданном и римском гражданине, шовинистическая истерия охватила палату общин и всю страну. Казалось бы, кто осмелится возразить. Но поднялся Гладстон и стал доказывать безнравственность приведенной министром формулы. Гладстон показал, что свободный римский гражданин был членом привилегированной группы агрессоров-

завоевателей, победивших и подчинивших себе другие народы силой оружия. Римляне применяли к себе одни законы, а другие — ко всему остальному миру, отказывая другим народам в правах, которые присвоили себе. Гладстон считал, что такое положение несовместимо с истинным национальным достоинством, благородством и справедливостью. Англия поэтому не должна создавать для себя исключительных законов, особых принципов международного поведения и добиваться особых прав по сравнению с другими странами. Победил в конечном счете Пальмерстон, но эта речь убедительно показала, что такое Гладстон.

Его способности и строгие принципы морали объясняют, почему за ним охотились обе партии, каждая из них стремилась заполучить Гладстона себе. В 33 года он был уже членом правительства Роберта Пиля, затем участвовал в кабинетах Абердина, Пальмерстона, Рассела. Поэтому в 1858 г. при формировании правительства Дерби и Дизраэли обратили свои взоры на Гладстона. Он был им нужен не только из-за таланта, которым обладал, но и потому, что, вступив в правительство, он привлек бы на его сторону голоса своих последователей.

Привлечение Гладстона было делом нереальным из-за глубокой неприязни к Дизраэли. Это люди совершенно противоположных типов. Но все же Дизраэли решил попробовать, хотя и не мог не знать, что для Гладстона прямые отношения с ним совершенно неприемлемы. Когда нельзя было избежать выяснения каких-либо проблем, Дерби выступал в качестве посредника. Но 25 мая 1858 г. Дизраэли все-таки решил обратиться к Гладстону напрямую. Отношения были таковы, что в письме Дизраэли опустил обычное рутинное обращение «Дорогой сэр» и заключительное выражение «Ваш…». Он подписался только: «Б. Дизраэли». Это было приглашение к сотрудничеству с правительством. Ответ последовал предельно холодный, но подчеркнуто вежливый. Он начинался словами «Мой дорогой сэр» и заканчивался фразой: «Я остаюсь, мой дорогой сэр, весьма преданный Вам У.-Ю. Гладстон». А в тексте содержалась фраза о том, что препятствия, разделяющие двух политиков, «значительно больше, чем Вы можете себе представить». Антипатия к Дизраэли была той главной причиной, которая не позволила Гладстону войти в правительство Дерби в 1858 г. Переписка показала, что Гладстон никогда не согласится на совместную с Дизраэли работу.

Возможности правительства были ограниченны, поскольку оно не опиралось на большинство палаты общин. Поэтому Дерби провозгласил минимальную программу на две ближайшие

парламентские сессии. Она предусматривала законодательство об Индии, реформу избирательного права и принятие бюджета на очередной финансовый год.

Однако Дизраэли прежде всего занялся патронажем. Придя к власти, правительство получило возможность ставить вопрос перед королевой о присвоении определенным лицам титулов, причем рекомендации правительства почти неизменно выполнялись. Другие деятели назначались на престижные и выгодные посты в государственном аппарате. Этим путем формировался корпус надежных приверженцев правительства и поддерживалась в его рядах нужная дисциплина. Этот метод находится где-то рядом с понятием коррупции, но, учитывая, что политические грани между партиями были весьма подвижны, а приверженностью принципам большинство английских политиков не страдало, патронаж служил мощным средством сплочения руководящей верхушки правящей партии.

При осуществлении патронажа у партийных лидеров появляется много сложностей, не все пожелания соответствующим образом удается удовлетворить. На этот раз не все прошло гладко при назначениях, например, высших сотрудников Адмиралтейства, членов Совета по делам Индий и замещении некоторых других постов. Получил поощрение Роуз, близкий к Дизраэли сотрудник. Дерби, человек вежливый, по своей инициативе предложил продвинуть Джеймса Дизраэли. Бенджамин не удержался от замечания, что при новых назначениях «нельзя создавать впечатление, что продвижение производится в связи с личными интересами». Несмотря на такую благородную позицию Дизраэли, новое назначение его брата состоялось.

Англия была глубоко встревожена начавшимся в 1857 г. народным восстанием против английского колониального господства в Индии — самой крупной и богатой колонии Англии. Народное возмущение было мощным, оно охватило ряд городов и обширных районов. Восставшие образовывали самостоятельные правительства, создавали повстанческие армии. Индией в это время по существу правила Ост-Индская компания, хищническая частная предпринимательская организация.

Выступления Дизраэли в палате общин по индийскому вопросу были не лишены разумного практицизма. Выступая против приуменьшения значения происходящего, он утверждал, что события в Индии — это «настоящее восстание против британской политики, а не простой протест против нарушения какого-либо религиозного обычая». Дизраэли настаивал, чтобы жителям Индии было твердо обещано, что их законы, обычаи и

верования будут строго соблюдаться Англией. Дизраэли сделал весьма многозначительное заявление на будущее: каков бы ни был исход вооруженной борьбы в Индии, правительство немедленно должно провозгласить, что в будущем отношения между народами Индии и «их истинным правителем и государем королевой Викторией должны стать более близкими». В 1858 г. парламент принял закон об Индии, упразднявший Ост-Индскую компанию и передававший управление колонией английской короне, т. е. правительству. Был учрежден пост министра по делам Индии, а генерал-губернатор возведен в ранг вице-короля Индии.

Интерес Дизраэли к Востоку вообще и его активность при обсуждении положения в Индии в палате общин породили забавные слухи. Говорили, что Дизраэли может стать первым вице-королем. Мотивировали это так: «Ему нужны деньги и высокое положение. А им нужно убрать его из Англии». Это были намеки врагов Дизраэли. Но слухи так и остались слухами, а Дизраэли продолжал действовать в Англии. К 1859 г. английскому правительству удалось подавить восстание народов Индии.

Прямой обязанностью Дизраэли как министра финансов было представление парламенту очередного бюджета. Бюджет заранее готовился в недрах министерства, и Дизраэли лишь оставалось нанести последние штрихи и представить его палате общин. Важным элементом бюджета были военные расходы. Их следовало увеличить: Крымская война показала не только слабость России, но и военную слабость Англии. Промышленная революция властно диктовала переоснащение всех вооруженных сил, но прежде всего военно-морского флота, основы военной мощи страны. В конце 50-х годов на смену хорошо послужившим деревянным парусным кораблям пришли паровые суда, оснащенные гребными винтами, с металлическим корпусом и сильной броней. Решение строить первое металлическое судно было принято правительством Дерби в 1858 г.; через два года его спустили на воду. Это был «Вэрраер». С него и началась очередная гонка военно-морских вооружений. В общем, бюджет прошел без особых трудностей.

Более сложной проблемой была давно готовившаяся вторая (после 1832 г.) реформа избирательного права. С каждым годом английский народ все лучше понимал ограниченный характер первой реформы и предпринимал попытки расширить свои избирательные права. Было ясно, что та партия, которая удовлетворит это требование, приобретет в массах большое влияние. Ясно было также, что саботировать стремления народа

долго не удастся. Поэтому Дизраэли быстро и легко пришел к выводу, что тори не должны уступать вигам инициативу в этом вопросе.

Дизраэли делает ставку на реформы

Расширить корпус избирателей можно было только за счет мастеровых и квалифицированных рабочих. Именно они вели самую активную борьбу за реформу. Но как поведет себя этот новый контингент избирателей? Дизраэли отвечал на этот вопрос, исходя из своей кардинальной концепции сотрудничества монархии, аристократии и рабочего люда. Он заявлял, что не боится класса ремесленников и мастеровых, что они не будут голосовать за радикалов и поддержат монархию и империю. Эта концепция Дизраэли была усвоена правительством, а затем широко распространилась в стране. Дизраэли полагал, что если принять некоторые меры страховки, то всеобщее избирательное право пойдет на пользу консерваторам и не явится революционной мерой.

Эта методологическая и политическая программа имеет

важный социальный элемент — она подразумевает, что господствующая, руководящая роль в обществе, построенном по этой схеме, будет принадлежать землевладельцам и буржуазии, а трудовой народ, получив некоторую толику политических и социальных прав, примет руководящую роль со стороны имущих классов. Некоторые пропорции и соотношение сил внутри этой структуры с годами и десятилетиями изменялись, но до чего же живучим оказался этот социальный организм, который в Англии любят называть «либеральная демократия». Вряд ли в свое время Дизраэли мог предполагать, что английские правящие круги так долго сохранят отвечающую их нуждам структуру, дав трудящимся политические права и приняв при этом «некоторые меры страховки».

В то время, в 50—60-е годы XIX в., аристократия и буржуазия испытывали сильный страх в связи с возможным расширением избирательного права. Это понятно: в памяти всех были еще свежи воспоминания о горячих битвах периода чартизма. Рассматривая события тех лет с солидной исторической дистанции, необходимо отметить, что Дизраэли оказался одним из наиболее прозорливых политиков. Ему как-то удалось предвидеть пути, по которым пойдет развитие английского общества на протяжении многих грядущих десятилетий. Выступая в 1859 г. в защиту билля о реформе, он утверждал: «У меня нет опасения, что если завтра у нас будет избирательное право для взрослых мужчин, то честный, мужественный и благонравный народ Англии займется грабежами, поджогами и учинит резню. Кто ожидает этого?» Итак, по мысли Дизраэли, нужно в определенных пределах доверять народу и идти ему на уступки, но все это отнюдь не для установления реального народовластия, а с целью сохранения «аристократических порядков, существующих в стране».

Созданный правительством специальный комитет для подготовки проекта реформы избирательного права был очень активен осенью 1858 г. и пытался подготовить проект закона к следующей парламентской сессии. Правительство обсуждало различные предложения, но министры никак не могли договориться. Наконец 28 февраля 1859 г. билль был внесен в парламент, но шансов на успех не имел. Наличие многочисленных враждующих политических группировок в парламенте приводило к тому, что каждая из них стремилась сделать предполагаемый закон таким, чтобы он принес ей на следующих выборах максимальную выгоду. Дизраэли открыл дискуссию яркой, впечатляющей речью, но опытные люди видели, что правительство вносит такой проект реформы, который был бы

полезен консерваторам и не очень выгоден вигам. Пальмерстон, забыв прежнюю вражду, объединился с Расселом. Проект реформы был провален.

Перед Дерби и Дизраэли был выбор: либо подать в отставку, либо распустить парламент и назначить новые выборы. Они предпочли второе. Парламент был распущен, и новые выборы состоялись 4 апреля 1859 г. Консерваторы улучшили свои позиции, получив 290 мест в палате общин, но все равно это не дало им желаемого большинства. Чтобы упрочить свои позиции, решили попробовать образовать коалицию и привлечь на свою сторону Пальмерстона. Дизраэли писал ему, предлагая ни много ни мало «возглавить консервативную партию и привести с собой от 20 до 30 джентльменов». Но Пальмерстона это не устроило.

В конце 50-х годов значение проблем внешней политики в общественной жизни Англии продолжало увеличиваться. Эта тенденция, все усиливаясь, окрашивала английскую политику многие годы. В 1859 г. общественность была возбуждена военными действиями в Италии, где итальянцы восстали против чужеземного австрийского господства. Правительство было склонно с симпатией отнестись к австрийцам, королева тоже: ведь они воюют за сохранение «закона и порядка» — всегда очень популярная формула в английских правящих кругах. Здесь они разошлись со своим народом, симпатии которого были на стороне итальянских борцов за свободу. Где же было место Дизраэли в этой ситуации? Вероятно, прав Роберт Блэйк, утверждающий, что «Дизраэли никогда не интересовался правами угнетенных народов, борющихся за свое освобождение. Он холодно относился к их судьбе».

Оппозиция воспользовалась расхождениями между настроениями общественности и позицией правительства по итальянскому вопросу, чтобы попытаться свалить правительство. 6 июня 1859 г. состоялась важная встреча Пальмерстона с Расселом, где они договорились о совместных действиях и о том, что каждый из них будет готов служить в правительстве под руководством другого, если такая ситуация возникнет. Эта встреча расценивается как поворотный пункт в английской политической истории, так как она положила начало объединению вигов, пилитов и либералов в единой либеральной партии. Способствовала этому объединению также их общая ненависть к Дизраэли, который их крайне раздражал своими действиями на посту лидера палаты общин.

В создавшемся антидизраэлевском блоке наиболее сильной фигурой был Пальмерстон. В это время ему было 75 лет, и никто не предвидел, что у него впереди еще бурные, плотно

насыщенные событиями годы. Сговор Пальмерстона с Расселом сработал. При голосовании в парламенте оппозиция обеспечила превалирующее число голосов над сторонниками правительства. Дерби сразу же подал в отставку. Дизраэли перестал быть министром. После некоторой закулисной возни премьер-министром был назначен Пальмерстон. Вопреки всеобщим пессимистическим прогнозам, связанным с его преклонным возрастом, он занимал этот пост более шести лет. Для Дизраэли вновь начался трудный период пребывания в оппозиции, затянувшийся до 1866 г.

ОЧЕРЕДНАЯ ОППОЗИЦИЯ: 1859–1867 ГОДЫ

После падения второго правительства Дерби — Дизраэли начался малоинтересный период в жизни Дизраэли. Настроение у него было грустное, а временами даже мрачное. Когда партия проигрывает несколько парламентских выборов подряд и многие годы находится в парламенте на вторых ролях, т. е. в оппозиции, это деморализующе и угнетающе действует на всю партию, и прежде всего на ее руководящую верхушку. Всегда начинаются поиски виноватых в том, что партия не одержала победы на выборах. Вслед за этим как бы сам собой возникает вопрос: а не следует ли сменить руководство, чтобы новые люди активизировали партию и обеспечили ей победу на следующих выборах?

Все эти неприятности и обрушились на Дизраэли: ведь он был лидером партии и руководил организационной частью ее деятельности. Конечно, главным лидером был Дерби, но он уже был стар, сильно страдал от подагры, да к тому же он был Дерби и само это положение как бы страховало его от активных критических нападок. Тем более острыми и ядовитыми были эти атаки на вызывающего раздражение и уязвимого Дизраэли. И все это растянулось на долгие шесть-семь лет.

К этому прибавилось и большое личное горе. В декабре 1859 г. умерла сестра Сара — самый близкий ему человек в семье. Это была умная, тактичная, самоотверженная женщина, твердо верившая в звезду Бенджамина. Он открывал ей душу более широко, чем жене. Только Сара знала его истинное финансовое положение.

Из-за траура Дизраэли прекратил на время традиционные обеды для своих коллег по парламенту, являвшиеся формой общения между ними и предоставлявшие возможность регулярно обсуждать текущие дела. Но поговаривали, что причина этого не в трауре, а в том, что партия находилась в состоянии дезорганизации. Дизраэли обвиняли в нелояльности в отношении Дерби. И делали это зря: Дизраэли часто раздражался из-за поведения Дерби, но прямые его указания исполнял добросовестно. Активизировалась группа молодых деятелей партии, склонных валить всю ответственность за неудачи партии на Дизраэли. Лорд Роберт Сесиль, сын маркиза Солсбери, главы влиятельного аристократического семейства, выступил в популярном еженедельнике со статьей против Дизраэли. Эту

шумную группу критиков-недоброжелателей возглавлял Джордж Бентинк, дальний племянник покойного лорда Джорджа Бентинка, надежного друга и соратника Дизраэли. Однажды удрученный Дизраэли написал письмо одному из своих соратников, в котором сообщал, что «должен подать в отставку с поста лидера партии в палате общин…» «Я преданно трудился на этом посту четырнадцать лет, но так и не примирил партию». Явное разочарование и грусть сквозят в этом письме.

Дерби был против ухода Дизраэли, и отставка не состоялась. Оба лидера были едины в том, что оппозиция должна критиковать правительство, зарабатывать на этом популярность, но не доводить дело до свержения либерального правительства Пальмерстона. Взять власть консерваторы были пока не готовы.

В критике Дизраэли, адресованной правительству, в это время большое место отводилось вопросам внешней политики, прежде всего таким, как отношение Англии к Рисорджименто, т. е. национально-освободительной борьбе итальянского народа, к Гражданской войне в Америке, к восстанию в Польше, к тому, что Пруссия военными средствами превратила Шлезвиг-Гольштейн в свою провинцию. В 1862 г. канцлер Пруссии князь Бисмарк оказался в Лондоне, и там Дизраэли встретился с ним на одном из приемов. Поразительно, что Бисмарк тогда заявил Дизраэли следующее: «Я воспользуюсь первым же предлогом, чтобы объявить войну Австрии, распустить германский парламент, подчинить меньшие германские государства и установить общегерманское единство под руководством Пруссии». Это была действительная внешнеполитическая стратегия Пруссии, нацеленная на объединение Германии «железом и кровью». Дизраэли дожил до того времени, когда Бисмарк полностью добился своей цели.

Премьер-министр Пальмерстон приблизился к своему 80-летию, но все еще был, на удивление, бодр, динамичен, много работал, оставался большим жизнелюбом, любил основательно выпить и поесть. В апреле 1863 г. Дизраэли был принят королевой, и она сказала: «Лорд Пальмерстон стал очень стар». У Дизраэли не было оснований с любовью относиться к Пальмерстону, который много лет блокировал ему путь к власти, однако он ответил справедливо: «Но его голос, мадам, в дебатах звучит так же мощно, как всегда». Мадам тут же настроилась на другую волну: «Да! А его почерк! Видали вы когда-либо такой почерк? Такой четкий и твердый! И все же я замечаю в нем изменения, очень большие изменения. Выражение его лица так изменилось».

И все-таки Виктория рано сбрасывала со счетов своего

премьер-министра. Когда ему было 79 лет, он удивил королеву и высокое общество тем, что завел большой роман с замужней женщиной, некоей Хэйм. И это при живой жене! Каноны викторианской морали были оскорблены. Пальмерстону грозил суд за непристойную любовную связь.

Один молодой человек, желавший услужить Дизраэли, приложил огромные усилия и собрал неопровержимые доказательства тайной любовной связи Пальмерстона. Он представил материалы Дизраэли и предложил опубликовать их, с тем чтобы дискредитировать Пальмерстона на предстоящих парламентских выборах. Дизраэли на это ответил: «Пальмерстону сейчас семьдесят (на самом деле ему было много больше. — *В. Т.*), и если он сможет в своих выступлениях во время выборов доказать наличие у него потенции, то на поддержку ему устремятся избиратели всей страны». Дизраэли не ошибался: он знал психологию толпы.

Пальмерстон в 1865 г. распустил парламент и провел новые выборы, ставшие для него триумфом. Соотношение партий в палате общин сохранилось по существу прежним. 18 октября 1865 г. Пальмерстон неожиданно скончался, не дожив двух дней до 81 года. Начались обычные комбинации, приведшие к тому, что премьер-министром стал лорд Рассел, а лидером палаты общин — Гладстон, они автоматически стали противниками Дерби и Дизраэли. 12 марта 1866 г. Гладстон предложил палате общин проект закона о расширении избирательного права. Дизраэли возглавил борьбу против этого предложения, и в конце концов оно не прошло. В июне Расселу пришлось уйти в отставку, Дерби сформировал правительство, и Дизраэли в третий раз стал канцлером казначейства.

В правительстве появилось новое имя — молодой лорд Стэнли, министр иностранных дел, сын и наследник титула графа Дерби. Он едва не отодвинул Дизраэли в сторону. Шли активные разговоры о том, что он мог бы стать вместо отца премьер-министром. Власть могла перейти по семейной традиции. Этим был бы поставлен крест на надеждах Дизраэли. Но, на его счастье, отец и сын были в прохладных отношениях, и граф решил, что у сына нет данных для того, чтобы возглавить правительство. Премьером стал сам старик Дерби. При этом Дизраэли удалось провести в состав кабинета кое-кого из своих людей.

РЕФОРМА 1867 ГОДА

Третье правительство Дерби — Дизраэли было в крайне затруднительном положении: оно пришло к власти и существовало при попустительстве и, следовательно, с согласия оппозиции. Как только оппозиционные партии и группы решат объединить свои усилия для свержения правительства, оно тут же получит вотум недоверия в палате общин и будет вынуждено уйти в отставку. Ожидать от правительства в этих условиях каких-либо важных действий было нельзя.

Перед правительством сразу же встали две главные проблемы: формулирование позиции по реформе избирательного права и отношение к событиям, возникавшим в сфере внешней политики. Именно на этих направлениях сосредоточилась основная деятельность Дизраэли. Его ответственность все больше увеличивалась по мере того, как слабели силы Дерби и развивалась подагра. Проблемы внешней политики вызвали активную переписку между Дизраэли и Дерби и между Дизраэли и Викторией. Во время выборов 1865 г. Дизраэли атаковал Пальмерстона за его вызывающий, провокационный внешнеполитический курс, ставящий Англию временами в сложное положение. Дизраэли и королева были за позитивную, т. е. спокойную, внешнюю политику. Запомним, что это было в 1865–1867 гг. Все течет, все меняется. Дерби был с ними согласен, но его сын, молодой лорд Стэнли, министр иностранных дел, считал необходимым следовать примеру Пальмерстона. По этой причине в верхах возникали противоречия и трения. Дизраэли находил, что Стэнли излишне резко реагирует на возникающие международные проблемы. Позиция министра финансов — одна из важнейших в английском правительстве. Финансы — это мощный рычаг, который применяется в сфере компетенции всех министерств, не исключая и министерство иностранных дел, и Дизраэли энергично налегал на этот рычаг. Справедливо полагая, что бюджет должен сводиться с активом, Дизраэли добивался экономии средств во всех сферах, и прежде всего экономии военных расходов, что соответствовало линии на позитивную внешнюю политику.

Министр финансов не без оснований считал, что в Адмиралтействе дела ведутся плохо и деньги в значительной мере растранжириваются. 20 августа 1866 г. Дизраэли писал Дерби: «Убеждение в том, что в Адмиралтействе организация дела плохая, не говоря уже о том, что там имеют место злоупотребления, глубоко проникло в умы людей и является

господствующим чувством у народа». Дизраэли стремился не только к наведению порядка и экономии в военно-морских делах. Он намеревался вести эту работу с большим пропагандистским шумом и убеждал Дерби, что «если взяться за это дело энергично, то можно будет отвлечь внимание народа от парламентской реформы…» В Адмиралтействе накапливаются излишние запасы материалов, что ведет к их растранжириванию. Там же продолжают строить деревянные корабли, давно морально устаревшие, вместо того чтобы производить суда из металла. Дизраэли писал, что первый лорд Адмиралтейства, т. е. военно-морской министр, «окружен преступниками и нужны большой ум и незыблемая твердость, чтобы справиться с ними». Бессмысленно пытаться урезонить этих людей: они агрессивно воспринимают любые направленные на исправление положения предложения. В конечном итоге Дизраэли кое-чего добился, испортив вконец отношения с первым лордом Адмиралтейства. Ему удалось получить бюджет на 1867 г., в котором доходы на 1200 тыс. фунтов превышали расходы.

В целях экономии Дизраэли предлагал сокращение английских войск в колониях. Он выдвинул формулу: если колонии требуют самоуправления, то и обеспечивать свою оборону они должны сами. В письме Дерби Дизраэли сформулировал глобальную программу: «Мы не должны заявлять претензию и ставить целью своей политики оборону границы Канады от США… Свою мощь и влияние мы должны употреблять в Азии и, следовательно, в Восточной Европе, а также в Западной Европе. Но какая польза от этих мертвых колониальных грузов, которыми мы по существу не управляем?.. Предоставим канадцам оборонять самих себя, отзовем эскадру от берегов Африки, откажемся от поселений на западном берегу Африки, и мы сможем сэкономить достаточно средств, которых хватит на постройку новых судов и на то, чтобы иметь положительный бюджет». Эта программа выглядит весьма скромной и умеренной по сравнению с тем, за что будет ратовать и что проводить в жизнь Дизраэли всего через восемь лет. Пока же, в 1866 г., его замыслы дают основание квалифицировать его как умеренного империалиста. История показала, что эта умеренность была наделена тенденцией к быстрому сокращению.

Переключить внимание народных масс от реформы избирательного права на борьбу с беспорядком и злоупотреблениями в Адмиралтействе не удалось, да и не могло удаться. Это было одной из фантазий, часто посещавших Дизраэли. По мере того как в парламенте шла возня вокруг проектов реформы, нарастала борьба народных масс за

предоставление им более широких политических прав.

Как это нередко бывало в английской истории, законодатели, представлявшие интересы имущих классов, уже владевших политическими правами, во-первых, под разными предлогами затягивали принятие нового закона о реформе и, во-вторых, бесконечно его формулировали, редактировали, перефразировали, что также вело к затягиванию решения проблемы. Вся эта борьба различных партий, политических групп и отдельных деятелей из-за формулировок готовившегося закона имела единственное реальное объяснение: каждая из этих политических сил добивалась такого расширения избирательных прав трудящихся, которое было бы самым минимальным в складывавшихся условиях, а технические положения закона были бы более выгодны данной партии или группе и менее выгодны ее сопернице. Резкое столкновение интересов объясняло остроту борьбы. За этой возней законодатели проглядели тот факт, что народные массы расширили, углубили и ужесточили борьбу за избирательную реформу. И в конечном итоге правящим кругам пришлось пойти в 1867 г. на значительно большие уступки народу, чем те, которыми можно было бы ограничиться ранее.

Первым побуждением правительства было уклониться от решения вопроса о реформе. В Англии есть классическое средство — чтобы затянуть дело на неопределенный срок и одновременно успокоить массы, нужно создать королевскую комиссию для изучения неудобной проблемы. Такие комиссии медленно поспешают, правительство выигрывает время. Такое предложение и выдвинули Дерби и Дизраэли. Но затея провалилась. Народ вышел на улицы, требуя расширения своих политических прав. 23 июля начались события, которые историки именуют «бунт в Гайд-парке». Активисты движения за реформу запланировали на это число митинг в Гайд-парке. Власти митинг запретили, но многочисленная толпа собралась, сломала решетку парка, разобрала металлические прутья и демонстрировала в течение двух дней. Это был яркий, но далеко не единственный эпизод в народной борьбе за реформу. Многие в правящих кругах, и среди них Дизраэли, правильно поняли значение этого предупреждения.

Королева Виктория не на шутку испугалась. Она заявила Дерби, что «очень хочет, чтобы этот вопрос наконец был решен». Нараставшая сила движения за реформу произвела впечатление и на Дерби. Он заявил Дизраэли: «Я неохотно прихожу к заключению о том, что мы должны заняться вопросом о реформе». Поскольку принятие закона о реформе стало неотвратимым, Дизраэли принимает смелое и мудрое решение бросить тактику проволочек, выбросить за борт идею королевской комиссии и,

перехватив идею реформы у Гладстона и его либералов, самому выступить с предложением о реформе избирательного права. 26 февраля 1867 г., не получив даже санкции кабинета, под свою личную ответственность, Дизраэли заявил в парламенте, что правительство внесет на его рассмотрение свой проект о реформе избирательного права. Тем самым он поставил и кабинет, и парламент перед свершившимся фактом.

Отступать уже было нельзя, и законопроект был внесен правительством на рассмотрение парламента. Вскоре он приобрел совершенно иной вид по сравнению с тем текстом, который был предложен палате общин. Это был результат многочисленных внесенных поправок и дополнений. Многолетняя борьба за реформу достигла наивысшего накала. Во многих случаях народ выходил на улицы и мощно провозглашал свои требования, ряд из которых законодатели не смели игнорировать. Не могли они не учитывать и четко определившуюся срочность этой проблемы.

Дизраэли верно оценил обстановку и принялся энергично продвигать законопроект. Он действовал в полном согласии с Дерби. Оба лидера были полны решимости не допустить вновь поражения, которое нанесли консерваторам в 1859 г. либералы во главе с Расселом. Дизраэли стремился любой ценой, в любом виде провести законопроект и тем самым нанести поражение Гладстону и Расселу и остаться у власти. В этих целях он широко опирался на движение народных масс за реформу и налаживал тайные до времени связи с недовольными элементами в лагере политических противников.

Наиболее крупную группу таких тайных союзников Дизраэли возглавлял Джеймс Клей, за которым шла известная часть радикалов. У Клея были свои соображения. Он считал, что радикалы наилучшим образом добьются отражения своих предложений в законе о реформе, если поддержат законопроект консерваторов в обмен на принятие ими радикальных поправок. От Дизраэли это требовало искусного парламентского маневрирования и готовности идти на компромиссы. Но компромисс означает разумные уступки. И если Дизраэли был готов на такие уступки, то не все его коллеги по кабинету соглашались на них. У них были свои интересы и соображения, что порождало острые столкновения внутри правительства.

Противоречия внутри партийной верхушки консерваторов привели к отставке нескольких членов кабинета. Правительство состояло из весьма богатых людей. Их материальное положение, обеспечивающее им должный уровень существования независимо от министерского жалованья, позволяло им держаться с большой

свободой и поступать, руководствуясь лишь собственными убеждениями. Если бы их материальное существование зависело в большей степени от сохранения места в кабинете и от доброжелательного отношения премьер-министра, то они десять раз задумались бы, прежде чем проявлять настойчивость и последовательность в отстаивании своего мнения, не всегда совпадающего с мнением главы правительства. Здесь пышным цветом расцвели бы подхалимаж (открытый и скрытый), пресмыкательство, принесение принципов и убеждений в жертву сохранению материального благополучия. Получается парадокс: богатство членов кабинета способствует демократизации обстановки его работы. Поистине нет худа без добра. Однако это обстоятельство оборачивалось для Дизраэли дополнительными осложнениями.

13 апреля 1867 г. в 2 часа ночи в парламенте состоялось голосование. Второй закон о реформе избирательного права был принят большинством в 21 голос. Учитывая, что правительство не располагало большинством в палате общин, такой исход дела следует считать крупнейшей победой Дизраэли. Это был решающий шаг вперед в его политической карьере. И сделал он его в прямом смысле в одиночку: Дерби неотвязчивая подагра уложила в постель, и Дизраэли временно оказался во главе правительства. Его заслуги в проведении реформы признаются бесспорными сегодня, так их расценивали и в 1867 г. Так считали и в политических кругах, и при дворе. Генерал Грей, личный секретарь королевы, писал 7 мая Виктории, что при решении этого вопроса Дизраэли со всей очевидностью показал себя «направляющей интеллектуальной силой правительства».

Это была убедительная победа Дизраэли над его самым упорным и непреклонным противником — Гладстоном. Гладстон признал, что его искусно обошли и перехитрили в парламенте. Он был настолько огорчен, что подумывал о том, чтобы свернуть свою активность и перейти на роль заднескамеечника. Конечно, в действительности получилось иначе. Судьба этот подарок Дизраэли не преподнесла, и Гладстон оставался его политическим врагом до конца.

Акт о реформе избирательного права, принятый в 1867 г., явился этапным событием в истории Англии. Он существенно продвинул страну по пути демократического развития. Вместе с аналогичными актами, принятыми в отношении Шотландии и Ирландии, он увеличил и число избирателей с 1 359 000 до 2 456 000. Новыми избирателями были в основном городские рабочие. Итак, консерваторы провели закон, давший избирательные права рабочему классу. Парадокс, политическая аномалия? Может быть,

в этих парадоксах и аномалиях и лежит объяснение того факта, что и в конце XX в. консервативная партия в Англии собирает на выборах в парламент большое число голосов рабочих-избирателей и чувствует себя прочно у власти.

Реформа 1867 года имела важнейшее значение в политической карьере Дизраэли. Она рассматривалась как одно из его крупнейших достижений и соответственно увеличивала его авторитет в стране и в партии. Достижение конечной цели жизни стало реальным делом ближайшего будущего.

Глубокой ночью на 13 апреля после голосования по биллю о реформе палата общин приветствовала Дизраэли бурной овацией. Торжествовавшие победу консерваторы сразу же собрались на банкет в Карлтон-клубе. Заглянул туда и Дизраэли. Его встретили тостом: «За того, кто вел скачку и выиграл ее!» Ликовавшие тори приглашали Дизраэли остаться с ними поужинать, но он сказал, что спешит домой. А дома, несмотря на глубокую ночь, его встретила Мэри Энн пирогом из лучшего ресторана и бутылкой шампанского. Так завершился этот судьбоносный для Дизраэли день, открывший новый, завершающий этап в его жизни и деятельности.

ПРЕМЬЕР НА ЧАС

Закон о реформе избирательной системы вступил в силу 15 августа 1868 г. В заседаниях парламента наступил перерыв, и Дизраэли с чувством глубокого удовлетворения уединился в Хьюэндине. Его, как победителя в борьбе за реформу, пригласили приехать в Шотландию и выступить на банкете, организуемом местными консерваторами. Дизраэли не любил Шотландию, считал ее оплотом вигов, но не мог не поехать. Как признанный лидер консерваторов, он выступил на банкете с речью, в которой четко изложил программу консервативной партии, как она ему виделась. Лейтмотивом речи явился уже не новый для Дизраэли тезис о том, что тори — это общенародная партия, «национальная партия, воодушевляемая страстью патриотизма».

— Я всегда считал, лорды и джентльмены, — продолжал Дизраэли, — что партия тори является национальной партией Англии. Она не представляет собой симбиоз олигархов и философов, использующих в своих целях групповые предрассудки части народа. Она состоит из представителей всех классов — от самых высших до самых низших. Партия выступает в поддержку установлений, которые являются в теории и должны быть на практике воплощением потребностей нации и гарантом национальных прав.

Партия тори — триумфатор, — заключил он, — благословляемая провидением, она обеспечит процветание и мощь страны.

Вопреки опасениям выступление Дизраэли прошло с большим успехом. Вернувшись с банкета в гостиницу, Бенджамин и приехавшая с ним в Шотландию Мэри Энн выразили свой восторг тем, что отплясали джигу в спальне.

А в это время лидер переживающей свой триумф партии граф Дерби лежал тяжело больной. Он пытался не оставлять активную политическую деятельность, но врачи были непреклонны: надежды на выздоровление не будет, если он не оставит всех своих постов. Королева была в курсе дела и дала понять Дизраэли, что имеет в виду сделать его преемником Дерби. Создалась деликатная ситуация: вдруг слухи дойдут до Дерби и он подумает, что Дизраэли за спиной своего шефа готовит его отставку. Это противоречило нормам этики и, что еще более важно, было чревато опасностью: ведь Дерби имел большое влияние и мог в последний момент поломать задуманную комбинацию.

Дизраэли решил обезопасить себя, обратившись

непосредственно к Дерби с письмом. «Неожиданно происходят события, — говорилось в нем, — которых я никогда не планировал и не желал. Меня полностью удовлетворяло мое положение… Все, о чем я мечтал, так это после некоторого пребывания в правительстве уйти от общественных дел вместе с Вами». Далее Дизраэли писал, что ему повезло поддерживать доверительные отношения с графом Дерби, «самым выдающимся человеком нашего времени». «Я не отступлю перед обстоятельствами (надо понимать: не откажусь принять предложение стать премьер-министром. — *В. Т.*), но я отдаю себе отчет в сложности и трудности положения и рассчитываю на руководство и поддержку с Вашей стороны». Письмо было не совсем искренним, но это был верный ход.

Дерби, конечно, умел читать между строк, он правильно оценивал истинные намерения автора, но при этом считал, что кандидатура Дизраэли на пост премьер-министра действительно является наиболее подходящей. Он тут же написал королеве, что намерен подать в отставку по состоянию здоровья, и рекомендовал назначить главой правительства Дизраэли. Граф несколько нарушил свои конституционные прерогативы: уходящий премьер может рекомендовать кандидатуру своего преемника лишь в случае, если королева его об этом попросит. Но это был Дерби, и Виктория сделала вид, что не заметила нарушения протокола, тем более что они имели в виду одну и ту же кандидатуру.

Личный секретарь королевы генерал Грей официально передал Дизраэли ее поручение стать премьер-министром. Судьба иногда преподносит удивительные сюрпризы: это был именно тот Грей, который 36 лет назад победил Дизраэли на выборах в палату общин в Хай-Уикомбе. 27 февраля 1868 г. Дизраэли был принят королевой, «целовал ручки», что означало его официальное назначение на пост главы правительства. Так наконец с огромным трудом он достиг своей заветной мечты — стал главой правительства Англии; в его руках оказалась огромная власть.

Почему же именно ему была вручена эта власть? Виктория так объясняла это в письме к своей старшей дочери, жене кронпринца Пруссии: «Дизраэли — премьер-министр. Это дает человеку, поднявшемуся из народа, основание для большой гордости. И по справедливости я должна сказать, что это случилось благодаря его действительно большому таланту, покладистому характеру и тому, как он в прошлом году провел закон о реформе. Все это привело к его назначению».

Труден был путь Дизраэли к власти, очень труден. И никто

лучше, чем он, не понимал этого в 1868 г. Когда один из друзей поздравил его, Дизраэли сказал:

— Да, я взобрался на высокий столб, густо смазанный жиром.

Подобный образ был характерен не только для Англии. В России, например, на больших ярмарках для привлечения народа и в рекламных целях купцы ставили высокий, гладко обструганный столб, обильно смазанный жиром, и на его вершине подвешивали пару новых сапог. Тот, кто взбирался на такой столб, получал приз — эти сапоги. Вот так образно представил Дизраэли свой путь наверх, где призом были не сапоги, а пост премьер-министра Англии.

Вновь назначенный глава правительства автоматически получает полномочия сформировать его заново. Как правило, в таких случаях появляется новый состав кабинета, отражающий замыслы, а также — что, пожалуй, еще более важно — симпатии и антипатии премьер-министра. Дизраэли решил не менять радикально состав кабинета, но все же дань симпатиям и антипатиям отдал. Он освободил от должности лорда Челмсфорда, занимавшего пост лорда-канцлера, т. е. министра, в ведении которого находятся юридические дела. Как всегда и везде, замена мотивировалась объективными соображениями, интересами дела. Челмсфорду вменили, что он плохой оратор, неактивен на заседаниях правительства, да и в преклонном возрасте. А реальной причиной, о которой, конечно, не говорилось, была строптивость Челмсфорда.

Дело в том, что ранее Дизраэли, стремясь облагодетельствовать побольше своих людей, попытался назначить на высокую судебную должность собственного протеже. Но Челмсфорд не хотел допустить, чтобы кто-то хозяйничал в его епархии, и возразил против намерения Дизраэли. На лорда-канцлера попробовали надавить, но он не уступил. И так было не однажды. Челмсфорд считал, что поступает принципиально и потому опасаться ему нечего. Когда Дизраэли убрал его из кабинета, Челмсфорд был разъярен, выразил свое возмущение в печати и тут же допустил еще одну оплошность.

Чтобы скандал не разрастался, Дизраэли договорился с королевой о награждении Челмсфорда орденом Бани. По английской традиции, уходящие в отставку министры, как правило, награждались орденами или титулами. Челмсфорд счел, что и здесь его недооценивают, и потребовал, чтобы его возвели в графское достоинство. Но Дизраэли стоял насмерть, и Челмсфорд остался ни с чем, если не считать острого чувства обиды от несправедливости.

Возглавив правительство, Дизраэли сложил с себя

обязанности лидера палаты общин. Он регулярно писал Дерби, информируя его о состоянии дел и советуясь по наиболее важным вопросам.

В стане оппозиции произошли важные для Дизраэли перемены. Лорд Рассел подал в отставку с поста лидера либеральной партии. Это означало, что следующим либеральным премьер-министром и, следовательно, главным противником Дизраэли будет Гладстон.

Дизраэли получает власть. Восхождение на смазанный столб

Новое правительство не имело большинства в палате общин, поэтому оно было неустойчивым и недолговечным и могло заниматься только текущими делами, по которым можно было рассчитывать на поддержку оппозиции. Был проведен закон о борьбе с коррупцией во время выборов в палату общин. Это была первая и довольно результативная попытка бороться с подкупом во время выборов — широко распространенным и общепризнанным, цинично практикуемым злом, о котором так много писали периодическая печать, политическая и художественная литература. Принималось законодательство об улучшении работы общественных школ, железных дорог, юридической системы Шотландии. Правительство провело закон, который может считаться первой мерой в области национализации: почтовому ведомству было разрешено купить телеграфные компании, находившиеся в частном владении. Была назначена королевская комиссия по пересмотру законодательства о санитарном состоянии страны.

И правительство, и оппозиция были озабочены положением дел в Ирландии, где борьба народа против английского господства принимала острейшие формы. Ирландские эмигранты создали в 1857 г. в Нью-Йорке тайное общество «Братство фениев», боровшееся за освобождение Ирландии, и организовали ряд вооруженных восстаний.

Большой резонанс получила попытка фениев освободить своих людей из тюрьмы Клиркинвелл. Они подкатили бочку пороха к тюремной стене и взорвали ее. Освободить тех, кого хотели, не удалось, но было убито 12 человек и 120 ранено. Эта акция свидетельствовала об ужесточении борьбы и одновременно показала, какие странные сбои происходят иногда в государственном механизме. Высшие чины английской полиции каким-то путем были заранее информированы о предстоящей акции фениев, и тем не менее она по непонятным причинам не была предотвращена. Возникла масса тревожных слухов, большинство которых оказались ложными. Серьезную тревогу вызвал слух о том, будто из Нью-Йорка вышла бригантина, экипаж которой состоял из террористов-ирландцев, поклявшихся убить королеву Викторию. Таков был накал борьбы, который не спадает до сих пор, по прошествии многих десятилетий.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
ВЛАСТЬ ЗАПОЗДАЛАЯ

Ирландский вопрос постоянно занимал английский парламент на протяжении XIX в. Несть числа биллям, которые вносились в парламент, вызывали там острейшую борьбу, время от времени принимались и нередко приводили к отставкам правительств. Этот нескончаемый процесс объяснялся тем, что мятежных ирландцев пытались смирить видимостью уступок, не затрагивавших главного — сохранения реального господства английских колонизаторов над народом Ирландии.

4 апреля 1868 г. правительство Дизраэли потерпело поражение в палате общин при голосовании законопроекта, касавшегося положения церкви в Ирландии. Дизраэли очень не хотелось расставаться с властью, которую он получил менее трех месяцев назад. При поддержке королевы ему удалось протянуть до выборов в палату общин, назначенных на середину ноября 1868 г.

Однако Дизраэли не смог верно прогнозировать исход выборов. Он рассуждал так: поскольку закон о реформе избирательного права 1867 года провело правительство консерваторов, то новые избиратели в знак признательности отдадут им свои голоса. Так считали многие. И такое мнение было логичным. В действовавшей палате общин либералы имели 364 места, а консерваторы — 294. Итоги выборов поразили даже самых трезвых наблюдателей: число мандатов, полученных консерваторами, упало до 274, тогда как либералы увеличили свое представительство до 384 депутатов.

Что же случилось? Дизраэли и его соратники проявили непростительную самоуспокоенность. Они не предложили новым избирателям привлекательной программы, не использовали проведенные ими социальные меры в предвыборной агитации для укрепления авторитета партии тори, наконец, не разъяснили должным образом свою роль в реформе 1867 года, и многие избиратели полагали, что заслуга ее проведения принадлежит либералам. Победа либералов была столь впечатляющей, что Дизраэли подал в отставку, не ожидая сессии нового парламента. Это создало прецедент на будущее.

Уходящий премьер-министр по традиции получает титул в знак благодарности и признания его заслуг. Дизраэли удивил Викторию и многих в Англии, попросив королеву дать титул не ему, так как он хотел бы оставаться и впредь в палате общин, а

его жене. Он просил присвоить Мэри Энн титул виконтессы Биконсфильд по названию населенного пункта вблизи Хьюэндина. Королеве эта идея не понравилась, но она и ее советники сочли, что отказать Дизраэли в его просьбе было бы неудобно. Так Мэри Энн стала виконтессой и сразу же заказала почтовую бумагу с изображением короны. А он остался по-прежнему просто мистером Дизраэли.

Когда в декабре 1868 г. Дизраэли ушел с поста премьер-министра, ему было 64 года, а Мэри Энн — уже 76.

1868–1874 ГОДЫ: ОТ ОППОЗИЦИИ К УСТОЙЧИВОЙ ВЛАСТИ

После реформы 1867 года жизненный путь Дизраэли отмечен двумя особенностями. Во-первых, именно в это время закладывались и формировались основные элементы современной английской политической системы. Этот процесс продолжался и после Дизраэли. За вторым актом о реформе избирательного права последовал в 1884 г. третий, установивший принцип «один человек — один голос», что сделало политическую систему более демократичной. Закон о перераспределении избирательных участков, принятый в 1885 г., шел в том же направлении. Он радикально изменил парламентскую карту Англии, разделив страну на избирательные участки, примерно равные по численности населения и посылающие в палату общин только одного депутата. В 1872 г. было введено тайное голосование.

Однако такие отрицательные явления, как коррупция, взяточничество, протежирование со стороны влиятельных людей, глубоко проникли в избирательную практику страны и пышным цветом расцвели после реформы 1867 года. Потребовалось принять в 1883 г. закон, направленный против коррупции на выборах; он несколько улучшил положение, но до конца зло не устранил.

Во-вторых, в этот период в английской политической жизни установилась двухпартийная система, породившая то, что стало известно затем и существует поныне под названием качающегося маятника, т. е. чередование у власти либералов и консерваторов. Позднее, в XX в., когда либералы перестали играть какую-либо существенную роль на политической сцене, маятник стал качаться между консерваторами и лейбористами.

Оформление двухпартийной системы привело к выдвижению на ведущие роли лидеров этих партий. Соревнование и борьба партий за власть персонифицировались в соревновании и борьбе двух лидеров. После 1867 г. такими лидерами были: у консерваторов — Дизраэли, у либералов — Гладстон. Борьба между ними велась на протяжении всех оставшихся лет политической жизни Дизраэли. Эти фигуры были самыми значительными в английской истории XIX в.

Обе ведущие партии после реформы 1867 года оказались перед необходимостью вести упорную и систематическую работу по завоеванию на свою сторону симпатий новых избирателей,

состоявших в подавляющем большинстве из рабочих. Провал консерваторов на выборах 1868 г. продемонстрировал важность такой работы. Обе партии принялись создавать, развивать и совершенствовать сложные организационные структуры, главной задачей которых было улавливание голосов избирателей и обеспечение победы своей партии на выборах. Их организации действовали по одной и той же схеме: занимались привлечением денежных средств в избирательный фонд, подбором надежных и эффективных с партийной точки зрения кандидатов в депутаты палаты общин, вербовали активистов, действующих на общественных началах в качестве агитаторов партии. Эта практика, а также созданные еще в те времена местные партийные ассоциации аналогичным образом действуют и в конце XX в.

Благодаря усилиям прежде всего Дизраэли в 1867 г. был создан Национальный союз консервативных ассоциаций. Его эффективность была очевидной, и в 1877 г. либералы организовали Национальную либеральную федерацию. Так зарождалась и развивалась политическая система поздневикторианского периода. Следует иметь в виду, что главной, если не единственной, задачей этих политических организаций было обеспечение победы своей партии на выборах; они не являлись генераторами и хранителями политических идей и не формулировали предложения для законодательной работы парламента. Это было исключительной прерогативой лидера партии и ее парламентской фракции. Такое «разделение труда» сохраняется и поныне.

С 1868 по 1874 г. действовало первое правительство Гладстона, правительство либералов. Дизраэли возглавлял консервативную оппозицию. Он уделял большое внимание организационным вопросам деятельности партии и не стремился к тому, чтобы оппозиция правительству в палате общин была особенно активной и энергичной. Первые годы эта тактика не прибавляла ему авторитета и влияния. Но у Дизраэли был свой расчет. Он надеялся — и в этом не ошибся, — что если оппозиция будет спокойной и терпеливой, то Гладстон постепенно восстановит против себя часть общественного мнения сравнительно мягкой внешней политикой, которая будет выглядеть особенно невыгодно в сравнении с недавней крайне шовинистической политикой Пальмерстона.

В пользу спокойствия и терпения говорило и то, что Дизраэли после недавней бурной и напряженной деятельности чувствовал себя усталым и нездоровым. Он не спеша и исподволь занимался созданием сложной партийной структуры, что отнимало время и

силы. Наконец, что уж было совсем неожиданно для деятеля, достигшего ранга премьер-министра, Дизраэли занялся в 1869–1870 гг. написанием романа под названием «Лотар».

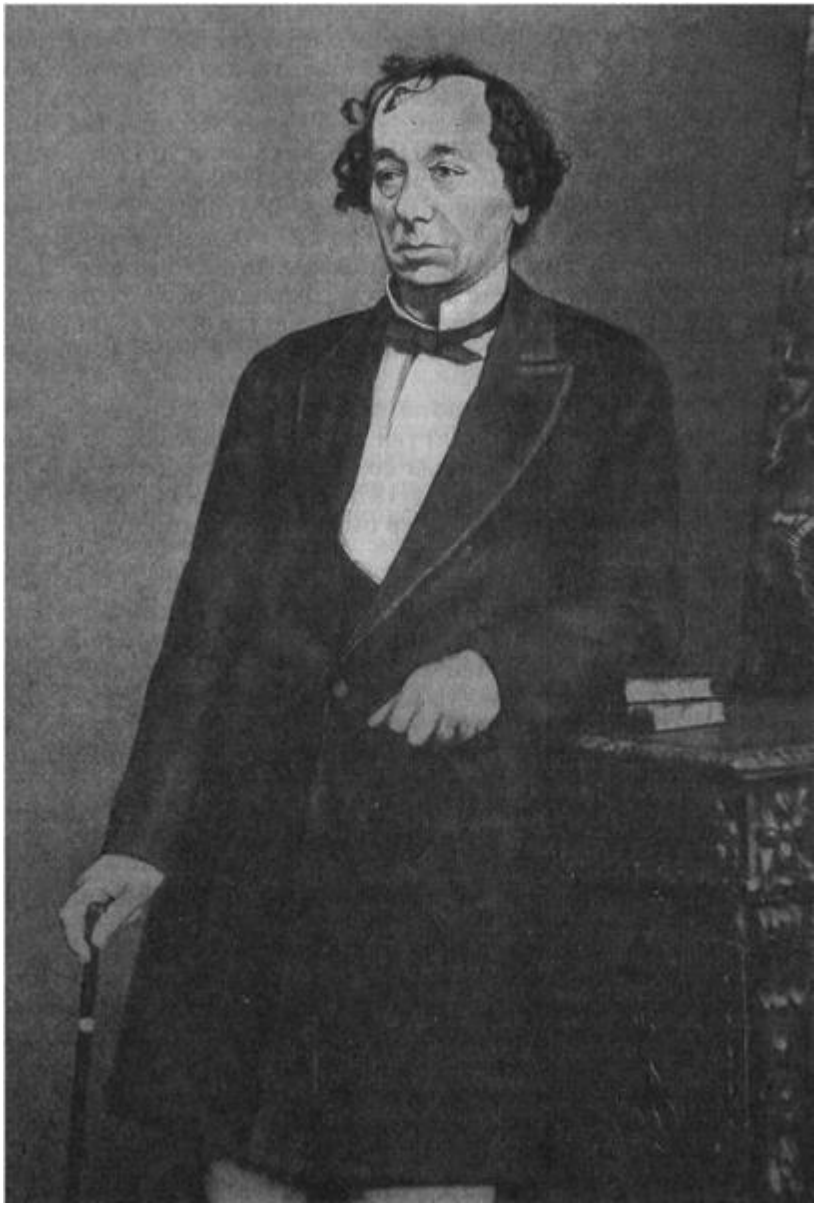
После того как вышел в свет его последний роман «Танкред», прошло более 20 лет. Действие в «Лотаре» происходит в Англии, затем переносится в континентальную Европу — в Италию, в Рим. Повествование развертывается на излюбленном фоне кричащей роскоши, где действует высшая знать — принцы, князья, герцоги и герцогини, лорды и леди. Наряду с ними в романе представлены англиканская церковь, национально-освободительные революционные силы. Предмет непрестанного внимания автора — тайные общества, угрожающие церкви и государству, стремящиеся к захвату власти. Автор призывает к неустанной бдительности в отношении этих обществ. Это было яркое, помпезное, романтическое повествование с оттенком иронии и сатиры.

Роман сделан изящно, профессионально; он хорошо расходился на книжном рынке в Англии и за ее пределами и принес Дизраэли солидный гонорар. Особой рекламой служило то, что эта книга написана недавним премьер-министром Англии, что было явлением исключительным.

Далеко не всем в рядах консерваторов понравился очередной литературный опыт их лидера. Тори — партия строгая, респектабельная. Если бы ее руководитель, бывший и будущий глава правительства страны, посвятил свой талант религиозным или философским трактатам, политическим исследованиям, экономическим изысканиям, это было бы нормально. Но роман?!

Не все критики встретили благожелательно новое произведение Дизраэли. Отчасти он сам в этом повинен. О критиках в романе сказано: «Вы знаете, кто такие критики? Это люди, пытавшиеся преуспеть в литературе и искусстве, но потерпевшие фиаско».

Дизраэли вообще был мастером афористических сентенций, их передавали из уст в уста. В парламенте, например, была популярна такая его острота: «Ни один депутат палаты общин не ходит на ее заседания, пока не женится». Читатель с интересом искал новые афоризмы на страницах «Лотара» и не был обманут в своих ожиданиях: в книге были щедро рассыпаны меткие высказывания на самые различные темы.



Момент размышлений. Дизраэли в 1868 году

Время шло и часто бывало безжалостным к близким и друзьям Дизраэли. В 1868 г. скончался его брат Джеймс. Он оставил Бенджамину 5 тыс. фунтов. Это было кстати, хотя денежные дела Дизраэли теперь уже были удовлетворительны. Быстро ухудшалось здоровье жены. Ее болезнь — рак — прогрессировала быстро, но оба, и Мэри Энн и Бенджамин, скрывали друг от друга, что они знают о ее фатальном исходе.

Жена стоически переносила бремя различных приемов и обедов. На пасху 1872 г. она сопровождала мужа в Манчестер, где он с большим триумфом выступал перед массовыми аудиториями. Но для нее в ее 80 лет это была почти непосильная нагрузка. Дизраэли нежно относился к жене, их соединяло искреннее чувство. Он говорил в это время:

— Мы женаты уже 33 года, и мне ни на минуту не было с ней скучно.

Мэри Энн самоотверженно выполняла свои светские обязанности. Однажды в июле супруги были на приеме, и крайне ослабевшая Мэри Энн потеряла сознание. После этого она уже не выезжала в свет. 15 декабря 1872 г. виконтесса Биконсфилд скончалась в Хьюэндине. Здесь же она и была похоронена рядом с Бриджес Уильямс.

Дизраэли любил жену и сестру, но, как мы помним, к остальным членам семьи (к этому времени, за исключением одного брата, все они скончались) он относился равнодушно. В этом смысле образцовым семьянином он не был. Жизнь у него была нелегкая, полная не столько успехов, сколько огорчений и неприятностей. Собственный долгий опыт помог Дизраэли сформулировать рациональный и оптимистический философско-психологический принцип отношения к жизни. Он говорил другу:

— Не концентрируйте ваши мысли на том, чего вы хотите, но чего не получили; всегда фиксируйте ваш мозг на том, чего вы добились.

Человек так устроен, что, если ему сопутствует какой-то успех, он хочет, чтобы его свидетелями были родные и близкие, готовые разделить радость. Как часто в подобных случаях можно слышать слова: «Вот если бы жив был отец, как бы он порадовался…» Эти чувства не были чужды и Дизраэли. Ф. Роуз через много лет вспоминал свой разговор с ним в момент, когда он впервые стал премьер-министром. Роуз сказал тогда:

— Если бы только ваша сестра была жива и увидела ваш триумф, какое счастье это доставило бы ей!

На что Дизраэли ответил:

— О, бедная, бедная Сара! Мы утратили свою аудиторию, мы потеряли своих зрителей…

Смерть жены имела для Дизраэли тяжелые последствия. Он лишился любимого человека, друга, нежно заботившегося о нем и оберегавшего его от всех житейских сложностей. Кроме того, изменилось финансовое положение — перестали ежегодно поступать в семейный бюджет те 4500 фунтов, которыми пожизненно располагала Мэри Энн. Прекрасный дом на Парк-Лэйн тоже принадлежал ей пожизненно. Она не могла завещать

его мужу. После смерти жены Дизраэли, проживший в этом доме более 30 лет, был вынужден покинуть его и поселиться в гостинице. Он был одинок, и друзья настойчиво приглашали его на обеды, а также в свои загородные резиденции. Он охотно откликался на эти приглашения. Пытаясь найти утешение в напряженной работе, после 1872 г. Дизраэли стал еще более активен в парламенте.

Знаменательно, что его пассивное поведение в годы пребывания в оппозиции также сыграло положительную роль — его авторитет в общественном мнении неожиданно резко возрос. Эта перемена политического климата началась еще в последние месяцы жизни Мэри Энн. В феврале вся лондонская знать собралась в соборе Святого Павла на торжественное богослужение по случаю выздоровления наследника престола принца Уэльского после опасной болезни. Среди других к месту церемонии направлялась карета Дизраэли, и огромная масса народа приветствовала его с гораздо б***о***льшим энтузиазмом, чем самого виновника торжества.

Когда Дизраэли посетил Манчестер, восторженная толпа выпрягла лошадей и сама везла по улицам его карету. Его выступления здесь получили большой резонанс. Именно тогда он подверг правительство особенно уничтожающей критике, заявив, что положение страны является опасным, опасность — в недостаточно энергичной имперской политике правительства Гладстона. Либеральная партия как будто специально поставила своей целью разрушение Британской империи. «И, господа, из всех ее усилий именно это ближе всего к успешному завершению».

Это, конечно, было тонко рассчитанным пропагандистским преувеличением — воздействовать на умы шовинистически настроенных людей, недовольных «слабой» внешней политикой Гладстона. Чувствуя свою популярность, Дизраэли испытывал психологический подъем, и его манчестерские речи в изобилии были пересыпаны афористическими фразами. Именно тогда от него услышали: «Справедливость — это правда в действии», «Английский народ никогда не бывает так велик, как в час большой беды», «Экономика не может существовать без должной производительности», «Гораздо легче быть критичным, чем правдивым» и т. п.

В Англии важным политическим барометром являются внеочередные выборы в палату общин взамен выбывающих досрочно по разным причинам депутатов. В 1873 г. такие выборы показывали ухудшение позиций либералов и улучшение отношения к консерваторам. И снова эти перемены в настроении

избирателей были вызваны разочарованием недостаточно активной внешней и имперской политикой Гладстона.

Гладстон это понимал и прибег к испытанному маневру: в январе 1874 г. он получил согласие королевы на роспуск парламента и проведение новых выборов. Расчет строился на том, что внезапность акции не оставит консерваторам времени для должной подготовки к выборам. Чтобы обеспечить поддержку избирателей, Гладстон обещал отменить подоходный налог. Апелляция к кошельку и желудку избирателей — часто практикуемый и зачастую безотказно действующий прием. Но Гладстон при этом просчитался. Хотя выборы были для Дизраэли неожиданными, он был готов к такой неожиданности.

Выборы состоялись в феврале 1874 г. и принесли победу консерваторам. Партия Дизраэли получила 350 мест в палате общин, а партия Гладстона — 245. Ирландская фракция насчитывала 57 человек. Таким образом, консерваторы имели на 50 мандатов больше по сравнению со всеми другими партиями, представленными в палате общин. Это означало, что впервые за много лет консерваторы стали хозяевами положения в стране. Полный контроль над государственными делами получал и их лидер Бенджамин Дизраэли.

Закончился долгий тридцатисемилетний путь с того дня, когда Дизраэли стал депутатом парламента, до настоящего момента, когда он получил власть премьер-министра, опирающегося на парламентское большинство. Какие невероятные трудности преграждали ему путь к успеху: неблагополучное происхождение, его внешность, не импонирующая большинству манера поведения, огромные долги, слабое здоровье, неудачный дебют в палате общин, ненависть политических противников, неприязнь со стороны многих членов его партии, предвзятость и недоброжелательность, вызываемые его способностями и остроумием. Сколько препятствий пришлось преодолеть, напрягая все силы, используя всевозможные средства и приемы, включая и недозволенные…

В феврале 1874 г. Дизраэли был приглашен королевой и получил мандат на формирование правительства. Эта акция была проведена довольно быстро и без особых сложностей. Хлопоты причинил лишь лорд Солсбери, представитель весьма влиятельного и высокопочитаемого семейства. Солсбери критически относился к Дизраэли, тем более что по родовым традициям сам мог претендовать на роль премьер-министра. Обойти его было бы нежелательно и даже опасно. Он мог начать фронду внутри партии, как когда-то это сделал Дизраэли против Пиля.

Нужно было убедить Солсбери войти в правительство и работать в нем под началом Дизраэли. Однако напрямую премьер-министр не решился предложить это Солсбери, опасаясь нарваться на неприятный отказ. Поэтому он занялся обработкой строптивого лорда через его сестру и мачеху. С женщинами Дизраэли всегда находил деловой контакт. Так было и на сей раз. Обе дамы убедили Солсбери войти в кабинет Дизраэли в качестве министра по делам Индии. Предполагалось, что он будет играть одну из ключевых ролей в правительстве.

Министром иностранных дел вновь стал лорд Стэнли. Его отец, под началом которого так долго работал Дизраэли, скончался в 1869 г., и Стэнли, старший сын, унаследовал титул как 15-й граф Дерби.

Дизраэли был доволен тем, как ему удалось сформировать правительство. Счастливый премьер-министр чувствовал усталость и нуждался в отдыхе. И он отправился в Брайтон — пожалуй, самый модный и тогда, и теперь приморский курорт на юге Англии.

Здесь у старого политика было время поразмышлять о своем успехе и о цене, какую пришлось за него заплатить. И он пришел к выводу, что для достижения большой цели люди должны жертвовать всем остальным. Но возникал и второй вопрос: стоила ли его победа тех усилий и жертв, которых она потребовала? Сам для себя он ответил на этот вопрос положительно. Но одно важное обстоятельство омрачало достижение великой цели. Принимая от добрых друзей поздравления с достигнутым триумфом, Дизраэли отвечал:

— Да, но он пришел слишком поздно.

И все же он с поразительной готовностью и радостью принял тяжелое бремя власти, хотя ему уже было 70 лет. Возраст и по нынешним меркам солидный, а уж тогда и тем более. Через четыре года, будучи на вершине славы, он говорил:

— Власть! Ко мне она пришла слишком поздно. Были времена, когда я, просыпаясь, чувствовал, что могу манипулировать династиями и правительствами, но все это осталось в прошлом.

ЭТОТ МЕНЯЮЩИЙСЯ МИР

К 1874 г. многое изменилось. Это был уже не тот Дизраэли, который в 1837 г. впервые ступил в святая святых — палату общин. За это время серьезно пошатнулось его не такое уж прочное здоровье, и он все чаще серьезно недомогал. Под влиянием долгого и трудного опыта жизни и политической борьбы претерпели определенные изменения и взгляды Дизраэли на политические проблемы. Это в полной мере выявилось в его практической деятельности в качестве премьер-министра в ближайшие шесть лет. Не той была и Англия, что в середине столетия, когда ее экономическое превосходство было демонстративно вызывающим и порождало мечты о «Pax Britannica». Вес и место Англии в мире менялись, ее превосходство убедительно оспаривали Германия и Соединенные Штаты Америки. Вот это были те новые и неожиданно возникшие условия, в которых приходилось действовать правительству Дизраэли.

Обеспечение Англии продовольствием все в большей мере зависело от ввоза из-за моря. Крупнейшие международные события, такие, как Крымская война, Гражданская война в Америке, русско-турецкая война 1877 года, сопровождались быстрым ростом населения Англии. В результате возросла зависимость страны от поставок зерна из-за границы. Цены на зерно были сравнительно низкими, и в результате посевы зерновых в самой Англии сокращались. К 1875 г. почти половина потребляемой пшеницы импортировалась, а к началу 80-х годов эта доля из-за плохих урожаев выросла до 70 %. Дальнейшее падение цен на зерно вызвало депрессию в сельском хозяйстве страны. Это было производным от промышленной монополии, которой Англия обладала в XIX в.

Но и в области промышленного производства дела обстояли намного хуже, чем ожидалось в середине века. Рост промышленного производства сильно замедлился. Эта неприятная тенденция перешла затем в следующее столетие.

Снижение роли и влияния Англии в мире в значительной степени компенсировалось тем, что принято называть английской колониальной монополией. Продолжался процесс бурного расширения и консолидации колониальной империи. Время от времени из правящих кругов раздавалось притворное хныканье о том, что колонии, дескать, лишь ненужное бремя для Англии. Одновременно правящая верхушка, в том числе и Дизраэли, не останавливалась даже перед тем, чтобы начать войну (и не одну)

во имя увеличения и расширения этого бремени. В период действия правительства Дизраэли так было и в Азии, и в Африке.

К числу «факторов экспансии» следует отнести не только экспорт промышленных товаров, но и экспорт людей и капиталов. Между 1853 и 1880 гг. из Англии отправились на колонизацию новых заморских земель 2466 тыс. человек. Радикалы-колонизаторы лорд Дарем и Гиббон Уэйкфилд пропагандировали идею о том, что расселение эмигрантов — белых поселенцев — должно составлять самую основу колониальной империи. Эмигранты уезжали за моря по разным мотивам. Одних выталкивали из метрополии экономические и социальные причины, других — политические и религиозные, а некоторые просто пускались в авантюру в надежде на то, что авось повезет и на чужбине удастся добыть большое состояние, тем более что в годы «великой золотой лихорадки» такие случаи встречались.

Уходили в колонии и на некоторые другие территории не только люди, но и капиталы. К 1870 г. английские капиталисты вложили за рубежом примерно 800 млн фунтов стерлингов. На протяжении жизни лишь одного поколения, до 1885 г., эта сумма возросла в 4 раза. Деньги работали, и весьма продуктивно. Поступавших от них доходов вместе с доходами от крупнейшего в мире судоходства — так называемый «невидимый экспорт» — с избытком хватало на покрытие торгового дефицита, т. е. разницы между стоимостью вывозимых и ввозимых товаров.

Однако в последней четверти XIX в. лондонские экономисты и политики начали получать совершенно неожиданные неприятные данные о том, что бурно развивающиеся Соединенные Штаты Америки и завершившая свое объединение Германия оспаривают монопольное промышленное положение Англии. Никто в Лондоне в 50-е годы — время Всемирной выставки — не мог и подумать о подобной дерзости. Но люди не только плохо понимают свое прошлое — еще хуже они предвидят свое будущее. И теперь, в последней четверти XIX в., США и Германия выступили как мощные промышленные и торговые соперники Англии. Ко всему прочему Германия приступила к развернутому строительству военно-морского флота, намереваясь оспорить военно-морскую гегемонию Англии. Это вызывало возмущение тех, кто правил «владычицей морей», да и многих рядовых людей с Британских островов, помнивших еще легендарные рассказы о том, как адмирал Нельсон и другие ценой самой жизни завоевали безраздельное господство Англии на морях и океанах.

Времена менялись — менялись Европа и весь мир. Это естественный и неотвратимый процесс, закон жизни. Но от

сознания этого лондонским политикам было не легче. В соответствии с психологическим диктатом человеческой натуры они и в новых условиях стремились жить по-старому и действовать по-прежнему. А это было очень нелегко. Сила все больше переходила в другие страны. В 70-х годах в Англии было 26 млн жителей, во Франции — 36, а в Германии — 41 млн. С этим фактором напрямую связан экономический, внешнеполитический и военный потенциал государств. Он также был подвержен устойчивой тенденции изменяться в ущерб Англии. (К 1914 г. промышленный потенциал этих стран уже оценивался показателями: для Германии — 3, для Англии — 2, для Франции — 1. Одновременно Соединенные Штаты возвысились над миром как мощная промышленная держава.)

Таковы были объективные условия, в которых пришлось действовать правительству консерваторов в 1874–1880 гг. Дизраэли был зрелым политиком с огромным опытом политической борьбы. За прошедшие годы он многое передумал, перепробовал, и система его взглядов четко и на этот раз уже окончательно определилась. Когда после 1872 г. Дизраэли развернул активную деятельность в партии, он занимался не только отработкой организационной структуры партии, но и продумыванием ее основных программных положений. Они не были четко сформулированы в виде специального документа — в Англии не любят этого делать: определенная программа связывает. Но последовательно выдвигаемые в речах Дизраэли принципиальные положения составили программу консерваторов.

По принципиальным вопросам Дизраэли провел четкую линию размежевания между консервативной и либеральной партиями. Он выступал в защиту монархии, палаты лордов, церкви, которым якобы угрожает проводимая либералами политика. Важное место в программе консерваторов отводилось расширению и укреплению колониальной империи, главным звеном которой была Индия. Дизраэли — и это делает ему честь — понимал лучше других значение «человеческого фактора» и поэтому выступал за проведение регулируемых социальных реформ с целью поддержания социального мира. Он хорошо помнил чартизм и ни в коем случае не желал повторения чего-либо подобного.

Во время пребывания в оппозиции окончательно определилась и внешнеполитическая программа Дизраэли. Он считал, что внешняя политика должна иметь своей целью обеспечение «величия Британии», т. е. восстановление и сохранение преобладающей роли Англии в европейских делах. Эта цель должна быть достигнута при помощи «сильной внешней

политики», особенно в отношении России. Таков был набор программных направлений, по которым Дизраэли намеревался вести свое правительство. Эта программа далеко не во всем соответствовала как объективному положению в самой Англии, так и быстро менявшемуся соотношению сил в Европе и мире, что вынуждало Дизраэли к усиленному маневрированию. При нем развивалась традиция английских правящих кругов искусной политикой и дипломатией «корректировать» в свою пользу неблагоприятно складывающиеся объективные условия.

На это наложилось личное горе Дизраэли — смерть жены. Теперь ему не хватало женского внимания и ласки в романтическом и сентиментальном смысле этих слов. Он принадлежал к тому типу мужчин, которому необходимо женское участие. Огромное напряжение на государственном поприще или в литературном творчестве не ослабило, а, наоборот, обострило потребность Дизраэли в женском обществе. В такие периоды ему было необходимо ежедневно, а то и ежечасно делиться с друзьями-женщинами своими чувствами, мыслями, соображениями. Причем в беседах с ними речь шла не только о личных делах, но и о государственных проблемах. Некоторые биографы пишут даже, что Дизраэли, чтобы наилучшим образом выполнять свои служебные обязанности, было необходимо испытывать женскую дружбу, симпатию, сочувствие и понимание.

Женщины играли в общественной и политической жизни Дизраэли очень важную роль. Еще в романе «Генриетта Темпл» он писал: «Женщина-друг, дружески относящаяся к вам, умная и преданная, является достоянием более ценным, чем парки и дворцы. И без такой музы очень немногие мужчины могут преуспеть в жизни и ни один из них не может быть полностью доволен жизнью». Нет сомнений, что это взгляды самого Дизраэли, причем он их исповедовал и в последние годы жизни.

Летом 1873 г. Дизраэли тесно сблизился с двумя дамами из лондонского высшего света. Это были родные сестры — леди Честерфилд и леди Бредфорд. Дизраэли встречался с ними в свете давно, еще когда они были молоды и слыли красавицами. Сестры происходили из аристократической семьи, обе вышли замуж за графов. Теперь, когда Дизраэли исполнилось 68 лет, леди Честерфилд была уже вдовой, бабушкой, и ей исполнилось 70. Сестра, леди Бредфорд, была моложе ее на 17 лет, муж был жив, но и она уже имела внуков.

Весной — летом 1873 г. Дизраэли влюбился в младшую сестру и проникся глубокой симпатией к старшей. Началась бурная переписка с обеими, причем со стороны Дизраэли неизмеримо более активная. Бывали дни, когда, сидя в палате

общин или исполняя служебные обязанности, премьер-министр писал по три подробнейших письма. В письмах обстоятельно, живо, с конкретными характеристиками действующих лиц рассказывалось о государственных делах, о международных отношениях, о том, что происходит внутри правительства. Герцог Ричмонд в этой связи говорил одному из министров, что «леди Бредфорд, кажется, знает все, до мельчайшей детали, что происходит». Дизраэли в целом написал леди Бредфорд более тысячи писем, а леди Честерфилд — 500. Это неоценимый источник не только и не столько для жизнеописания Дизраэли, его чувств к двум сестрам, сколько для изучения истории Англии, Европы и ряда других стран в 70-е годы XIX в. К счастью для историка, они сохранились и были изданы в 1929 г. в двух томах. Что касается писем обеих сестер к Дизраэли, то, согласно их воле, письма были уничтожены после кончины Дизраэли его душеприказчиками.

Переписка безошибочно свидетельствует, что Дизраэли любил леди Бредфорд. Ему хотелось ежедневно общаться с нею, но частые встречи в ее семейном доме были неудобны и нарушали правила этикета. Леди Бредфорд льстили внимание и чувство такого человека, как премьер-министр Великобритании, но голову она не теряла и пыталась ограничить рамками приличия визиты своего поклонника.

И у Дизраэли появляется поразительная идея, исполнение которой позволило бы бывать в ее доме без каких-либо ограничений. Леди Честерфилд была свободна, и Дизраэли делает ей предложение. Женитьба на старшей сестре позволила бы ему видеться с ее сестрой на правах родственника. Леди Честерфилд не только учла свой возраст, но и прекрасно поняла истинный замысел Дизраэли и отказала ему. Это был мудрый шаг, в противном случае ситуация стала бы еще более запутанной.

Было бы несправедливо обвинять Дизраэли в том, что, делая такое предложение леди Честерфилд, он изменял памяти покойной жены. В этом отношении все нормы этики были соблюдены: еще задолго до своей кончины Мэри Энн написала мужу прощальное письмо, в котором говорилось: «Мой дорогой муж! На случай, если я уйду из этого мира раньше тебя, оставляю распоряжение, чтобы мы были похоронены в одной могиле… Наказываю тебе, не живи один, мой дорогой. Я твердо надеюсь, что ты сможешь кого-то найти, кто будет так же предан тебе, как твоя верная Мэри Энн».

Дизраэли и позже писал нежные письма леди Бредфорд, объяснялся ей в любви и в ответ получал энергичный призыв к

сдержанности и благоразумию. Дизраэли пытался убедить предмет своей страсти: «Я никогда не просил Вас о чем-либо ином, кроме как о возможности бывать в Вашем обществе». И он не кривил душой — никакие отношения, кроме платонических, его не интересовали. «Мои чувства заставляют меня писать Вам, — читаем в письме от 17 марта 1874 г. — Ваш взгляд на нашу переписку, очевидно, сводится к тому, что она должна ограничиться исключительно изложением фактов и не допускать разговоров о чувствах. Мое мнение прямо противоположное…» Эта любовь заставила Дизраэли испытать горечь неразделенного чувства с грустью, знакомой, вероятно, многим. Ею проникнуты слова: «Я пришел к убеждению, что нет большего несчастья, чем иметь сердце, которое не стареет». Их Дизраэли написал леди Бредфорд 13 марта 1874 г.

«ПРОГРЕССИВНЫЙ КОНСЕРВАТИЗМ» В ДЕЙСТВИИ

Пребывание у власти правительства Дизраэли четко распадается на два периода: 1875–1876 гг. были посвящены в основном социальным реформам, остальное время в центре внимания премьер-министра находились проблемы внешней политики и колониальной империи.

В годы чартизма Дизраэли раз и навсегда усвоил, что такого взлета рабочего движения допускать ни в коем случае нельзя: дело может кончиться революцией, которая сметет существующий в Англии социальный строй. Если здесь требовались дополнительные аргументы, то их в избытке поставляла Европа, сотрясаемая революционными конвульсиями. Дизраэли считал, что консервативная партия имеет главную и единственную цель — «консервировать» существующую в стране социальную систему, в которой власть принадлежит землевладельцам и буржуазии, а рабочий класс является производительным и спокойным элементом в этой системе. Его покорность и согласие надлежит обеспечивать не подавлением силой его выступлений, а социальными и политическими уступками, вырабатываемыми в результате компромисса, который достигается путем переговоров.

Начиная с 1832 г. на протяжении нескольких десятилетий был принят ряд законодательных актов, предоставивших избирательные права буржуазии, а затем и рабочему классу. Это были принципиальные политические уступки состоятельных кругов трудящимся. Они в сочетании с социальными компромиссами и обеспечили многолетнюю устойчивость английского государственного корабля.

Многие в Англии опасались, что, получив избирательные права, рабочий класс, составляющий большинство избирателей в стране, использует их в революционных целях, для коренных изменений существующих порядков. Дизраэли был более прозорлив — он полагал, что если консерваторы будут выступать как «национальная партия», то такой опасности можно будет избежать. Дизраэли заявлял, что английский рабочий класс консервативен «в полном смысле этого слова». Этот «консерватизм» (который в действительности был далеко не безоговорочным) объяснялся известными материальными выгодами, которые приходились на долю рабочего класса в связи с тем, что Англия обладала промышленной, финансовой и

колониальной монополией. Дизраэли излагал эту мысль в следующих выражениях: «Английский рабочий класс горд тем, что он принадлежит к великой стране, и намерен поддерживать и сохранять это величие. Он горд тем, что принадлежит к стране, обладающей империей, и полон решимости сохранить, если это будет возможно, эту империю». Было бы неверно полагать, что такое состояние умов было свойственно только аристократии и буржуазии и что эта патриотическая и зачастую шовинистическая «гордость» была чужда английскому рабочему классу.

Основные политические реформы в духе «прогрессивного консерватизма» были проведены до 1874 г. Теперь, после прихода к власти Дизраэли, началась полоса социальных реформ. Были приняты законы, расширявшие права профсоюзов, предусматривавшие разрушение городских трущоб, где ютился трудовой люд, улучшалось санитарное состояние городов, строились дома для квалифицированных рабочих, гарантировались сбережения трудящихся, расширялись права рабочих в их отношениях с предпринимателями, сокращался рабочий день на предприятиях, предусматривалось улучшение условий труда торговых моряков и т. п. Все это были шаги в прогрессивном направлении. Их морально-психологическое и экономическое воздействие на английских рабочих было весьма существенным.

В палате общин впервые появились два рабочих представителя — Томас Барт и Александр Макдональд. В 1879 г. Макдональд заявил, что консервативное правительство за пять лет сделало для рабочего класса больше, чем либералы за полстолетия. Это были меры, закладывавшие основу развития классового сотрудничества в Англии на многие десятилетия вперед.

Следует иметь в виду, что все эти уступки были сделаны правящими кругами рабочему классу Англии отнюдь не из филантропических побуждений. Они были вырваны трудящимися под давлением все возраставшей их мощи. В 1988 г. английский историк Е. Дж. Хобсбаум опубликовал исследование «Эпоха капитала: 1848–1875». В нем утверждается, что даже те, кто возражал против государственного вмешательства в свободные отношения на рынке труда во второй половине XIX в. пришли к убеждению: «Рабочие организации и их деятельность должны получить признание, если их хотят приручить». Далее автор замечает, что «даже самые большие политики-демагоги, и прежде всего Наполеон III и Бенджамин Дизраэли, были глубоко убеждены в потенциальных возможностях, которыми обладает рабочий класс, участвуя в выборах в парламент». Англия в этом

отношении занимала особое место. Рабочий класс, составляя здесь большинство населения, был настолько мощным, что смог заставить создать в конечном итоге законченную юридическую систему, законодательным путем признающую его права. Эта система была «настолько благоприятна для тред-юнионов, что с тех пор периодически предпринимались попытки свести на нет свободы, которые эта система обеспечивала профсоюзам». Каковы же, по мнению Хобсбаума, были цели проводимых Дизраэли реформ? «Цель этих реформ была ясна: предотвратить превращение рабочего класса в независимую политическую и тем более революционную силу».

Дизраэли считал необходимым поощрять ученых и литераторов. Он вынашивал идею учреждения в Англии особого ордена по типу французского ордена Почетного легиона для награждения особо отличившихся в сфере интеллектуальной деятельности. Дизраэли озаботился тем, чтобы был достойно награжден известный математик и физик из Кембриджа профессор Стокс.

Премьер-министр решил отметить заслуги своих собратьев по перу — поэта А. Теннисона и публициста, историка и философа Т. Карлейля. Последний был особенно близок по своим убеждениям Дизраэли, ибо придерживался концепции культа героев, которые являются, по его мнению, единственными творцами истории. Но благой замысел обернулся конфузом.

Дизраэли примиряет помещика и фермера

Дизраэли обратился к королеве, поскольку присвоение титулов и награждение — прерогатива монарха. Он писал, что считает желательным пожаловать Теннисону титул баронета, а Карлейля наградить Большим крестом ордена Бани и назначить ему пенсию. Карлейль был беден и бездетен, объяснял Дизраэли, и, следовательно, не сможет вести образ жизни, соответствующий титулу, а после его смерти титул не сохранится в роду. Согласие Виктории последовало, и Дизраэли сообщил об этом тем, кого собирался облагодетельствовать.

Карлейлю он писал, что потомки будут помнить имена лишь двух английских авторов из всех ныне живущих: «Одно имя принадлежит поэту, если не великому, то все же настоящему поэту (речь шла о Теннисоне. — *В. Т.*), а второе имя — Ваше». В письме же самому Теннисону Дизраэли отзывался о нем совсем по-другому: «Присвоение Вам наследственного почетного титула навсегда останется живой памятью высокой оценки Вашего гения Вашими соотечественниками». Ему хотелось польстить обоим адресатам.

Однако Теннисон отказался от титула, но просил дать его после его смерти сыну (через 9 лет поэт все же принял титул, но на этот раз уже от Гладстона). Карлейль назвал предложение Дизраэли в ответном письме (видимо, иронически) «великодушным и благородным, не имеющим в истории прецедентов в отношении правящих лиц к писателям». Но ему также оказались не нужны ни орден, ни пенсия. «Любые почетные титулы и награды не согласуются с бедным образом моей жизни», — писал Карлейль в ответном письме премьер-министру. Публично он многократно высказывался о Дизраэли в крайне оскорбительных и презрительных выражениях, называя его «самым худшим человеком, который когда-либо жил на белом свете».

Премьер-министр пытался проявить внимание и к другому писателю — Мэтью Арнольду, которого он называл «живым классиком нашего времени». Но и эта акция провалилась: писатель заявил, что он считает Дизраэли шарлатаном.

С подобными проявлениями ненависти Дизраэли сталкивался не раз, уже достигнув высшей власти. Его обвиняли в лицемерии и двоедушии, в эгоизме и циничной расчетливости, в беззастенчивом макиавеллизме, в безнравственности и беспринципности, возведенной в принцип. Далеко не всем нравилось, что на вершине власти находится человек, обладающий такими качествами; в представлении значительной части общества они затмевали его общепризнанную преданность

консервативной доктрине и государственную мудрость.

Дизраэли являлся отцом так называемого демократического торизма, суть которого сводилась к политическим и социальным уступкам широким народным массам с целью налаживания с ними компромисса и привлечения их на сторону существующего строя, где реальное господство принадлежало буржуазии. Важнейшим элементом этой социальной стратегии была колониальная политика. Дизраэли понимал, что наличие колониальной империи — это основа для обеспечения преобладающего влияния Великобритании в международных делах, а также для смягчения социальных проблем внутри страны.

Потеряв колониальную империю в Северной Америке в связи с завоеванием независимости Соединенными Штатами (Канаду удалось сохранить), английские правящие круги с особым рвением принялись создавать ей замену в виде азиатской колониальной империи с центром в Индии. Параллельные линии этой политики шли на Ближний Восток и в Африку. Требовалось идеологическое, пропагандистское прикрытие агрессивного имперского курса, и в Лондоне его изобрели. Английская экспансия в Азии и на Ближнем Востоке выдавалась за совокупность оборонительных мер, осуществляемых для того, чтобы парировать планы России захватить Индию. Как это часто бывает с широко развернутой, назойливой пропагандой, ее жертвой становятся незаметно для себя те, кто ее организует. Так было и в данном случае, причем «русская угроза Индии» была настолько прочно внедрена в умы, что отголоски этого мифа слышатся и сегодня.

Между тем деятельность Дизраэли на посту премьер-министра подтверждает наличие в Лондоне долговременного стратегического замысла по созданию обширной колониальной империи путем расширения своих владений в Азии (опираясь на Индию) на запад, восток, север и юг. Только в свете этой стратегии могут быть правильно поняты конкретные акции Дизраэли, связанные с Индией.

И по психическому складу, и по политическим интересам Дизраэли был человеком восточного типа. Со времени своего давнего путешествия в Турцию и Палестину он непрестанно размышлял на тему «Англия и Восток». То, что этот регион должен стать ареной английской имперской политики, для него было делом, само собой разумеющимся. Он давно пришел к выводу, что краеугольным камнем этой политики должно стать британское господство в Индии. Уже в 1847 г. в романе «Танкред» Дизраэли вложил в уста одного из действующих лиц рассуждение

о том, что королеве Англии следует перенести столицу своей империи из Лондона в Дели. Поэтому естественно, что, получив в свои руки полную и реальную власть, Дизраэли активно занялся Индией.

Начал он с того, что с присущим ему красноречием излагал свои мысли о значении Индии для Великобритании в Виндзорском замке, в этом «храме ветров», как он, не любивший холода и сквозняков, называл резиденцию королевы. Нарисованная премьер-министром перспектива была настолько заманчивой, что и Виктория, и наследник престола принц Уэльский сделались просто одержимы Индией. Наследник пожелал безотлагательно совершить поездку в Индию, чтобы укрепить и поднять там престиж английской короны. Его жена, принцесса Александра, заявила, что хочет поехать с ним.

Виктории очень не понравилась эта идея. Дизраэли стоило немалого труда убедить ее согласиться на поездку сына. Но королева категорически отказалась разрешить невестке сопровождать мужа.

У Дизраэли тоже были аргументы против поездки принцессы. Наследник должен был посетить в Индии многих раджей и магараджей, а в отношении женщин там были свои, восточные обычаи, радикально отличавшиеся от обычаев, принятых в Европе. Поэтому визит принцессы неизбежно вызвал бы неудобства протокольного характера.

Назовем и еще один довольно щекотливый мотив против того, чтобы принц Уэльский ехал в Индию с женой. По словам Дизраэли, он был очень милым и добродушным человеком. Но у всех людей есть свои недостатки: у Эдуарда — страсть к прекрасному полу. Молодой граф Дерби в письме к Дизраэли писал: «Принц Уэльский наверняка впутается в какую-нибудь историю с женщинами независимо от того, поедет с ним жена или нет. Его похождения будут выглядеть более извинительными, если они будут иметь место в отсутствие жены».

Другая сложность возникла в палате общин. Государственный визит наследника престола в Индию — важная политическая акция, которая должна была произвести сильное впечатление на народы Индии, на местную знать. Значит, поездку нужно организовать по-восточному пышно, роскошно. А для этого требовались деньги, и немалые. Члены парламента — люди прижимистые, и они всегда неохотно вотировали средства на расходы членов королевской семьи, так как знали, что Виктория очень богата.

В палате общин завязались неприятные для королевы и наследника переговоры. Дизраэли старался вовсю, ведь поездка

была его идеей. Но, несмотря на все его усилия, сумма ассигнований была ограничена 60 тыс. фунтов стерлингов. Это была достаточная, но весьма скромная сумма. Герцог Сазерленд сказал принцу:

— Ну что за жалкий результат этого голосования! Будь я на вашем месте, сир, я бы не взял то, на что они расщедрились. Я бы лучше занял денег у своих друзей под пять процентов годовых.

Наследник тут же ответил:

— Прекрасно, дайте мне в долг нужную сумму.

Герцог разговор не продолжал. Визит принца Уэльского в Индию прошел в общем удачно.

Но вскоре внимание парламента и общественности вновь было привлечено к этой стране в связи с предложением изменить королевский титул и именовать Викторию не только королевой Англии, но и императрицей Индии. В обществе эта идея активно обсуждалась еще в период после восстания сипаев в Индии. Новый титул рассматривался как один из элементов утверждения английского господства над Индией. Принятие нового титула Викторией было рассчитано на то, чтобы теснее привязать к ее трону индийскую знать.

Лорд Солсбери писал Дизраэли, что новый титул королевы может быть с удовлетворением встречен индийскими князьями, «составляющими единственный класс, который, по нашим расчетам, мы можем использовать в своих интересах». Далее министр по делам Индии рассуждал: «Массы в этом отношении бесполезны; просвещенный класс, которому мы неблагоразумно и преждевременно помогли сформироваться, по своему существу является фрондером. Сомнительно, насколько сильна аристократия, но ее добрая воля и сотрудничество, если мы сумеем их заполучить, во всех случаях дадут нам возможность скрыть от глаз нашего собственного народа и, возможно, от взоров растущей образованной части народов Индии тот неприкрытый факт, что в Индии мы в действительности опираемся лишь на силу меча».

Дизраэли преподносит Виктории корону Индии

Был и второй, не столько практический, сколько психологический мотив. Россия в это время активно продвигалась в Среднюю Азию. У тех, кто располагал властью в Англии, это вызывало большие опасения. Разговоры о русской угрозе Индии активизировались, ведь расстояние между границами России и Индии сокращалось. К тому же у Англии были свои планы относительно Средней Азии. Во главе России стоял император.

Английская гордость требовала, чтобы Виктория тоже имела императорский титул.

Когда королева заговорила об этом с премьер-министром, ее слова упали на благодатную почву. Предшественники Дизраэли не проявили в свое время рвения на этот счет, а он загорелся желанием преподнести Виктории корону Индии. Это перекликалось с его идеей создания столицы гигантской Британской империи в Дели.

Дизраэли далеко не был уверен в том, что палата общин без осложнений примет закон об императорском титуле. Один из бывших министров правительства Гладстона публично заявлял, что Виктория давно мечтала стать императрицей Индии и вела переговоры об этом с двумя прежними премьер-министрами, однако те не одобрили ее идею. Теперь во главе правительства оказался более податливый человек, и он пытается потрафить желаниям королевы. Несмотря на опровержение таких утверждений, политические противники Дизраэли не преминули воспользоваться случаем для нападок на него. Часть прессы также заняла недоброжелательную позицию.

Поэтому предложение об изменении королевского титула Дизраэли внес в палату в общих, осторожных выражениях. Он как бы между прочим заметил, что некоторые лица предлагают ввести новые титулы: «Я слышал даже, что упоминался титул „императрица Индии“». Сделав паузу, Дизраэли сказал, что у него «нет оснований полагать, что этот титул должен иметь какое-то предпочтение перед другими». Он проверял реакцию палаты общин. Если бы она была отрицательной, премьер-министр мог продолжить свою речь, перейдя к другим вопросам, и, таким образом, не поставил бы ни себя, ни Викторию в неловкое положение. Вопреки опасениям все прошло спокойно. И все же не без серьезной подспудной борьбы Дизраэли удалось провести новый закон через парламент. Тем большей была благодарность Виктории своему премьер-министру. Это событие сблизило их еще больше.

1 января 1877 г. в Дели вице-король Индии лорд Литтон перед блестящим собранием владетельных индийских князей провозгласил королеву Викторию «Кайсар и Хинд» — королевой Индии. А индийские принцы салютовали ей как шахиншаху падишахов, т. е. монарху монархов.

Дизраэли — египетский сфинкс (карикатура на получение им титула графа Биконсфилда)

В тот же день вечером Дизраэли обедал с Викторией в Виндзорском замке. Обычно в таких случаях королева появлялась подчеркнуто просто одетой. На этот раз она вышла увешанная массой восточных драгоценностей. Дизраэли вопреки этикету осмелился провозгласить тост — в напыщенных выражениях он предложил выпить за здоровье королевы. Придворные замерли от такой вольности, но, к их великому удивлению, как только он сел, Виктория встала и, приветливо улыбаясь, поблагодарила своего премьер-министра полупоклоном, полуреверансом.

В августе 1876 г. Дизраэли произнес свою последнюю речь в палате общин. Прощался он с ней молча, но со слезами на глазах. Почти 40 лет Дизраэли был членом нижней палаты, стал ее признанным лидером, здесь он вел тяжкую борьбу за власть и выиграл ее. Дизраэли тоже был дарован титул — графа Биконсфилда. На этот раз он принял титул. Дело было не только в том, чтобы юридически занять почетное место в рядах английской аристократии, в среду которой он фактически уже давно внедрился, достигнув своей заветной мечты. Сказывались годы и непрочное здоровье, а деятельность в палате общин требовала большого напряжения сил. В палате лордов, куда он переходил теперь, став пэром, было намного легче.

Управление государством — дело далеко не простое. Это очень трудная работа, требующая предельного напряжения всех

физических и интеллектуальных сил. А Дизраэли возглавлял правительство, управлявшее обширной империей. Даже в Хьюэндине его рабочий день начинался очень рано и заканчивался поздно. Он вставал в 7 часов утра и принимался за чтение газет и доставленных к этому времени правительственных бумаг. В 9 часов приступал к работе за письменным столом и занимался ею на протяжении всего дня с небольшими перерывами. В 11 часов поступала вторая почта, и премьер-министр сразу же знакомился со вновь прибывшими газетами и документами. В час дня прибывал ежедневный правительственный курьер со своими секретными сумками. Дизраэли должен был не только вникнуть в их содержимое, но и подготовить ответы по ряду неотложных вопросов — они отсылались в Лондон с очередным курьером в конце дня. Шифрованные телеграммы Дизраэли предпочитал расшифровывать сам. Нужно было принимать решения по телеграммам и формулировать ответы и указания. Занимался этими делами Дизраэли с наслаждением, днем лишь полчаса выкраивал на ленч. Вечер посвящал светским встречам, которые были обязательны для политического деятеля.

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ ДИЗРАЭЛИ

Подавляющее большинство высоких государственных деятелей с пониманием и ответственностью занимаются проблемами внешней политики. Вероятно, и в данном случае сказывается человеческая натура. Внешнеполитическая деятельность льстит их самолюбию и удовлетворяет тщеславие. Руководители государства, общаясь со своими визави в других странах, как бы приподнимают свою персону над рамками своей страны, выходят на мировую арену, становятся личностями международного масштаба.

Дизраэли были присущи эти слабости. Несколько позднее, подводя итоги своей государственной деятельности, он устами одного из героев своего последнего романа утверждал: «Вот это настоящий человек. Он ни в малейшей степени не интересуется, увеличиваются или сокращаются государственные доходы. Его мысли заняты настоящей политикой: внешнеполитическими проблемами, поддержанием нашего влияния в Европе». В соответствии с этим соображением Дизраэли действовал, будучи премьер-министром: он держал под жестким контролем всю деятельность правительства. Но экономическими и социальными проблемами занимался лишь в общем, стратегическом плане, перепоручая министрам, возглавлявшим соответствующие департаменты, разработку и осуществление конкретных мероприятий. А чтобы эта конкретика точно соответствовала замыслам Дизраэли, за ней пристально наблюдал личный секретарь премьера Монти Кори. Один из министров сетовал как-то:

Последнее посещение графом Биконсфилдом палаты общин

— Дизраэли питает отвращение к деталям. Он не работает. Фактический премьер-министр Монти Кори.

Дело от этого не страдало. Очень способный человек, Кори по пониманию существа проблем был не ниже уровня министров, перед которыми он представлял своего шефа.

И в предшествующие периоды Дизраэли не скрывал свой особый интерес к внешней политике. Вспомним его рискованные контакты с французскими лидерами, критику различных министров иностранных дел Англии в палате общин, внедрение своих секретных агентов в Форин оффис и английские посольства. Но все это была дилетантская внешняя политика. Теперь, будучи главой правительства, Дизраэли установил жесткий контроль над английской дипломатией, стратегически и

тактически направляя ее деятельность. Особенно активен он стал во внешнеполитической сфере с 1875 г., когда обострился «восточный вопрос».

В подобных ситуациях министры иностранных дел чувствуют себя неуютно. Дерби тоже не нравились ограничение его инициативы и мелочная опека его ведомства со стороны главы кабинета. Но до конфликта на этой почве дело не доходило, оба соблюдали достаточный такт.

Условия, в которых развертывалась внешнеполитическая деятельность Дизраэли, были очень сложны и неблагоприятны. Экономическое положение страны было значительно хуже, чем в предшествующие десятилетия. Рост промышленности замедлился и был неустойчивым, доходы предпринимателей и финансистов падали, торговля стала вялой. Общественное мнение в 1873 г. называло такое состояние депрессией, а некоторые употребляли даже выражение «великая депрессия». Не все понимали, что имеет место серьезное явление. Осознание реального положения часто отстает от развития самой реальности, но такое отставание не устраняет объективного воздействия происходящих изменений на внешнюю политику. Европа претерпела радикальные изменения за четверть века. Это уже был не тот континент, на котором Пальмерстон и другие министры, используя пресловутый баланс сил, осуществляли по сути английский диктат. За прошедшие десятилетия Европа достигла больших успехов в своем экономическом и промышленном развитии. Еще более глубокие и зримые перемены произошли на континенте в политической области. Теперь приходилось иметь дело с единой Германией. В 1862–1870 гг. Пруссия, возглавляемая Бисмарком, провела ряд войн, в результате которых и произошло объединение Германии. Англия и Франция предпочли остаться в стороне. Австрия поначалу выступала союзником Пруссии, но, когда этот союз исчерпал себя, Бисмарк повернул фронт против Австрии, и в 1866 г. ей было нанесено тяжкое поражение.

Вскоре Англия и Франция получили основания для сомнений в мудрости их политики невмешательства. В 1870 г. в результате скоротечной франко-прусской войны Франция подверглась разгрому, и в 1871 г. в Зеркальном зале Версальского дворца была провозглашена Германская империя, в которой главенствовала Пруссия. Новая империя претендовала на важную роль в делах Европы.

К началу 70-х годов на месте мелких итальянских государств в результате двух революций и мощного национально-освободительного движения возникла объединенная Италия. Новое государство также заявило о своем желании добиться

большего влияния в международных отношениях.

Изменилось и положение России в европейских делах, причем намного быстрее, чем ожидали в Лондоне. Проведенные в 60-х годах реформы двинули Россию по пути капиталистического развития, что укрепило ее экономическое положение. Российская дипломатия, возглавлявшаяся князем А. М. Горчаковым, умело использовала это обстоятельство, а также новые условия в европейской расстановке сил, чтобы существенно ослабить Парижский мирный договор 1856 г., серьезно ущемлявший интересы России на Черном море. В 1870 г., после разгрома Франции, Горчаков заявил европейским державам, что Россия больше не считает себя связанной решениями Парижского мирного договора, ограничивающими ее права на Черном море. В Лондоне это очень не понравилось, но состоявшаяся там конференция должна была согласиться с отменой ряда положений Парижского трактата 1856 г. Законные права России на Черном море были полностью восстановлены.

В личном дипломатическом плане это был крупный успех российского канцлера и министра иностранных дел князя А. М. Горчакова. По этому поводу известный русский поэт Ф. И. Тютчев, обращаясь к Горчакову, писал:

Да, вы сдержали ваше слово, —
Не двинув пушки, ни рубля, —
В свои права вступает снова
Родная русская земля.
И нам завешанное море
Опять свободною волной,
О кратком позабыв позоре,
Лобзает берег свой родной.

Все эти изменения означали кардинальный сдвиг в политике баланса сил. Вначале в Лондоне несколько растерялись перед лицом новых мировых реальностей. И смягчили тон. Так, министр иностранных дел лорд Стэнли говорил:

— Я не сторонник метода давать советы иностранным правительствам. Думаю, что еще совсем недавно мы не только пользовались этим методом, но и злоупотребляли им. И в результате оказались не в выигрыше, а в проигрыше.

Это был явный разрыв с традицией Пальмерстона в английской внешней политике.

Таким образом, международное положение Англии в 70-х годах характеризовалось падением ее престижа, утратой внешнеполитической инициативы. Однако она все еще обладала

превосходством в области торговли и финансов, владела огромной и все расширяющейся колониальной империей, самым мощным в мире военно-морским флотом. По инерции сохранялось ее значительное влияние в международных делах.

Английская внешняя политика все больше и больше определялась интересами «среднего класса», т. е. буржуазии. Ее рупором являлась мощная пресса, формировавшая (не без инспирации со стороны правительства) общественное мнение. Дизраэли был более агрессивен и решителен, чем Гладстон. Он видел свою главную цель в восстановлении той роли, которую Англия играла в Европе до 60-х годов. И в качестве важнейшего шага в этом направлении Дизраэли считал необходимым взорвать союз трех императоров, созданный рядом секретных соглашений между Россией, Германией и Австро-Венгрией, стремящимися не терпеть долее английский диктат в европейских делах, в каком бы оформлении он ни преподносился. «Дизраэли был готов для достижения своих целей идти очень далеко, вплоть до угрозы войны в Европе», — замечает английский историк Бернард Портер в опубликованной в 1983 г. книге «Британия, Европа и мир». Премьер-министр был истинным британским политиком, он руководствовался практическими, материальными, эгоистическими интересами своей страны, не стеснялся, защищая их, нарушать нормы «нравственного поведения» и не пытался окутывать свои действия моральным флёром.

Предметом первостепенного внимания Дизраэли были Германия и Россия. Их надлежало использовать друг против друга в английских интересах. Премьер-министр сформулировал тактическую цель: установить взаимопонимание с Бисмарком и сговориться с ним против России. Ориентация в этом направлении облегчалась и тем, что королева Виктория была, по понятным мотивам, настроена очень пронемецки. Схема оказалась долговечной.

Большую тревогу в Англии вызвало присоединение к России Центральной Азии и появление русских войск у границ Афганистана. В Лондоне вновь громко заговорили о «русской угрозе Индии». Малореальной становилась вожделенная мечта, которую лелеяли в Англии, не очень ее афишируя, прибрать к рукам не только Афганистан, но и Центральную Азию, расширив тем самым Индийскую империю на север. Теперь с этими надеждами приходилось распрощаться. Правда, не навсегда. Они на мгновение вновь возникли после Октябрьской революции в России.

Российское правительство стремилось смягчить отношения с Англией и договориться с ней по спорным проблемам. С этой

целью в мае 1874 г. с государственным визитом в Лондон прибыл царь Александр II. Визит не дал ожидаемых результатов: английское правительство не стремилось к соглашению. Дизраэли считал, что в существующих условиях оно невозможно. 2 июня он писал Солсбери: «У меня нет большой уверенности в достижении действенного взаимопонимания с Россией». Не было у него и малой уверенности в этом.

Однако премьер-министр, как подчеркивают историки, все же внес позитивный вклад в англо-русские отношения во время визита царя в Англию. Дело было так. Королева Виктория, испытывавшая сильнейшую неприязнь к России, решила продемонстрировать свои чувства, уехав из Лондона в один из своих замков — Балморал, расположенный в Шотландии, за два дня до окончания визита русского царя. С точки зрения протокола, это было бы умышленным оскорблением главы Российского государства. 4 мая министр иностранных дел лорд Дерби писал Дизраэли: «Чем больше я думаю об этом деле и чем больше я узнаю, что говорят на этот счет, тем сильнее становится мое убеждение в том, что отъезд королевы в то время, когда ее гость все еще будет здесь, в Англии, причинит нам серьезные неприятности. Везде это будет понято как акт невежливости, причем умышленной. Это будет воспринято русскими с негодованием».

Викторию пытались отговорить от ее намерения, но она стояла на своем. Единственным, кто мог повлиять на нее, был Дизраэли. «Никто не сможет укротить эту даму лучше, чем Вы», — писал ему Дерби. Усилия премьер-министра увенчались успехом, и 7 мая Виктория написала ему: «Это только ради Дизраэли и в награду за его огромную доброту ко мне я откладываю свой отъезд» (в переписке она обращалась к нему в третьем лице).

На положенных в таких случаях приемах Дизраэли не раз встречался с царем, который уверял его в «стремлении России к дружбе с Англией» и выражал надежду, что английское правительство «разделяет эти стремления». Об этом писал Дизраэли леди Честерфилд и заканчивал письмо так: «Его вид и манеры благородны и изящны. Но выражение его лица, которое я рассмотрел вблизи, печально. То ли это результат пресыщения, то ли следы одиночества деспота, то ли страх насильственной смерти». Последние слова оказались пророческими. Они сбылись в 1881 г.

СУЭЦКИЙ КАНАЛ — ПЕРВЫЙ ШАГ ДИЗРАЭЛИ В «ВОСТОЧНОМ ВОПРОСЕ»

Внешняя политика Англии — политика глобальная. Ее владения находились на всех материках. Ее флот действовал на всех морях и океанах. Английские товары и деньги проникали в самые отдаленные уголки земного шара. Однако в период существования правительства Дизраэли особую важность приобрел комплекс проблем, объединявшихся понятием «восточный вопрос». Развернувшаяся в связи с ним борьба определяла во многом и характер отношений Англии с ведущими европейскими державами, прежде всего с Россией.

В международных отношениях эта проблема возникла в связи с тем, что несколько столетий ранее турецкая экспансия распространилась на Балканский регион Европы, в результате чего многие народы, отличные от турок по национальным, религиозным и культурным признакам, оказались на многие годы под турецким господством. В XIX в. экономическое, социальное и культурное развитие порабощенных народов достигло такого уровня, что они начали поднимать вооруженные восстания против турецкого господства. Все это в сочетании с отставанием развития собственно турецких территорий и неспособностью турецких правителей осуществить в империи преобразования, диктуемые изменившимися условиями, привело многих деятелей европейских государств к заключению о неизбежности распада Османской империи.

Россия была крайне обеспокоена развитием событий в этом регионе. Нельзя отрицать, что царизм преследовал здесь определенные территориальные и политические экспансионистские цели. В то же время нельзя не видеть, что действия российского правительства в «восточном вопросе» имели существенные положительные элементы. Они были направлены на решение важной общегосударственной задачи, состоявшей в обеспечении безопасности южных районов страны и свободы мореплавания в Черном море, а также в получении возможности для своих судов выходить в Средиземное море и далее на океанские просторы. Россия добивалась этих целей как дипломатическим, так и военным путем. Ее действия имели важную объективно прогрессивную черту: они помогали порабощенным народам Балканского полуострова приблизить день своего освобождения от тяжкого иноземного господства. Так в политике России переплетались позитивные и негативные

элементы, отражая присутствующую в международных отношениях диалектику.

Английская политика в отношении Турции формировалась в конце войны против Наполеона и в послевоенный период. Она получила название «сохранение статус-кво», т. е. сохранение существующего положения. Что это означало на деле, показала Крымская война. На самом деле английская политика была враждебна жизненным интересам порабощенных народов Балкан, ибо предполагала сохранение турецкой неволи для них на неопределенное время. Она была направлена и против России, так как имела целью использовать Турцию в качестве активного антироссийского барьера.

Однако английская политика всегда политика гибкая. Предусматривая сохранение территориальной целостности Турецкой империи, Лондон весьма заботился о том, чтоб эта целостность не была нарушена в пользу России или балканских народов. В то же время политика «целостности» подразумевала отторжение от Турции в пользу Англии различных территорий: каких и когда — это зависело от обстоятельств. В начале списка таких территорий можно поставить Ионические острова, приобретенные Англией в 1815 г. Дизраэли, выступавший рьяным поборником доктрины «целостности Турции», продолжал этот список. Пополнили список английских приобретений за счет турецких территорий преемники Дизраэли после первой мировой войны, когда Англия захватила в том или ином дипломатическом оформлении и Палестину, и Иорданию. Таким образом, политика Англии в отношении Турции, сформулированная еще Джорджем Каннингом, возглавлявшим Форин оффис с 1807 г., в своих основных чертах и целях проводилась правящими кругами Англии более столетия.

Крупнейшие достижения Дизраэли на международной арене связаны именно с обеспечением интересов Англии при решении «восточного вопроса». Дизраэли внес в борьбу за эти интересы и свой бурный темперамент, и незаурядные дипломатические способности, и готовность идти на большой риск, и волю в достижении цели. Важными вехами на этом пути были покупка акций компании Суэцкого канала, «приобретение» острова Кипр и Берлинский конгресс 1878 г.

В 1869 г. француз Фердинанд Лессепс закончил постройку на территории Египта канала, соединившего Средиземное и Красное моря. Канал имел важное стратегическое и экономическое значение: он сокращал путь для судов, следующих из Европы в Индию и Тихий океан, на тысячи миль. Вскоре более трех четвертей всех торговых грузов, шедших через Суэцкий канал,

были английскими. Однако акции компании, управлявшей каналом, принадлежали наполовину компании и наполовину хедиву Египта, с 1517 г. находившегося в составе Османской империи.

Хедив был безмерно расточителен и в конце 1875 г. оказался на грани банкротства. Он решил срочно продать свою часть акций канала и получить таким образом 4 млн фунтов стерлингов. Англичане держали под пристальным наблюдением все египетские дела и узнали, что хедив начал переговоры с французами о продаже акций. Английские представители в Египте, со своей стороны, вступили в контакт с хедивом и информировали об этом Лондон. Неожиданно возникла возможность помешать французам прибрать к рукам весь пакет акций и заполучить половину их в распоряжение Англии.

Дизраэли посвятил королеву в положение дел, и она горячо поддержала его намерение. Деньги нужны были большие, и очень срочно. Как назло, парламент был распущен на каникулы и не мог санкционировать нужные ассигнования. Обратиться к Банку Англии Дизраэли не рискнул — там поставили бы вопрос на рассмотрение правления, и в результате было бы упущено время и нарушена секретность.

Премьер-министр решил использовать свои связи с банкирами Ротшильдами. Но нужна была санкция кабинета. Дизраэли волновался: а вдруг после заседания кабинета пойдут слухи о задуманной сделке и кто-то успеет перехватить инициативу? Он посадил у двери комнаты, где заседал кабинет, своего личного секретаря Монти Кори, который должен был начать действовать в ту минуту, когда Дизраэли выглянет из двери и произнесет одно слово: «Да». Как только кабинет согласился на покупку акций, Дизраэли появился на пороге, сказал «да», и Кори помчался к Ротшильду.

Банкир сидел за ленчем, но Кори прорвался к нему и объявил, что завтра премьер-министру нужно 4 миллиона. Ротшильд оторвал от грозди винограда ягоду, положил в рот, выплюнул кожицу и спросил:

— Под какие гарантии?

— Под гарантию британского правительства, — выпалил Кори.

Банкир сказал:

— Вы их получите.

Сделка состоялась. Дизраэли писал пребывающей в состоянии восторга Виктории: «Дело сделано. Он Ваш, мадам». Собравшийся впоследствии парламент вотировал нужную сумму. Правда, были среди депутатов и возражавшие. Гладстон в

критической речи выразил возмущение сделкой.

Пошли разговоры, что покупка акций Суэцкого канала английским правительством предвещает оккупацию Египта Великобританией. Разумеется, эти предположения были с возмущением отвергнуты, но в 1882 г. у египетского порта Александрия появилась английская эскадра, подвергла город и порт бомбардировке, и вскоре английские войска заняли Египет. Все это было проделано, когда премьер-министром был уже Гладстон, тот самый. Гладстон, который так сурово осуждал Дизраэли за его операцию с акциями Суэцкого канала. Поистине сложна и непредсказуема человеческая натура, а натура государственного деятеля в особенности!

Английские политики приводили различные мотивы в оправдание своих действий в Египте. Конечно, фигурировал и аргумент защиты путей в Индию от посягательств России. Но в 1983 г. Б. Портер резюмировал суть проблемы так: «Конечно, это было чистейшее лицемерие. Удобное, но не убедительное прикрытие того, что в действительности было не чем иным, как политикой национальной агрессии». И далее: «С другой стороны, это было проявление существа викторианского либерализма».

ВОССТАНИЕ БАЛКАНСКИХ СЛАВЯН И ПОЗИЦИЯ ЛОНДОНА

Спорадические вооруженные восстания на Балканах были хроническим явлением для этого региона. Однако в 1875 г. национально-освободительная борьба достигла невиданного дотоле размаха и привела к возникновению восточного кризиса. Взялись за оружие народы Боснии, Герцеговины и Болгарии. Повстанцам Боснии и Герцеговины удалось освободить некоторые районы своих земель. Восстание болгар сильно встревожило турецкое правительство, ибо центр выступления находился неподалеку от столицы Турции — Константинополя. К тому же Болгария была богатейшей провинцией Турецкой империи, и потеря ее имела бы тягчайшие стратегические и экономические последствия. Поэтому турецкие власти мобилизовали все свои возможности и подавили болгарское восстание с неслыханной жестокостью.

События на Балканах получили широкий резонанс в мире. Свирепо подавляя восстания, турецкие власти одновременно с большим шумом провозглашали свое намерение провести ряд реформ, идущих навстречу пожеланиям порабощенных народов. Это был тактический маневр. Реформы осуществлять турки не собирались, а шум поднимали с целью обмануть мировое общественное мнение и ослабить национально-освободительное движение.

В мае 1876 г. в Болгарии вновь началось вооруженное восстание, на этот раз более мощное и широкое. На освященном знамени восставших с изображением льва был начертан девиз «Свобода или смерть». Повстанцы сражались с легендарной храбростью, но все же сила была не на их стороне. Восстание было потоплено в крови. Каратели сожгли и разорили свыше 100 болгарских населенных пунктов, убили более 30 тыс. человек. Жестокости, чинимые турецкими властями, потрясли весь цивилизованный мир.

Болгарское восстание 1876–1877 гг. стало важнейшим вопросом в политической жизни Англии. Возмущение турецкими зверствами охватило довольно широкие слои общества.

А как отнеслось к событиям на Балканах правительство? Дизраэли и большинство его министров, так же как и королева, заняли сразу же протурецкую позицию. Правительство стремилось представить сообщения о турецких зверствах как сильно преувеличенные, всячески создавало впечатление, что

турецкие обещания реформ искренни и серьезны, нужно только не мешать их проведению в жизнь и, наконец, что восстания на Балканах — это «дело русских». Симпатии России были безусловно на стороне восставших. Восстания являлись результатом действий турецкого правительства, доведшего балканские народы до вооруженной борьбы. Пирсон суммирует мотивы поведения Дизраэли: «Он был непоколебим в убеждении, что Россия является угрозой цивилизации. Слабую, обанкротившуюся, утратившую свое достоинство Османскую империю он поддерживал, полагая, что ничтожные и коррумпированные турки представляют для Европы меньшую опасность, чем рабство и варварство татар (т. е. народов России. — *В. Т.*). И самым трудным в его карьере было удержать Англию от сотрудничества с Россией против Турции в 1876 г.»

А между тем в Англии происходило резкое размежевание на сторонников восставших народов и на защитников тех, кто их зверски подавлял. Страна разделилась на «русских» и «турок». Дизраэли опирался на поддержку «высоких десяти тысяч», т. е. на аристократию, крупную буржуазию и верхушку государственного аппарата.

Либеральная интеллигенция энергично выступила с осуждением турецких зверств на Балканах. Среди людей, занявших гуманистические позиции, были Т. Карлейль, Дж. Раскин, Э. Фримэн, Дж. Фрод, Р. Броунинг, А. Троллоп, Ч. Дарвин, Г. Спенсер и многие другие.

Многое сделала газета либерального направления «Дейли ньюс», стремясь донести до английского народа правду о происходящем на Балканах. 23 июня 1876 г. она опубликовала сообщение своего корреспондента о том, что, по турецким сведениям, истреблено 18 тыс. болгар, а по сведениям из болгарских источников — до 30 тыс. Публиковавшуюся в «Дейли ньюс» информацию перепечатывали другие газеты.

«Дейли ньюс» направила в Болгарию своего специального корреспондента Дж. Макгахана. В корреспонденции, опубликованной в начале августа, он писал: «Три дня назад я прибыл в Пловдив — главный город той части Болгарии, которая явилась ареной „подвигов“ башибузуков, а следовательно, место, где можно получить наиболее достоверную информацию о зверствах, взбудораживших общественное мнение Европы… Существуют вещи настолько ужасные, что о них нельзя спокойно говорить без содрогания… турецкие зверства признаны всеми, в том числе и теми, кто дружественно настроен к туркам, и даже самими турками». Корреспондент сообщал, что русский и французский консулы насчитывают до сотни разоренных

населенных пунктов и полагают, что число убитых достигает от 25 до 40 тыс. Корреспондент описывает ужас, который он испытал при виде гор обезглавленных трупов и черепов, исклеванных хищными птицами, пепелищ пожаров и чудом спасшихся женщин, оплакивающих своих погибших родных.

Макгахан разоблачал неблаговидное поведение Дизраэли и английского посла в Константинополе Генри Эллиота: «Для Дизраэли и Эллиота важно не то, что они убили десятки тысяч невинных людей, а то, что газеты приводят неверные цифры, определяя число убитых». Он видел спасение для Болгарии в том, что на помощь ей придет русский народ. Макгахан обещал болгарам: «Я снова вернусь к вам, но на сей раз с русскими войсками». И свое слово он сдержал.

Сообщения о турецких зверствах в Болгарии вызвали глубокое возмущение английского народа. Во многих городах возникли массовые митинги протеста. «Дейли ньюс» призывала общественность к созданию специальных комитетов для организации акций протеста. Рабочий комитет в Лондоне провел в августе 1876 г. массовый митинг. В его резолюции говорилось: политика консервативного правительства «компрометирует честь нации, делая Великобританию соучастницей преступлений, которые находятся в полном противоречии с гуманностью и просто позорны для цивилизованной страны». В архиве Форин оффис в особой папке и сейчас можно найти собранные там более 500 резолюций протеста английской общественности против протурецкой политики правительства Дизраэли.

Дизраэли возмущало вмешательство народа в его политику. Неужели английский народ «должен учить свое правительство так, как учат страдающего дефектом речи ребенка правильно произносить слова?» — негодовал премьер-министр, полный решимости не поддаваться нажиму снизу.

6 сентября 1876 г. Дизраэли получил по почте дарственный экземпляр брошюры Гладстона, только что опубликованной под названием «Болгарские ужасы и „восточный вопрос“». Появление брошюры произвело впечатление взорвавшейся бомбы. Сразу же было распродано 40 тыс. экземпляров, и вскоре ее тираж достиг 200 тыс. Брошюру перевели во многих странах, включая Россию, где она также имела большой успех. Гладстон рассказал о зверствах, чинимых турками на Балканах, и утверждал, что ответственность за них несет вместе с турецкой администрацией правительство Дизраэли: оно не только ничего не сделало для их прекращения, но и через своего посла в Константинополе Г. Эллиота советовало туркам «действовать беспощадно».

Гладстон говорил твердым и решительным тоном: «Пусть

турки устранят теперь свои преступления единственно возможным способом, а именно сами уберутся с этих территорий… все до одного… Надеюсь, они освободят от своего присутствия провинцию, которую они обезлюдили и осквернили… Ни в одной европейской тюрьме не найдется ни одного преступника, на островах южных морей не найдется ни одного каннибала, чье возмущение не поднялось бы и не закипело при ознакомлении с тем, что было совершено турками». Вскоре Гладстон опубликовал вторую брошюру по этому вопросу. Выступая за национальную и политическую независимость Болгарии, он считал, что в этом вопросе Россия и Англия должны сотрудничать, а не занимать противоположные позиции.

Такой взгляд соответствовал настроениям большинства народа. В результате политический авторитет Гладстона возрос, что впоследствии явилось одним из факторов, обусловивших его возвращение к власти. Чем больше росла популярность Гладстона, тем ниже падал авторитет Дизраэли. Если и раньше он относился к своему главному политическому противнику с ненавистью, то теперь она достигла точки кипения. Его чувства к Гладстону вполне разделяла королева Виктория.

В виде уступки общественному мнению Дизраэли вынужден был отозвать из Константинополя посла Генри Эллиота. Обороняясь от обвинений Гладстона, он использовал все возможности, чтобы доказать, будто беспорядки на Балканах спровоцированы русскими. Как замечает Р. Блэйк, «чем большим туркофилом становился Гладстон, тем в большего русофоба превращался Дизраэли».

Политические противоречия перерастали в личную борьбу. В этой борьбе, стремясь опорочить противника не только как политика, но и как личность, Дизраэли позволял себе опускаться слишком уж низко. Он лживо объявил Гладстона сумасшедшим и повсюду распространял эту версию. В этом неблаговидном деле ему помогала королева Виктория.

Сначала премьер-министр называл поведение Гладстона злонамеренным, позорным и не имеющим оправдания. В это время поведение Гладстона уже рассматривалось как следствие его безумия. Но еще в октябре 1876 г. Дизраэли писал лорду Дерби: «Потомки по достоинству оценят этого беспринципного маньяка Гладстона, эту невероятную смесь зависти, мстительности, лицемерия и суеверия. Главной его отличительной чертой в качестве премьер-министра или лидера оппозиции, во время молитвы, выступления с речами или в печати является то, что он не джентльмен». Эти высказывания встречаются и в переписке Дизраэли с Викторией, и в его письмах

к обеим сестрам. Позже, к февралю 1877 г., Дизраэли писал леди Бредфорд о Гладстоне: «Можно с уверенностью сказать, что он сумасшедший. Положение представляется именно в таком виде».

Гуманистическая позиция широких слоев английского народа связывала антирусскую инициативу Дизраэли и его правительства и облегчала России задачу помощи национально-освободительному движению на Балканах военными средствами. 29 августа лорд Дерби с большой неохотой отправил в Константинополь телеграмму, гласившую: «Впечатление, которое произвели в Англии события в Болгарии, полностью уничтожило всякие симпатии к туркам. Всеобщее настроение таково, что, если Россия объявит войну Высокой Порте, правительство ее величества практически не сможет вмешаться». Несомненно, это обстоятельство сыграло существенную роль, когда в Петербурге принимались важнейшие решения.

РУССКО-ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА 1877–1878 ГОДОВ

Если вся Европа была охвачена негодованием по поводу турецких зверств на Балканах, то наивысшей степени возмущение достигло в России. Широкие общественные круги высказывались за оказание славянским народам, страдавшим от турецкого гнета и репрессий, всяческой помощи, включая военную. В войска Сербии и Черногории, выступивших в поддержку болгар, стекались русские добровольцы. Один из них, генерал Черняев, возглавил сербскую армию. Однако сила была не на стороне восставших, и они терпели поражение.

Российское правительство занимало осторожную позицию. Оно стремилось помочь восставшим дипломатическими средствами, избежав войны. Это была вполне реальная возможность. Проблема отношений турецкого правительства с его славянскими подданными приобрела международный характер. Она активно обсуждалась правительствами ведущих европейских держав, и поэтому заинтересованность России в этой проблеме была естественной. И она, вероятно, решилась бы без войны, если бы Турция проявила желание кончить дело компромиссом. А Турция не заняла бы столь вызывающей позиции, если бы правительство Дизраэли тайно — а иногда и не совсем тайно — не подстрекало турецкое правительство к действиям, приведшим в конце концов к Восточной войне.

Вопреки существованию в общественном мнении и в правящих кругах различных позиций по восточной политике Англии Дизраэли готов был вовлечь страну в войну на стороне Турции. Именно поэтому его бесила развертывавшаяся в Англии агитация против турецких зверств, поскольку она давала предлог и моральное основание для военного выступления России в защиту угнетенных и подвергающихся издевательствам христиан. Вместе с тем правдивая информация о том, что творят турки в славянских районах своей империи, воздействовала на английское общественное мнение и мешала Великобритании вступить в войну на стороне Турции.

Вопрос о готовности Дизраэли ввергнуть страну в войну против России в 1877–1878 гг. изучался со всей серьезностью. Авторитетный английский историк, большой знаток «восточного вопроса» Р. Сетон-Уотсон, изучив обширный документальный материал, пришел к выводу, что Дизраэли стремился к войне с Россией и искал предлог для этого. Такое заключение разделяют

и многие другие историки.

Какие цели при этом преследовались? Прежде всего, отбросить Россию, с тем чтобы она не препятствовала Англии по-своему решать «восточный вопрос»; во-вторых, помешать войне России против Турции в союзе с освободительным движением народов Балкан, которая была чревата непредсказуемыми последствиями для Англии. Дизраэли и вместе с ним королева Виктория очень опасались, что в ходе такой войны Константинополь и проливы могут оказаться в руках России и тем самым откроется для русских судов путь в Средиземное море. Наконец, война Англии во имя сохранения «целостности и независимости» Турции дала бы возможность Лондону приобрести в свое безраздельное владение некоторые турецкие территории и важные стратегические пункты. Казалось бы, одно с другим несовместимо, но не для гибкого ума Дизраэли.

Известны важные документы, раскрывающие образ мышления Дизраэли в это время. 23 октября 1876 г. он имел обстоятельную беседу по «восточному вопросу» со своим «политическим и личным другом» лордом Баррингтоном, который ее в тот же день подробно записал. Речь шла о войне и мире.

— А что, если русские войдут в Болгарию? — спросил Баррингтон. На это Дизраэли заявил, что полон решимости не допустить, чтобы русские прямо или косвенно стали обладателями Константинополя.

— Многие в Англии говорят: а почему нет? Ведь Англия может занять Египет и тем самым заполучить главную дорогу в Индию.

— Ответ очевиден… Ключом к Индии является Константинополь, а не Египет и не Суэцкий канал.

Дав такой ответ, Дизраэли рассказал, что между ним и российским канцлером Горчаковым уже «несколько месяцев идет великая политическая дуэль», русские уверяют: «Мы не собираемся завладеть Константинополем». И Дизраэли заметил: «Возможно, и нет…» Он так суммировал свою позицию: «Англия должна одержать победу в дипломатической сфере (что касается войны, то это дело само собой разумеющееся)…» И это явится блестящим завершением его великолепной карьеры.

Итак, Дизраэли допускает: заявление царского правительства о том, что оно не ставит целью захват Константинополя в данное время и при данных условиях, соответствует истине. Однако это не суть важно. Англия сама должна заполучить этот «ключ к Индии».

В беседе с Баррингтоном премьер-министр изложил лишь часть своих замыслов, связанных с кризисом 70-х годов. В

разговоре с лордом Солсбери Дизраэли заметил, что если Англия будет действовать так, как он предлагает, и, «кроме того, оккупирует в Черном море нечто равноценное Мальте и Гибралтару, а именно Варну, Батум или Синоп, что вполне возможно, то положение может быть спасено». Взглянув на карту Ближнего Востока и Черного моря, нетрудно понять грандиозность замыслов Дизраэли.

Реализация этих планов мыслилась путем военного вмешательства Англии в Восточную войну. Дизраэли сам составлял планы военной операции. Он высчитал, что для «удержания Галлипольского полуострова в Дарданеллах и линии к северу от Константинополя» потребуется 46 тыс. английских войск. Однако разведка указала, что для задуманной операции потребуется минимум 75 тыс. В ответ Дизраэли назвал разведчиков невеждами. А задуманная операция означала не что иное, как захват Англией проливов и Константинополя.

В стране началась оголтелая шовинистическая кампания по обработке общественного мнения. Пышным цветом расцвел джингоизм. В популярной эстрадной песенке, выражавшей чувства тех, кто был готов воевать на стороне Турции, против России, были такие слова:

Нет, воевать мы не хотим,
Но коль придется в бой идти,
То прочь с пути,
О, джинго!
Мы снаряд***и***м свои суда,
Людей отыщем без труда
И денег соберем тогда,
О, джинго!

Для понимания антирусских настроений в Англии в то время представляет интерес переписка В. В. Стасова, русского искусствоведа и критика, почетного члена Петербургской Академии наук, с русским живописцем В. В. Верещагиным. Эта переписка дала Стасову основание опубликовать 23 июля 1879 г. в газете «Новое время» статью «Еще о выставке Верещагина в Лондоне». Стасов писал: «Прежде всего необходимо обратить внимание на любопытный факт, обнаружившийся по поводу этой самой выставки. Это необыкновенная ненависть к России и ко всему русскому, царствующая в настоящее время в целых слоях английского общества и в их выразительнице — английской печати». Такое отношение демонстрировали «все известные своим русофобством органы лондонской печати: „Глоб“, „Пэлл мэлл“,

„Стандарт“, „Морнинг пост“. Но всех их превзошла „Таймс“, как известно стоящая нынче во главе русофобов».

Картины на сюжеты последней турецко-болгарской войны служили постоянной темой для комментаторов и множества являвшихся на выставку личностей. В их разговорах и прениях картины и художник оставались совершенно в стороне, но в то же время «высказывалась самая страстная, самая дикая ненависть к русскому походу и русским освободительным подвигам». «Итак, — заключает Стасов, — читатель видит: ни одного шага без политической ненависти и высокомерия, ни одного шага без „мороза“ и „самовара“, неудобств русской жизни и совершенств своей, без величия английских государственных людей и их глубокого зрения».

Такие эмоции помогали правительству Дизраэли делать все возможное, чтобы сорвать дипломатические усилия, направленные на урегулирование возникшего кризиса политическими средствами. В то же время, как убедительно показывает Сетон-Уотсон, «русская внешняя политика на протяжении кризиса преследовала в основном миролюбивые и ограниченные цели». Английские историки признают, что заверения российского посла в Лондоне графа Шувалова и канцлера Горчакова о желании найти мирный выход из кризиса были искренни.

В начале ноября 1876 г. Александр II был в Ливадии. Англичане просили, чтобы он срочно принял там английского посла лорда Лофтуса. Царь вместе с Горчаковым принял посла. Посол осведомился, не стремится ли Россия получить во владение Индию и Константинополь. Царь и его канцлер отвергли любые подозрения подобного рода. При этом они дали согласие на созыв международной конференции, которая урегулировала бы мирным путем проблему, возникающую в связи с восстанием славян в европейских владениях Турции. Россия соглашалась тем самым принять вердикт, выработанный ведущими европейскими державами, и лишь в случае срыва конференции оставляла за собой свободу действий. Была достигнута договоренность о том, что конференция состоится в декабре 1876 г. в Константинополе и ее участниками будут Россия, Англия, Германия, Австро-Венгрия и Франция. Казалось бы, дипломатические события развиваются в благоприятном направлении. Но 9 ноября на банкете у лорд-мэра Лондона Дизраэли выступил с речью, в которой угрожал России войной. Гладстон назвал это выступление «почти невероятной провокацией со стороны Дизраэли». Через два дня Александр II в Москве в ответ на выступление Дизраэли заявил, что если Турция

не проведет реформ, улучшающих положение ее славянских подданных, то Россия объявит ей войну.

Заявление царя было свидетельством того, что в стране усилились позиции сторонников войны, и этому, безусловно, способствовало поведение английского правительства. В России была объявлена частичная мобилизация.

Дизраэли в пылу азарта, забыв о своих хворях, намеревался сам ехать в Константинополь. Дерби с трудом смог уговорить его не делать этого, ибо это выглядело бы странным: ведь русские назначили своим представителем на конференции всего лишь посла в Турции графа Игнатьева. В результате туда прибыл лорд Солсбери.

Солсбери был умным политиком и действовал сообразно объективным условиям. Дизраэли это возмущало. Позднее он писал Дерби: «У Солсбери, кажется, много предубеждений. И он не отдает себе отчета в том, что главная задача, с которой его послали в Константинополь, состоит в том, чтобы удержать русских подальше от Турции, а не создавать идеальные условия существования для турецких христиан. Он оказывается более русским, чем Игнатьев…» Принимая в расчет такую позицию английского правительства и ожесточенное сопротивление Турции проведению необходимых реформ, стоит ли удивляться, что конференция оказалась безуспешной?

В феврале 1877 г. граф Игнатьев направился в европейские столицы с целью добиться договоренности, которой не удалось достичь в Константинополе. В результате 31 марта был подписан Лондонский протокол, требовавший от Турции проведения реформ. Английское правительство протокол подписало, но одновременно поддержало Турцию, отклонившую протокол. Так провалилась последняя попытка предотвратить войну. В связи с приездом Игнатьева в Лондон для подписания протокола Дизраэли заметил, что русское правительство стремилось лишь построить «золотой мост» для отступления, сохранив достоинство.

В этом ему не только не помогли, но и помешали. И прежде всего Дизраэли. Отклонение Турцией при поддержке Англии Лондонского протокола привело к тому, что 24 апреля 1877 г. началась русско-турецкая война.

И все же Лондонский протокол сыграл известную положительную роль. Дизраэли и его единомышленники были лишены возможности принять участие в войне вместе с Турцией против России. Ведь Россия официально начала военные действия, чтобы заставить Турцию реализовать требования, содержавшиеся в протоколе, под которым стояла подпись

английского правительства. Особенно трудно это было сделать в том морально-психологическом климате, который был создан в Англии агитацией против турецких зверств. К этому прибавлялись острые расхождения и в консервативной партии, и в оппозиции — одни выступали за войну, а другие — категорически против. Такой же раскол произошел и в самом правительстве.

Несогласные члены кабинета получили наименование «группа трех лордов». Это были Карнарвон, Солсбери и Дерби — авторитетные и политически сильные люди. Что касается самого Дизраэли, то лорд Карнарвон писал своему другу, тоже члену кабинета, лорду Солсбери: «Дизраэли, насколько это зависит от него, намерен добиваться, чтобы мы приняли участие в войне на стороне Турции». Когда в конце марта Карнарвон побывал в Виндзоре, его тревога усилилась. Он писал Солсбери: Дизраэли подготовил здесь почву, чтобы избавиться от несогласных с его политикой министров, и полностью склонил на свою сторону королеву. «Она готова к вступлению в войну и скорее сложит с себя корону, чем смирится с русским оскорблением» (подразумевалась возможная победа России в Восточной войне).

Дизраэли всячески пытался убедить российское правительство в том, что в британском кабинете царит совершенно единодушное настроение и все министры поддерживают воинственную позицию премьера. Но в Петербурге хорошо знали, чт***о*** на самом деле происходит в Уайтхолле.

Здесь мы сталкиваемся с уникальным явлением в истории дипломатии. Министр иностранных дел лорд Дерби информировал русского посла в Лондоне графа Шувалова о спорах и столкновениях позиций в английском правительстве. Ценные сведения Шувалов получал и от жены Дерби. В конце концов Дизраэли и королева узнали о том, что сведения о секретах правительства Шувалову сообщают супруги Дерби.

Действия графа Дерби называли «неосторожной болтливостью». Но эта болтливость была умышленной. Историки объясняют ее «аристократической масонской солидарностью». Действительно два крупных аристократа сблизились и совместно действовали для достижения одной цели, ведь оба стремились предотвратить войну между Англией и Россией. Масонская солидарность вряд ли играла здесь какую-либо роль, просто оба деятеля хотели, чтобы в Петербурге знали истинное положение в английском правительстве и избегали шагов, которые были бы на руку партии сторонников войны. Естественно, что контакты Дерби с Шуваловым привели к охлаждению между Дизраэли и его министром иностранных дел.

Премьер-министр со своей стороны прибегал к необычному маневрированию. В апреле 1877 г. он назначил нового посла в Константинополь. Это был Генри Лейярд, племянник Сары Остин, опекавшей Дизраэли в годы его юности. В июне Дизраэли установил с ним личную секретную связь и передавал указания ему в обход Дерби и Форин Оффис.

Нечто похожее предпринял Дизраэли и в отношении России. 15 августа он пытался добиться от кабинета решения заявить русским, что Англия вступит в войну, если те предпримут очередное наступление против турок. Правительство не приняло этого предложения. Тогда, чтобы запугать российское правительство, Дизраэли строго секретно направил своего личного эмиссара к Александру II. Он должен был заявить царю, что английское правительство абсолютно едино в своей решимости вступить в войну при указанном выше условии. Только королева знала об этой акции Дизраэли.

Акция была весьма сомнительного свойства: Дизраэли действовал за спиной Дерби и министерства иностранных дел. Он тайно нарушал решение собственного правительства. Царь знал правду от Шувалова, и эта акция Дизраэли, вероятно, побуждала российское правительство к осторожности.

Война между Россией и Турцией шла на Балканском и Закавказском театрах военных действий. Борьба была трудной, войска несли неисчислимые потери: турецкая армия была сильным противником. Перелом в войне наступил после того, как 10 декабря 1877 г. русские войска взяли Плевну. 20 января 1878 г. они вошли в Адрианополь, а через месяц подошли к Константинополю. В это время Англия ввела свою эскадру в Мраморное море, и русское командование воздержалось от ввода войск в столицу Турции, хотя реально было в состоянии это сделать.

Турция потерпела в войне поражение. Результаты его были зафиксированы в прелиминарном мирном договоре, подписанном в Сан-Стефано, близ Константинополя. Договор предусматривал освобождение Болгарии от турецкого господства, восстановление болгарского национального государства. Устанавливалась полная независимость Сербии, Черногории и Румынии. Босния и Герцеговина получали автономию. Вопрос о проливах в договоре не ставился.

Сан-Стефанский договор прежде всего отвечал национальным устремлениям славянских народов Балкан. Получала по этому договору некоторые выгоды и Россия. Результаты войны не устраивали Англию, а также Австро-Венгрию. Поэтому обе эти державы в сотрудничестве с Германией, Турцией и Францией

сразу же стали прилагать энергичные усилия с целью лишить, по крайней мере частично, балканские славянские народы и Россию плодов завоеванной победы.

БЕРЛИНСКИЙ КОНГРЕСС

Договор в Сан-Стефано, прервавший восточную войну, не просто отрицательно, но с ненавистью был встречен официальным Лондоном. Английских политиков не устраивало то, что этот договор давал свободу славянским народам Балкан, восстанавливал престиж России, серьезно подорванный Крымской войной. Все это ослабляло султанскую Турцию — средневековую монархию, паразитировавшую на порабощенных народах, которую последовательно поддерживало правительство Дизраэли.

Желая, но в силу обстоятельств не сумев вступить в войну на стороне Турции, английское правительство активно добивалось теперь пересмотра Сан-Стефанского договора в угодном для Англии направлении. Действия Дизраэли и его министров обставлялись ими как альтруистические усилия, имеющие единственную цель — защитить бедную Турцию от свирепого русского медведя. В действительности же Англия стремилась уменьшить, и существенно, завоевания славянских народов, приобретенных благодаря победе России, а также лишить Россию плодов ее победы.

Кроме того, в обстановке дипломатической борьбы, развернувшейся в Европе по окончании русско-турецкой войны, британское правительство намеревалось урвать у Турции некоторые важные в стратегическом отношении территории в Восточном Средиземноморье. Прикрыть эту очевидную агрессию и совместить ее с показной ролью защитника территориальной «неприкосновенности Турции» было нелегко. Но английские деятели придумали формулу: Англия не захватывает, скажем, важный турецкий остров, а получает его взамен обещания защищать Турцию.

Проделать операцию пересмотра Сан-Стефанского договора предполагалось таким образом, чтобы она оказалась унизительной для России и чтобы ее международный престиж претерпел существенный урон. Для достижения этих целей правительство Дизраэли осуществило мероприятия как военные, так и дипломатические.

Правящие круги Англии использовали все имеющиеся в их распоряжении средства воздействия на умы людей во враждебном России духе. Нагнетание русофобии создало обстановку нарастающей военной истерии. Война между Англией и Россией могла вспыхнуть в любой момент. Андре Моруа писал: «Происходит заседание кабинета министров. Первый министр желает подготовить войну. „Если мы будем тверды и стойки, то

добьемся мира и продиктуем тогда наши условия Европе“, — говорит он. Заявление Дизраэли вызывает два недоуменных вопроса. Во-первых, как понимать слова „добьемся мира“? Ведь война между Россией и Турцией уже прекратилась, и мирный договор между ними подписан 3 марта 1878 года. Никакой другой войны нет, если не принимать за войну готовность Дизраэли развязать военные действия. Во-вторых, что означают слова „продиктуем тогда наши условия Европе“? Они вскрывают истинное отношение Англии к Европе и роль, которую она была намерена играть в решении европейских дел».

Дизраэли все это говорил всерьез. Об этом свидетельствуют принятые им в срочном порядке военные меры: производится призыв запасных, вотируются ассигнования на военные нужды, адмиралу Хорнби отдается приказ идти в Мраморное море с эскадрой броненосцев и стать у Принцевых островов, на виду у Константинополя. Из Индии вызываются армейские части, чтобы занять турецкий остров Кипр и залив и порт Искендерун на юго-восточном берегу Турции.

Лорд Дерби, считая, что эти меры провоцируют войну с Россией, не желал нести ответственность за такую политику и ушел в отставку. Его преемником на посту министра иностранных дел стал лорд Солсбери. Это был окончательный разрыв между Дизраэли и Дерби, который порвал и с партией, возглавляемой Дизраэли.

Интересно, что все эти военные акции осуществлялись без соблюдения необходимых мер секретности, на глазах у широкой публики. Делалось это умышленно: чтобы подогреть военную истерию и запугать русских. На этом фоне разворачивалось дипломатическое наступление Англии на Сан-Стефанский мир.

Деятельности Англии на дипломатическом направлении благоприятствовал ряд объективных факторов. Все ведущие европейские державы были недовольны усилением России в результате Восточной войны. При таких условиях для России была бы весьма опасна война с Англией. Царское правительство искренне стремилось избежать этой войны, и в Лондоне об этом хорошо знали. Готовность России к компромиссу облегчала решение задачи, которую поставила перед собой английская дипломатия. Элемент компромисса был заложен уже в Сан-Стефанском мире. Весьма чувствительный для Англии вопрос о проливах — «ключ к Индии» — в мирном договоре не фигурировал, т. е. Россия демонстрировала свою готовность не претендовать на проливы и Константинополь. Но этого оказалось недостаточно, чтобы Сан-Стефанский мир стал приемлемым для Англии.

Готовность правительства России решить дело миром проявилась и в том, что еще в январе, до подписания договора с Турцией, оно признало (и сообщило об этом Лондону) право ведущих европейских держав на то, чтобы с ними консультировались по вопросам, представляющим общий европейский интерес. Но этого Англии и Австро-Венгрии было недостаточно. Тогда в марте в принципе договорились о созыве в недалеком будущем международного конгресса, который рассмотрит условия русско-турецкого мира. После этого английское правительство начало лихорадочно работать над тем, чтобы заранее заключить с рядом стран сепаратные соглашения, предопределяющие решения будущего конгресса в выгодном для Англии плане.

Шантаж с демонстративной подготовкой к войне побудил российское правительство официально запросить английское правительство: чего вы хотите, чего добиваетесь? Шувалов поставил эти вопросы перед Солсбери, что и положило начало переговорам между Россией и Англией, приведшим к заключению 30 мая 1878 г. англо-русского соглашения. При этом четко выявилось, что английское правительство недовольно главным образом двумя положениями Сан-Стефанского договора: во-первых, тем, что Болгария создавалась на обширной территории от Дуная до Эгейского моря и от Черного моря до Охридского озера, и, во-вторых, тем, что к России в Закавказье отходили слишком значительные по размеру (так считали в Лондоне) территории. По англо-русскому соглашению Россия пошла на важные уступки по обеим позициям. Казалось бы, Англия должна быть удовлетворена. Но нет, нажим на Россию, на этот раз коллективный, продолжался уже на конгрессе.

6 июня Англия и Австрия подписали соглашение о совместных действиях на конгрессе против России. Бисмарк, канцлер Германской империи, некоторое время делавший вид, будто он заинтересован в сотрудничестве с Россией, теперь переметнулся на сторону Англии. Неожиданно он выступил с двухчасовой речью на заседании рейхстага, в которой занял определенно антирусскую позицию. Он готов был действовать в роли «честного маклера», чтобы добиваться от России удовлетворения английских требований. Именно такое поведение Бисмарка побудило Дизраэли согласиться с тем, чтобы конгресс был созван в Берлине.

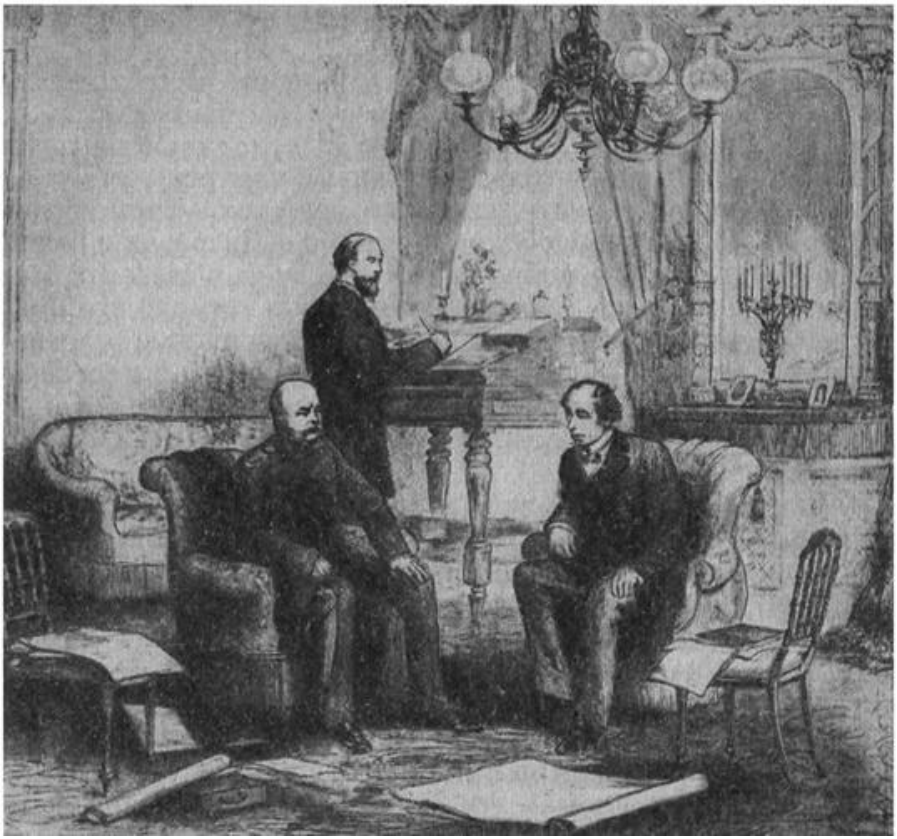
Одновременно в глубочайшей тайне Дизраэли вел переговоры с правительством Турции, требуя, чтобы оно отдало Англии остров Кипр в качестве компенсации за английскую поддержку. 26 мая султан согласился на это «союзническое»

вымогательство. И наконец, как отмечают историки, и «Дизраэли и Солсбери были в прекрасных отношениях с Францией и Италией». Все это создавало крайне трудную обстановку для российской дипломатии на Берлинском конгрессе, который открылся 13 июня 1878 г.

Дизраэли в это время было уже 73 года, и он часто недомогал, но на конгресс поехал с большим желанием, в боевой форме, захватив с собой в качестве второго делегата Солсбери, показавшего себя способным дипломатом. Они выехали из Лондона 8 июня, продвигались медленно, чтобы не устать, ночевали в Кале, Брюсселе, Кёльне.

В Берлин Дизраэли прибыл 11 июня свежим и отдохнувшим. Это оказалось очень кстати. Как только он устроился в отеле «Кайзергоф», прибыл человек от Бисмарка: канцлер желал немедленно встретиться с английским премьер-министром и поговорить один на один до начала переговоров.

Встреча продолжалась час с четвертью. Дизраэли видел Бисмарка 16 лет назад в Лондоне. Тогда это был сильный, рослый, с осиной талией человек гвардейской выправки. Теперь канцлер располнел, расплылся, отрастил седую бороду, обрамлявшую грубое лицо. Говорил четко, прямо, временами резко. Было ясно, что хозяином конгресса будет Бисмарк, а главным действующим лицом — Дизраэли. Они сразу же прекрасно поладили. Дизраэли прямо заявил Бисмарку: либо мир на английских условиях, либо война с Россией. «Честный маклер» тут же согласился с такой формулой.



Бисмарк посещает Дизраэли в отеле «Кайзергоф» во время Берлинского конгресса

Об истории Берлинского конгресса написано много книг и статей. Но нас интересует в первую очередь пребывание Дизраэли на конгрессе. Материалы об этом имеются в изобилии, и главное место среди них занимают те, что вышли из-под пера самого Дизраэли. Он ежедневно посылал королеве подробные письма, а также вел для Виктории дневник, страницы которого регулярно отправлял в Виндзор. И в письмах, и в дневнике автор часто, но всегда к месту и ненавязчиво вставляет фразу о своем восхищении королевой. Он сообщает, как члены семьи германского императора окружают его почетом и вниманием, «и все это благодаря восхищению одним лицом, которому, он, Дизраэли, обязан всем». Дизраэли писал не только королеве, но и некоторым своим министрам, банкиру Ротшильду и, конечно, обеим милым сестричкам — леди Бредфорд и леди Честерфилд. Архив сохранился и позволяет в деталях воспроизвести как политическую позицию Дизраэли по обсуждавшимся на конгрессе

вопросам, так и обстановку, в которой проходил конгресс.

Дизраэли был писателем, знал, что больше всего интересует его адресатов, и умел изящно и занимательно рассказать им об обсуждении политических вопросов, не упустив порой пикантных подробностей, рисовал интересные, живые портреты участников конгресса. Живописны его зарисовки светских мероприятий — бесконечных ежедневных обедов и приемов. Дизраэли с головой ушел в эту мишуру. Он любил за рюмкой вина, в светской беседе знакомиться с людьми, узнавать их мысли и мимоходом подкинуть свои соображения. И сегодня берлинские письма и дневник, написанные летом 1878 г., читаются с неослабным интересом.

Россию на конгрессе представляли 80-летний мудрый канцлер Горчаков и 50-летний посол в Лондоне граф Шувалов — оба сильные дипломаты.

Положение российских делегатов в Берлине было чрезвычайно трудным. Они имели против себя единый фронт ведущих европейских держав — участниц конгресса. Бисмарк, председательствовавший на конгрессе, очень старался предстать в роли объективного, нейтрального посредника, дабы скрыть свою истинную роль — надежного союзника Дизраэли в его борьбе против интересов России. Позиция российских представителей ослаблялась также гем, что они открыто враждовали друг с другом. Горчаков уж слишком задержался на посту канцлера — так считал Шувалов, сам метивший на эту должность. Как обычно бывает в подобных случаях, аппарат делегации разделился на сторонников Горчакова и сторонников Шувалова. К этому добавлялись противоречия в высших сферах Петербурга, за которыми было последнее решающее слово.

Впоследствии, когда в России поднялась волна недовольства решениями конгресса, вошло в моду критиковать Горчакова за исход переговоров. В действительности же это был умный, безусловно преданный и честно исполнявший служебный долг человек. И критикам ничего не оставалось, как подчеркивать его физическую немощь в 1878 г. При этом краски сильно сгущались. Во всяком случае бесспорно одно: Горчаков занимал в Берлине твердую позицию и был сильным противником Дизраэли и Бисмарка, за что последние и тогда и после платили ему устойчивой ненавистью. В отличие от Шувалова, много лет гордившегося «дружбой» с Бисмарком, Горчаков понимал, что германский канцлер на самом деле хорошо маскирующийся недруг России.

Дизраэли относился к Горчакову и Шувалову с должным уважением, хотя и держался временами (в интересах дела) с

нарочитой грубостью. Он неоднократно отмечает в письмах, что разговаривал «громовым голосом» с Горчаковым и Шуваловым. Эта резкость в обращении с российскими представителями должна была подчеркнуть решительность и незыблемость английской платформы. А сообщение об этом должно было понравиться королеве.

В письме Виктории, рассказывающем о первом дне работы конгресса, 13 июня, Дизраэли сообщает: «Князь Бисмарк, гигант ростом 6 футов 2 дюйма как минимум, пропорционально огромный, был избран председателем конгресса». И дальше: «Утром князь Горчаков, сморщенный старик, вошел, опираясь на руку своего могучего недруга. В это время у князя Бисмарка случился настолько острый приступ ревматизма, что он упал на пол, потянув за собой Горчакова. К несчастью, следовавшая за ними собака Бисмарка решила, что ее хозяин подвергся нападению, и кинулась на Горчакова. Лишь благодаря энергичной помощи сопровождающих собака не покалечила и не покусала князя Горчакова».

На конгрессе Дизраэли выступал не на французском языке (как это было принято в то время в подобных случаях), а на английском. Впоследствии в ход было пущено несколько различных объяснений причин этого отступления от тогдашнего дипломатического этикета. Однако у Роберта Блэйка, прекрасного знатока жизни Дизраэли, можно прочесть такую фразу: «Дизраэли вызвал огромную сенсацию, изложив свое первое обращение к конгрессу на английском, а не на французском языке, обидев тем самым русских». И далее Блэйк замечает, что, каковы бы ни были мотивы этого поступка Дизраэли, «он был рассчитан на то, чтобы с самого начала подчеркнуть британскую непримиримость». Эта непримиримость сказалась прежде всего при рассмотрении вопроса о Болгарии.

Для Дизраэли существовали два вопроса первостепенной важности: во-первых, Болгария и, во-вторых, Батум и Армения. Другие проблемы его занимали мало, и их решение он переложил на Солсбери и советников. Дизраэли добивался, чтобы территория Болгарии была намного сокращена по сравнению с той, которая намечалась в Сан-Стефанском договоре, не достигала Адриатического моря и, наконец, чтобы ее южной границей был Балканский горный хребет. Населенная болгарами территория южнее Балканских гор должна была оставаться под властью Турции. Он поддержал претензии австрийцев на Боснию и Герцеговину.

Здесь Дизраэли действовал в блоке с Бисмарком. Между этими двумя важными фигурами на конгрессе было много

общего. Оба равнодушно, если не враждебно, относились к судьбам балканских славян, распоряжаясь ими, как пешками на шахматной доске европейской политики. У обоих были схожие приоритеты во внутренней политике своих стран, где они стремились сохранить и упрочить власть аристократов-землевладельцев.

18 июня 1878 г. Дизраэли сообщал королеве: «Я заявил, что английские предложения под названием „Разграничивание Болгарии“ следует рассматривать как ультиматум. Оцепенение в лагере русских… на протяжении всего обсуждения. Австрия целиком поддерживала Англию». На следующий день на банкете у итальянцев Дизраэли «по большому секрету, как старому другу» сказал итальянскому послу графу Конти, что оценивает положение очень мрачно и, если Россия не примет его требований, он взорвет конгресс. Все понимали, что уход Англии с конгресса означал бы только одно — Лондон взял курс на войну с Россией. А такая война задевала самым решительным образом интересы всех держав, собравшихся на конгрессе в Берлине.

Горчаков не мог без согласия Петербурга брать на себя ответственность за принятие крайне невыгодных для России и балканских славян английских требований. Он срочно направил полковника А. А. Боголюбова к царю за инструкциями. А тем временем в Берлине англичане шумно декларировали ультимативность своих предложений по Болгарии. Они умышленно пустили слух, что Дизраэли поручил Кори подготовить специальный поезд на завтра, которым английская делегация покинет Берлин. Дизраэли запугивал срывом конгресса (а, следовательно, войной) его участников, и прежде всего Горчакова и Шувалова. Бисмарк и представитель Австрии Андраши усердно помогали ему в этом. Германский канцлер говорил Дизраэли:

— Вы подарили султану богатейшую в мире провинцию — четыре тысячи квадратных миль лучшей земли.

Когда оба однажды оказались у карты Балкан, Дизраэли, неопределенно блуждая рукой по карте, заметил, что, вероятно, этот район перспективен для колонизации. Бисмарк молча принял к сведению эту как бы вольную игру воображения английского премьер-министра.

Россия не хотела войны, и царь санкционировал компромисс, т. е. принятие английских требований. В дневнике от 21 июля Дизраэли записал: «Перед тем как отойти ко сну, я с удовлетворением узнал, что Петербург сдался». На следующий день он телеграфировал королеве: «Россия капитулирует и принимает английскую схему установления европейской границы

Турецкой империи». Своему коллеге Норткотту Дизраэли писал:

— Я должен был разговаривать самым жестким языком… Меня все время изображали воинственным человеком, и я должен был разговаривать, как Марс.

Второй важной для Дизраэли проблемой была граница между Россией и Турцией в Закавказье. Русские войска имели успех на этом театре военных действий и заняли территорию в основном с армянским населением и ряд городов. К этому вопросу и перешел конгресс после достижения договоренности о Болгарии. Его решение в принципе, но не в деталях было предрешено в англо-русском меморандуме от 30 мая. В этом соглашении фиксировалась готовность России вернуть Турции часть занятой территории и город Баязит, а английское правительство со своей стороны соглашалось с «желанием императора России занять порт Батум и сохранить свои завоевания в Армении».

Но соглашение соглашением, а Дизраэли стремился к тому, чтобы как можно больше ограничить интересы России в районе Черного моря, а также в Закавказье. Поэтому на конгрессе русским делегатам приходилось с большим трудом отстаивать лондонскую договоренность. В общем Дизраэли хотел помешать переходу Батума в распоряжение России.

Ему «неожиданно» помогло странное обстоятельство. В Лондоне произошла (или была организована?) утечка информации. По официальной версии, в Форин оффис возникла необходимость снять копии с англо-русской конвенции. Это поручили сделать «временно и без зарплаты работавшему там клерку». Клерк снял копию и продал ее газете «Глоб», где конвенция и была опубликована 14 июня. Это послужило сигналом для развертывания новой шовинистической джингоистской кампании в Англии с требованием не допускать уступок России на Берлинском конгрессе. И Дизраэли не преминул это использовать. Наивным было бы сомневаться в том, что утечка была организована английским правительством. Упорствуя по вопросу о Батуме, Дизраэли мог ссылаться на нажим общественного мнения. Назревал очередной кризис на конгрессе. Борьба закончилась тем, что Батум был присоединен к России, которая обязалась объявить его вольной торговой гаванью. К ней также отходили Карс и Ардаган.

Главным аргументом джингоистов было то, что Англия якобы за свои уступки России не получает никакой компенсации. Хотя к этому времени Дизраэли уже вынудил султана отдать Кипр Великобритании, от общественности это тщательно скрывалось (здесь утечки информации не произошло!). Нараставшая активность джингоистов являлась нажимом не столько на Дизраэли, сколько на Россию.

В начале июля Дизраэли сообщил Бисмарку, что Англия «приобрела» Кипр. Германский канцлер на это заметил:

— Вы сделали мудрую вещь. Это прогресс. Это будет популярно. Нации нравится прогресс.

В дневниковой записи для королевы Дизраэли, приведя эти слова Бисмарка, добавляет:

— Его понимание прогресса явно сводится к тому, чтобы что-нибудь захватывать.

Хотя на протяжении последних лет германский канцлер в европейских делах использовал Англию против России и Россию против Англии, однако на конгрессе он был целиком на стороне последней. Через несколько лет Дизраэли вспоминал:

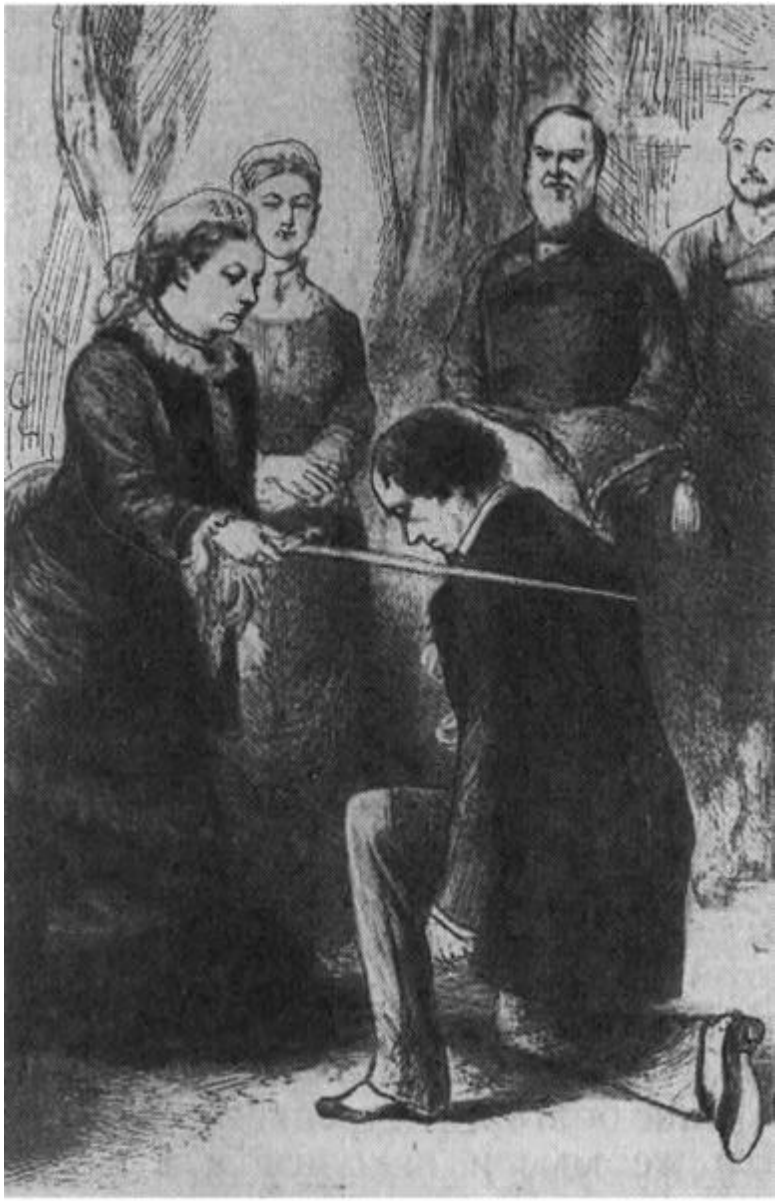
— Между мной и Бисмарком было полное согласие. Он был одним из немногих людей, к которым я в своем возрасте мог чувствовать искреннюю привязанность.

После Берлинского конгресса к висевшим в домашнем кабинете Бисмарка двум портретам прибавился третий. Хозяин объяснял гостям.

— Это мой государь, это моя жена, а это мой друг.

На третьем портрете был изображен Бенджамин Дизраэли.

Несмотря на эту аффектацию дружбы, отношение Бисмарка к Дизраэли было сложным. Как заметил английский историк Брюс Уоллер в книге «Бисмарк на перепутье», канцлеру, «очевидно, нравился Дизраэли, но не столько его эффектной ролью на конгрессе, сколько деловым подходом в закулисных переговорах и захватом Кипра. Это было дополнительным признаком заинтересованности Англии в европейской политике и шагом на пути к разделу Османской империи, чего хотелось Бисмарку».



Королева Виктория возводит Дизраэли в рыцарское достоинство, вручая Орден Подвязки

Дизраэли с триумфом возвратился в Лондон. От вокзала Чэринг-Кросс до резиденции премьера на Даунинг-стрит, 10 его экипаж приветствовали толпы лондонцев. Прибыв в резиденцию, он предстал перед толпой в открытом окне и торжественно объявил:

— Я привез почетный мир.

Это была вершина политической карьеры Дизраэли. Королева предлагала Дизраэли несколько наград и отличий. Он согласился принять лишь орден Подвязки, высший орден страны, учрежденный королем Эдуардом III в 1348 г.

Общественное мнение в России весьма критически отнеслось к решениям, принятым в Берлине. Это объяснялось тем, что Берлинский конгресс в значительной степени оказался менее выгодным для балканских славян и для России, чем прелиминарный мирный договор в Сан-Стефано. Многие считали, что Россия пролила слишком много крови в войне с Турцией, чтобы ей навязывали такие условия мира. Образованная часть общества понимала, что противниками России, сыгравшими важную роль в Берлине, были Дизраэли и Бисмарк. Царь Александр II определил Берлинский конгресс «как европейскую коалицию против России под руководством князя Бисмарка». Этим и определялось отношение Дизраэли к Бисмарку и к России на конгрессе.

Наиболее резкими критиками Берлинского конгресса в России были славянофилы. Их центром было Московское славянское общество, главой которого являлся И. С. Аксаков. Он назвал Берлинский конгресс «трижды проклятым». 4 июля 1878 г. Аксаков выступил с речью, в которой заявил: «Для того ли наши храбрые войска с трудом всходили на эти горы среди зимы и умирали там геройски? Может ли русский отныне без краски стыда произносить имена Шипки, Карлова, Баязета, имена всех мест, прославленных храбростью и густо усеянных могилами наших героев, отданных туркам? Наши солдаты, возвратясь домой, не поблагодарят дипломатов, которые уничтожили на конгрессе плоды этой кампании». В другом месте Аксаков говорил: «Никогда еще война не порождала столько жертв, вызванных чувством любви к ближнему, как эта, единственной целью которой было избавление болгар от турецкого ига. И вдруг теперь все испорчено!» Эти же мысли находим и в заявлении генерала М. Д. Скобелева, талантливого военачальника, героя русско-турецкой войны 1877–1878 гг. «Политика нас возмущает, — говорил генерал. — Два года мы обмывали своей кровью Балканский полуостров… Все это мы перенесли бы с терпением… если бы полная свобода, добытая нами нашим братьям по крови и религии, по наречию и вере, была им дана. Но проклятая дипломатия вмешивается и говорит „нет“…»

Несомненно, такая реакция на родине сильно травмировала Горчакова. «Берлинский трактат 1878 года, — писал он, — я считаю самой темной страницею в моей жизни. Когда я вернулся из Берлина в Петербург, я именно так и выразился о Берлинском

трактате в моем мемуаре, поданном мною Государю Императору. В этой всеподданнейшей записке я писал так: „Берлинский трактат есть самая черная страница в моей служебной карьере“».

Можно понять горечь и разочарование Горчакова. Но все же, если принимать во внимание все условия и обстоятельства, нельзя не признать, что российская дипломатия в Берлине в общем добилась того, что было в ее силах.

Главным достижением Дизраэли на Берлинском конгрессе английские правящие круги считали то, что Россия была лишена части плодов ее победы в Восточной войне. Потесненными оказались и народы, ведшие национально-освободительную борьбу против турецкого господства. Кроме того, Дизраэли сумел натравить участников конгресса друг на друга и тем самым разорвать союз трех императоров. Восстанавливалась ведущая роль Англии в европейских делах. Но все это был временный успех. Мир быстро развивался, и развитие было не в пользу Англии.

Бернард Портер замечает, что Россия, Австрия и Германия в результате конгресса оказались «отодвинутыми на задний план». Дизраэли еще из Берлина писал Виктории: «Теперь вы арбитр европейских дел». Возвратившись в Лондон, он заверял королеву, что «она скоро станет, если уже не стала, диктатором Европы». Конечно, это преувеличение, но весьма симптоматичное.

Прошло совсем немного времени, и славянские народы Балкан завоевали независимость и создали собственные суверенные государства. Очень помогли этому усилия и жертвы, принесенные Россией в 1877–1878 гг., ее дипломатическая борьба на Берлинском конгрессе. Именно поэтому 1878 год считается годом освобождения Болгарии от османского рабства. Несгибаемая воля и мужество болгарских патриотов, слившись с героизмом воинов России, принесли радость освобождения на древнюю землю Болгарии. В этом проявился освободительный характер русско-турецкой войны.

Хотя на Берлинском конгрессе Сан-Стефанский мирный договор и был заменен многосторонним договором, менее выгодным для балканских народов и России, однако важнейший итог русско-турецкой войны в нем был все же закреплен. Этот итог состоял в освобождении Болгарии от турецкого господства и восстановлении болгарской национальной государственности.

«Отодвинуть Россию на задний план» также удалось ненадолго. Уже в 1882 г. Германия, стремясь еще больше повернуть европейские дела в свою пользу, заключает союз с Австро-Венгрией, который вскоре превращается в Тройственный союз. Это был вызов английскому курсу «блестящей изоляции». В

Лондоне почувствовали опасность и под воздействием новой германской угрозы, «забыв традиции», заключили в 1904 г. союз с Францией и в 1907 г. — с Россией, что позволило Англии избежать поражения в первой мировой войне.

Шли годы… И в апреле 1987 г. в Италии, на острове Сардиния, в городе Кальяри, была организована международная конференция историков, посвященная Ялтинской встрече Большой тройки — СССР, США и Англии, проходившей в начале 1945 г. Выступая в день открытия конференции с докладом, профессор университета в Беркли (США) Диана Клеменс, отметив изменения, происшедшие в мире, сказала: «Для Советского Союза эти изменения означали достижение исторической цели — окончание его изоляции от Европы и прекращение проводившейся два столетия Англией старой политики сдерживания России». Эти слова невольно приходят на память, когда знакомишься с русско-английскими отношениями в XIX в., и на Берлинском конгрессе в особенности.

ДИЗРАЭЛИ И ВИКТОРИЯ

К числу важнейших достижений Дизраэли следует отнести то, что ему удалось установить очень хорошие деловые отношения с королевой Викторией и ее двором. Это было далеко не простым делом.

До прихода к власти Дизраэли в Англии в воздухе носились идеи республиканизма. Хотя поведение Виктории на троне, если сравнивать ее с предшественниками, было безупречным, тем не менее довольно многие люди в Англии ставили вопрос: а нужна ли им монархия? И отвечали на него отрицательно: ведь Англия демократическая страна, зачем ей король или королева? Монархия и демократия противоречат друг другу. Республиканские настроения в Англии особенно усилились после свержения во Франции в 1870 г. Наполеона III. Республиканизм приобрел в английском обществе ореол респектабельности. Ему отдавали дань члены парламента, профессора и даже титулованные леди. Все они открыто выражали свои симпатии идее республики.

Англичане — народ рациональный, практичный. И поэтому, выступая против монархии с теоретических позиций, они атаковали ее наиболее настойчиво и последовательно материальными, финансовыми аргументами. На содержание королевы и ее двора парламент ежегодно отпускал 385 тыс. фунтов стерлингов. Звучали «невежливые» вопросы: «Что она делает с этими деньгами?», «Стоят ли исполняемые Викторией протокольные, церемониальные функции столь больших трат?» Викторию упрекали в том, что после смерти мужа она погрузилась в многолетний траур и свела свою церемониальную деятельность к минимуму. Членов парламента раздражало, что Виктория не желала участвовать даже в ежегодной церемонии открытия сессии парламента.

Вышел в свет памфлет, анализирующий финансовое положение Виктории, выдержанный в неблагоприятных для нее тонах. Автор памфлета утверждал, что точно установить размеры личного состояния Виктории не представляется возможным, но есть основания полагать, что оно достигло гигантских размеров — 5 млн фунтов.[9] Эта аргументация подводила к заключению, что монархия — слишком дорогое удовольствие для Англии, да к тому же и ненужное. Все это энергично обсуждалось на публичных митингах и в печати. Накал страстей приводил к тому, что предпринимались неоднократные попытки убить Викторию. Последняя такая попытка, седьмая по счету, имела место в 1882 г.

Королева считала, что за распространение идей республиканизма несет ответственность и Гладстон, но этот упрек в его адрес был безосновательным.

К моменту прихода к власти правительства Дизраэли в 1874 г. республиканские настроения в Англии пошли на убыль. Новый премьер-министр считал монархию важнейшим элементом сохранения существующей социальной системы в стране. Он много и вполне успешно трудился над культивированием контактов с троном и весьма преуспел в этом. Вскоре у него установились отношения дружеского сотрудничества с Викторией.

Очень важным ходом Дизраэли, причем не лишенным риска, были методические завуалированные попытки убедить королеву в том, что все в Англии делается и должно делаться по ее воле. Английская традиция говорила о правах трона другое, и Дизраэли исподволь внушал Виктории, что она обладает реальной верховной властью. Это было не так, однако королеве весьма нравилось, особенно когда Дизраэли говорил ей: «Все в действительности зависит от вашего величества», «Я живу только для Вас и работаю только для Вас, и без Вас все будет потеряно». Это не было тривиальным объяснением в любви. Это была своеобразная политическая лесть. Лесть, и не только политического свойства, занимала в отношении Дизраэли к Виктории очень важное место.

Любовь к лести присуща многим людям. Все любят слушать о себе хорошее, это им приятно, доставляет удовольствие. Виктория была не глупа, но она была живым человеком, и к тому же женщиной. На эту тему у Дизраэли состоялся разговор с Мэтью Арнольдом, английским поэтом и критиком, смотрителем школ.

— Вы, конечно, слышали, — сказал Дизраэли, — что меня называют льстецом. И это верно. Все любят лесть. Но когда дело касается королей, то здесь вы должны льстить, не стесняясь.

Дизраэли следовал этому принципу, но старался безграничную лесть преподносить изящно.

Лесть присутствует по существу во всех его письмах королеве. Возьмем, для примера, его письма с Берлинского конгресса. Рассказав о делах, Дизраэли продолжает: «Он надеется, что его самая любимая государыня чувствует себя хорошо и счастлива. Находясь вдали от Вашего величества, на чужой земле, и неся на своих плечах огромную ответственность, он сильнее, чем когда-либо, чувствует, насколько его счастье зависит от исполнения долга перед Вашим величеством и от того, с какой добротой Ваше величество оценивает его действия». И еще: «Дизраэли надеется, что Ваше величество помнит о своем милостивом обещании не

писать по ночам или, по крайней мере, не очень утруждать себя. Он живет только ради нее, работает только ради нее. Без нее для него все потеряно».

Дизраэли не очень хитрил в своих письмах Виктории. Королева действительно ему нравилась, ему льстило ее доброе отношение. Он счел для себя великой честью и поощрением, когда зимой 1877 г. королева, довольная действиями Дизраэли в «восточном вопросе», приехала в Хьюэндин, в дом своего премьер-министра, на ленч. Это была редчайшая и высокая честь. Дизраэли был страшно польщен. Не обошлось, однако, без накладки, но по вине Виктории. Она явилась в Хьюэндин как раз в годовщину смерти жены Дизраэли Мэри Энн. Но королева не знала об этом, а двор, или, выражаясь современным языком, «обслуга», проморгал.

Дизраэли не очень легко удавалось поддерживать отношения с королевой, и поэтому правдиво звучат его слова: «Ничто так не выматывает, как руководство людьми… Но еще труднее, пожалуй, руководство женщинами». Иногда Дизраэли приходилось выполнять щекотливые поручения королевы. Примером может служить скандал, в который оказался втянутым сын Виктории, принц Уэльский, будущий король Англии.

Принц Альберт, как считал Дизраэли, добрый малый, но в то же время «испорченный ребенок». Женщины — его слабость. Виктория заметила это, когда сын был еще юным. 10 мая 1863 г. она женила его на датской принцессе Александре, полагая, что такая жена, как Аликс, явится сдерживающим фактором для сладострастного Берти. Но эти надежды не оправдались.

Очередной крупный скандал разразился во время поездки принца Уэльского в Индию. В скандале оказалось замешанным кроме принца семейство герцогов Мальборо, включая младшего сына седьмого герцога лорда Рандольфа Черчилля (отца будущего известного деятеля Уинстона Черчилля). Лорд Рандольф уже был членом парламента, агрессивным и дерзким деятелем из стана консерваторов.

Королева посещает Дизраэли в Хьюэндине

Дело было в следующем. Старший брат Рандольфа Блэндфорд, наследник титула и владений герцогов Мальборо, будучи женатым и имея детей, начал настойчиво ухаживать за графиней Эдит Эйлисфорд. Ничего необычного в этом не было, но ситуация осложнялась тем, что принц Уэльский тоже увлекся молодой графиней. Отправившись в Индию, принц взял с собой в поездку графа Эйлисфорда. Блэндфорд, воспользовавшись отсутствием обоих соперников, далеко зашел в своих отношениях

с молодой графиней. Она призналась во всем мужу. Вернувшись из Индии, принц Уэльский потребовал от графа, чтобы тот возбудил бракоразводный процесс и выдвинул в качестве официальной причины развода отношения его жены с Блэндфордом. В этом случае наследник титула герцогов Мальборо был бы покрыт позором. К тому же принц Уэльский настаивал и на разводе Блэндфорда с женой, и на его женитьбе на графине Эйлисфорд, от чего Блэндфорд всячески отказывался. Запутанное дело получило огласку, свет раскололся: одни симпатизировали Блэндфорду, другие — наследнику престола. Королева была рассержена, как никогда. И здесь вмешался Рандольф Черчилль, вступившийся за брата и честь герцогов Мальборо. При этом он действовал дерзко и глупо, стал угрожать принцу Уэльскому. Говорил, что если дело дойдет до суда, то он предаст гласности «несколько дружественных писем, которые вышли из-под пера принца Уэльского». Тем самым принц будет настолько дискредитирован, что унаследовать английский трон уже не сможет. Рандольф похвалялся:

— Корона Англии у меня в кармане.

Это была неслыханная дерзость. Принц послал Рандольфу вызов на дуэль, но тот не посмел драться с наследником престола.

Крупнейшие представители вигов и тори — лорды Гартингтон и Лэнсдаун не сумели погасить скандал. Тогда Виктория через приближенную к ней даму маркизу Эли обратилась к Дизраэли. «Королева говорит, — писала Эли, — что Вы так добры, полны мудрости и такта. Ее величество чувствует, что Вы великолепно урегулируете это дело». И Дизраэли урегулировал. Он предложил отцу Рандольфа герцогу Мальборо пост вице-короля Ирландии, с тем чтобы он взял с собой Рандольфа в качестве секретаря. Хотя этот почетный пост был связан с большими расходами, а герцоги уже в значительной степени спустили фамильное наследство, но выхода не было: скандал нарастал. И герцог уехал в Ирландию, увезя с собой сына Рандольфа и внука Уинстона Черчилля, будущего премьер-министра Англии. Постепенно страсти поутихли. Мальборо оставался в Ирландии все время пока у власти было правительство Дизраэли.

ДИЗРАЭЛИ ПЫТАЕТСЯ ЗАВОЕВАТЬ АФГАНИСТАН

Успех Дизраэли на Берлинском конгрессе был не только самым крупным, но и последним в его жизни. За этим последовали две крупные внешнеполитические неудачи. На них переключилось внимание общественности, и восторги по поводу «почетного мира» прекратились. Они сменились тревожными размышлениями о войне, на этот раз в Афганистане. 20 ноября 1878 г. английские войска из Индии начали вторжение тремя колоннами в Афганистан. Вторгшиеся войска насчитывали до 36 тыс. человек, они превосходили афганские войска и по численности, и по вооружению. Афганцам приходилось отступать и уступать. 26 мая афганский эмир Якуб-хан подписал с Англией Гандамакский договор, по которому Афганистан становился зависимым от Англии государством. В Лондоне были довольны: давно готовившаяся война с целью захвата Афганистана развивалась успешно.

В английских правящих кругах, и прежде всего среди высших колониальных администраторов в Индии, после восстания сипаев обсуждались два варианта стратегии в отношении расположенных вокруг Индии стран, в первую очередь Афганистана. Сторонники агрессивных действий считали, что его необходимо захватить, разумеется, «в интересах безопасности Индии». Сторонники сдержанной политики полагали, что существующая северо-западная граница вполне удовлетворительна для Индии. Первые с годами возобладали над соперниками, и постепенно в Англии и в Индии готовились к реализации этих замыслов.

К концу 70-х годов такая подготовка развернулась весьма широко. Причин было несколько. Приход Дизраэли к власти означал, что отныне Англия будет вести динамичную колониальную политику. К тому же и объективные факторы складывались благоприятно для захвата Афганистана. Россия вела Восточную войну, требовавшую концентрации ее военных сил против Турции, и, следовательно, была лишена возможности помешать Англии захватить Афганистан, хотя это создавало непосредственную угрозу среднеазиатским территориям Российского государства.

Шумные угрозы Дизраэли начать войну с Россией в связи с развитием «восточного вопроса» не могли не вынудить царское правительство принять меры давления на Англию с целью избежать этой опасности. Были призваны резервисты и войска

Туркестанского военного округа и в мае 1878 г. сосредоточены по реке Амударье. Афганский эмир не доверял Англии и искал контактов с Россией. Поэтому, учитывая возможность войны с Англией, царское правительство 9 июня 1878 г. направило в Кабул миссию во главе с генералом Н. Г. Столетовым. Это явилось известной политической поддержкой Афганистана. Однако на оказание военной помощи Афганистану царское правительство не решилось. Российская дипломатия пыталась мирными средствами уладить конфликт вокруг Афганистана, обещала отозвать миссию Столетова, если Англия будет уважать независимость Афганистана. Но Лондон взял курс на войну.

14 августа 1879 г. Дизраэли поздравлял вице-короля Индии лорда Литтона с Гандамакским договором с Афганистаном. «Я пишу Вам теперь, когда закончилась долгая и трудная кампания, которая завершилась триумфом для правительства Ее Величества… В огромной степени благодаря Вашей энергии и прозорливости мы добились научно обоснованной границы для нашей Индийской империи».

Однако английское правительство недооценивало роль самого афганского народа. А народ был возмущен навязанным его стране договором, который ликвидировал ее независимость, обязывал афганцев поставить свою внешнюю и внутреннюю политику под контроль англичан, отдать Англии часть своей территории (округа Куррам, Сиби и Пишин) и некоторые горные проходы, имевшие стратегическое значение. Договор вызвал всеобщее возмущение, в Афганистане началось народное восстание. 3 сентября была уничтожена английская миссия, а ее глава Л. Каваньяри убит. Английские войска терпели поражение, и это заставило Англию отказаться от завоевания Афганистана и заключить компромиссное соглашение с эмиром.

То был сильный удар по престижу английского правительства и по имперской политике Дизраэли. В таких случаях обычно изобретаются различные версии, призванные переложить на других ответственность за совершение неблаговидных дел. Теперь появились две такие версии: одна возлагала на Россию ответственность за английское нападение на Афганистан; вторая доказывала, что Дизраэли не несет ответственности за эту войну, что он ее не хотел.

Английские историки, политики и журналисты утверждают, что война началась из-за миссии Столетова. Однако любому бесстрастному исследователю, опирающемуся только на факты и документы, ясно, что война готовилась за много лет до появления Столетова в Кабуле. Она заранее получила политическое и стратегическое обоснование в Англии. Что касается миссии

Столетова, то она была направлена в Афганистан в ответ на угрозы Дизраэли. Наконец, нам документально известно: царское правительство заверяло Лондон, что оно отзовет Столетова из Кабула, если Англия оставит в покое Афганистан. Суть этого вопроса хорошо известна историкам.

Менее известны попытки снять с Дизраэли личную ответственность за вторую англо-афганскую войну. Навязываемая версия гласила, что Дизраэли не хотел этой войны, но вице-король Индии лорд Литтон на свой страх и риск сделал шаг, приведший к войне. А Дизраэли против своей воли был вынужден поддержать Литтона и начать войну. Аргументация поражает своей наивностью. Литтону инкриминируются две вещи: во-первых, он послал миссию генерала Чемберлена в Кабул до того, как Лондон получил русский ответ на одну из своих нот по Афганистану, и, во-вторых, миссия направилась не через тот перевал, который в Лондоне считали предпочтительным. И из-за таких пустяков начали войну! Если бы эти два факта имели то значение, которое им задним числом придают некоторые историки, то Лондон легко, без каких-либо издержек мог поправить своего проконсула в Индии и не позволить ему начать вторжение в Афганистан. Но никаких попыток сделать это Дизраэли не предпринял. Почему?

Ответ на это содержится в письме Дизраэли королеве Виктории от 22 июля 1877 г. Оно посвящено русско-турецкой войне, но содержит огромной важности абзац, проливающий свет на замыслы Дизраэли относительно Афганистана и российского Туркестана: «В настоящее время я придерживаюсь мнения, что в таком случае Россию следует атаковать из Азии, войска должны быть посланы в Персидский залив и императрица Индии должна приказать своим армиям очистить Центральную Азию от московитов и сбросить их в Каспийское море. У нас есть хороший инструмент для достижения этой цели в лице лорда Литтона; в конце концов он и был направлен в Индию для решения этой задачи».

Это важнейший документ, приподнимающий завесу над замыслами английских правящих кругов, и прежде всего самого Дизраэли. В Лондоне, оказывается, стремились захватить не только Афганистан, но и Туркестан, сбросив «московитов» в Каспийское море. Организация этого авантюристического предприятия и была главной задачей лорда Литтона. Следует учитывать, что с такой целью его послал Дизраэли в Индию в 1876 г., тогда как миссия Столетова выехала из Ташкента в Кабул только через два года. Когда читаешь это письмо Дизраэли, на ум приходит следующий факт: ведь в 1918–1919 гг. Англия

предприняла попытку реализовать замысел Дизраэли, направив в Туркестан свои войска под командованием генерала У. Маллесона.

Один из биографов Дизраэли, которому честность в науке не позволила пройти мимо этого письма королеве, рекомендует читателям быть «милосердными» к Дизраэли. Он объясняет содержащийся в письме фантастический план английской экспансии в Средней Азии тем, что Дизраэли якобы был «поразительно невежествен в географии». Блажен, кто верует…

ВОЙНА ПРОТИВ ЗУЛУСОВ

Крупные неприятности ожидали правительство Дизраэли не только в Афганистане, но и на юге Африки. К этому времени Англия уже вела активную политику колонизации африканских территорий, имела прочные опорные пункты на юге Африки, которые служили базой для осуществления захватов лежавших севернее территорий. Независимости местных племен угрожали также буры — поселенцы голландского происхождения. И англичане, и буры отнимали у аборигенов лучшие земли и заставляли негров работать на колонизаторов. Свободолюбивые негритянские племена отвергали жизнь в условиях рабства и стали объединяться для борьбы против англичан и буров. Центром объединительных усилий племен стало племя зулусов, создавшее своеобразную военную организацию и сильную армию, насчитывавшую несколько десятков тысяч человек. Уже в 1838 г. имело место крупное военное столкновение между колонизаторами и зулусами, неудачно закончившееся для последних. В 70-х годах английское правительство и его администраторы на месте пришли к выводу, что развертывание колонизации на юге Африки невозможно, пока не будет уничтожена военная сила зулусов и они сами не будут подчинены английскому господству. Важно иметь в виду, что это было единое убеждение и правительства Дизраэли, и его представителей на месте.

11 января 1879 г. английские войска под командованием лорда Челмсфорда открыли военные действия против Зулуленда, которые закончились катастрофой для 1200 английских солдат, истребленных зулусами поголовно в сражении у холма Изандлвана. Подобного поражения великолепно оснащенной армии от африканских племенных войск, вооруженных щитами и копьями-ассегаями, история еще не знала. Это сразу превратило англо-зулусскую войну 1879 г. в международное событие.

Престижу Англии был нанесен крупный ущерб, причем в очень неподходящий момент. Дизраэли все еще был занят нажимом на Россию, добиваясь, к полной выгоде Англии, реализации положений, принятых на Берлинском конгрессе, и ему приходилось вести неудачную войну в Афганистане. А здесь еще Изандлвана.

Дизраэли плохо переносил такие проигрыши. Сообщение об английском поражении в войне с зулусами ввергло его в состояние прострации. Вскоре премьер-министр пришел в себя, и начались поиски виноватых. Тут же нашелся подобный

афганскому вариант аргументации — во всем виноваты английские эмиссары на местах: Высокий комиссар Англии в Южной Африке сэр Бартл Фрер и командующий войсками лорд Челмсфорд. Вся их вина состояла в том, что они проявили инициативу для выполнения задач, поставленных перед ними Лондоном, но не добились при этом успеха. Биографы Дизраэли прилагают усилия обелить премьер-министра, который якобы не хотел войны, ему ее, дескать, навязали администраторы с места событий. Утверждение, не имеющее ничего общего с истиной.

И прав известный ученый-африкановед А. Давидсон, утверждающий, что «Дизраэли — один из главных виновников войны с зулусами».

Вина Фрера и Челмсфорда состояла лишь в том, что они не смогли верно оценить военную мощь зулусов и поэтому проиграли первую битву. На войне это дело обычное. Журнал «Экономист», обращаясь к этой истории в 1988 г., заметил: «Но зулусы доказали, что они не те, над кем одерживаются легкие победы. Международная общественность восхищалась подвигом зулусов».

Героически сражавшиеся зулусы нанесли еще несколько поражений английским войскам. Однако превосходство в силах было на стороне Англии. В июне — июле Челмсфорд смог продвинуться в глубь Зулуленда и нанес поражение зулусам при Улунди. Но эти запоздалые успехи не сняли отрицательного впечатления от первого крупного поражения английских войск.

Раздражение Дизраэли в связи с этой войной было вызвано еще одной совсем уж необычной причиной. После свержения французского императора Наполеона III его вдову императрицу Евгению с сыном приютила королева Виктория. Принц Лулу, как его обычно называли, учился в военном училище в Вулвиче. В 1874 г. бонапартисты во Франции провозгласили его Наполеоном IV. Это было сделано авансом. Наследному принцу предстояло отличиться на поле брани, чтобы оправдать свои претензии на императорский трон Франции. Война с зулусами представилась подходящим для этого случаем. Так думали императрица Евгения, королева Виктория и сам принц Лулу. Дизраэли был против этой авантюры с непредсказуемым финалом.

Однако наследник французского императорского престола все же отправился в Южную Африку. 1 июня принц пошел в разведку с группой офицеров. В пути они спешились, чтобы отдохнуть, и, когда садились на лошадей, чтобы продолжить путь, на них неожиданно из засады напали зулусы. Спутники принца быстро вскочили в седла и ускакали. А лошадь Лулу испугалась,

и он не смог вовремя сесть в седло. Ускакав довольно далеко, офицеры заметили, что одного в их отряде не хватает. Они возвратились на место стоянки и обнаружили там тело принца, пронзенное ассегаями. Этот несчастный случай имел негативные последствия для престижа Англии.

Война в Афганистане, война в Южной Африке, имперские амбиции, сформулированные в речи против либералов в 1872 г., «приобретение» акций Суэцкого канала, захват Кипра и многое другое дали основание историкам считать Дизраэли «отцом империализма». Поворот к империализму в политике Англии (а также некоторых других держав) приходится на 70—80-е годы — время наибольшего влияния Дизраэли на государственные дела Англии. Но это не было явлением, связанным с одной личностью. Исторический смысл этого феномена состоит, по словам Д. Томсона, в том, что «Дизраэли отождествил английскую консервативную партию с политикой империализма». Последствия этого отождествления давали себя знать на протяжении многих десятилетий английской истории.

ВЫБОРЫ 1880 ГОДА. КОНЕЦ ВЛАСТИ

Сразу после Берлинского конгресса престиж Дизраэли был очень высоким, неотделимым от престижа партии тори. В эти дни казалось, что, если немедленно будут проведены выборы в парламент, большинство избирателей безусловно проголосует за консерваторов. Они вновь получат большинство в палате общин и тем самым сохранят власть еще на 5–6 лет. Это означало бы, что Дизраэли остался бы премьер-министром на новый срок.

Но был существенный аргумент и против такого решения. Согласно закону, срок действия парламента — 6 лет. В 1878 г. действующая палата общин располагала полномочиями еще на 2 года. В это время положению Дизраэли ничто не угрожало, его партия имела большинство в парламенте. Таким образом, предстоял трудный выбор — распустить парламент немедленно и провести новые выборы или продолжать работать еще два года и уже затем «обратиться к стране», как в Англии иногда называют парламентские выборы.

Дизраэли решил новые выборы не проводить. Очевидно, уж очень он преувеличивал свой авторитет, если полагал, что за два года ничто его не поколеблет. Это был крупный просчет. Дизраэли не смог предвидеть, как в ближайшие два года разовьются события в сфере внутренней и внешней политики, хотя признаки важных грядущих перемен уже были зримы в 1878 г.

Начавшийся в 1840-х годах период бурного экономического развития Англии продолжался с некоторыми осложнениями и затруднениями до 70-х годов. Но уже в 1876 г. начался экономический кризис. Он затронул промышленность, сельское хозяйство, торговлю, финансы. Росла безработица, развернулось мощное стачечное движение. Увеличилось число банкротств промышленных компаний и банков. Сельское хозяйство страдало от притока в страну из Америки массы дешевого зерна, сбивавшего цены на английское зерно. Положение усугублялось тем, что четыре года подряд в Англии были очень низкие урожаи из-за непрерывных дождей. Все это вызывало раздражение и озлобление городского и сельского населения, адресовавшееся, естественно, правительству. Такая ситуация не могла не сказаться на грядущих парламентских выборах. Критические настроения еще больше усилились, когда обнаружилось, что вместо «почетного мира» Англия получила сразу две войны — в Афганистане и Южной Африке. Войны тяжелые, дорогие и неудачные для английского оружия. Неутомимый Гладстон не

преминул использовать это обстоятельство против Дизраэли. Он нападал на имперскую политику премьер-министра, и прежде всего на его действия в Афганистане. Большую популярность приобрела фраза Гладстона: «Поймите, что в глазах всемогущего Господа жизнь в горных, занесенных снегом деревнях Афганистана так же священна, как ваша собственная».

В довершение всего после напряженной работы, связанной с конгрессом в Берлине, сильно сдало здоровье Дизраэли. Все это сказывалось на работе кабинета. Министры чувствовали растерянность перед лицом возникших трудностей, утратили инициативу и динамизм в работе.

8 марта 1880 г. было объявлено о решении правительства распустить парламент и провести новые выборы. На следующий день Дизраэли опубликовал свою избирательную платформу. Это был бледный, неконструктивный и даже уязвимый в политическом отношении документ. Он был направлен главным образом против национально-освободительного движения в Ирландии, что сразу же превратило многочисленных иммигрантов из Ирландии, обосновавшихся в Англии, в смертельных врагов Дизраэли. Его попытка сыграть на национальных противоречиях, натравив англосаксов на ирландцев, обернулась против него самого.

Гладстон, которому шел уже 71-й год, и его сторонники были неутомимы в своих атаках на Дизраэли. Гладстон обвинял его в пренебрежении к законам, в неправильном использовании своей власти, в ослаблении империи ненужными войнами, в том, что он «обесчестил Англию в глазах Европы, украв у Турции остров Кипр», и т. д. и т. п. Эти атаки были весьма эффективны. К тому же Дизраэли не отвечал на них под тем предлогом, что пэры не могут произносить речи в ходе избирательной компании. Дело было, пожалуй, в другом: престарелый тори был не совсем здоров, устал. Ответ либералам могла организовать консервативная партия, но и она оказалась не готовой к избирательной кампании, хотя время проведения этой кампании выбирали лидер консерваторов и его коллеги.

Выборы принесли сокрушительное поражение консерваторам. Либералы получили в новой палате общин 353 места, а партия Дизраэли — лишь 238. Внешне Дизраэли невозмутимо перенес поражение, хотя понимал, что теперь для него все кончено. Уходящий премьер-министр имеет право рекомендовать королеве присвоить титулы ряду лиц по его выбору. В числе тех, на кого пал его выбор, был верный помощник и друг, умный, скромный, исполнительный Монти Кори. Королева поморщилась, но все же Кори стал бароном Роутоном.

Встал вопрос о преемнике Дизраэли на посту премьер-министра. Виктория была очень огорчена тем, что ее любимец должен покинуть этот пост. Ее возмущало, что на его место может прийти Гладстон, которого она ненавидела так же, как его ненавидел Дизраэли. Правда, Гладстон с 1875 г. не был лидером партии либералов, таковым являлся маркиз Гартингтон. Это попытались использовать Дизраэли и Виктория. Дизраэли советовал королеве поручить формирование правительства Гартингтону — «ведь он джентльмен и в душе консерватор». Но самой крупной фигурой у либералов был, бесспорно, Гладстон, и руководящая верхушка партии рекомендовала Виктории сделать премьер-министром именно его. Она не могла пойти против парламента и скрепя сердце пригласила Гладстона.

В душе королевы теплилась надежда, что Гладстон все же может отказаться из-за возраста. Но он сразу же согласился. Соперник Дизраэли был интеллектуально и физически сильным мужчиной. В последний, четвертый раз он стал премьер-министром в 1892 г., все еще при королеве Виктории, когда ему было 82 года.

21 апреля 1880 г. Дизраэли провел последнее заседание своего кабинета. В мае в письме лорду Литтону он дал интересный и достаточно точный анализ происшедшего: «Что бы ни говорили философы, но существуют такие вещи, как везение и удача… Благодаря им на мою долю выпало править Англией в годы, когда страна переживала упадок в торговле (или другие явления), который, я убежден, нельзя было предвидеть… Бедственное положение страны стало причиной, причем единственной, падения правительства, которое я возглавлял… Фермеры разорены, у меня самого нет уверенности в том, что может наступить оживление в торговле… Бедствие настолько глубоко, что его не спасет даже хороший урожай…»

Что касается ситуации в партии, то Дизраэли подчеркивал: «Положение требует молодых сил и энергии. Когда они будут найдены — а они будут найдены, — я удалюсь с поклоном». Он был убежден в том, что именно консервативная партия явится источником этих новых сил: «Партия тори существует уже более полутора столетий как организованная политическая сила, пережившая потерю американских колоний, время Наполеона Первого, билль о реформе лорда Грея. И от нее нельзя избавиться, как от нагара на свече».

Этот анализ Дизраэли оправдала история. Если бы он составлял сегодня перечень испытаний, через которые было суждено пройти консервативной партии Англии, ему пришлось бы назвать первую и вторую мировые войны, революционные

волны, поднявшиеся над миром после этих войн, распад Британской империи. И в наши дни, в 90-е годы XX в., консервативная партия уверенно держит власть в своих руках. Это удивительный исторический феномен, демонстрирующий поразительную способность приспосабливаться к вечно изменяющейся обстановке в стране и во всем мире. В свое время Бенджамин Дизраэли многое сделал для того, чтобы консервативная партия стала тем, что она есть в наши дни.

НЕОТВРАТИМОСТЬ НЕИЗБЕЖНОГО

Дизраэли покинул дом № 10 на Даунинг-стрит 25 апреля 1880 г. В этом трехэтажном особняке находится официальная резиденция английских премьер-министров. На первом этаже расположена комната, где проходят заседания правительства, на третьем этаже — квартира главы правительства. Он въезжает в казенную квартиру в момент вступления в должность и освобождает ее, как только покидает этот пост.

Массивная дверь с цифрой «10» захлопнулась за ним навсегда. Дизраэли отправился к себе в Хьюэндин. Он много лет мечтал пожить там весной и летом: по его мнению, это было лучшее время для жизни на природе. И теперь наконец такая возможность представилась. Он не строил иллюзий на будущее. Правительство Гладстона прочно утвердилось минимум на 6 лет: у него было устойчивое большинство в парламенте, и новые выборы были делом далекого будущего. А Дизраэли шел уже 76-й год, да и здоровье его было плохое.

Но характер отставного премьер-министра оставался по-прежнему активным и динамичным. И даже теперь, на закате жизни, он собирался не только наслаждаться природой, но и принимать посильное участие в политической и общественной жизни, а также писать новые книги.

Через два дня после того, как Дизраэли покинул Даунинг-стрит, королева дала ему прощальную аудиенцию. В знак большой симпатии и признательности Виктория подарила ему свою бронзовую статуэтку и пожала руку, когда он по придворному ритуалу «целовал ручки» монархини. Впоследствии он трижды гостил у королевы в качестве частного лица. Дружба между ними продолжалась, они часто писали друг другу письма. Виктория спрашивала его совета по трудным вопросам, Дизраэли давал эти советы, причем делал это ответственно, взвешенно, сдержанно.

Дизраэли оставался лидером партии консерваторов. Это означало, что ему время от времени нужно было наведываться в Лондон. Дома своего у него там не было со времени кончины жены. Банкир Альфред Ротшильд предоставил Дизраэли обширные покои в своем доме, и он мог чувствовать себя в них свободно и уютно. Дизраэли упорно размышлял о пройденном жизненном пути, о политической катастрофе, постигшей его на последних парламентских выборах.

В Хьюэндин, хотя и не очень часто, приезжали друзья и коллеги. С ними он беседовал о политике и литературе. Один из

них, Рональд Говер, вспоминал, что Дизраэли все возвращался к парламентским выборам 1880 года.

— Я самый несчастный из всех смертных, — говорил он. — Шесть неурожаев один за другим, каждый последующий хуже предыдущего, явились причиной моего свержения. Как Наполеона, меня сломила стихия. Но со всем этим уже покончено.

В этих словах — свидетельство того, какими мерками измерял Дизраэли собственную роль и место в истории. Имя Наполеона упомянуто совсем не случайно.

До конца дней своих Дизраэли не утратил глубокой ненависти к своему политическому противнику Гладстону. Однажды на одном из приемов дочь Гладстона, показывая на какого-то дипломата, спросила Дизраэли:

— Кто это такой?

В ответ она услышала:

— Это самый опасный политик в Европе, если не считать меня, как сказал бы ваш отец, или, как я бы предпочел заметить, если не считать вашего отца.

«Я думаю, что этот отъявленный негодяй, — писал он о Гладстоне, — настолько злобный человек, что он не задумается ввергнуть нас в большую войну, с тем лишь чтобы удовлетворить свое маниакальное тщеславие».

В марте 1881 г. Дизраэли произнес в палате лордов свою последнюю важную речь. Поводом явилось намерение правительства эвакуировать Кандагар, город на юге Афганистана.

— Но, милорды, — заявил он, — ключом к Индии является не Герат и не Кандагар. Ключ к Индии находится в Лондоне.

В этих словах заложен большой смысл. Мощь Англии, ее ресурсы, ее парламентская система — все это было ключами к Индии.

Поселившись в Хьюэндине, Дизраэли сразу принялся писать роман, известный под названием «Эндимион». Ни материальные, ни какие-либо другие факторы не заставляли его на этот раз взяться за перо. И дело было не только в том, что его деятельная натура не терпела бездеятельности. Дизраэли был настоящим, хотя и своеобразным писателем: писать для него было естественной потребностью.

«Эндимион» дает много тому, кто хочет понять жизнь Англии в XIX столетии. Дизраэли судит о многих ее аспектах спокойно, часто реалистично, как человек, умудренный огромным жизненным и политическим опытом. На протяжении всего романа чувствуется настроение «Молодой Англии». Это свидетельство того, что идеи, заложенные в известной трилогии 40-х годов

(«Сибил» и др.), представляли собой истинные убеждения автора.

Интересно, что в «Эндимионе» не чувствуется прежнего антивигского запала. Более того, автор теперь относится к вигам даже с большей симпатией, чем к старым тори; он реалистически оценивает обе партии. Дизраэли показывает, что и виги и тори в погоне за властью и деньгами отбрасывают в сторону свои ранее данные обещания и взятые обязательства. «Политические связи, политическая последовательность, политические принципы — все исчезает перед одержимостью наживы».

Издатель Нортон Лонгман был приглашен в Хьюэндин, и Дизраэли вручил ему две массивные пачки листов рукописи, перевязанные красной лентой. Дизраэли получил за этот роман 10 тыс. фунтов. Это позволило ему снять в аренду хороший дом на Керзон-стрит в фешенебельном районе Мэйфэр, куда он и переехал 10 января 1881 г.

Могила Дизраэли у стены церкви в Хьюэндине

Покончив с «Эндимионом», Дизраэли тут же засел за новый роман, известный под названием «Фальконет». Но закончить его было не суждено. Было написано всего страниц тридцать. Они свидетельствуют, что главной темой задуманного романа было сведение счетов с Гладстоном, который выводился в крайне неприглядном свете, естественно, под вымышленным именем. Читатель по описанию легко мог догадаться, чей портрет на самом деле рисует автор.

В марте 1881 г. в Лондоне была очень плохая погода. Дули сырые, пронизывающие, холодные ветры. Измученный частыми приступами подагры и астмы, Дизраэли старался усилием воли справиться со своими физическими недугами. Он принимал гостей в своем доме, посещал заседания палаты лордов, ездил на званые обеды и приемы. И простудился.

23 марта Дизраэли слег. Простуда резко обострила застарелую астму, дыхание было затруднено. Королева очень встревожилась, послала ему примулы — «ваши любимые весенние цветы». Были организованы консилиумы самых видных докторов. Вся эта медицинская суета и озабоченность врачей и друзей были ясны для Дизраэли. Он понимал, что приближается конец, и говорил: «Я предпочел бы еще пожить, но я не боюсь смерти».

19 апреля 1881 г. Дизраэли не стало. Он был, согласно его воле, похоронен на маленьком кладбище в Хьюэндине. В наши дни многочисленные, особенно по субботам и воскресеньям, посетители Дома-музея Дизраэли в Хьюэндине могут пройти сотню метров от дома до небольшой аккуратной приходской церкви и у ее задней стены увидеть могилу Дизраэли. Он захоронен здесь вместе с женой и своим другом — миссис Бриджес Уильямс. Могила, как, кстати, и все кладбище, содержится в идеальном порядке. Общая обширная могила обнесена невысокой, скромной, но изящной металлической литой оградой, выкрашенной в темно-голубой цвет. Надпись на стене напоминает о тех, кто здесь похоронен.

С легкой руки Виктории пошло, что примула была любимым цветком Дизраэли. Вскоре в память Дизраэли был создан Союз примулы. 19 апреля, в день его смерти, в Англии отмечается День примулы.

Весной 1886 г. крупный русский купец П. И. Щукин посетил Лондон и впоследствии вспоминал:

«…19 апреля, в памятный день смерти лорда Биконсфилда, множество мужчин и дам имели на груди и шляпах желтый цветок — примулу; даже лошади и собаки были украшены любимым цветком покойного лорда. В магазинах дамского платья были выставлены ленты и материи желтого цвета — primrose, у ювелиров — эмалевые цветы primrose. В Вестминстерском аббатстве статую Биконсфилда убрали цветами primrose. Как во Франции violette de Parme — политический цветок бонапартистов, так в Англии primrose — политический цветок консерваторов».

* * *

В начале марта 1881 г. Дизраэли уже почти никого не принимал. Но для одного человека он сделал исключение. Это был видный английский социалист, создатель ряда социалистических организаций Генри Гайндман. Дизраэли принял его у себя дома. Вышел к нему, будучи очень слаб, нездоров, один глаз закрыт полностью, а второй — наполовину. Но острота интеллекта не покидала Дизраэли до конца жизни.

Гайндман очень долго рассуждал о необходимости перестройки Англии на принципах социализма, как он их понимал. Хозяин внимательно слушал. Время от времени Гайндман делал паузу и спрашивал:

— Вы согласны со мной, вы тоже так считаете?

Дизраэли отвечал:

— Я ничего не считаю, г-н Гайндман. Я слушаю вас.

Когда беседа подошла к концу, Дизраэли высказал свое, очевидно, глубоко продуманное суждение о будущем Англии:

— Почему социалистическое движение не одержит победу? Об этом вы спрашиваете? Потому что частная собственность разрушит ваши планы. Я не хочу расхолаживать вас, но вы должны учитывать, что наша страна — особая, ее очень трудно повернуть, сдвинуть с места.

Бенджамин Дизраэли за время своей невероятной политической карьеры многое сделал для того, чтобы такой Англия оставалась на долгие, долгие десятилетия.

ЛИТЕРАТУРА

Анучина А. С. Берлинский конгресс 1878 года. СПб., 1912.

Бушуев С. К. А. М. Горчаков. М., 1961.

Князь Александр Михайлович Горчаков в его рассказах из прошлого // Русская старина. 1883. Т. 40.

Павлов М. Лорд Биконсфильд // Русский вестник. 1878. Т. 137, № 9.

Пименова Э. К. Политические вожди современной Англии и Ирландии: Биконсфильд. СПб., 1904.

Татищев С. С. Император Александр II: Его жизнь и царствование. СПб., 1911. Т. 1–2.

Adelman P. Gladston, Disraeli and Later Victorian Politics. L., 1970.

Blake R. The Conservative Party from Peel to Churchill. L., 1970.

Blake R. Disraeli. L., 1966.

Edelman M. Disraeli in Love. N. Y., 1972.

Froude J. A. Lord Beaconsfield. L., 1890.

Gleason J. H. The Genesis of Russofobia in Great Britain. Harvard University Press, 1950.

Hibbert Ch. Disraeli and His World. L., 1978.

Hobsbawm E. J. The Age of Revolution. 1789–1848. L., 1988.

Hobsbawm E. J. The Age of Capital. 1848–1875. L., 1975.

Jerman B. R. The Young Disraeli. L., 1960.

Kitson C. G. The Making of Victorian England. L., 1977.

Letters of Disraeli to Lady Bradford and Lady Chesterfield / Ed. Marquess of Zetland. L., 1929. Vols 1–2.

The Letters of Queen Victoria. Second series. 1862–1886 / Ed. J. E. Buckle. L., 1926. Vol. 1–3.

Levine R. A. Benjamin Disraeli. N. Y., 1968.

Maurois A. La Vie de Disraeli. P., 1927 (есть два издания в переводе на рус. яз.: М., 1934; М., 1987).

Medlicott W. N. The Congress of Berlin and after: A Diplomatic History of the Near Eastern Settlement. 1878–1880. L., 1938.

Monypenny W. F., Buckle G. E. The Life of Benjamin Disraeli Earl of Beaconsfield. L., 1910–1920. Vols 1–6.

Mullen R., Munson J. Victoria: Portrait of a Queen. L., 1987.

O'Connor T. P. Lord Beaconsfield: A Biography. L., 1905.

Pearson Hesketh. Dizzy: The Life and Personality of Benjamin Disraeli Earl of Beaconsfield. N. Y., 1951.

Priestley J. B. Victoria's Heyday. L., 1974.

The Radical Tory: Disraeli's Political Development / Ed. H. W. Edwards. L., 1937.

Seaman L. Ch. B. Victorian England. L., 1977.

Seton-Watson R. W. Disraeli, Gladston and the Eastern Question: A Study in Diplomacy and Party Politics. L., 1962.

Smith P. Disraelian Conservatism and Social Reform. L., 1967.

Stead W. T. The M. P. for Russia, Reminiscences and Correspondence of Madame Olga Novikoff. L., 1909. Vols 1–2.

Stewart R. The Foundation of the Conservative Party. 1830–1867. L., 1978.

Strachey Lytton. The Illustrated Queen Victoria. L., 1987.

Sumner B. H. Russia and the Balkans. 1870–1880. Oxford, 1937.

Thompson G. C. Public Opinion and Lord Beaconsfield. 1875–1880. L., 1986. Vols 1–2.

Thompson J. A., Mejia A. The Modern British Monarchy. N. Y., 1971.

Walvin J. Victorian Values. L., 1987.

Weintraub S. Victoria: An Intimate Biography. N. Y., 1988.

notes

Примечания

1

Документальный и фактический материал, используемый биографами Дизраэли, крайне противоречив, особенно в части конкретных деталей. Читателю следует иметь это в виду. Например, в данном случае сам Бенджамин утверждает, что он провел в юридической конторе два года, а такие авторитетные биографы, как Блэйк и Жермен, говорят о трех годах. Это результат произведенной ими проверки. В подобных случаях, а их немало, автор принимает дату, которая представляется ему наиболее реальной.

2

Титул графа был дарован Дизраэли в 1876 г.

3

Акр равен 0,4 гектара.

4

Л. Ротшильд 5 раз избирался в парламент, но безрезультатно. Лишь в 1858 г. был окончательно принят закон, позволивший ему занять свое место в палате общин.

5

Мэнор — феодальное поместье.

6

С. М. Соловьев (1820–1879) написал 18-й том «Истории государства Российского», из которого взята приведенная выше цитата, в самом конце 60-х годов, т. е. после расцвета русофобии в Англии и после Крымской войны. Когда он писал этот том, он не был ни славянофилом, ни западником, хотя в свое время испытал некоторое увлечение и тем, и другим. Ко времени создания 18-го тома он покончил с этими увлечениями и находился на умеренно-либеральных позициях.

7

Правительственный пост.

8

Английское слово «вип» в буквальном переводе означает «кнут». В английской жизни это парламентский партийный организатор, который следит за соблюдением партийной дисциплины в парламентской фракции, обеспечивает присутствие членов своей партии на заседаниях парламента и их участие в голосовании.

9

После смерти Виктории было установлено, что ее личное состояние оценивалось в 2 млн фунтов стерлингов.